Генералъ отъ кавалеріи
Фридрихъ фонъ Бернгарди.

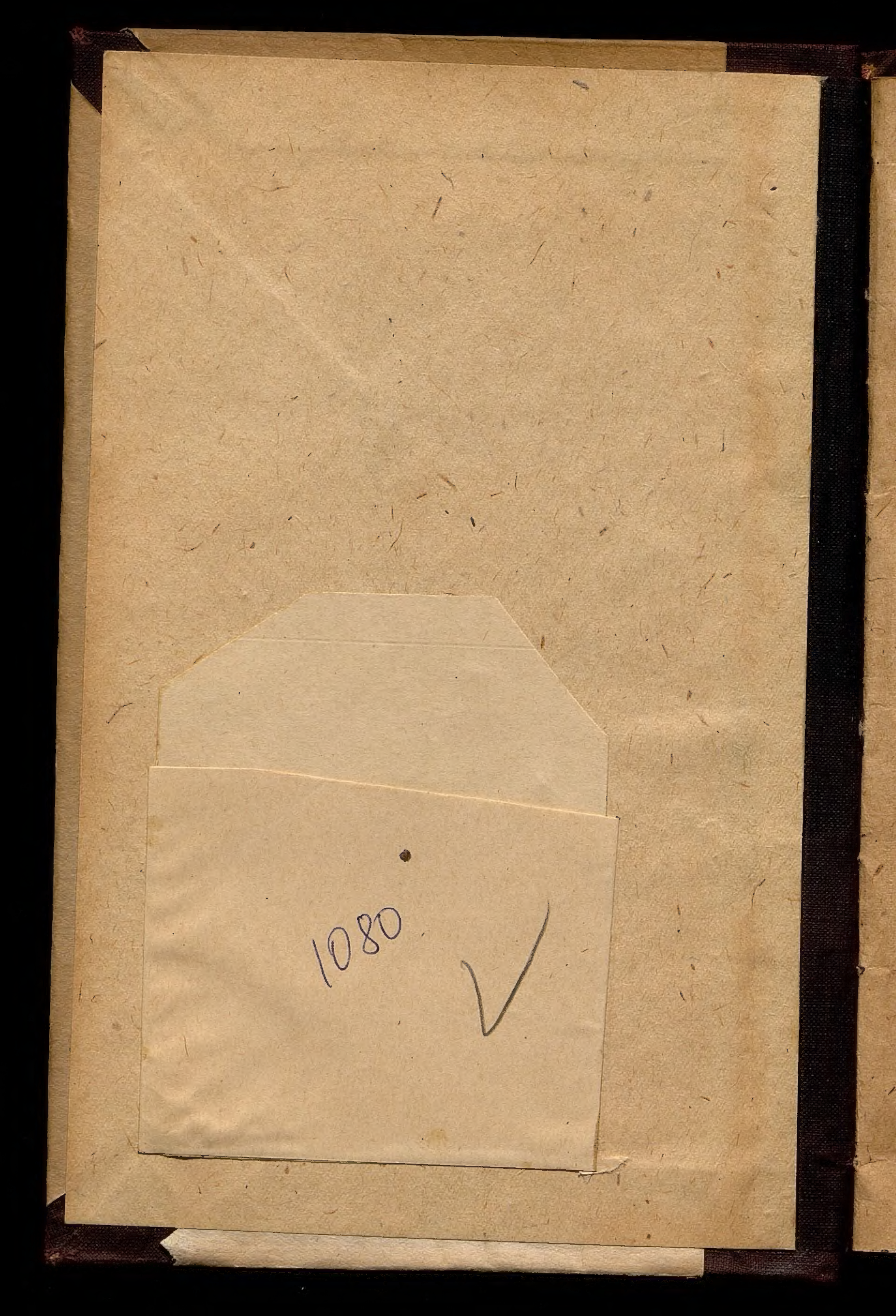
СОВРЕМЕННАЯ ВОЙНА.

Томъ II.

БОЙ
и
ВЕДЕНІЕ ВОЙНЫ

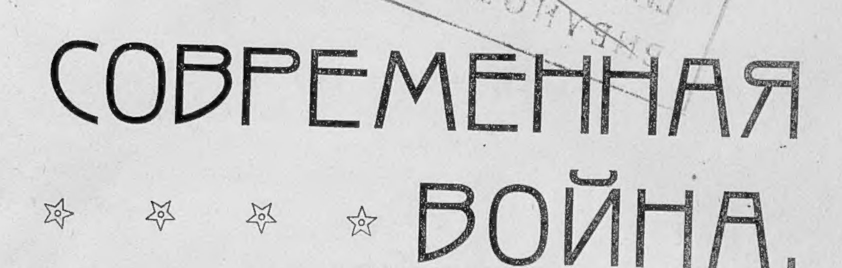
Перевелъ съ нѣмецкаго
Ю. Лазаревичъ.

Издалъ В. Березовскій
КОМИССІОНЕРЪ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ
С.-Петербургъ, Колокольная 14.
1912.

1080

Генералъ отъ кавалеріи
Фридрихъ фонъ Бернгарди.

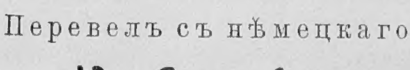
СОВРЕМЕННАЯ ВОЙНА.

Томъ II.

БОЙ
и
ВЕДЕНІЕ ВОЙНЫ.

Перевелъ съ нѣмецкаго
Ю. Лазаревичъ.

КОМИССІОНЕРЪ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ
С.-Петербургъ, Колокольная 14.
1912.

3425.

Тип. В. Безобразовъ и К° (Вл. Н. П. Зандманъ), В. О., Больщ. пр. 61.

Оглавленіе.

III.

Наступленіе и оборона.

1. Наступленіе и оборона какъ способъ веденія боя и способъ веденія войны.

2. Линейная и глубокая тактика.

3. Оперативныя формы наступленія и обороны.

4. Укрѣпленная позиція.

5. Борьба за крѣпости.

IV.

Веденіе войны.

1. Механическое и идейное пониманіе войны.

2. Вліяніе политики на веденіе войны.

3. Основы военнаго искуства.

4. Стратегическое и тактическое значеніе времени.

5. Пространство и рѣшающее направленіе.

6. Тактическіе и стратегическіе резервы.

7. Значеніе оперативнаго элемента въ современной массовой войнѣ.

8. Основы управленія войсками.

9. Стратегическое развертываніе и война въ этотъ періодъ.

10. Періодъ дальнѣйшихъ операцій.

11. Свобода военныхъ дѣйствій.

12. Веденіе морской войны.

Итоги и взглядъ въ будущее.

III.

Наступленіе и оборона.

1. Наступленіе и оборона какъ способъ веденія боя и способъ веденія войны.

Вліяніе современныхъ орудій на наступленіе и оборону.—Способъ веденія боя и способъ веденія войны.—Превосходство обороняющагося въ фронтальномъ пѣхотномъ бою.—Преимущества обороняющагося возрастають по мѣрѣ усовершенствованія ружья.—Искуственныя закрытія болѣе помогаютъ обороняющемуся, чѣмъ атакующему.—Самоокапываніе при наступленіи.—Преувеличеніе значенія окопныхъ работъ при наступленіи.—Примѣненіе пулеметовъ.—Опытъ Русско-японской и Южно-африканской войнъ.—Вліяніе артиллеріи на взаимоотношеніе атаки и обороны.—Артиллерійскій огонь съ закрытыхъ позицій у атакующаго.—Артиллерійскій огонь обороняющагося.—Содѣйствіе атакующему со стороны артиллеріи.—Сопровожденіе атаки артиллеріей.—Артиллерійская дуэль.—Наблюденіе за результатами артиллерійскаго огня съ воздушнаго шара.—Соотношеніе между артиллерійскимъ и пѣхотнымъ перевѣсомъ.—Оборона сильнѣйшій видъ боя.—Одинъ лишь видъ боя не имѣетъ рѣшающаго значенія.—Преимущества, присущія наступающему.—Нравственный перевѣсъ наступленія.—Смѣлость.—Какъ понималъ смѣлость Клаузевицъ.—Превосходство наступательнаго образа дѣйствій.—Вліяніе современныхъ условій на превосходство наступленія.—Перемѣщеніе резервовъ.—Перемѣна фронта.—Выгоды наступленія возрастаютъ съ увеличеніемъ введенныхъ въ бой массъ.—Значеніе качествъ войскъ для наступленія и обороны.—Выводы.

Предшествовавшія разсужденія показали, что современное оружіе, съ его усилившейся дѣйствительностью, оказываетъ весьма глубокое вліяніе на способъ веденія боя. Современныя массовыя арміи прибываютъ на поле сраженія съ такими элементами, коихъ до сихъ поръ военная наука совершенно не знала. Техника предоставила въ распоря-

женіе военнаго искусства такія средства, которыя не только открываютъ новые пути всей службѣ сообщеній и связи, но включили въ сферу полей сраженій даже воздухъ.

Подъ впечатлѣніемъ столь значительно и разносторонне измѣнившихся условій, при изслѣдованіи результатовъ этихъ новыхъ явленій въ концѣ концовъ напрашивается вопросъ— не измѣнилась ли, благодаря этимъ, до сихъ поръ во многомъ неизвѣстнымъ, средствамъ, которыми работаетъ современное военное искусство, и самая сущность веденія войны, а именно, соотношеніе между наступленіемъ и обороной.

Это соотношеніе вліяетъ настолько разносторонне на сущность войны, что вообще нельзя и разсуждать о военномъ искусствѣ, не уяснивъ себѣ вполнѣ взаимоотношенія между наступленіемъ и обороной. Поэтому нельзя отказываться отъ подробнаго обсужденія этихъ отношеній.

Клаузевицъ считаетъ оборону сильнѣйшимъ способомъ веденія войны *). Я не раздѣляю этого взгляда и полагаю, что нужно сравнивать между собою наступленіе и оборону съ двухъ точекъ зрѣнія: во-первыхъ, какъ *видъ боя* и, во-вторыхъ, какъ *способъ веденія войны*. Какъ видъ боя оборона можетъ быть сильнѣе, и все же наступательный образъ дѣйствій можетъ оказаться сильнѣе при веденіи войны. Явленія, обусловливающія то и другое, принадлежатъ къ совершенно различнымъ областямъ и вообще не подлежатъ сравненію другъ съ другомъ.

Сравнивая сначала оборону и атаку въ качествѣ способовъ веденія боя, для меня совершенно несомнѣнно, что оборона значительно сильнѣе и еще выиграла въ силѣ благодаря развитію оружейной техники.

Если мы первоначально обратимъ вниманіе на чистый пѣхотный бой, то найдемъ, что усиленіе дѣйствительности ружья принесло бóльшія выгоды оборонѣ и увеличило преимущества, вытекающія изъ самой ея сущности.

Прежде всего, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, на сторонѣ обороняющагося—право выбрать позицію, на которой онъ бы хотѣлъ принять бой. Онъ выберетъ, по возможности, такую, которая имѣетъ хорошее поле обстрѣла

---

*) Clausewitz, Vom Kriege, 6-я книга, 1-я глава и дальнѣйшія.

съ фронта; съ которой обстрѣливаются всѣ участки впереди лежащей мѣстности и которая, насколько возможно, укрываетъ его самого. Это условіе даетъ ему возможность въ полной мѣрѣ использовать свойства своего оружія съ наименьшей для себя опасностью. Обороняющійся всегда представляетъ меньшія цѣли, такъ какъ онъ стрѣляетъ лежа, и гдѣ только возможно—изъ-за закрытія, въ то время какъ атакующій вынужденъ пройти поле атаки въ качествѣ мишени. Хотя и онъ прилагаетъ всѣ усилія къ тому, чтобы какъ можно меньше отдѣляться отъ земли, все же онъ обнаруживаетъ себя въ большей степени, чѣмъ обороняющійся. Затѣмъ этотъ послѣдній можетъ въ теченіе боя стрѣлять больше, чѣмъ атакующій, который вынужденъ употребить часть времени на движеніе впередъ; его огонь въ общемъ будетъ дѣйствительнѣе огня противника, такъ какъ онъ можетъ прицѣливаться съ большимъ спокойствіемъ, обыкновенно съ упора и часто будетъ въ состояніи заранѣе, до начала боя, опредѣлить разстоянія; между тѣмъ атакующій вынужденъ стрѣлять послѣ сильнѣйшихъ и труднѣйшихъ движеній. Кромѣ того обороняющійся располагаетъ до нѣкоторой степени неограниченнымъ числомъ патроновъ. Онъ можетъ заблаговременно сложить ихъ въ своемъ закрытіи и въ большинствѣ случаевъ безъ особыхъ затрудненій пополнять ихъ и во время боя. Это преимущество является результатомъ его права выбрать позицію. Атакующій, напротивъ, вообще располагаетъ только тѣмъ запасомъ патроновъ, какой онъ имѣетъ на себѣ; патроны же съ убитыхъ и раненыхъ доставляютъ ничтожную помощь. Правда, что до начала боя войска могутъ быть богато снабжены патронами, но все же силы человѣка ограничены, а по мѣрѣ развитія боя питаніе патронами можетъ быть осуществлено лишь при помощи поддержекъ, вносящихъ ихъ въ огневую линію; но и этотъ способъ помогаетъ въ незначительной мѣрѣ. Поддержки, вступающія въ бой, сами нуждаются въ патронахъ и могутъ принести съ собою для раздачи лишь незначительное количество ихъ. Сами эти резервы понесутъ значительныя потери еще до достиженія передовой стрѣлковой линіи.

Здѣсь обнаруживается дальнѣйшее преимущество обороны: обороняющійся въ большинствѣ случаевъ можетъ расположить свои поддержки такъ, что онѣ будутъ защищены хотя

бы отъ прямо-прицѣльнаго огня и начнутъ нести серьезныя потери только въ минуту дѣйствій. Напротивъ того, атакующій, желая массового дѣйствія своихъ поддержекъ, долженъ провести ихъ по обстрѣливаемой зонѣ, только что пройденной его передовыми войсками, и, такимъ образомъ, подвергнуть потерямъ еще до надлежащаго ихъ использованія.

Итакъ, во всѣхъ этихъ отношеніяхъ оборона пользуется значительно большими преимуществами передъ атакой, благодаря усовершенствованію ружья.

Чѣмъ дальнобойнѣе оружіе, тѣмъ раньше должно начаться настоящее наступленіе, тѣмъ больше пространство, которое атакующій долженъ пройти въ качествѣ мишени, тѣмъ больше будутъ его физическія усилія, тѣмъ неблагопріятнѣе для него будетъ соотношеніе числа выстрѣловъ, сдѣланныхъ имъ и непріятелемъ. Пополненіе патроновъ также становится для наступающаго труднѣе, чѣмъ глубже поле атаки и чѣмъ больше, вслѣдствіе скорострѣльности ружья, расходъ патроновъ. Можно даже сомнѣваться въ возможности въ современномъ жестокомъ бою снимать патроны съ убитыхъ и раненыхъ.

Настильность современнаго оружія, имѣющая въ результатѣ бо́льшую вѣроятность попаданія, особенно благопріятствуетъ оборонѣ, и не только потому, что онъ въ состояніи спокойнѣе прицѣливаться, чѣмъ постоянно двигающійся атакующій, но и потому, какъ уже сказано выше, что онъ нерѣдко окажется въ состояніи опредѣлить разстояніе до впереди-лежащихъ пунктовъ мѣстности и вести огонь съ правильнымъ прицѣломъ, тогда какъ атакующій долженъ каждый разъ опредѣлять дистанціи снова. Чѣмъ больше дистанціи, съ которыхъ начинается бой, тѣмъ сильнѣе сказываются эти преимущества, такъ какъ ошибки въ опредѣленіи разстояній возрастаютъ съ увеличеніемъ послѣднихъ и вліяютъ на результаты огня на этихъ дистанціяхъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ на ближнихъ.

Съ помощью дальномѣровъ, которые, къ слову сказать, не очень надежны, атакующій, правда, можетъ въ началѣ боя опредѣлять разстоянія, но во время наступленія примѣнять ихъ нельзя. Части атакующаго, направленныя на усиленіе передней линіи, понесутъ въ современномъ бою боль-

ше потерь, чѣмъ прежде, такъ какъ поражаемое пространство позади стрѣлковой цѣпи нынѣ больше, чѣмъ при ружьяхъ съ меньшей дальностью и настильностью. Но и эта невыгодная сторона почти не существуетъ для обороняющагося, такъ какъ его поддержки въ большинствѣ случаевъ укрыты.

Наконецъ, обороняющійся имѣетъ то преимущество, что онъ можетъ значительно шире, чѣмъ атакующій, воспользоваться искуственными закрытіями; это преимущество тѣмъ значительнѣе, чѣмъ дѣйствительнѣе оружіе и чѣмъ больше возрастаетъ вѣроятность большихъ потерь.

Сторона, добровольно рѣшившая обороняться, а не вынужденная неожиданно перейти къ оборонѣ, имѣетъ возможность болѣе или менѣе сильно укрѣпиться на занятой позиціи и тѣмъ самымъ усилить выгоды, доставляемыя мѣстностью, и ослабить невыгодныя стороны ея. Напротивъ, атакующая пѣхота можетъ во время наступленія возводить лишь совершенно слабыя закрытія, не считаясь особенно съ мѣстностью; поэтому такія закрытія, вполнѣ естественно, мало защищаютъ пѣхоту отъ пуль и даютъ ей преимущество только при совершенно исключительныхъ условіяхъ.

Частое примѣненіе окоповъ японцами при наступленіи распространило, по моему мнѣнію, чрезмѣрно преувеличенные взгляды на значеніе этого способа дѣйствій.

Очевидно, что при возведеніи закрытій въ передовой линіи, подъ сильнымъ огнемъ обороняющагося, интенсивность огня атакующаго понизится. Поэтому, во время самоокапыванія потери у атакующаго будутъ больше, а у обороняющагося меньше. Если же огонь обороняющагося настолько слабъ, что допускаетъ самоокапываніе въ передовой линіи безъ значительныхъ потерь, то очевидно, что можно наступать и безъ шанцевыхъ работъ.

Изъ того факта, что въ послѣднихъ войнахъ атакующая пѣхота неоднократно окапывалась въ бою, даже на самыхъ близкихъ дистанціяхъ, отнюдь нельзя придти къ заключенію, что этотъ способъ самъ по себѣ цѣлесообразенъ во всѣхъ случаяхъ. Можно скорѣе придти къ тому выводу, что или огонь обороняющагося былъ недостаточно дѣйствителенъ и несмотря на это у атакующаго не хватало рѣшимости двинуться впередъ, или что онъ считалъ необходимымъ сначала обезпечить за собою захваченное пространство и создать для

дальнѣйшаго движенія впередъ прочную базу, на которую онъ могъ бы отойти въ случаѣ неудачи. Во всякомъ случаѣ самоокапываніе передней линіи знаменуетъ собою перерывъ наступленія и ослабленіе наступательнаго духа. Его можно допустить только подъ давленіемъ необходимости.

Однако, стремленіе закрѣпить за собою выигранное пространство и создать прочные опорные пункты на случай контръ-удара, вполнѣ умѣстно.

Эти соображенія приводятъ къ тому, что передняя боевая линія атакующаго можетъ прибѣгать къ лопатѣ лишь въ томъ случаѣ, если она достигла подходящаго для укрѣпленія рубежа, а силы для дальнѣйшаго движенія впередъ истощены, почему прежде всего необходимо обезпечить за собою обладаніе захваченной мѣстностью; другими словами, при переходѣ, хотя бы временномъ, отъ наступленія къ оборонѣ, напротивъ того, всегда выгодно окапываться поддержками первой линіи, которыя лишены возможности стрѣлять, но должны лежать подъ сильнѣйшимъ непріятельскимъ огнемъ; они этимъ путемъ создаютъ себѣ укрытіе, а также опорные пункты на случай неудачи, въ которыхъ можетъ засѣсть отошедшая передняя линія *).

Однако, подобные окопы всегда будутъ имѣть характеръ летучихъ закрытій. Настоящія прочныя закрытія доступны атакующему только въ томъ случаѣ, когда онъ прибѣгаетъ къ ночной работѣ и систематически продвигается впередъ при помощи окоповъ. Но къ подобнымъ вспомогательнымъ средствамъ, болѣе свойственнымъ крѣпостной войнѣ, придется прибѣгать лишь въ исключительныхъ случаяхъ, когда иными способами продвинуться впередъ невозможно. Въ полевой войнѣ (подвижной) этотъ способъ отнимаетъ слишкомъ много времени и потому почти непримѣнимъ.

Какъ бы то ни было, атакующій можетъ извлечь изъ самоокапыванія очень мало пользы, и возможность создать себѣ искуственныя закрытія даетъ дѣйствительныя и значительныя преимущества обороняющемуся.

Однако, въ противовѣсъ этому взгляду многіе опытные и выдающіеся тактики придаютъ окопнымъ работамъ при на-

---

*) См. v. Bernhardi, Taktik und Ausbildung der Jnfanterie.

ступленіи значительно большее значеніе. Мнѣ извѣстно даже такое мнѣніе, что широкія, не представляющія закрытій пространства вообще могутъ быть преодолѣны наступающей пѣхотой только при помощи лопаты, продвигаясь отъ окопа къ окопу, какъ въ крѣпостной войнѣ, и если нужно, то подъ покровомъ ночи. Взглядъ этотъ кажется мнѣ безусловно преувеличеннымъ.

Наступленіе по способамъ крѣпостной войны днемъ, безъ имѣющихся тамъ въ распоряженіи средствъ, по моему мнѣнію, невозможно. Въ крѣпостной войнѣ никому не придетъ въ голову окапываться днемъ, подъ дѣйствительнымъ огнемъ. Тамъ или медленно продвигаются впередъ сапой, или пользуются ночью, чтобы неожиданно возвести окопъ. О сапныхъ работахъ въ полевой войнѣ конечно не можетъ быть и рѣчи. Если же для прохожденія каждаго широкаго открытаго пространства ждать ночи, то подвижная полевая война превратится въ позиціонную и обороняющійся получитъ возможность усилить свою позицію и спокойно принять всѣ мѣры къ отраженію атаки. Поэтому подобный образъ дѣйствій можно рекомендовать только въ исключительныхъ случаяхъ, какъ напр., въ крѣпостной войнѣ, и нужно изыскать иные способы для преодолѣнія въ полевой войнѣ открытыхъ пространствъ. Къ этому вопросу я еще вернусь. Здѣсь же я прежде всего хотѣлъ доказать, что возможность возведенія закрытій доставляетъ обороняющемуся значительно большія преимущества, чѣмъ атакующему. Этотъ взглядъ едва ли смогутъ оспаривать даже и тѣ, кто придаетъ большее, чѣмъ я, значеніе самоокапыванію при наступленіи.

Дальнѣйшее преимущество пріобрѣтается обороняющимся благодаря пулеметамъ. Условія, благопріятствующія дѣйствію этого оружія, встрѣчаются вообще только при оборонѣ. Здѣсь пулеметы могутъ быть поставлены на позицію, дающую возможность продолжительнаго дѣйствія съ нея и пристрѣлки на опредѣленныя дистанціи, не мѣшая огню своей пѣхоты или даже не угрожая ей. Иногда они могутъ съ возвышенныхъ позицій даже стрѣлять черезъ головы пѣхоты. Кромѣ того, наступающая пѣхота противника часто представляетъ выгодныя цѣли.

Совершенно иначе складываются условія у атакующаго. Если пулеметы продвигаются впередъ вмѣстѣ съ стрѣлковой

цѣпью, т. е. должны дѣлать вмѣстѣ съ пѣхотой перебѣжки, то они очень скоро понесутъ тяжкую убыль въ прислугѣ, которая, неся пулеметъ, не можетъ такъ примѣняться къ мѣстности, какъ пѣхота. При этомъ они все время должны будутъ стрѣлять съ разныхъ дистанцій, опредѣленныхъ уже на глазъ, что чрезвычайно ослабитъ дѣйствительность ихъ огня.

Съ другой стороны, если пулеметы останутся позади стрѣлковой цѣпи, то послѣдняя очень скоро начнетъ мѣшать ихъ стрѣльбѣ и рискуетъ попасть подъ ихъ огонь. Хорошіе результаты въ наступательномъ бою они, въ сущности, могутъ дать, если на полѣ наступленія есть позиціи, достижимыя безъ чрезмѣрныхъ потерь и съ которыхъ они могутъ поддерживать наступленіе пѣхоты до послѣднихъ моментовъ атаки; другими словами, если можно стрѣлять черезъ головы пѣхоты или же въ исключительныхъ случаяхъ занять позицію въ сторонѣ для фланкирующаго огня. Подобныя выгодныя позиціи встрѣчаются рѣдко, а фланкирующія только въ небольшихъ отрядахъ; но даже если онѣ и найдутся, то дѣйствительность огня съ нихъ въ большинствѣ случаевъ не будетъ очень значительной, такъ какъ придется обстрѣливать низкія, укрыто лежащія цѣли. Значительныя потери, при извѣстныхъ условіяхъ, могутъ быть нанесены только резервамъ, вливаемымъ въ оборонительную линію.

Конечно, нельзя оспаривать того, что при благопріятныхъ условіяхъ пулеметы могутъ быть съ выгодой примѣнены и при наступленіи, но главнымъ образомъ они оружіе обороны и даютъ наибольшіе результаты только въ оборонительномъ бою.

Опытъ русско-японской войны во многомъ способствовалъ приданію пулеметамъ значительной наступательной цѣнности, такъ какъ японцы съ выгодой примѣняли ихъ и при наступленіи, но, по моему мнѣнію, этому опыту не слѣдуетъ придавать слишкомъ высокаго значенія и прежде всего нельзя его обобщать. Пулеметы главнымъ образомъ примѣнялись противъ укрѣпленныхъ русскихъ позицій въ многодневныхъ бояхъ. Японцы подтаскивали ихъ за собою на салазкахъ въ передовую стрѣлковую линію, чтобы настойчиво обстрѣливать тѣ части непріятельской позиціи, которыя оказывали наибольшее сопротивленіе. Укрывшись за земляными мѣшками, они представляли маленькія незамѣтныя цѣли и до-

стигали хорошихъ результатовъ, нерѣдко давая пѣхотѣ возможность продвинуться впередъ.

Подобное примѣненіе пулеметовъ кажется возможнымъ только при японскомъ способѣ наступленія, когда они медленно, при содѣйствіи ружья и лопаты, продвигались впередъ, а при многодневныхъ бояхъ прибѣгали къ содѣйствію ночи. Тогда и пулеметы подносятся впередъ преимущественно ночью и укрываются земляными мѣшками. Съ другой стороны, примѣненію этого оружія въ Маньчжуріи при наступленіи благопріятствовали своеобразная мѣстность и характеръ земного покрова. Гаоляновыя поля, конечно, облегчали подачу пулеметовъ впередъ. Подобныя или хотя бы сходныя условія едва-ли повторятся въ Европейской войнѣ.

Въ Южно-африканской войнѣ пулеметы не имѣли и небольшой доли этого значенія. Поэтому было бы лучше не преувеличивать наступательнаго значенія этого оружія. Во всякомъ случаѣ, въ наступательномъ бою они никогда не могутъ замѣнить пѣхоты, тогда какъ при оборонѣ это иногда возможно.

Обусловливаемое пѣхотнымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ соотношеніе между наступленіемъ и обороной измѣняется до нѣкоторой степени артиллеріей. Облегчая дальнимъ огнемъ оперативную и тактическую завязку наступленія, она конечно приходитъ тѣмъ самымъ на помощь оборонѣ; однако, съ другой стороны, при современномъ развитіи этого оружія обнаруживаются явленія, благопріятствующія атакѣ. Вообще, мнѣ кажется, что современная артиллерія прежде всего служитъ идеѣ наступленія и облегчаетъ послѣднее. Это обстоятельство, пожалуй, является важнѣйшимъ слѣдствіемъ ея современнаго развитія.

Обороняющійся расположился на опредѣленной позиціи. Его пѣхота *должна* продвинуться впередъ настолько, чтобы по возможности обстрѣлять всю впередилежащую мѣстность. Поэтому она всегда и при всякихъ условіяхъ достижима для артиллеріи противника, *даже если послѣдняя расположилась на закрытыхъ позиціяхъ*. Это даетъ артиллеріи атакующаго значительное преимущество, такъ какъ артиллерія обороняющагося находится въ совершенно иныхъ условіяхъ. Передъ нею *подвижныя* пѣхотныя цѣли, которыя она должна побороть.

Конечно, при современныхъ средствахъ наводки можно обстрѣливать съ закрытыхъ позицій и движущіяся цѣли, но при этомъ на долгое время нельзя получить тѣ же результаты, какъ при прицѣльномъ огнѣ съ открытой позиціи. При этомъ послѣднемъ можно слѣдить огнемъ за перемѣщеніемъ цѣли, тогда какъ при закрытой стрѣльбѣ нужно переставлять прицѣльныя приспособленія, хотя это и производится просто и точно. При этомъ можно совершенно однообразно переносить огонь цѣлыхъ батарей или дивизіоновъ. Закрытая артиллерія имѣетъ даже преимущество въ томъ, что можетъ вести огонь спокойно, такъ какъ сама не находится подъ прямымъ огнемъ. Однако все это справедливо при томъ условіи, чтобы можно было наблюдать цѣль и чтобы связь между наблюдающимъ начальникомъ и батареей, часто телефонная, дѣйствовала надежно. Перерывъ этой связи, всегда возможный на войнѣ, дѣлаетъ стрѣльбу съ закрытыхъ позицій невозможною.

Поэтому артиллерія обороняющагося старается подыскать по возможности безопасные наблюдательные пункты позади или въ сторонѣ батарей. Но при большихъ боевыхъ порядкахъ это осуществимо только въ рѣдкихъ случаяхъ. Большею частью наблюдательные пункты будутъ располагаться впереди артиллерійскихъ позицій на такихъ мѣстахъ, которые допускаютъ обзоръ поля сраженія. Такимъ образомъ они часто будутъ находиться въ сильно обстрѣливаемомъ пространствѣ и потому нарушеніе связи и даже убыль среди наблюдателей легко возможны.

Къ этому присоединяется для обороняющагося еще одна невыгодная сторона стрѣльбы съ закрытыхъ позицій: ей только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ удастся бороться съ непріятельской пѣхотой до послѣдняго момента атаки. При близкомъ подходѣ этой пѣхоты, именно когда положеніе начинаетъ становиться критическимъ, стрѣльба съ закрытыхъ позицій окажется невозможной. Какъ долго ее можно продолжать—зависитъ отъ мѣстности. Въ этомъ отношеніи шансы пушечныхъ батарей хуже гаубичныхъ. При настильной траекторіи пушечныхъ батарей, артиллерійскую позицію придется иногда выбрать далеко позади закрытія или своей пѣхотной позиціи, чтобы мертвыя пространства впереди этой послѣдней не были черезчуръ велики. Га-

убичныя батареи могутъ, благодаря крутизнѣ своей траекторіи, приблизиться къ закрытіямъ, чтобы получить подобные же результаты и пользоваться болѣе крутыми скатами.

Но въ обоихъ случаяхъ именно въ самые рѣшительные моменты боя пѣхота обороняющагося будетъ лишена артиллерійской поддержки, если ея артиллерія останется на закрытыхъ позиціяхъ. Поэтому, если мы хотимъ поддерживать сильный артиллерійскій огонь по атакующей пѣхотѣ до послѣднихъ моментовъ боя, то должны выдвинуть свою артиллерію настолько впередъ, чтобы взять атакующую пѣхоту подъ прямой огонь; слѣдовательно придется болѣе или менѣе обнаружить свою артиллерію.

Въ Русско-Японской войнѣ такъ все время и дѣлали. Батареи очень часто приходилось для стрѣльбы выдвигать изъ закрытій. Это, однако, позволяетъ артиллеріи атакующаго, не обнаруживая себя, направить на открыто стоящія батареи хорошо наблюдаемый и потому дѣйствительный огонь, тогда какъ имъ придется бороться съ невидимымъ врагомъ стрѣльбой по площади.

Артиллерія атакующаго, стрѣляющая съ закрытыхъ позицій, имѣетъ еще и то преимущество передъ артиллеріей обороняющагося, что ея наблюдательные пункты лежатъ внѣ сферы ружейнаго огня, а если непріятель не можетъ ихъ открыть, то и внѣ сферы артиллерійскаго. Поэтому они находятся далеко въ меньшей опасности, чѣмъ наблюдательные пункты обороняющагося.

То обстоятельство, что артиллерія атакующаго (если мѣстность не черезчуръ невыгодна) не можетъ обстрѣливаться прямымъ огнемъ оборонящагося, имѣетъ особо важное значеніе, доставляя атакующему существенное тактическое преимущество, такъ какъ его артиллерія опаснѣйшій врагъ пѣхоты обороняющагося. Если на сторонѣ пѣхоты атакующаго нѣтъ большого численнаго перевѣса и она не можетъ произвести охвата, то едва ли она будетъ когда либо въ состояніи побороть пѣхоту обороняющагося. Атака по открытымъ пространствамъ большею частью будетъ безуспѣшна. Путь къ побѣдѣ должна проложить и облегчить артиллерія. Она должна сдержать огонь обороняющейся пѣхоты и тѣмъ облегчить прохожденіе открытыхъ пространствъ. Если же въ распоряженіи атакующаго имѣются и тяжелыя полевыя

гаубицы, то огонь ихъ очень быстро уничтожитъ видимыя части артиллеріи обороны, разрушитъ ея опорные пункты и до крайности затруднитъ даже удержаніе за собою окоповъ и населенныхъ пунктовъ. Напротивъ, обороняющійся, какъ уже сказано, можетъ бороться съ артиллеріей атакующаго только стрѣльбой по площадямъ, стрѣльбой малодѣйствительной, и даже его тяжелыя гаубицы рѣдко будутъ въ состояніи нанести атакующему серьезныя потери.

На это мнѣніе нерѣдко возражаютъ, что если артиллерія атакующаго хочетъ дѣйствительнымъ образомъ поддержать свою пѣхоту, то она должна хотя бы частью своихъ орудій сопровождать ее при наступленіи. Это необходимо уже по соображеніямъ моральнаго свойства: пѣхота должна имѣть непосредственное ощущеніе артиллерійской поддержки; само собою разумѣется, что артиллерія теряетъ при этомъ преимущества, предоставляемыя закрытыми позиціями.

Пріемъ этотъ кажется мнѣ не совсѣмъ современнымъ. Что артиллерія атакующаго должна подойти къ противнику на дистанцію самаго дѣйствительнаго огня—въ томъ нѣтъ сомнѣній, и если она не найдетъ тамъ закрытыхъ позицій, то должна, если нужно, стать открыто. Но подходить еще ближе—надобности никакой нѣтъ. Напротивъ, всегда будетъ выгоднѣе, пристрѣлявшись, непрерывно продолжать огонь, чѣмъ прерывать его, чтобы подъѣхать къ противнику поближе. Именно въ рѣшительныя минуты атаки артиллерійскій огонь не смѣетъ ни на минуту прекращаться или ослабѣвать. Мнѣ думается, что предположеніе—будто непосредственное сопровожденіе пѣхоты артиллеріей поднимаетъ ея духъ—ошибочно. Передняя огневая линія, на которой лежитъ вся тяжесть боя, не можетъ замѣтить—пододвинулась ли артиллерія впередъ, такъ какъ эта послѣдняя все же будетъ далеко позади. Лучшей нравственной поддержкой атакующей пѣхотѣ будетъ, если шрапнели и гранаты будутъ непрерывно разрываться надъ и среди противника и заволокутъ его дымомъ. Напротивъ, прекращеніе или ослабленіе артиллерійскаго огня вслѣдствіе переѣзда батарей на новыя позиціи, всегда произведетъ непріятное и удручающее впечатлѣніе. Во время атаки артиллерія должна стрѣлять, а не разъѣзжать. Къ началу боя она должна подойти близко къ противнику, а во время боя будетъ лучше, если она останется на мѣстѣ.

Само собою разумѣется, что могутъ быть такія условія, которыя принудятъ отступить отъ этого принципа и вывезти батареи далѣе, въ сферу пѣхотнаго огня. Но въ общемъ будетъ выгоднѣе, въ интересахъ дѣйствительности огня, отказаться отъ непосредственнаго сопровожденія атакующей пѣхоты артиллеріей и предоставить послѣдней преимущество непрерывной стрѣльбы съ закрытыхъ позицій, не говоря уже о томъ, что при переходѣ на новую позицію батареи легко могутъ потерять свою подвижность.

Противъ взгляда, что соучастіе артиллеріи обусловливаетъ фактическій перевѣсъ атаки, можно указать еще на слѣдующую точку зрѣнія. Можно утверждать, что артиллерія атакующаго, прежде чѣмъ обратиться противъ пѣхоты обороняющагося, должна побороть его артиллерію и что вслѣдствіе этого пѣхотный бой долженъ вначалѣ быть предоставленъ самому себѣ. Дѣйствительно, на маневрахъ, на основаніи опытовъ послѣднихъ войнъ, артиллеріи противниковъ тяготѣютъ другъ къ другу. Артиллеріи обороняющагося также будетъ очень интересно побороть артиллерію атакующаго, что ясно изъ всего вышесказаннаго. При такихъ условіяхъ очень часто возникаетъ артиллерійская дуэль, и я не думаю, чтобы артиллерія, въ особенности атакующая, должна была стремиться принципіально уклоняться отъ нея.

При современной дѣйствительности огня, та сторона, чья артиллерія можетъ быть видна противнику, находится въ невыгодномъ положеніи. Естественнымъ слѣдствіемъ этого обстоятельства будетъ стремленіе обѣихъ сторонъ къ закрытымъ позиціямъ. Если же онѣ захотятъ побороть другъ друга изъ этого положенія, то могутъ дѣйствовать только стрѣльбой по площадямъ, каковая не даетъ права разсчитывать на сколько нибудь серьезный успѣхъ, особенно при щитовой артиллеріи. Къ тому же, это потребовало бы громаднаго количества снарядовъ, которые можно тактически употребить значительно выгоднѣе. Поэтому будетъ лучше отказаться отъ подобнаго, основаннаго на случайности, боя.

Лучше, если артиллерія атакующаго съ мѣста поставитъ себѣ задачей уничтоженіе непріятельской пѣхоты, а его артиллерію будетъ обстрѣливать только тогда, когда огонь послѣдней особенно опасенъ ей самой или атакующей пѣхотѣ, или же когда она выѣдетъ на открытую позицію.

Съ другой стороны, и артиллеріи обороняющагося выгоднѣе не начинать имѣющій мало шансовъ бой съ невидимой артиллеріей атакующаго. Конечно, ей очень важно побороть непріятельскія батареи, но шансы на успѣхъ слишкомъ ничтожны. Поэтому чаще всего ей придется удовольствоваться сначала обстрѣливаніемъ путей подхода противника и затѣмъ возможно дольше громить съ закрытыхъ позицій атакующую пѣхоту. Непріятельскую артиллерію, напротивъ, она должна обстрѣливать лишь по нуждѣ или когда есть нѣкоторое вѣроятіе успѣха. Если она будетъ вынуждена въ бою обнаружить себя, то щиты все же закроютъ ее нѣсколько отъ артиллерійскаго огня противника. Если же противъ нея будетъ направленъ огонь тяжелыхъ гаубицъ, то она должна попытаться ослабить дѣйствительность этого огня частыми перемѣнами позиціи. Задача эта не легка.

Измѣненіе этихъ условій могло бы, по моему мнѣнію, наступить только въ томъ случаѣ, если бы удалось произвести развѣдку закрытыхъ батарей и корректировать стрѣльбу съ воздушнаго шара *). Возможность этого доказана уже Южно-африканской войной. Однако, едва ли вѣроятно, чтобы можно было наблюдать и разобраться въ огнѣ батарей на цѣломъ полѣ сраженія, при массѣ разрывающихся снарядовъ и при угрозѣ воздушному шару со стороны артиллеріи противника. Съ другой стороны, отдѣльными и мѣстными наблюденіями съ шара пренебрегать отнюдь нельзя. Ко всему этому я полагаю, что въ современномъ сраженіи нельзя придавать артиллерійской дуэли особаго значенія и что вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя оспаривать того, что современная артиллерія прежде всего отвѣчаетъ идеѣ наступательной, тогда какъ обороняющійся можетъ извлечь изъ своихъ батарей всю пользу только при переходѣ въ наступленіе.

Теоретически трудно рѣшить—достаточно ли велико артиллерійское превосходство наступающаго, чтобы уравновѣсить пѣхотное превосходство обороняющагося, такъ какъ обстановка въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ имѣетъ большое значеніе. Вообще же я думаю, что при среднихъ условіяхъ обо-

---

*) Во Франціи недавно съ успѣхомъ примѣнялись аэропланы для наблюденія за стрѣльбой по закрытымъ цѣлямъ.

роняющійся извлечетъ изъ пѣхотнаго превосходства большія выгоды, чѣмъ наступающій изъ артиллерійскаго.

Пѣхота составляетъ главную массу арміи; она рѣшаетъ бой; прочіе роды войскъ назначены для облегченія веденія ею боя. Уже отсюда ясно, что рѣшающее значеніе имѣетъ перевѣсъ пѣхотный. Къ этому необходимо добавить, что огневой перевѣсъ пѣхоты обороняющагося осуществимъ при всякихъ условіяхъ, тогда какъ возможность использовать огонь съ закрытыхъ позицій артиллеріи атакующаго зависитъ отъ мѣстности. На полѣ атаки далеко не всегда найдется достаточное количество закрытыхъ позицій. Очень часто большей части артиллеріи атакующаго придется расположиться на такихъ позиціяхъ, на которыхъ онѣ легко могутъ быть приведены къ молчанію. Затѣмъ, какъ мы видѣли, пѣхота обороняющагося можетъ укрыться отъ артиллерійскаго огня въ полевыхъ укрѣпленіяхъ, тогда какъ противъ пѣхотнаго огня обороняющагося атакующая пѣхота не защищена ничѣмъ.

Всѣ эти соображенія подтверждаютъ, повидимому, мое мнѣніе, подкрѣпляемое также и опытомъ. Я уже указывалъ въ другомъ мѣстѣ, что потери отъ пѣхотнаго огня всегда значительнѣе, чѣмъ отъ артиллерійскаго, и что, по опыту военной исторіи, рѣшающимъ родомъ войскъ всегда была пѣхота.

Въ подтвержденіе того, что это условіе осталось въ силѣ и при современномъ оружіи, достаточно указать на Южно-африканскую войну. Перевѣсъ англійской артиллеріи былъ такъ чудовищно великъ, что она все время могла заниматься обстрѣливаніемъ непріятельскихъ стрѣлковыхъ цѣпей и тѣмъ не менѣе ей ни разу не удалось сломить буровъ. Они до конца войны имѣли тактическій перевѣсъ надъ англійской пѣхотой и продолжали отбивать атаки значительно сильнѣйшаго противника, несмотря на его подавляющій артиллерійскій огонь. Точно также и въ Маньчжурской войнѣ атаки болѣе сильной японской пѣхоты, поддержанныя въ нѣсколько разъ сильнѣйшей артиллеріей, разбивались объ огонь русской пѣхоты, если она хотѣла держаться на позиціи. Оборонительный бой I Сибирскаго корпуса на Маѣтуньской позиціи въ Ляоянскомъ сраженіи ясно обнаруживаетъ соотношеніе этихъ родовъ войскъ.

Если принять во вниманіе всѣ эти соображенія, которыя легко было бы подтвердить дальнѣйшими военно-историческими примѣрами, то приходится придти къ заключенію, что сама по себѣ, и въ особенности при современной дѣйствительности огня, оборона есть сильнѣйшій видъ боя, конечно на данномъ пространствѣ, и если противники сошлись фронтально; она сильнѣе атаки, а потому послѣдней необходимъ, для уравновѣшенія превосходства обороны, численный перевѣсъ.

Если атакующій располагаетъ артиллерійскимъ перевѣсомъ, то пѣхотный можетъ не быть слишкомъ значительнымъ, чѣмъ въ другомъ случаѣ, и наоборотъ. Но теоретически никогда не удастся опредѣлить наивыгоднѣйшее сочетаніе этихъ родовъ войскъ. Для атаки никогда нельзя быть черезчуръ сильнымъ. Это положеніе одинаково вѣрно какъ для пѣхоты, такъ и для артиллеріи.

Все до сихъ поръ сказанное повидимому наталкиваетъ на тотъ выводъ, что и въ веденіи войны оборона вообще сильнѣе атаки. Война въ концѣ концовъ рѣшается боемъ и если въ этомъ послѣднемъ оборона сильнѣе атаки, то, казалось бы, она имѣетъ больше шансовъ на побѣду. Какъ уже сказано, Клаузевицъ и пришелъ къ такому выводу, однако съ точки зрѣнія активной обороны. Я же держусь иного мнѣнія и не думаю, чтобы отъ перевѣса одного вида боя передъ другимъ можно было перейти къ перевѣсу и въ способѣ веденія войны.

Преимущества обороны сводятся къ возможности использовать всѣ выгодныя стороны мѣстности и къ болѣе дѣйствительному огню пѣхоты при лично выбранномъ полѣ обстрѣла и относительной защищенности отъ выстрѣловъ.

Преимущества же наступленія вытекаютъ главнымъ образомъ изъ „гордаго права инпціативы“, изъ оперативной подвижности и изъ введенныхъ въ дѣло нравственныхъ факторовъ. Сраженія только въ рѣдкихъ случаяхъ разыгрываются фронтально. Только рѣдко атакующій позволитъ обороняющемуся использовать всѣ преимущества, доставляемые оборонительнымъ видомъ боя; только рѣдко будетъ равновѣсіе нравственныхъ силъ. Поэтому мы не имѣемъ права сравнивать наступленіе и оборону только какъ видъ боя, а должны разсматривать ихъ соотношеніе въ качествѣ способа

веденія войны и уже тогда вынести окончательное сужденіе о дѣйствительной ихъ цѣнности.

Въ большинствѣ случаевъ атакующій свободенъ въ выборѣ направленія атаки. Такъ какъ обороняющійся обыкновенно его не знаетъ, то долженъ подготовиться, если не ко всѣмъ, то къ наиболѣе вѣроятнымъ дѣйствіямъ противника. Онъ не можетъ распредѣлить свои силы такъ, какъ это наиболѣе подходитъ къ опредѣленному случаю. Чаще всего онъ вынужденъ занять нѣчто вродѣ подготовительной позиціи и двинетъ свои войска на мѣста только тогда, когда выяснитъ направленіе атаки и опредѣлитъ—какъ ее лучше встрѣтить.

Такимъ образомъ, на сторонѣ атакующаго двойное преимущество. Во-первыхъ, онъ можетъ подготовить всѣ свои дѣйствія съ совершенно опредѣленной цѣлью и ввести въ бой свои войска по опредѣленной единой идеѣ. Во-вторыхъ, онъ можетъ использовать, во времени, въ пространствѣ и тактическомъ отношеніи, то время, которое необходимо обороняющемуся для развѣдки, принятія рѣшенія и начала его осуществленія. Благодаря этому онъ выигрываетъ въ началѣ дѣйствій, и обороняющійся уже съ трудомъ можетъ наверстать эту убыль. Однако, съ выборомъ направленія атаки связано и дальнѣйшее преимущество—возможность сосредоточить значительный численный перевѣсъ въ рѣшающемъ направленіи прежде, чѣмъ противникъ подведетъ достаточныя силы для отраженія атаки. Затѣмъ, можно вести наступленіе такъ, что обороняющемуся не удастся использовать свои спеціальныя преимущества. Охватывая одинъ изъ фланговъ противника и угрожая его линіи отступленія или—хотя бы на время рискуя своими сообщеніями—атакуя его во флангъ, его заставляютъ принять бой не на избранной имъ мѣстности, а иногда и произвести подъ давленіемъ рѣшительной атаки перемѣну фронта.

Внезапность и неожиданное нападеніе, выборъ направленія атаки со всѣми доставляемыми имъ преимуществами, выигрышъ пространства и времени, угроза непріятельскимъ сообщеніямъ—все это издавна составляло преимущества наступательнаго образа дѣйствій.

Напротивъ, на сторонѣ обороняющагося, не говоря о дѣйствительности огня, находятся преимущества мѣстности. На тактической или стратегической оборонительной позиціи къ

его услугамъ обыкновенно кратчайшіе пути для встрѣчи опредѣлившейся атаки, по сравненію съ наступающимъ, желающимъ его охватить или выйти во флангъ; однако, эти оба преимущества имѣютъ условный характеръ и цѣнность ихъ весьма неустойчива. Выгоды мѣстности лишь въ томъ случаѣ сказываются во всей своей силѣ, если атакующій прикованъ къ наиболѣе выгодному по мѣстности направленію атаки и потому атакуетъ избранный обороняющимся фронтъ; преимущества болѣе короткихъ путей обнаруживаются лишь тогда, когда направленіе атаки выяснено своевременно. Поэтому принимать эти оба преимущества въ качествѣ надежныхъ факторовъ нельзя и притомъ тѣмъ менѣе, что главныя преимущества атакующаго основаны на томъ, что обороняющійся, какъ показываетъ опытъ, въ большинствѣ случаевъ, при энергичномъ и стремящемся къ опредѣленной цѣли противникѣ, вопреки кратчайшимъ путямъ опаздываетъ въ своихъ мѣрахъ противодѣйствія и не всегда можетъ использовать преимущества мѣстности.

Преимущества, создающіяся изъ всѣхъ этихъ условій для наступленія, значительно возрастаютъ благодаря присущему атакѣ нравственному перевѣсу. Клаузевицъ не признаетъ этого преимущества какъ нѣчто безусловное. Но это происходитъ главнымъ образомъ потому, что онъ исключительно имѣетъ въ виду активную оборону но. Если же разсматривать, что по моему мнѣнію только и правильно, исключительно наступательный и оборонительный способы дѣйствій, то, конечно, слѣдуетъ придти къ иному выводу.

Въ самой природѣ наступленія заключается увлекающая сила, которая съ самаго начала приводитъ въ движеніе всѣ способности ума и всѣ силы души и, направляя ихъ къ единой цѣли, доводитъ до высшаго напряженія. Напротивъ того, обороняющійся первоначально пребываетъ въ состояніи пассивнаго наблюденія и выжиданія, въ утомляющей нервы неизвѣстности намѣреній противника и въ неувѣренности своевременно ихъ разгадать. Когда же онъ въ концѣ концовъ начинаетъ дѣйствовать, то эти дѣйствія въ большинствѣ случаевъ находятся подъ давленіемъ сознанія превосходства силы, рѣшимости и энергіи у врага, а также выигрыша послѣднимъ времени и пространства, размѣры коего трудно опредѣлить. Чистая оборона имѣетъ пассивный характеръ; весьма часто

въ ней проявляется чрезвычайная стойкость и геройская самоотверженность, но ей не хватаетъ положительной цѣли, превращающей рѣшеніе въ дѣйствіе и напрягающей волю до высшаго предѣла.

Наибольшая работа достигается только положительными дѣйствіями съ опредѣленной цѣлью, а потому можно утверждать, что оборона должна перейти въ наступленіе, если хочетъ достигнуть положительныхъ результатовъ.

Прежде всего, существуетъ одно свойство человѣческой души, которое имѣетъ величайшее значеніе для каждаго способа веденія войны и которое, въ сущности говоря, принадлежитъ исключительно наступленію—смѣлость.

Смѣлымъ полководцамъ больше другихъ улыбается успѣхъ. Эти полководцы наполнили страницы міровой исторіи своими гордыми успѣхами и предписывали законы своей эпохѣ. Они точно по волшебству руководятъ счастьемъ и гибнутъ только тамъ, гдѣ пытаются, преувеличивъ свои силы, перейти границы возможнаго. Все это основано на природѣ вещей.

Изъ всѣхъ свойствъ человѣческой души смѣлость наиболѣе отвѣчаетъ сущности войны. Ея превосходство основано на томъ, что она принадлежитъ къ рѣдчайшимъ свойствамъ души и что, для сохраненія ея подъ впечатлѣніемъ отвѣтственности и опасности, въ которыя война ставитъ полководца, необходимо чрезвычайная сила воли и характера. Поэтому дѣйствіе разумной смѣлости всегда неожиданно; оно застаетъ противника неподготовленнымъ и тѣмъ самымъ не только даетъ нападающему нравственный перевѣсъ, быстро подавляющій духъ всѣхъ частей арміи противника, но и превращается въ выигрышъ времени и пространства, что безцѣнно для войны. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ время, необходимое застигнутому врасплохъ для принятія мѣръ противодѣйствія, и понесенное имъ нравственное потрясеніе служатъ на пользу смѣлому атакующему, и онъ можетъ использовать ихъ во времени и пространствѣ.

Конечно, успѣхъ не безусловно обезпеченъ при смѣломъ веденіи войны. Но въ этомъ случаѣ неудача обусловлена не самой сущностью смѣлости, а иными факторами, какъ напр., совершенно ошибочной оцѣнкой обстановки, приведшей къ неисполнимымъ предпріятіямъ, или случайностями и другими

причинами, уравновѣсившими и превысившими преимущества смѣлости.

Въ общемъ же, мнѣ кажется, что превосходство смѣлости неоспоримо: никому не придетъ въ голову ставить Фабія Кунктатора выше Ганнибалла, хотя тотъ можетъ быть и спасъ Римъ и не поддался великому карфагенянину; никто не подумаетъ назвать Шварценберга, по сравненію съ Наполеономъ, великимъ полководцемъ, хотя послѣдній былъ въ концѣ концовъ побѣжденъ и потерялъ и армію, и тронъ.

Такимъ образомъ, мы можемъ вывести, какъ общій для всѣхъ войнъ принципъ, что на войнѣ повелѣваетъ смѣлость; можно даже расширить этотъ принципъ въ томъ смыслѣ, что именно слабѣйшій долженъ вести войну смѣло. Прежде чѣмъ думать о побѣдѣ, онъ долженъ сравнять то преимущество, которое имѣетъ надъ нимъ въ началѣ войны противникъ, и въ большинствѣ случаяхъ онъ можетъ достигнуть этого смѣлостью, дающей ему невѣсомое орудіе войны.

Клаузевицъ также выдѣляетъ и придаетъ изъ всѣхъ дѣйствующихъ на войнѣ духовныхъ силъ особое значеніе смѣлости. Онъ называетъ ее благороднѣйшей добродѣтелью, настоящей сталью, придающей оружію его блескъ и остроту. „Признаемся въ томъ, говоритъ онъ, что на войнѣ она пользуется нѣкоторыми преимущественными правами. На ея долю, сверхъ подсчетовъ пространства, времени и силъ, выпадаетъ нѣкоторое количество процентовъ, которые всегда извлекаются ею изъ слабости противника тамъ, гдѣ она сильнѣе. Такимъ образомъ—это поистинѣ творческая сила“. Но онъ не считаетъ ее первенствующимъ воинскимъ качествомъ и признаетъ ее слабѣе разумной осторожности.

Я не могу согласиться съ этимъ взглядомъ, который тѣсно связанъ съ общимъ взглядомъ Клаузевица на войну. Къ тому же Клаузевицъ и не оставилъ доказательствъ справедливости этого мнѣнія. Я не могу придумать тѣхъ путей, которыми можно доказать превосходство осторожности, и ее, во всякомъ случаѣ, никогда нельзя было бы назвать творческой силой. Ей не хватаетъ положительныхъ, активныхъ элементовъ; она не создаетъ новыхъ цѣнностей, подобно тому, какъ это дѣлаетъ смѣлость; она по характеру своему скорѣе претерпѣвающая сторона. Даже если бы подъ сло-

вомъ осторожность понимать предусмотрительность, то и въ этомъ случаѣ смѣлая предусмотрительность всегда будетъ имѣть преимущество надъ разсудительной, такъ какъ и смѣлость можетъ быть разумной, а если разсудительность смѣла, то она становится смѣлостью.

Такимъ образомъ, все, по моему мнѣнію, приводитъ къ тому, что перевѣсъ на сторонѣ наступательнаго образа дѣйствій. Опытъ подтверждаетъ этотъ выводъ безусловно, такъ какъ всякій разъ, когда оборона хочетъ уравновѣсить естественный перевѣсъ атаки, она вынуждена прибѣгать къ наступательнымъ средствамъ, а между тѣмъ наступательный способъ веденія войны не безусловно нуждается для достиженія своихъ цѣлей въ оборонительныхъ средствахъ.

Если же съ этой точки зрѣнія взглянуть на сущность современной войны, то оказывается, что превосходство наступательнаго образа веденія войны при современныхъ условіяхъ возрасло по сравненію съ прежними.

Прежде всего величина современныхъ среднеевропейскихъ армій даетъ очевидныя преимущества ведущему наступательную войну, преимущество, проявляющееся и въ тактическомъ, и въ стратегическомъ отношеніяхъ.

Чѣмъ больше войсковыя массы, чѣмъ шире фронтъ, на которомъ онѣ должны вслѣдствіе этого развернуться, чтобы быть въ состояніи пустить въ ходъ оружіе, тѣмъ больше времени имъ нужно на выполненіе задуманныхъ сосредоточеній и перемѣнъ фронта, такъ какъ путь, который нужно пройти, возрастаетъ по мѣрѣ возрастанія величины войсковыхъ массъ и занятаго ими пространства; поэтому тѣмъ труднѣе одновременно ввести въ дѣло всѣ войска. Эта трудность увеличивается и благодаря тому, что съ возрастаніемъ войсковыхъ массъ усложнилась техника ихъ передвиженія и продовольствія, а это въ свою очередь ограничиваетъ ихъ подвижность. Чтобы двинуть войсковыя массы необходимы, какъ ранѣе уже доказано, нѣкоторыя приготовленія.

Всѣ эти условія благопріятствуютъ наступательному образу дѣйствій, такъ какъ преимущества во времени и пространствѣ, обусловливаемыя инициативой дѣйствій, также возрастаютъ въ одинаковой степени съ возрастаніемъ неповоротливости массъ. Если атакующему удалось сосредоточить про-

тивъ участка оборонительной позиціи противника превосходныя силы, то мѣры противодѣйствія отнимутъ у обороняющагося тѣмъ большее количество времени, чѣмъ больше войсковыя массы, которыя нужно передвинуть, чѣмъ шире фронтъ ихъ расположенія и чѣмъ больше удалось атакующему захватить его врасплохъ.

Уже простое передвиженіе резервовъ вдоль фронта становится труднѣе, по мѣрѣ удлиненія послѣдняго; опасность опозданія возрастаетъ съ разстояніями, что обнаружилось уже въ 1866 и 1870—71 г.г.; достаточно напомнить о Кениггрецѣ и С. Прива. Въ новѣйшихъ войнахъ это явленіе сказывается отчетливѣе. Во вторую половину Южно-африканской войны буры всегда бывали вынуждены покидать свои позиціи, зачастую въ 30—40 клм. длиною, при обходномъ движеніи англійской конницы, такъ какъ они не могли своевременно противопоставить обходящимъ частямъ резервы. Трудность этого обнаружилась и въ Русско-японской войнѣ. Если русскимъ неоднократно удавалось своевременно подвести свои резервы для встрѣчи обходящихъ японцевъ, то они обязаны этимъ исключительно тому, что японцы были численно слишкомъ слабы для достиженія быстрыхъ результатовъ. Ихъ атаки тянулись такъ долго, что у русскихъ было почти всегда достаточно времени для принятія мѣръ противодѣйствія и для сдержанія обходныхъ колоннъ до подхода подкрѣпленій, съ помощью которыхъ они конечно ни разу не пробовали добиться побѣды. Однако мало вѣроятно, чтобы въ будущемъ повторились условія, бывшія въ Маньчжуріи.

Скорѣе всего можно предположить, что въ будущей войнѣ, которая будетъ ведена съ еще большими массами, чѣмъ Русско-японская, атака будетъ вестись быстрѣе, и трудность перемѣщенія сильныхъ резервовъ позади фронта увеличится, несмотря на всѣ современныя средства сообщенія.

Нельзя даже предусмотрѣть всю трудность неподготовленнаго передвиженія массъ, если придется не только перемѣщать резервы, но и перемѣнять фронтъ подъ давленіемъ охвата или фланговаго удара атакующаго. Мукденское сраженіе даетъ нѣкоторый матеріалъ для этого. Здѣсь для противодѣйствія широкому охватывающему наступленію арміи Ноги выставили новый фронтъ, для чего при-

шлось отчасти развертываться къ сторонѣ фланга; впрочемъ, это движеніе было выполнено сравнительно слабыми силами. Если-бы пришлось когда либо перемѣнить фронтъ цѣлой современной арміей, подобно австрійцамъ подъ Лейтеномъ, то это движеніе потребовало бы нѣсколькихъ дней, и атакующій могъ бы послѣдовательно разбивать подходящія непріятельскія части, имѣя на своей сторонѣ численный перевѣсъ. „Стотысячная армія, взятая во флангъ, можетъ быть разбита тридцати тысячной", говоритъ Фридрихъ Великій.

Такъ, въ дѣйствительности, по мѣрѣ увеличенія войсковыхъ массъ возрастаютъ и шансы наступательнаго способа веденія войны.

Дальнѣйшее преимущество атакующаго, вытекающее изъ современныхъ условій, заключается въ томъ, что онъ можетъ, по крайней мѣрѣ въ заранѣе предусмотрѣнной атакѣ, примѣнить въ рѣшающемъ направленіи свои лучшія войска, тогда какъ обороняющійся, не зная главнаго направленія атаки, долженъ встрѣтить его тѣми войсками, которыя окажутся подъ рукой на атакованномъ фронтѣ. При большомъ разнообразіи качествъ войскъ въ современной арміи это преимущество можетъ иногда имѣть рѣшающее значеніе. Если вспомнимъ, что̀ во всѣ времена сдѣлали хорошія, надежныя войска по сравненію съ разрозненными полчищами, то можно понять, какъ важно качество войсковой части въ рѣшающемъ бою.

Всѣмъ сказаннымъ, я полагаю, всесторонне освѣщенъ вопросъ о соотношеніи между наступленіемъ и обороной и я не вижу—что можно было бы къ этому добавить.

Поэтому я могу придти къ заключенію, что оборона, какъ видъ боя, сильнѣе наступленія, но что въ общемъ веденіи войны наступательный образъ дѣйствій значительно превосходитъ оборонительный и въ особенности при современныхъ уловіяхъ.

„Всегда лучше дѣйствовать наступательно, даже если въ данное время окажешься численно слабѣе. Часто можно обмануть врага смѣлостью и лишить его преимуществъ", пишетъ Фридрихъ Великій Людовику XV, а единство взглядовъ съ нимъ всегда прибавляетъ убѣдительности въ спорѣ о военныхъ вопросахъ.

Превосходство наступленія имѣетъ основное значеніе.

Этотъ принципъ господствуетъ во всей области военнаго искуства; онъ опредѣляетъ всѣ дѣйствія на войнѣ и для войны, и въ наши дни еще больше, чѣмъ прежде. Однако это утвержденіе должно идти рука объ руку съ сознаніемъ, что тактически, при современныхъ условіяхъ, наступленіе стало безконечно труднѣе, чѣмъ когда либо; что атакующій долженъ въ рѣшающемъ пунктѣ имѣть весьма значительный перевѣсъ и что осуществить этотъ послѣдній—дѣло стратегіи.

---

2. Линейная и глубокая тактика.

Оба тактическихъ метода.—Возникновеніе линейной тактики. Ея слабыя стороны.—Переходъ къ колонной тактикѣ.—Возникновеніе штыковой тактики.—Тактика ротныхъ колоннъ.—Возвращеніе къ линейной тактикѣ.—Современные тактическіе взгляды.—Основная ошибка этихъ взглядовъ.—Сочетаніе фронтальной и фланговой атаки.—Перевѣсъ обороны надъ взаимодѣйствіемъ фронтальной и фланговой атаки.—Боевые припасы въ качествѣ замѣны резервовъ.—Низкая оцѣнка огня обороняющагося и преувеличеніе значенія огня атакующаго.—Законъ огневой тактики.—Необходимость глубокой тактики.—Трудность современной пѣхотной атаки.—Примѣръ С. Прива.—Необходимость расчлененія въ глубину.—Организація наступленія. — Огневой перевѣсъ и сила удара.—Потери и побѣда.—Протяженіе полей сраженія.—Формы глубокой атаки и способъ веденія ея.—Содѣйствіе артиллеріи. — Отраженіе контръ-атаки.—Шансы обороняющагося.—Тактика отраженія удара. — Контръ-ударъ.—Тактическія формы наступательнаго резерва.—Содѣйствіе артиллеріи.—Переходъ въ наступленіе изъ глубины позиціи. — Сочетаніе линейной и глубокой тактики.—Демонстративная атака.

Если отъ стратегіи нужно требовать сосредоточенія необходимаго для наступленія численнаго перевѣса въ рѣшающемъ направленіи, то задача тактики — использовать этотъ перевѣсъ въ бою. Войсковая часть можетъ развить всю свою силу для достиженія побѣды, если она введена въ бой вся.

Имѣя большее, чѣмъ у противника, количество бойцовъ, можно использовать этотъ перевѣсъ двумя способами: или ввести всѣ силы одновременно и съ самаго начала, или же вводить ихъ постепенно, такъ чтобы однимъ и тѣмъ же солдатамъ у обороняющагося пришлось имѣть дѣло все со свѣжими и свѣжими силами, и тѣмъ доканать ихъ. Первый

способъ приводитъ къ увеличенію фронта, а второй—къ увеличенію глубины.

Зачастую, обстановка принудитъ избрать тотъ или иной способъ дѣйствій. Но, оставляя подобные случаи безъ вниманія, можно въ принципѣ отдать преимущество одному изъ нихъ и считать его болѣе цѣлесообразнымъ въ связи съ вооруженіемъ и способомъ веденія боя.

Тактика во все времена колебалась между этими двумя полюсами и неоднократно приходила къ крайнимъ взглядамъ —то въ томъ, то въ другомъ направленіи, чтобы затѣмъ, съ теченіемъ времени, признать ихъ несостоятельными. Однако, если бы удалось изслѣдовать законъ этого явленія и примѣнить его на практикѣ, то можетъ оказаться возможнымъ придти къ какой нибудь разумной тактикѣ, основанной на сущности вещей и удовлетворяющей всѣмъ условіямъ, пока бой ведется современнымъ оружіемъ. Какъ часто бываетъ, прошлое можетъ послужить намъ путеводителемъ и для будущаго.

Со времени изобрѣтенія огнестрѣльнаго оружія тактика пѣхоты избирала себѣ всевозможные пути. Первоначально ружьями было вооружено очень немного солдатъ, которые огнемъ своимъ поддерживали атаку главныхъ боевыхъ полчищъ. По мѣрѣ улучшенія огнестрѣльнаго оружія, значеніе этого новаго орудія войны возросло и арміи пришли къ сознанію, что дѣйствительность огня тѣмъ больше, чѣмъ больше ружей введено въ бой одновременно, а это возможно при расположеніи бойцовъ шеренгами. Такимъ образомъ, отъ глубокихъ и массированныхъ боевыхъ порядковъ постепенно перешли къ болѣе линейнымъ строямъ. Густавъ Адольфъ первый построилъ своихъ солдатъ въ 3 шеренги и тѣмъ довелъ огонь до рѣшительныхъ результатовъ. Этотъ принципъ получилъ дальнѣйшее развитіе, и такъ постепенно создалась линейная тактика, достигшая полнаго расцвѣта и высшаго совершенства въ эпоху Фридриха Великаго.

Однако, слабыя стороны этой системы обнаружились очень быстро. Строи для движенія были чрезвычайно шаблонны и не гибки, что въ особенности сказывалось въ большихъ войсковыхъ массахъ. Арміи были почти исключительно прикованы къ всюду доступнымъ равнинамъ; солдаты во весь ростъ и сомкнутыя шеренги наступающихъ частей предста-

вляли прекрасныя цѣли для стрѣльбы и несли большія потери, въ особенности съ усовершенствованіемъ артиллеріи и увеличеніемъ ея дальнобойности. Ударная сила слабыхъ линій, при вторженіи въ расположеніе противника, была тѣмъ слабѣе, чѣмъ больше были потери, несмотря на то, что за ними шла вторая линія. Поэтому-то Фридрихъ Великій и усилилъ свое наступательное крыло передовой линіей. Наконецъ, длинныя, неповоротливыя линіи, трудно мѣнявшія фронтъ и съ слабымъ огневымъ дѣйствіемъ къ сторонѣ фланга, становились легкой добычей для кавалерійскихъ атакъ, въ особенности когда кавалеріи удавалось напасть на нихъ съ фланга.

Боевые строи пѣхоты были разсчитаны только на фронтальный огонь и мало считались съ прочими условіями побѣды: подвижностью, сосредоточеніемъ массовыхъ усилій на рѣшительномъ пунктѣ и укрытіемъ отъ огня. Поэтому невольно должно было возникнуть противоположное теченіе и, какъ это часто случается съ дѣяніями рукъ человѣческихъ, оно возникло какъ бы само собою, безсознательно, и ударилось въ крайность.

Больше изъ нужды, чѣмъ изъ сознаннаго принципа, въ эпоху французской революціи создалась тактика, старавшаяся приспособиться къ недостаточной подготовкѣ недисциплинированныхъ войсковыхъ массъ республики. Чтобы лучше сдержать эти войска въ рукахъ, ихъ водили въ сомкнутыхъ колоннахъ. Массовый огонь сомкнутаго развернутаго строя былъ замѣненъ одиночнымъ огнемъ стрѣлковъ, разсыпавшихся по мѣстности и находившихъ себѣ закрытіе; вскорѣ оказалось не только то, что такой огонь гораздо дѣйствительнѣе, но и что подвижность и способность къ маневрированію войскъ увеличилась благодаря построенію колоннами, и, наконецъ, что такіе строи даютъ для атаки необходимую глубину и силу удара, могутъ дѣйствовать и къ сторонѣ фланга и лучше противостоятъ кавалерійскимъ атакамъ, чѣмъ развернутый строй. Новая тактика давала также возможность пользоваться любой мѣстностью. Конечно, глубина колоннъ до нѣкоторой степени ослабляла силу огня, такъ какъ стрѣлять могли только передовыя шеренги, но огня стрѣлковой цѣпи было вообще достаточно по тѣмъ цѣлямъ, которыя подставляла ему линейная тактика, и которыя были противъ него почти безпомощны.

Когда затѣмъ противники французовъ приняли ту же тактику, стрѣлковыя цѣпи мало по малу начали усиливаться, но къ коренному измѣненію тактики, повидимому, склонности еще не было. Небольшая скорострѣльность и дальнобойность ружей допускала совершеніе передвиженій въ колоннахъ, и потери не могли значительно возрасти. Дѣйствительность артиллерійскаго огня также не принуждала отказываться отъ этихъ строевъ, и такимъ образомъ возникла штыковая тактика, при которой въ концѣ концовъ огонь отошелъ на задній планъ. Мысль, положенная въ основу этой тактики, заключалась въ томъ, что можно стремительностью механическаго удара быстрѣе достигнуть атакуемой позиціи, быстрѣе добиться побѣды, чтобы обороняющійся не успѣлъ потрясти или уничтожить огнемъ непріятельскія колонны: сколько бы людей ни пало въ переднихъ шеренгахъ, сзади идущая масса все же должна дойти до непріятельской позиціи. Эта идея выразилась всего опредѣленнѣе въ массовой атакѣ корпуса Эрлона у Бель-Аліанса и..... потерпѣла крушеніе.

Несмотря на это, тотъ же взглядъ, хотя и не въ такихъ крайнихъ формахъ, сохранился и далѣе при улучшеніи огнестрѣльнаго оружія, выразившемся въ принятіи ударныхъ и нарѣзныхъ ружей и орудій. Эти усовершенствованія были примѣнены на практикѣ впервые въ Крымской войнѣ и въ войнѣ 1859 года въ Италіи. Но изъ этихъ новыхъ изобрѣтеній современники не сумѣли извлечь какіе нибудь результаты для будущаго и потому австрійцы выступили въ походъ 1866 года съ старой штыковой и колонной тактикой.

Однако тѣмъ временемъ Пруссія, введя у себя игольчатое ружье и съ казны заряжающееся орудіе, сдѣлала рѣшительный шагъ впередъ, произведшій полный переворотъ въ области вооруженія и тактики.

Подобно тому, какъ нѣкогда тонкія огневыя линіи линейной тактики были сломлены огнемъ стрѣлковъ и ударомъ колоннъ, такъ и теперь штурмовыя колонны австрійцевъ разбились объ огонь прусскихъ стрѣлковыхъ цѣпей. Вмѣстѣ съ игольчатымъ ружьемъ и дѣйствительностью его огня снова вступило въ свои полныя права значеніе огнестрѣльнаго оружія; а это привело къ стремленію вернуться къ ли-

нейной тактикѣ, хотя и не въ сомкнутыхъ строяхъ, но въ стрѣлковыхъ цѣпяхъ.

Само собою разумѣется, что даже въ самой Пруссіи не сумѣли тотчасъ же оцѣнить все значеніе новаго орудія войны. Еще въ 1870 году въ арміи былъ распространенъ взглядъ, что дѣйствительнымъ боевымъ строемъ пѣхоты является колонна. Это заблужденіе пришлось искупить прусской гвардіи потоками крови подъ С. Прива. Но мало по малу, уже во время войны, начало пробиваться сознаніе сущности тактическихъ формъ. Было признано, что единственно возможная форма для огневого боя есть линія, и что колонна служитъ строемъ для движенія и сосредоточенія, для питанія боевой линіи и увеличенія ударной силы при атакѣ.

Въ этомъ смыслѣ первоначально создалась прусская тактика ротныхъ колоннъ, ставшая образцомъ для всѣхъ армій.

Однако, на этихъ теоретическихъ результатахъ не остановились.

Чѣмъ больше, съ увеличеніемъ дальнобойности, скорострѣльности и настильности, усиливалась дѣйствительность огнестрѣльнаго оружія, тѣмъ больше начала обнаруживаться склонность признать огневой бой единственнымъ рѣшающимъ факторомъ современнаго сраженія и пренебречь прочими элементами побѣды. Опытъ послѣднихъ войнъ, веденныхъ современнымъ оружіемъ, какъ бы подтвердилъ этотъ взглядъ. Такимъ образомъ пришли, какъ и вначалѣ XVIII вѣка, къ крайнимъ взглядамъ и формамъ, думая, что, какъ и въ эпоху линейной тактики, можно совершенно обойтись безъ глубины боевого порядка; по ихъ мнѣнію, перевѣсъ можетъ быть достигнутъ или уравненъ попрежнему удлиненіемъ фронта. Вмѣстѣ съ тѣмъ усилившаяся дѣйствительность огня принудила принять рѣдкіе строи, что дало возможность лучше использовать естественныя и искуственныя закрытія. Такъ создавалась *современная линейная тактика въ стрѣлковыхъ цѣпяхъ.*

Преувеличеніе дѣйствительности огня привело и здѣсь къ пренебреженію прочими элементами, обезпечивающими успѣхъ атаки. Изъ за успѣшныхъ атакъ численно слабѣйшихъ японцевъ, побѣждавшихъ обойденнаго врага болѣе длинными линіями, забыли кровавые уроки Бурской войны. Было упущено изъ вида, что если буры и имѣли успѣхъ въ оборони-

тельномъ бою противъ совершенно устарѣлой тактики, то и японцы побѣдили слабѣйшія въ тактическомъ отношеніи войска, къ тому же необычайно дурно управляемыя, и что потому мы не имѣемъ права дѣлать какіе либо общіе тактическіе выводы ни изъ той, ни изъ другой войны. Но это именно и случилось.

Послѣ Бурской войны сначала пришли къ преувеличенію значенія обороны и думали, по крайней мѣрѣ у нѣмцевъ, дать возможность атакующему преодолѣть огонь обороняющагося посредствомъ „бурской тактики". Этотъ эпизодъ, грозившій совершенно сломить массу атаки, съ теченіемъ времени былъ забытъ. Теперь же, по опыту Маньчжурской войны, пришли къ противоположному выводу: *оборону поставили черезчуръ низко*, и этотъ взглядъ господствуетъ и въ наши дни.

„Русско-японская война доказала, что атака непріятельскаго фронта можетъ удасться", пишетъ одинъ изъ военныхъ авторовъ. Конечно, онъ правъ и было бы противно исторической правдѣ оспаривать эту фразу, такъ какъ фронтальныя атаки удавались во всѣ времена. Однако удивительно, какіе тактическіе выводы сдѣланы изъ этого утвержденія, какъ представляется автору фронтальная атака и насколько онъ преувеличиваетъ значеніе матеріальныхъ элементовъ атаки.

Разсмотрѣть эти взгляды поближе очень полезно, такъ какъ они широко распространены въ германской арміи и отлично выражаютъ сущность современныхъ тактическихъ возрѣній. Они облекаютъ современную тактику пѣхоты въ крайнюю форму и особенно важны еще и потому, что строятъ на ней современную стратегію.

Эти взгляды сводятся къ тому, что атака въ наше время менѣе, чѣмъ когда либо, нуждается въ глубинѣ; что резервы зло; что тактическое спасеніе — въ растяженіи фронтовъ и что поэтому только охватомъ противника можно осуществить перевѣсъ и добиться побѣды. Доказывается это такъ:

„Если мы не хотимъ уменьшить противъ прежняго число бойцовъ, то рѣдкіе строи приводятъ къ расширенію фронта. Его протяженіе еще увеличится, если мы хотимъ ввести въ дѣло возможно большее число ружей. Это можетъ быть достигнуто безъ всякаго вреда наступательной и сопротивляю-

щейся силѣ войскъ, такъ какъ небольшое число стрѣлковъ теперь можетъ дать лучшіе результаты, чѣмъ прежде большое. Сопровождающіе передовую линію резервы должны вливаться въ рѣдкую цѣпь только для окончательнаго штыкового удара". Такимъ образомъ резервы должны слѣдовать за первой линіей на не слишкомъ малыхъ дистанціяхъ, въ качествѣ дальнѣйшихъ линій. „Они должны пополнять потери, заполнять промежутки, парировать случайности, служить резервами". Очевидно, что подъ резервами здѣсь понимаются поддержки первой линіи, такъ какъ въ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ говорится совершенно опредѣленно: „такъ какъ бой можно вести сравнительно небольшимъ числомъ солдатъ, то выдѣленіе сильныхъ поддержекъ, не находящихъ себѣ, за недостаткомъ мѣста, закрытій, лишь увеличитъ потери; вѣдь скорострѣльное, дальнобойное оружіе для того и изобрѣтено, чтобы замѣнить большое число прежнихъ ружей, и оно можетъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ, если имѣется достаточное количество патроновъ. Вмѣсто того, чтобы накоплять за фронтомъ резервы, остающіеся въ бездѣйствіи и не поспѣвающіе на рѣшительный пунктъ сраженія, лучше озаботиться о широкомъ снабженіи патронами. Лучшими и надежнѣйшими резервами будутъ подвезенные въ автомобиляхъ патроны. Всѣ войска, которыя прежде сдерживались назади для рѣшительнаго удара, должны теперь съ самаго начала быть направлены для удара во флангъ. Чѣмъ больше эти силы, тѣмъ рѣшительнѣе будетъ результатъ атаки".

Взглядъ этотъ безусловно правиленъ въ одномъ отношеніи: дѣйствительность огня отдѣльнаго стрѣлка значительно больше, чѣмъ прежде. Но такъ какъ эта дѣйствительность возрасла не только у атакующаго, но и у обороняющагося, результаты до нѣкоторой степени уничтожаются и нѣтъ даже малѣйшаго основанія утверждать, что благодаря усовершенствованію оружія можно выполнить атаку меньшимъ числомъ стрѣлковъ, чѣмъ прежде. Уже одно то соображеніе, что усовершенствованіе огнестрѣльнаго оружія даетъ больше выгодъ атакующему, приводитъ къ противоположному выводу. Но и прочіе взгляды, приведенные выше, кажутся мнѣ ошибочными. Они хотятъ добиться побѣды охватомъ, а противъ фронта атаки вести не желаютъ; нужно только „вести наступленіе". Такимъ образомъ, намъ предлагается старый

рецептъ, рекомендуемый и германскимъ строевымъ пѣхотнымъ уставомъ:—рѣшительная фланговая атака, соединяемая съ одновременной фронтальной.

Отсюда естественно возникаетъ вопросъ — какіе шансы имѣются на то, чтобы успѣшно выполнить фланговую атаку? Чѣмъ эти шансы больше шансовъ фронтальной атаки? Если теорія сторонниковъ флангового удара вѣрна, то на эти вопросы она должна дать удовлетворительные отвѣты.

Такъ какъ, по ихъ словамъ, **только** охватъ даетъ шансы на побѣду, то **приходится** допустить, что и обороняющійся предвидитъ такую атаку и подготовится къ ней. Такимъ образомъ, онъ противопоставитъ охватывающимъ колоннамъ противника новый фронтъ, который придется атакующему преодолѣвать фронтальной атакой, какъ учитъ насъ постоянный опытъ. Почему эта атака имѣетъ больше шансовъ на успѣхъ, чѣмъ такая же атака противъ первоначальнаго фронта обороняющагося — понять трудно. Все преимущество, которое только и можно приписать атакующему, сводится къ тому, что мѣстность не будетъ для обороняющагося настолько выгодно, какъ первоначально избранная. Но и это преимущество очень спорно, такъ какъ обороняющійся считается съ охватомъ, какъ съ **необходимымъ** явленіемъ, и потому подыщетъ и подготовитъ мѣстность и здѣсь.

Сама атака во всякомъ случаѣ должна быть ведена по тѣмъ же правиламъ, какъ и всякая другая фронтальная атака, т. е., по разбираемому нами мнѣнію, сравнительно небольшимъ числомъ солдатъ и безъ резерва.

Поэтому, охватъ, если придержаться этихъ тактическихъ взглядовъ, не приведетъ ни къ чему иному, какъ къ дальнѣйшему вытягиванію фронта, противъ котораго будетъ вытягивать фронтъ и обороняющійся, пока не будетъ съ обѣихъ сторонъ израсходованъ послѣдній солдатъ. При такомъ способѣ дѣйствій—у наступающаго нѣтъ факторовъ тактическаго перевѣса, которые могли бы привести къ побѣдѣ.

Лишь въ единственномъ случаѣ, когда обороняющійся откинетъ флангъ назадъ, въ мѣстѣ перегиба, теоретически, получается возможность осуществить нѣкоторый перевѣсъ и сосредоточеніе огня. Въ дѣйствительности же и это преимущество часто будетъ призрачнымъ. Поэтому совершенно ошибочно думать, что въ самой сущности охвата, соединен-

наго съ фронтальной атакой, заключается преимущество для атакующаго. Очень часто будетъ какъ разъ обратное. Такъ какъ при силѣ современнаго огня обороняющійся имѣетъ превосходство въ фронтальномъ бою надъ атакующимъ, то онъ можетъ больше, чѣмъ онъ, съэкономить въ силахъ на фронтѣ, а потому встрѣтить охватъ съ превосходными силами; у него даже всѣ шансы при этомъ способѣ наступленія остаться побѣдителемъ на рѣшительномъ пунктѣ. Единственное возможное возраженіе—что обходъ сопряженъ съ внезапностью и что потому обороняющійся не успѣетъ во-время принять мѣры противодѣйствія — заранѣе исключается, такъ какъ о внезапности можетъ быть рѣчь лишь въ томъ случаѣ, если обороняющемуся приходится считаться съ возможностью различныхъ способовъ атаки. Однако, мы видѣли, что этого въ данномъ случаѣ нѣтъ, если, по разбираемому нами мнѣнію, охватъ является единственнымъ видомъ атаки, обѣщающимъ побѣду. Затѣмъ, такъ какъ главныя силы уже заранѣе назначаются для нанесенія удара во флангъ, и за фронтомъ не оставляется никакихъ резервовъ, то нѣтъ никакой возможности использовать какія либо благопріятныя обстоятельства, обнаружившіяся во время боя.

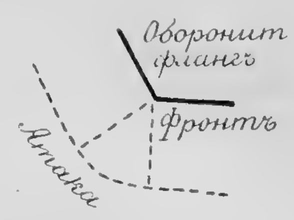

Рис. 1.

Какъ мы видимъ, эта теорія наступленія съ достаточной вѣрностью приводитъ къ пораженію, такъ какъ застать обороняющагося врасплохъ и благодаря этому воспользоваться преимуществами наступленія, возможно лишь въ томъ случаѣ, если обороняющійся не знаетъ направленія атаки.

Въ одинаковой мѣрѣ ошибоченъ и взглядъ на значеніе резервовъ. „Автомобили съ патронами“ для атакующаго являются самыми худшими резервами; они не принесутъ ему никакой помощи. Атакующая пѣхота, а о ней преимущественно и идетъ рѣчь, можетъ располагать для доведенія боя до конца только тѣмъ количествомъ патроновъ, которое она имѣла на себѣ въ началѣ боя. Новые запасы патроновъ, какъ было уже сказано, и притомъ въ ограниченномъ количествѣ, могутъ быть доставлены ей только резервами, а такъ какъ автомобили не могутъ сопровождать пѣхоту въ бою, то они не могутъ замѣнить и резервовъ.

Затѣмъ ведущая бой часть расходуетъ не только патроны, но и физическія и духовныя силы, и несетъ потери, и этотъ расходъ въ силахъ и въ людяхъ не можетъ быть возмѣщенъ какими угодно массами патроновъ. Для этого нужны настоящіе резервы, замѣняющіе людей, израсходовавшихъ свои силы.

Такимъ образомъ, основная идея, на которой построено разбираемое пониманіе современнаго боя, безусловно ошибочна и въ противоположность ей совершенно очевидно, что одно лишь удлиненіе фронта, приводящее къ охвату, не даетъ перевѣса атакующему.

Правда, что не всѣ заходятъ такъ далеко въ „модернизированіи“ пѣхотной атаки, тѣмъ не менѣе эти взгляды получили широкое распространеніе и оказываютъ значительное вліяніе на тактику. Большею частью сила мѣстной обороны оцѣнивается слишкомъ низко, что не безопасно. Это наглядно обнаруживается на германскихъ маневренныхъ поляхъ. Мы видѣли тамъ безконечные атаки, предпринимаемыя безъ рѣшительнаго перевѣса въ силахъ и безъ достаточнаго расчлененія въ глубину, а дѣйствующія только расширеніемъ фронта и охватомъ, и такія атаки признаются удавшимися, хотя въ дѣйствительности онѣ были бы сломлены самымъ жалкимъ образомъ.

Мы снова совершенно вернулись къ линейной тактикѣ, съ тѣми же слабыми сторонами, которыя были ей присущи въ 1806 г.; она должна рухнуть, если противникъ используетъ эти слабыя стороны. Мы совершенно произвольно приписали атакующему огневое могущество, составляющее силу обороны; мы пришли даже къ совершенно противоположному взгляду, будто пѣхота и пулеметы могутъ добиться огневого перевѣса въ бою съ равносильнымъ противникомъ и тѣмъ проложить себѣ путь къ побѣдѣ; такъ утверждаетъ нѣмецкій строевой пѣхотный уставъ, причемъ о содѣйствіи артиллеріи тамъ нѣтъ и рѣчи. Давно пора покончить съ этими опасными принципами и постараться подыскать такую наступательную тактику, которая лучше бы отвѣчала сущности дѣла, чѣмъ современная.

Прослѣдивъ развитіе огневой тактики съ эпохи Фридриха Великаго, мы увидимъ, что, помимо невѣсомыхъ моральныхъ факторовъ, успѣхъ атаки основанъ на двухъ моментахъ: на

огневомъ дѣйствіи и на силѣ удара. Тамъ, гдѣ одинъ изъ этихъ факторовъ развился односторонне, за счетъ другого—тамъ атаку всегда постигаетъ неудача. Тонкія линіи линейной атаки уступаютъ силѣ удара наполеоновскихъ колоннъ, а массовая атака подъ Бель-Альянсомъ разбивается о стрѣлковый огонь противника, какъ и штурмовыя колонны австрійцевъ о прусское игольчатое ружье. Напротивъ, тамъ гдѣ огонь и штыкъ другъ друга дополняютъ, гдѣ они дѣйствуютъ въ гармоническомъ сочетаніи, тамъ побѣда на сторонѣ атаки.

Прусская гвардія, атаковавшая подъ С.-Прива въ двойныхъ колоннахъ, могла восторжествовать даже надъ слабѣйшимъ противникомъ лишь цѣною ужаснѣйшихъ потерь. III корпусъ, который сражался въ ротныхъ колоннахъ, опрокинулъ подъ Марсъ-ла-Туромъ значительно сильнѣйшаго врага.

На подобномъ гармоническомъ взаимодѣйствіи огня и штыка основана, по моему мнѣнію, сущность огневой тактики вообще. Это ея законъ, а осуществить послѣдній—дѣло тактики. Но одностороннее развитіе одного изъ факторовъ, какъ учитъ исторія, должно всегда повести къ неудачѣ. Это справедливо и для современныхъ условій.

Мы должны помнить, что атака никогда не заканчивалась побѣдой благодаря одному огню, но что она требуетъ и ударной силы; что, съ другой стороны, развернутый строй единственно возможная боевая форма строя пѣхоты, и что съ усовершенствованіемъ огнестрѣльнаго оружія сила сопротивленія обороны значительно возросла.

Принимая во вниманіе эти условія, мы должны перейти къ глубокой тактикѣ, не впадая въ ошибки колонной и ударной тактики и не жертвуя болѣе, чѣмъ это необходимо, преимуществами линейной тактики.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны научиться беречь силы въ оборонительномъ бою больше, чѣмъ прежде, а для наступленія вводить въ дѣло совершенно иное превосходство, чѣмъ то принято до сихъ поръ [1]); этотъ перевѣсъ только тогда

[1]) Примѣръ свойственной германской арміи оцѣнки относительной силы атаки и обороны даетъ послѣдній день императорскихъ маневровъ 1909 года. Обороняющійся занялъ и безъ того сильный и прикрытый р. Тауберъ фронтъ тремя дивизіями и выдвинулъ въ уступъ для контръ-

может быть дѣйствительнымъ, если существующій перевѣсъ въ силахъ постепенно расходуется на всемъ фронтѣ противъ одного и того же врага.

Въ необходимости такого способа дѣйствій, вытекающаго изъ закона развитія тактики, мы можемъ убѣдиться и далѣе, постаравшись составить себѣ картину современнаго наступательнаго боя, и мы увидимъ, что оборона есть сильнѣйшій видъ боя.

Математически атакующій не можетъ ввести въ бой на одинаковомъ фронтѣ большее число ружей, чѣмъ обороняющійся. Если послѣдній располагаетъ необходимымъ количествомъ потроновъ, что при оборонѣ всегда возможно, то атакующему удастся поддержать огонь равной съ нимъ силы только въ теченіе сравнительно короткаго промежутка времени. Чѣмъ больше онъ приближается къ обороняющемуся, тѣмъ больше онъ израсходовалъ патроновъ и тѣмъ слабѣе будетъ его огонь. Чѣмъ больше стрѣлковъ будетъ у атакующаго на одинаковомъ пространствѣ, тѣмъ тяжелѣе будутъ его потери; съ другой стороны, чѣмъ въ лучшихъ закрытіяхъ расположился обороняющійся, тѣмъ больше число стрѣлковъ онъ можетъ выслать въ боевую линію, не боясь чрезмѣрныхъ потерь, и тѣмъ сильнѣе будетъ его огонь. При большомъ запасѣ патроновъ, который долженъ быть обезпеченъ осмотрительнымъ начальникомъ, сила его огня будетъ возрастать по мѣрѣ приближенія атакующаго.

Этотъ послѣдній, какъ мы видѣли, можетъ пополнить

атаки лишь одну дивизію. Атакующій же атаковалъ на всемъ фронтѣ значительными силами, отдавая должное требованію принципа устава— что лучшее средство къ побѣдѣ заключается во взаимодѣйствіи фронтальной и фланговой атаки. Для охвата остался всего корпусъ, который къ тому же такъ мало выдвинулся въ сторону, что части его приняли участіе въ фронтальной атакѣ. Такимъ образомъ, обѣ стороны ввели для фронтальнаго боя слишкомъ значительныя силы и потому оказались слишкомъ слабыми на рѣшающемъ флангѣ. Атакующій долженъ былъ совершенно ослабить за маской свое лѣвое крыло и охватить лѣвый флангъ противника съ значительнымъ перевѣсомъ силъ; съ другой стороны, и обороняющійся долженъ былъ занять фронтъ наименьшимъ количествомъ войскъ и создать сильный уступъ на своемъ лѣвомъ флангѣ. Однако, распредѣленіе силъ показываетъ, что обѣ стороны не оцѣнили значенія обороны и преувеличили значеніе наступленія.

свои запасы патроновъ лишь съ большимъ трудомъ и въ незначительномъ размѣрѣ. Затѣмъ ему придется, обыкновенно уже съ 1500 метровъ, по крайней мѣрѣ на открытой равнинѣ, начать настоящее наступленіе, требующее высшаго физическаго напряженія отъ людей, которые быть можетъ уже сдѣлали цѣлый переходъ прежде, чѣмъ вступить въ сферу огня.

Такимъ образомъ невыгодное соотношеніе между атакующимъ и обороняющимся будетъ возрастать съ развитіемъ атаки. Поддержки, вливаемыя въ боевую линію, также несутъ, какъ мы видѣли, значительныя потери еще до вступленія въ бой, а резервы, идущіе назади, терпятъ отъ дальняго пѣхотнаго и артиллерійскаго огня.

Само собою разумѣется, что эти трудности не вездѣ будутъ одинаковы. Мѣстность, доставляющую закрытія, удастся преодолѣть съ меньшими усиліями и потерями, чѣмъ открытую равнину. Также и поддержки часто будутъ укрыты мѣстностью, которую стрѣлки не могутъ использовать въ полной мѣрѣ, такъ какъ они должны стрѣлять. Съ другой стороны, можно будетъ нѣсколько уменьшить потери формами строевъ. На дальнихъ дистанціяхъ, на которыхъ дѣйствіе своего огня еще слабо, а непріятельскій можетъ дать себя почувствовать, можно вести наступленіе до дистанціи дѣйствительнаго огня совершенно рѣдкими цѣпями [1]) и затѣмъ уже довести ихъ до надлежащей боевой силы быстро слѣдующими одна за другою цѣпями. Благодаря этому потери будутъ значительно уменьшены.

Однако, на дистанціяхъ, на которыхъ свой огонь уже долженъ быть дѣйствителенъ, подобныя вспомогательныя средства уже не приносятъ пользы; тамъ не остается ничего другого, какъ продвигаться впередъ болѣе крупными частями, чего бы это не стоило, и ничто не въ силахъ убрать со свѣта того факта, что интенсивность огня атакующаго падаетъ гораздо быстрѣе, чѣмъ у обороняющагося, и что ударная сила атакующихъ войскъ исчезнетъ гораздо раньше, чѣмъ сила сопротивленія обороняющагося. Здѣсь идетъ рѣчь не только

---

[1]) Англійскія стрѣлковыя цѣпи въ бурской войнѣ не разъ подходили на дистанцію дѣйствительнаго огня съ интервалами въ 30 шаг. между стрѣлками.

о матеріальныхъ потеряхъ и физическомъ истощеніи, но прежде всего объ ослабленіи моральной силы, объ отказѣ нервовъ. Многіе останутся лежать позади вслѣдствіе моральнаго истощенія, въ особенности въ случаѣ убыли начальниковъ. Было бы безцѣльно добровольно заниматься самообманомъ.

Итакъ, обыкновенно еще далеко отъ непріятельской позиціи наступаетъ моментъ, когда поддержки, непосредственно сопровождающія цѣпь и влившіяся въ нее не только новые ружья и патроны, но и моральный импульсъ, будутъ израсходованы. Войска часто столпятся за закрытіями, въ стрѣлковой цѣпи образуются разрывы и силы для движенія впередъ изсякнутъ. Тогда нужно влить новыя войска, которыя подтолкнутъ атаку дальше впередъ, а если и они будутъ израсходованы, то снова свѣжія войска, пока, наконецъ, цѣль не будетъ достигнута. Остановка наступленія почти всегда равносильна неудачѣ его.

Приблизительно такую картину представляетъ штурмъ С.-Прива. Наступательная сила вступившей прежде другихъ въ бой 1-й гвард. бригады была очень быстро истощена настолько, что нечего было и думать объ овладѣніи селеніемъ ея силами. Она остановилась метрахъ въ 400-хъ отъ противника. Длинный рядъ могилъ обозначаетъ на поляхъ эту линію и тепрь. Къ тому же бригада сбилась къ лѣвому флангу, гдѣ мѣстность представляла еще кое какія закрытія. Такъ образовался разрывъ между войсками 1-й бригады, наступавшими сѣвернѣе шоссе, и войсками, сражавшимися у шоссе. Въ этотъ разрывъ былъ сначала брошенъ 2-й гвардейскій полкъ, чтобы подтолкнуть наступленіе, но и онъ не могъ дойти до цѣли; на лѣвомъ флангѣ былъ введенъ 4-й гвард. полкъ, за нимъ части 45-й и 48-й бригадъ. Наконецъ, противъ селенія былъ сосредоточенъ значительный перевѣсъ артиллеріи и только тогда, понеся тягчайшія потери и причинивъ ихъ въ сравнительно незначительной степени противнику, удалось штурмовать селеніе, несмотря на очевидный перевѣсъ огня обороняющагося.

Все вышесказанное доказываетъ съ очевидностью—какъ безнадежна при современныхъ условіяхъ атака „небольшимъ числомъ людей“ безъ резервовъ. Напротивъ того, для успѣха атаки нужно при достаточной ширинѣ фронта

имѣть самую большую глубину. То, что случилось подъ С.-Прива подъ давленіемъ минуты, совершенно безсистемно и даже во многихъ случаяхъ нецѣлесообразно, то въ современномъ наступательномъ бою должно быть подготовлено и исполнено систематически, имѣя при этомъ въ виду, что при прочихъ одинаковыхъ условіяхъ трудность атаки будетъ еще значительнѣе, чѣмъ 18 августа 1870 г. Во-первыхъ, огневое дѣйствіе теперь значительно сильнѣе, чѣмъ въ то время; во вторыхъ, оборона селенія велась совершенно пассивно, на что въ будущемъ разсчитывать трудно. Если бы Канроберъ, вмѣсто того, чтобы набивать въ селеніе все новыя войска, поставилъ резервы уступомъ за правымъ флангомъ и перешелъ съ ними въ рѣшительную минуту въ наступленіе, то для овладѣнія селеніемъ потребовалось бы еще больше войскъ, чѣмъ въ дѣйствительности. Между тѣмъ въ будущей войнѣ нужно разсчитывать на активную оборону, что и слѣдуетъ имѣть въ виду, подготовляя наступленіе.

Сначала нужно въ полной мѣрѣ использовать имѣющееся пространство и расположить въ боевой линіи одна рядомъ съ другою столько различныхъ командныхъ единицъ, сколько признается необходимымъ по обстановкѣ, чтобы дать для выполненія наступленія достаточную глубину, не перемѣшивая частей, по крайней мѣрѣ въ крупныхъ соединеніяхъ. За ними, съ рискомъ нѣкоторыхъ потерь, слѣдуетъ подводить дальнѣйшія линіи на дистанціи поддержки и всегда готовыя продолжить бой дальше при израсходованіи передовыхъ частей, пока не будетъ достигнутъ успѣхъ. Наконецъ, за флангами, по возможности на уступахъ, нужно держать наготовѣ резервы для отраженія контръ-ударовъ противника. Такимъ образомъ, нужно сообразовать свои распоряженія такъ, чтобы побѣдить, несмотря на какія-либо потери.

Кто воображаетъ, что въ современной войнѣ можно достичь крупныхъ тактическихъ успѣховъ, не пожертвовавъ массою людей, тотъ, по моему мнѣнію, глубоко заблуждается. Напротивъ того, боязнь потерь скорѣе поведетъ къ пораженію, тогда какъ можно съ увѣренностью принять, что та войсковая часть, которая не боится потерь, имѣетъ громадное преимущество надъ берегущей себя. „Кровь—сокъ особаго рода“. Тамъ, гдѣ она проливается сознательно и цѣлесообразно, тамъ розовѣетъ разсвѣтъ побѣды.

Удастся ли при описанномъ способѣ наступленія добиться перевѣса въ огнѣ надъ однимъ и тѣмъ же обороняющимся путемъ повторнаго вливанія новыхъ силъ—зависитъ отъ обстановки каждаго отдѣльнаго случая.

Разсчитывать на это нельзя. Несмотря на это нужно побѣдить ударомъ массъ, который фактически выбьетъ обороняющагося съ защищаемаго имъ клочка земли, и моральнымъ впечатлѣніемъ, которое, по опыту, производитъ на обороняющагося неудержимое наступленіе, въ особенности сопровождаемое интенсивнымъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ.

Подобное наступленіе, состоящее изъ смѣлаго переноса огня и сопровождающаго его штурма, будетъ стоить тяжкихъ потерь, но оно зато въ одинаковой мѣрѣ потрясетъ обороняющагося морально, а при преслѣдованіи причинитъ ему одинаковыя или еще большія потери; главное же—оно удастся. Неизбѣжныя жертвы будутъ понесены не даромъ, какъ могло бы случиться, если бы наступленіе было предпринято слабыми силами и атака не удалась бы.

Рѣшаясь въ современной войнѣ на рѣшительную атаку противъ хорошей позиціи, нужно ясно сознавать, что это не выполнимо безъ тягчайшихъ потерь и что потому преступленіе начинать подобную атаку, не собравъ все, что только возможно, и не обезпечивъ, поскольку это находится въ своей власти, побѣду. Атака должна быть равнозначуща побѣдѣ и позаботиться объ этомъ есть дѣло оперативнаго искуства и тактики.

При этихъ условіяхъ, взглядъ, будто поля сраженія будущаго должны неизмѣримо растянуться, требуетъ поправки. Я думаю, напротивъ, что, принявъ во вниманіе отношеніе числа бойцовъ къ пространству въ Восточноазіатской войнѣ, граница протяженія фронтовъ уже достигнута и даже перейдена. Получается впечатлѣніе, что войска не разъ такъ растягивались, что возможность выполненія ими ихъ задачъ оказывалась подъ большимъ сомнѣніемъ. Русскіе и японцы неоднократно захватывали такія пространства, для которыхъ они были слишкомъ слабы. Это чрезмѣрное растягиваніе было вызвано на одной сторонѣ—боязнью охвата, а на другой—стремленіемъ охватить.

Нѣкоторые считаютъ это растягиваніе какъ бы необходи-

мымъ слѣдствіемъ даннаго положенія вещей. „Сила вещей, говорятъ они, естественное стремленіе укрыться и тѣмъ не менѣе ввести въ дѣло значительныя массы, вызвали удлиненіе боевыхъ фронтовъ.

„Поэтому нѣтъ сомнѣній въ томъ, что явленія, обнаружившіяся на Дальнемъ Востокѣ, повторятся и въ Европейской войнѣ. Поэтому поля сраженія будущаго будутъ и должны имѣть совершенно иное протяженіе, чѣмъ извѣстныя намъ въ исторіи".

Я, напротивъ, держусь того взгляда, что какъ въ Маньчжуріи, такъ и въ Южной Африкѣ, длинные боевые фронты были вызваны, главнымъ образомъ, боязнью охватовъ, и что активная оборона очень быстро приведетъ къ сокращенію боевой линіи. Равнымъ образомъ, тенденція къ распространенію по фронту встрѣтитъ противовѣсъ въ необходимомъ углубленіи атаки и не подлежитъ сомнѣнію, что та армія, которая сознательно и намѣренно вступитъ на путь глубокой тактики, будетъ имѣть значительное преимущество.

Что касается до формъ глубокаго наступленія пѣхоты, то ихъ нельзя установить на всѣ случаи. Онѣ должны въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ быть примѣнены къ обстановкѣ; нерѣдко онѣ будутъ различны даже въ одномъ и томъ же наступательномъ бою, въ зависимости отъ мѣстности и огня противника. Въ основу же должно быть положено: съ одной стороны—ввести въ дѣло возможно большее число ружей, а съ другой—по возможности избѣгнуть безцѣльныхъ потерь.

Поэтому, на дальнихъ дистанціяхъ, какъ уже сказано, зачастую придется до дѣйствительнаго разстоянія подходить широко разомкнутой линіей, постепенно наполняемой поддержками, также наступающими на большихъ интервалахъ, стараясь при этомъ не перемѣшивать войсковыя части. Разъ передовая линія доведена до боевой силы, она должна пробиваться впередъ, гдѣ перебѣжками, гдѣ ползкомъ, съ непрерывнымъ огнемъ, до слѣдующей остановки; ближнія поддержки примѣняютъ тѣ же способы наступленія, но за закрытіями нѣсколько смыкаются, а для дальнѣйшаго движенія снова, если нужно, размыкаются.

Онѣ могутъ перебѣгать отъ закрытія къ закрытію и мелкими группами. Дальнѣйшія поддержки продвигаются тѣмъ

же способомъ, если нужно пройти обстрѣливаемое пространство. Еще болѣе глубокіе резервы двигаются, поскольку позволяетъ мѣстность и огонь противника, въ развернутомъ строѣ, а большею частью въ короткихъ походныхъ колоннахъ или рядами.

Въ зависимости отъ закрытій и обстановки всѣ тыловыя части наступающихъ войскъ собираются и снова приводятся въ порядокъ, чтобы возобновить вліяніе начальниковъ и поднять духъ. Такъ, все неудержимо стремится впередъ. Потери передовой линіи немедленно пополняются сзади; ближайшія поддержки все время содержатся въ полномъ составѣ вливаніемъ позади-идущихъ; патроны все время подаются сзади напередъ поддержками. Для штурма нужно по возможности ввести въ боевую линію послѣдняго боеспособнаго солдата. Къ лопатѣ передовая линія можетъ прибѣгать лишь въ томъ случаѣ, если она не въ силахъ продвинуться впередъ и хочетъ удержать за собою захваченное пространство. Но тыловыя части принципіально окапываются для созданія опорныхъ пунктовъ, на случай, если передовая линія будетъ отброшена назадъ. Въ такомъ случаѣ эта послѣдняя должна, опираясь на эти окопы, зацѣпиться за выигранную землю и постараться удержаться тамъ, пока новые силы сзади не подтолкнутъ ее снова впередъ. Даже неудавшійся штурмъ долженъ являться шагомъ впередъ къ побѣдѣ.

Я не считалъ необходимымъ напоминать здѣсь о томъ, что артиллерія должна всѣми имѣющимися у нея средствами облегчать пѣхотѣ наступленіе и штурмъ. Нужно сосредоточить противъ фронта атаки возможно большее число орудій, а если для всей наличной артиллеріи не хватаетъ мѣста, то перейти и здѣсь къ глубокому расположенію.

Сначала выѣзжаютъ пушечныя батареи, если нужно, то на сближенныхъ интервалахъ и по возможности на закрытыя позиціи. Далѣе въ тылу располагаются гаубичныя батареи, которымъ удобнѣе, благодаря крутой траекторіи, стрѣлять черезъ головы передовыхъ линій. При наличіи командующей мѣстности можно стрѣлять шрапнелью и изъ пушекъ черезъ головы впередилежащей артиллерійской линіи. Въ бою, если возможно, принимаютъ участіе и тяжелыя гаубицы, такъ какъ нужно не только нанести потери, но и разрушить имѣющіяся непріятельскія укрѣпленія, потрясти мо-

рально противника могучими взрывами и сдѣлать невозможнымъ пребываніе на всей позиціи, а въ особенности въ огневой линіи.

Если противникъ перейдетъ въ контръ-атаку, то всѣ ближайшія батареи должны направить на него огонь и, хотя бы частью, быстро переѣхать на новыя позиціи, съ которыхъ можно обстрѣливать атакующую пѣхоту обороны, если нужно, прямо прицѣльнымъ огнемъ. Если батареи занимали закрытыя позиціи, то перемѣнить позицію будетъ не трудно; но въ подобную минуту нельзя бояться потерь; нужно помышлять лишь о возможно быстромъ и достаточномъ дѣйствіи. Это критическій моментъ для атакующаго; непріятельская контръ-атака должна быть остановлена во что бы то ни стало, пока для отраженія ея подойдутъ находящіеся позади резервы, чтобы съ своей стороны перейти въ наступленіе. Тогда нужно ввести въ бой все, лишь бы поддержать эту атаку. Но только побѣдоносное отраженіе контръ-атаки позволяетъ довести до конца главную атаку.

Что касается обороняющагося, то его надежда на успѣхъ основана на двухъ моментахъ: на огневомъ дѣйствіи фронта и на удачѣ перехода въ наступленіе.

Войскамъ, исполняющимъ чисто оборонительную задачу, рекомендуется линейная тактика; здѣсь дѣло сводится исключительно къ возможно сильнѣйшему огневому дѣйствію, а потому особой глубины боевого порядка не требуется. За огневой линіей нужно держать укрыто, по близости, только такое количество резервовъ, которое необходимо для пополненія вѣроятныхъ потерь и поддержанія въ боевой линіи ослабѣвающихъ моральныхъ силъ. Зато здѣсь необходимы большіе запасы патроновъ; въ этомъ случаѣ они дѣйствительно являются превосходными резервами, такъ какъ нужно имѣть такой перевѣсъ въ огнѣ, чтобы для атакующаго было физически невозможно продвинуться впередъ; въ этомъ заключаются шансы на успѣхъ у обороны въ чистомъ видѣ. Въ этомъ ей должна помогать и артиллерія, какъ было уже указано раньше. Для исполненія этой задачи она въ крайности должна выдвигаться на линію стрѣлковъ.

Въ противоположность войскамъ, ведущимъ чисто оборонительный бой, активный резервъ обороны долженъ быть сгруппированъ и дѣйствовать по принципамъ наступатель-

наго боя, но самыя дѣйствія его должны быть сообразованы съ особенностями обстановки. Переходить въ наступленіе съ фронта не рекомендуется, такъ какъ это движеніе ведетъ въ сферу дѣйствительнаго шрапнельнаго огня. Нужно атаковать или съ фланга, т. е. въ пространствѣ, въ общемъ, не обстрѣливаемомъ непріятельской артиллеріей, или же, если это не осуществимо, то вести наступленіе изъ глубины позиціи, выбравъ для этого моментъ слабости противника, когда онъ только что ворвался на позицію, не устроился еще на ней, и когда его артиллерія не дѣйствуетъ въ данный моментъ, спѣша впередъ.

Активный резервъ долженъ держаться въ полной готовности въ закрытіи. Онъ долженъ быть нѣсколько расчлененъ въ глубину, чтобы можно было двинуть впередъ одна за другою нѣсколько линій, но эта глубина, конечно, не настолько значительна, какъ у атакующаго, такъ какъ резерву не придется проходить такихъ большихъ обстрѣливаемыхъ пространствъ, какъ ему. Въ этомъ бою рѣшительный кризисъ наступаетъ быстро. Такъ какъ нужно прежде всего дѣйствовать быстро и неожиданно, то о постепенномъ наполненіи стрѣлковыхъ цѣпей не можетъ быть и рѣчи; онѣ должны съ мѣста имѣть полную боевую силу. Поддержки должны слѣдовать за стрѣлковой цѣпью ближе, чѣмъ въ настоящемъ наступательномъ бою, чтобы немедленно влиться въ нихъ. Это тѣмъ для нихъ возможнѣе, что въ большинствѣ случаевъ нѣтъ основаній бояться шрапнельнаго огня противника.

Такъ какъ въ большинствѣ случаевъ дѣло сводится къ короткимъ, энергичнымъ контръ-атакамъ, то съ этимъ обстоятельствомъ должна считаться и артиллерія, сопровождающая переходъ въ наступленіе. Она должна стремиться быстро развить сильный огонь и при этомъ не бояться потерь. Она должна проникнуться сознаніемъ, что переходъ въ наступленіе не можетъ розыграться въ видѣ тягучаго огневого боя, гдѣ противникъ подавляется постепенно, а напротивъ, что нужно прежде всего выиграть пространство, что все зависитъ отъ ударной силы пѣхоты, и уже послѣ того фактически подавить противника. Пѣхота можетъ достигнуть этого лишь быстрымъ и беззавѣтнымъ движеніемъ впередъ, и если атака произведена внезапно, то ей это и удастся безъ значительныхъ потерь, такъ какъ противникъ сначала долженъ будетъ примѣниться къ но-

вой обстановкѣ. Но предварительное условіе—обстрѣлять противника сильнѣйшимъ шрапнельнымъ огнемъ, чтобы онъ вынужденъ былъ принимать мѣры противодѣйствія въ дождѣ шрапнельныхъ пуль.

Если контръ-атака производится извнутри позиціи, какъ это нѣсколько разъ удалось подъ Вертомъ, тогда артиллерія разрѣшитъ эту задачу самымъ простѣйшимъ способомъ, не будучи особенно потревожена непріятельской. Она держится наготовѣ внутри позиціи и открываетъ огонь съ извѣстной дистанціи, какъ только атакующій появится на оспариваемой позиціи, въ то время какъ пѣхотный резервъ безостановочно стремится впередъ, въ нѣсколькихъ, близко расположенныхъ линіяхъ, не боясь потерь;—колонна для атаки въ современномъ, считающемся съ огневымъ дѣйствіемъ, строю.

Въ подобномъ сочетаніи линейной и глубокой тактики, которое можетъ примѣняться къ разнообразнѣйшимъ условіямъ боя и мѣстности, кроется благополучіе пѣхоты. Исключительно линейнымъ расположеніемъ войскъ, къ которому стремятся современные ультра-тактики, побѣды не добиться. Если такъ построенная пѣхота и можетъ развить въ фронтальномъ направленіи сильнѣйшій огонь, зато ей недостаетъ упорной физической и моральной силы, требуемой современнымъ боемъ болѣе, чѣмъ когда либо; ей недостаетъ ударной силы, которая продолжаетъ быть необходимымъ элементомъ атаки, какъ бы совершенно ни было вооруженіе. Чисто линейныя построенія не даютъ также возможности отражать фланговые удары и парировать случайности. При современныхъ условіяхъ глубокое расположеніе является необходимымъ элементомъ рѣшительной атаки.

Признавъ это, невольно напрашивается вопросъ, какъ слагается при современномъ вооруженіи демонстративная атака, составляющая необходимый элементъ теоріи охватовъ.

„Силы, направленныя противъ непріятельскаго фронта, должны быть по возможности слабыя; но какъ бы онѣ не были слабы, онѣ не должны ограничиваться укрытымъ расположеніемъ, развлекая противника дальнимъ огнемъ и стараясь лишь приковать его къ мѣсту. При всякихъ условіяхъ его нужно атаковать съ фронта“.

Такимъ образомъ нужно вести атаку, не добиваясь рѣшительныхъ результатовъ. Это способъ дѣйствій, который при

современномъ вооруженіи можно попытаться примѣнить лишь при несоотвѣтствующихъ потеряхъ и который къ тому же не имѣетъ никакихъ шансовъ на успѣхъ.

Наступая противъ непріятельскаго фронта съ слабыми силами, мы уже на дальнихъ дистанціяхъ попадаемъ въ превосходный огонь противника и начинается настоящій бой. Если пріостановить дальнѣйшее движеніе впередъ, то противникъ разгадаетъ въ чемъ дѣло и приметъ свои мѣры. Если же продолжать наступленіе, то потери будутъ настолько подавляющими, что атакующій будетъ уже не въ силахъ двинуться впередъ. Такимъ образомъ и въ этомъ случаѣ обороняющійся скоро разгадаетъ характеръ демонстративной атаки и ослабитъ свой собственный фронтъ или же контръ-ударомъ опрокинетъ слабыя силы атакующаго задолго до того, когда охватывающая атака подойдетъ къ своей цѣли. Слѣдовательно, во всякомъ случаѣ, жертвы будутъ принесены понапрасну, а онѣ всегда будутъ велики.

Отсюда вытекаетъ, что при современномъ вооруженіи демонстративная атака, въ сущности, невозможна и что нельзя разсчитывать обмануть врага мнимыми атаками.

Тамъ гдѣ атакуютъ, нужно желать побѣды и соотвѣтственно этому распоряжаться и войсками; гдѣ-же рѣшительной атаки вести не желаютъ—тамъ нужно ограничиться обороной или же уклониться отъ удара противника. Атака, начатая съ половиннымъ желаніемъ или даже съ демонстративными цѣлями, несетъ въ самой себѣ зародышъ пораженія, такъ какъ уже на большихъ разстояніяхъ терпитъ значительныя потери, не причиняя, съ своей стороны, противнику существеннаго вреда и не будучи въ состояніи обмануть его относительно своихъ силъ.

Генералу фонъ Гёбену приписываютъ фразу, будто демонстрировать значитъ возложить на войсковую часть задачу не по силамъ. Такимъ образомъ, онъ уже въ то время требовалъ настоящаго, серьезнаго наступленія и только имъ разсчитывалъ обмануть противника; отъ мнимыхъ же атакъ онъ отказывается, какъ отъ безцѣльныхъ. Эта истина обнаруживается въ значительно сильнѣйшей степени при современномъ вооруженіи. Операціями можно обмануть врага, наступая, напр., многочисленными авангардами, производящими впечатлѣніе значительныхъ силъ, и посредствомъ завѣсы не позволяя противнику разгадать въ чемъ дѣло.

Но когда дѣло доходитъ до боя, обманъ прекращается или же можетъ окупиться только тягчайшими жертвами. Въ этомъ сомнѣній быть не можетъ.

Это соображеніе имѣетъ очень большое значеніе не только для тактики, но и для стратегіи. Въ будущемъ демонстраціи будутъ раскрываться значительно раньше, чѣмъ до сихъ поръ, и поэтому потеряютъ свое значеніе. Если же онѣ будутъ доведены до наступленія, то ввергаютъ войска въ тягчайшее опасное положеніе, вмѣстѣ съ тѣмъ не достигая, при энергичномъ и разумномъ противникѣ, желаемаго обмана.

Поэтому съ этими условіями придется считаться не только тактику и руководителю сраженіемъ, но и полководцу, задумавшему обмануть врага второстепенными фронтами и одновременно ведущему главное наступленіе въ рѣшающемъ направленіи.

---

3. Оперативныя формы наступленія и обороны.

Основные виды наступленія и обороны. — Фронтальное наступленіе. — Охватъ, соединенный съ одновременнымъ наступленіемъ съ фронта.— Значеніе тыловыхъ сообщеній для охвата.—Цѣлесообразное базированіе охватывающихъ войскъ.—Угроза фронту охватывающаго атакующаго.— Прорывъ непріятельскаго фронта.—Сраженіе у Чаттаноога.—Прорывъ въ сраженіяхъ у С. Привa, Спіонскопа и Мукдена.—Выгоды прорыва.— Атака крыломъ.—Атака во флангъ.—Фронтальная оборона.—Фланговая позиція.—Фланговая позиція пруссаковъ подъ Іеной и Ауерштедтомъ.— Чистая оборона и преднамѣренный переходъ въ наступленіе.—Видъ обороны, обусловленный расположеніемъ резервовъ.—Внутреннія и внѣшнія линіи.—Теорія внутреннихъ линій и ея слабыя стороны.—Побѣда на внутренней линіи.—Соотношеніе между величиной арміи и разстояніями на внутренней линіи.—Раздѣленіе силъ на внутренней линіи.— Преимущества и недостатки операцій по внѣшнимъ линіямъ.—Взаимоотношенія между внѣшними и внутренними линіями.—Опасность одностороннаго предпочтенія опредѣленнаго вида.—Опасный шаблонъ въ германской арміи.—Бой у Даймондъ-холля.—Опасность неизвѣстности для обороняющагося.—Мукденское сраженіе.—Побѣда не зависитъ отъ формы.—Выводы.

Разсмотрѣвъ въ предыдущей главѣ тѣ тактическія формы, которыя неизбѣжно вытекаютъ изъ современныхъ условій, необходимо перейти къ разсмотрѣнію и оперативныхъ соотношеній наступленія и обороны. Они также проявляются въ опредѣленныхъ формахъ, которыми и долженъ пользоваться полководецъ, чтобы претворить ихъ въ дѣйствіе, и совершенно не безразлично—какія формы принимаютъ военныя дѣйствія. Форма, сама по себѣ, рѣшающаго значенія для проведенія боя не имѣетъ, но отъ нея въ значительной степени зависитъ возможная величина успѣха. Она опредѣляется движеніями и группировкою силъ и въ сущности очень проста. Къ тому же, разнообразія въ этихъ формахъ нѣтъ. При насту-

пленіи различаютъ: фронтальное наступленіе, охватъ въ соединеніи съ одновременнымъ фронтальнымъ наступленіемъ, могущій дойти до полнаго окруженія, прорывъ, и наступленіе крыломъ и фланговое; въ оборонѣ—рѣчь идетъ о томъ, какъ встрѣтить противника—на фронтальной или фланговой позиціи, а также и о различныхъ способахъ расположенія и употребленія резервовъ, въ зависимости отъ намѣреній—вести ли чистую оборону или же перейти въ наступленіе. Съ стратегической же точки зрѣнія нужно, кромѣ того, разсмотрѣть свойства внутреннихъ и внѣшнихъ линій, обусловливаемыя соотношеніемъ между наступленіемъ и обороной.

Иныхъ формъ наступленія и обороны нѣтъ ни въ стратегіи, ни въ тактикѣ. Къ этимъ немногимъ типическимъ элементамъ можно подвести всѣ дѣйствія на войнѣ. Однако, на практикѣ примѣненіе и соединеніе этихъ основныхъ формъ при разнообразнѣйшей обстановкѣ и мѣстности даетъ безконечное количество всевозможныхъ операцій, неожиданныхъ рѣшеній и геніальныхъ предпріятій, на которыхъ основано многообразіе войны; однако, все это можетъ увѣнчаться успѣхомъ, когда будетъ гармонировать съ сущностью вещей. Весьма важно поэтому подробно обсудить въ чемъ заключается сущность этихъ различныхъ формъ, какія ихъ выгоды и недостатки, къ какимъ результатамъ онѣ приводятъ и какія опасности въ себѣ таятъ. Только уяснивъ себѣ въ полной мѣрѣ всѣ эти вопросы, можно правильно дѣйствовать въ серьезныхъ случаяхъ, избѣгнуть шаблонной односторонности и согласовать цѣли и средства.

Равномѣрная атака всего непріятельскаго фронта вообще даетъ наименьшіе шансы на рѣшительный успѣхъ, такъ какъ она должна одновременно сломить всю силу сопротивленія непріятеля, имѣя противъ себя всѣ тактическія преимущества обороны, и въ лучшемъ случаѣ оттѣснить непріятеля въ направленіи его собственныхъ сообщеній. Это въ равной мѣрѣ относится и къ тактикѣ, и къ стратегіи, и не требуетъ дальнѣйшихъ доказательствъ. Нужно только подробно изслѣдовать тактическое выполненіе фронтальнаго боя, что уже только что сдѣлано, такъ какъ вѣдь бой самъ по себѣ, въ концѣ концовъ, ведется фронтально, какую бы форму не приняло наступленіе. Противникъ всегда будетъ

стараться встрѣтить атакующія войска съ фронта, и въ большинствѣ случаевъ эта окажется и возможнымъ.

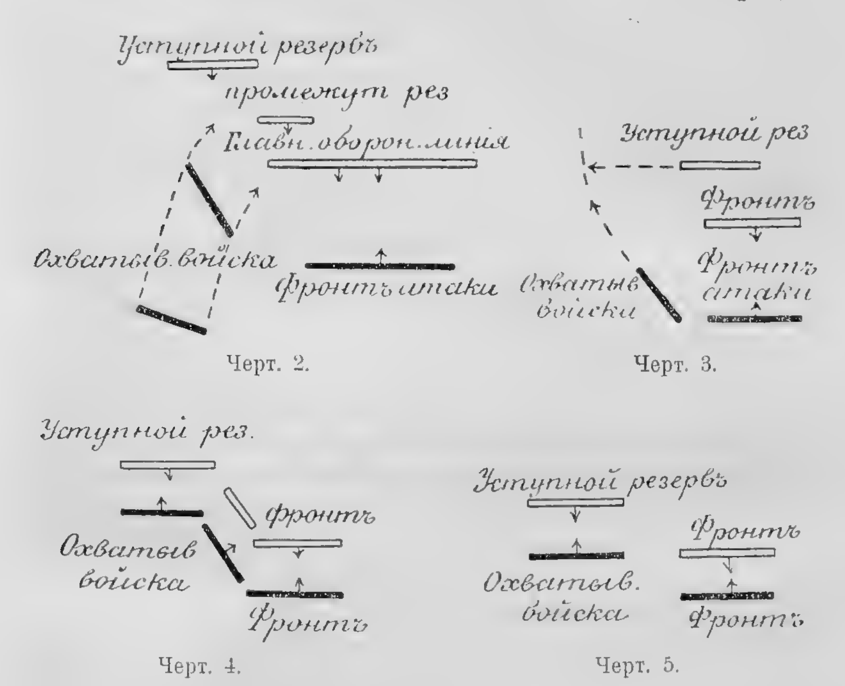
Затѣмъ, необходимо критически освѣтить охватъ съ одновременнымъ наступленіемъ съ фронта. Съ тактической точки зрѣнія этотъ видъ наступленія уже разсмотрѣнъ, но необходимо сказанное уже нами разсмотрѣть въ дальнѣйшихъ отношеніяхъ. Тамъ было доказано, что обороняющійся долженъ занять свой фронтъ значительно болѣе слабыми силами, чѣмъ тѣ, которыя придется израсходовать противнику для фронтальнаго наступленія, такъ какъ обороняющійся сильнѣе атакующаго съ фронта. Поэтому онъ можетъ встрѣтить охватывающую часть противника превосходными силами.

Такимъ образомъ этотъ видъ наступленія самъ по себѣ не даетъ атакующему никакого перевѣса, а напротивъ, ставитъ обороняющагося въ выгодное положеніе. Если, несмотря на это, онъ долженъ быть примѣненъ, то атакующій долженъ имѣть на своей сторонѣ численный перевѣсъ. Только при соблюденіи этого условія онъ можетъ быть оправданъ въ теоріи. При наличіи же этого условія, выгоды охвата весьма значительны. Онѣ заключаются въ угрозѣ сообщеніямъ противника и въ преувеличенномъ значеніи этой опасности въ глазахъ атакованнаго. При удачѣ охвата сюда присоединяются дальнѣйшія преимущества. Дѣйствительно, первоначальный фронтъ обороняющагося и новый фронтъ, образованный имъ для встрѣчи охвата, будутъ оттѣснены по сходящимся линіямъ отступленія, и чѣмъ больше онѣ сблизятся, тѣмъ больше стѣснится свобода движеній. Въ концѣ концовъ, при извѣстныхъ условіяхъ, охватъ можетъ привести къ перекрестному огню охватывающаго побѣдителя и путь отступленія можетъ быть потерянъ, по крайней мѣрѣ, для охваченныхъ частей непріятеля.

Въ особенности выгодно слагаются эти условія для охвата въ томъ случаѣ, когда пути сообщенія противника составляютъ до нѣкоторой степени продолженіе одного крыла, или же когда главный путь сообщенія отходитъ отъ фланга. Первый случай былъ, напр., при расположеніи Кронье у Магерсфонтейна. Его сообщенія шли на Блёмфонтейнъ, т. е. какъ разъ на продолженіи его лѣваго крыла. При угрозѣ этому крылу со стороны генерала Робертса, буры были вынуждены отступить; при перерывѣ этого пути отступле-

нія и прегражденіи отступленія на сѣверъ Кронье долженъ былъ капитулировать, къ чему его не могли принудить силой оружія.

Подъ Мукденомъ единственное желѣзнодорожное сообщеніе русскихъ находилось скорѣе за правымъ, чѣмъ протянувшимся далеко на востокъ лѣвымъ крыломъ. Поэтому охватъ праваго фланга обѣщалъ болѣе рѣшительные резуль-

Черт. 2. Черт. 3.

Черт. 4. Черт. 5.

таты, чѣмъ атака другого фланга; къ тому же онъ былъ легче выполнимъ и въ тактическомъ отношеніи. Сообразно этому поступили и японцы, и если успѣхъ не соотвѣтствовалъ ихъ ожиданіямъ, то причина этому кроется въ недостаточности ихъ силъ.

Наконецъ, особенно выгодно, если удастся перемѣстить базу охватывающихъ войскъ соотвѣтственно произведенной ими перемѣнѣ фронта. Тогда эти войска могутъ, въ случаѣ неудачи, отступить въ расходящемся направленіи, что заключаетъ въ себѣ угрозу непріятельскому флангу, даже послѣ неудавшейся атаки.

При всѣхъ этихъ условіяхъ надлежитъ признать за охва-

томъ значительныя преимущества. Но противъ всѣхъ этихъ опасностей у обороняющагося имѣются свои средства, и большинство охватывающихъ сраженій было выиграно потому, что эти средства не были пущены въ ходъ.

Простѣйшее средство заключается въ загибаніи охваченнаго фланга назадъ или въ образованіи помощью резерва „оборонительнаго фланга“ (Defensivflanke), противоставляя такимъ образомъ охвату новый фронтъ.

Однако отраженіе охвата будетъ гораздо дѣйствительнѣе, если обороняющійся эшелонируетъ свои резервы за угрожаемымъ флангомъ такъ, чтобы они могли перейти въ наступленіе во флангъ охватившимъ войскамъ. Угрожаемый же флангъ главной оборонительной позиціи непосредственно прикрывается промежуточнымъ резервомъ (черт. 2).

Въ возможности этихъ мѣръ отраженія заключается одна изъ главнѣйшихъ слабостей охвата. Въ самомъ дѣлѣ, охватывающая часть поставлена въ необходимость произвести выборъ между различными способами дѣйствій:—или охватить и уступной резервъ (черт. 3), или прикрыться противъ него оборонительнымъ флангомъ (черт. 4), или, наконецъ, покончить съ нимъ въ фронтальномъ бою прежде, чѣмъ произвести охватъ (черт. 5). Но каждый изъ этихъ способовъ создаетъ для атакующаго неблагопріятную обстановку.

Въ первомъ случаѣ нужно обыкновенно забрать очень далеко въ сторону, т. е. отдѣлиться отъ фронтальной атаки, а потому значительно ослабить свое вліяніе на нее; кромѣ того, непріятельскій резервъ имѣетъ возможность по кратчайшему пути выйти навстрѣчу охвату. Во второмъ случаѣ приходится вести охватывающую атаку на главный фронтъ противника подъ давленіемъ фланговой атаки непріятельскаго уступного резерва. Наконецъ, въ третьемъ случаѣ весь охватъ выливается въ фронтальное столкновеніе силъ и тогда преимущества охвата сказываются въ очень ограниченной мѣрѣ, не для достиженія побѣды, а только послѣ успѣшнаго исхода фронтальной борьбы.

Обстановка значительно ограничиваетъ возможность побѣды посредствомъ охвата; конечно, она не невозможна, въ особенности при значительномъ численномъ превосходствѣ атакующаго, но, въ общемъ, охватъ даетъ существенныя выгоды только въ томъ случаѣ, когда онъ произведенъ вне-

запно и когда противникъ къ нему не подготовился. Если же обороняющійся его ждетъ, то охватъ создаетъ выгодную обстановку именно для него, такъ какъ даетъ ему возможность съ своей стороны дѣйствовать активно въ рѣшительномъ направленіи и свести на-нѣтъ всѣ преимущества атаки.

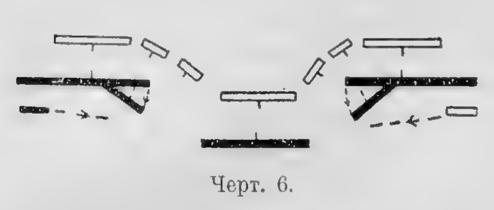
Наконецъ, охватъ при извѣстныхъ условіяхъ заключаетъ въ себѣ еще одну опасность для атакующаго. Если можно набрать достаточно силъ для выполненія охвата только путемъ ослабленія фронта, можетъ случиться, что непріятель перейдетъ въ наступленіе, прорветъ его и отброситъ въ расходящихся направленіяхъ раньше, чѣмъ охватъ дастъ себя почувствовать. Но эта опасность тѣмъ сильнѣе, чѣмъ шире весь фронтъ сраженія, т. е. чѣмъ меньше давленіе охвата сказывается на всемъ фронтѣ и чѣмъ труднѣе во-время выслать подкрѣпленія къ угрожаемому пункту. Эта опасность проявляется съ особою силою именно при современныхъ массовыхъ арміяхъ, требующихъ значительныхъ фронтовъ. Эти соображенія приводятъ къ необходимости разсмотрѣть прорывъ, какъ особый видъ атаки.

Очевидно, что прорывъ можетъ быть успѣшно выполненъ лишь въ томъ случаѣ, если атакующему удастся неожиданно сосредоточить значительный перевѣсъ въ силахъ противъ атакуемой линіи. Вѣроятно это окажется возможнымъ, если противникъ озабоченъ охватомъ и подкрѣпленъ въ этомъ опасеніи демонстраціями, а потому сосредоточитъ свои резервы преимущественно за флангами. Все же перевѣсъ долженъ быть очень значительнымъ, такъ какъ нужно не только выбить обороняющагося фронтальной атакой изъ самимъ имъ выбранной мѣстности, но и имѣть послѣ прорыва достаточное количество резервовъ для использованія успѣха и отраженія контръ-атакъ.

Часто приходится слышать мнѣніе, будто при современныхъ условіяхъ с р а ж е н і е съ прорывомъ невозможно, такъ какъ прорвавшіяся войска попадаютъ подъ концентрическій огонь современнаго дальнобойнаго оружія. Однако этотъ взглядъ имѣетъ весьма ограниченное значеніе. Для небольшихъ боевъ онъ при извѣстныхъ условіяхъ справедливъ, но въ общемъ я не могу признать его правильнымъ.

Фактически концентрическій огонь противъ непріятеля въ равныхъ силахъ возможенъ лишь въ томъ случаѣ, если

рѣчь идетъ о сравнительно короткихъ фронтахъ и мѣстность особенно благопріятна для захвата въ огневыя клещи. Въ большихъ отрядахъ этого большею частью бояться нечего. Подобное взаимодѣйствіе обыкновенно исключается благодаря разнообразію мѣстности и ея покрова. Если же атака ведется на такомъ широкомъ фронтѣ, который считается съ современной дальностью огня и стрѣльбой артиллеріи съ закрытыхъ позицій, и если она настолько глубока, что задніе резервы могутъ послѣ перерыва обратиться вправо и влѣво противъ непріятельскаго фронта, то о тактическомъ охватѣ (клещахъ) не можетъ быть и рѣчи. Этотъ охватъ можетъ быть осуществленъ только переходомъ въ наступленіе съ различныхъ сторонъ значительными силами. Зато прорванному фронту противника угрожаетъ неминуемая опасность быть охваченнымъ изъ мѣста прорыва и сбитымъ вдоль позиціи.

Черт. 6.

Блестящій примѣръ побѣдоноснаго тактическаго прорыва даетъ намъ генералъ Грантъ въ выигранномъ имъ сраженіи у Чаттаноога. Армія южанъ подъ начальствомъ Брагга укрѣпилась на Миссіонери-Риджъ—длинномъ хребтѣ, идущемъ съ сѣвера на югъ, имѣя передъ фронтомъ городъ Чаттаноога. Въ немъ находился центръ арміи Гранта, тогда какъ сѣвернѣе Шерманъ съ сильнымъ отрядомъ, а съ юга Гукеръ съ такимъ же отрядомъ наступали въ обходъ фланговъ непріятельской позиціи. Этимъ обоимъ крыльямъ Грантъ приказалъ атаковать самымъ рѣшительнымъ образомъ, такъ что Браггъ думалъ, что ему придется вести охватывающее сраженіе, и отправилъ всѣ свои резервы на серьезно угрожаемый правый флангъ. Когда онъ этимъ значительно ослабилъ свой центръ, Грантъ перешелъ своимъ центромъ, до сего времени сдерживаемымъ, въ атаку и прорвалъ побѣдоноснымъ фронтальнымъ штурмомъ центръ непріятельской арміи. Блестящая побѣда была результатомъ этого геніальнаго замысла.

Возможность подобной побѣды и при самомъ современномъ оружіи доказывается новѣйшей военной исторіей.

Укажемъ сначала на сраженіе у С.-Прива. Здѣсь линія французовъ была прорвана между этимъ селеніемъ и Аманвейлеромъ, и прорвавшіяся войска съ успѣхомъ отбивали различныя контръ-атаки. Но прорывъ не имѣлъ рѣшительныхъ послѣдствій, такъ какъ былъ выполненъ слишкомъ слабыми силами и не предполагался и не былъ использованъ начальствомъ, которое, къ слову сказать, никогда такъ не пасовало, какъ въ этомъ сраженіи.

Въ сраженіи у Спіонскопа англичанамъ удалось фактически прорвать линію буровъ съ фронта и штурмовать оба главные опорные пункты позиціи—Спіонскопъ и Твинъ-пиксъ. Этотъ прорывъ могъ даже привести къ блестящимъ оперативнымъ послѣдствіямъ, если бы побѣдители сумѣли использовать эти преимущества, не потеряли мужества въ разгарѣ успѣха и не очистили захваченную позицію.

Напротивъ, прорывъ въ Мукденскомъ сраженіи привелъ къ полной побѣдѣ, хотя вначалѣ и не проектировался. Этотъ примѣръ интересенъ не только вслѣдствіе своего успѣха, но и потому, что прорывъ былъ исполненъ при совершенно современномъ оружіи, что доказываетъ возможность его и при современныхъ условіяхъ.

Русскіе ввели всѣ свои резервы противъ охвата своего праваго фланга и даже ослабили для этого свой фронтъ. Этотъ послѣдній медленно отходилъ на Хунь-хэ. $\frac{\text{24 февраля}}{\text{9 марта}}$ части японскихъ IV и I армій бросились черезъ эту рѣку и пробились, сломивъ сопротивленіе русскихъ, на сѣверъ. Прорвавшіяся войска появились $\frac{\text{25 февраля}}{\text{10 марта}}$ близъ Мандаринской дороги сѣвернѣе Мукдена и произвели среди отступающихъ колоннъ панику. Значительныя толпы отступающихъ должны были положить оружіе; весь лѣвый флангъ русской арміи былъ оттѣсненъ отъ центра и праваго фланга и вѣроятно вся русская армія была бы разбросана и окончательно разбита, если бы силы японцевъ не истощились въ самый критическій моментъ. Японцы были слишкомъ слабы и къ тому же истомлены, чтобы быть въ состояніи обратиться противъ разбросаннаго лѣваго крыла русскихъ и чтобы на Мандаринской дорогѣ дѣйствовать тактически совмѣстно съ арміей Ноги, охватившей правый флангъ русскихъ. Тѣмъ не менѣе,

успѣхъ этого современнаго сраженія съ прорывомъ былъ блестящій. Ширина, на которой былъ нанесенъ центральный ударъ, обезпечивала имъ успѣхъ. Это главнѣйшій фактъ, который остается въ силѣ и на будущее время. Протяженія, о которыхъ шла здѣсь рѣчь, были очень значительны. Русская армія развернулась на фронтѣ свыше 100 километровъ; прорывъ, насколько можно судить по имѣющимся источникамъ, былъ произведенъ на фронтѣ около 20 кил., такъ что здѣсь можно почти говорить о прорывѣ стратегическаго фронта.

Очевидно, что выгоды удавшагося прорыва должны быть весьма значительными. Если внѣшнія операціонныя линіи приводятъ къ тактическому охвату, то удавшійся тактическій прорывъ приводитъ оперативно на внутреннюю линію и притомъ съ тѣмъ громаднымъ преимуществомъ, что послѣ него приходится имѣть дѣло не съ двумя жаждущими атаки противниками, а съ двумя разбитыми и болѣе или менѣе отброшенными отъ путей отступленія и сообщенія — невыгода, тяжело отражающаяся на оперативной годности арміи. Эта невыгода можетъ не имѣть такихъ гибельныхъ послѣдствій только въ томъ случаѣ, если обѣ части арміи, будучи отброшены въ расходящихся направленіяхъ, смогутъ перейти на новыя, обезпеченныя сообщенія, что часто окажется возможнымъ, въ особенности въ своей странѣ.

Когда 2-я французская Луарская армія подъ Орлеаномъ была прорвана въ центрѣ, она должна была отступить въ расходящихся направленіяхъ. Правый флангъ взялъ направленіе на Гіенъ, а другая часть перешла южнѣе за Луару вдоль желѣзной дороги на Вьерзонъ и Буржъ; наконецъ, лѣвый флангъ отошелъ по сѣверному берегу Луары въ общемъ направленіи на Туръ. Однако всѣ нашли обезпеченныя сообщенія съ тыломъ и могли создать себѣ достаточную базу. Это дало имъ возможность сохранить свою внутреннюю спайку, и боеспособность, несмотря на проигранное сраженіе. Однако, гдѣ такой базы нѣтъ, когда, напр., пораженіе нанесено въ непріятельской странѣ, потеря сообщеній легко можетъ повести къ полному уничтоженію, въ особенности при современныхъ массовыхъ арміяхъ.

Генералъ-фельдмаршалъ графъ Шлиффенъ называетъ въ своемъ интересномъ изслѣдованіи „Канны“ мысль о прорывѣ

несбыточной. Я же думаю, что этотъ видъ атаки при извѣстныхъ обстоятельствахъ можетъ имѣть удачный исходъ именно при современныхъ условіяхъ и притомъ какъ въ области тактической, такъ и стратегической. Если тактическій прорывъ, вполнѣ использованный и оперативно, приводитъ къ чрезвычайно выгодному стратегическому положенію, то прорывъ стратегическаго фронта создаетъ обстановку, ставящую противника не только въ опаснѣйшее въ оперативномъ отношеніи положеніе, но и вынуждаетъ его тактически принять бой при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Удавшійся прорывъ позволяетъ атакующему не только охватить прорванный фронтъ противника въ обѣ стороны, но и угрожать самымъ серьезнымъ образомъ его путямъ сообщенія; онъ вынуждаетъ противника перемѣнить фронтъ, чтобы противопоставить прорывающемуся врагу какія бы то ни было войска. Подобная же перемѣна фронта трудно выполнима и всегда связана съ рискомъ быть разбитымъ по частямъ.

Если мѣстность и общая обстановка не допускаютъ центральнаго прорыва или же охвата, то можно естественно направить атаку фронтально противъ одного изъ крыльевъ противника. Выборъ крыла опредѣляется мѣстностью и особыми условіями. Нужно попытаться неожиданно сосредоточить противъ выбраннаго фронта атаки превосходныя силы, сдерживая и развлекая въ то же время демонстраціями и болѣе слабыми силами тѣ части непріятельской позиціи, которыя не атакуются рѣшительно. Этотъ видъ атаки будетъ примѣняться чаще всего, такъ какъ онъ проще другихъ. Изучить его можно на многочисленныхъ военноисторическихъ примѣрахъ. Если подобная атака крыла удастся, то при извѣстныхъ условіяхъ она можетъ привести къ раздѣленію непріятельскихъ силъ и къ одностороннему охвату непріятельскаго фронта, не атакованнаго рѣшительнымъ образомъ. Съ другой стороны, существуетъ опасеніе, что противникъ не поддастся обману и не дастъ себя приковать къ мѣсту, а самъ перейдетъ въ наступленіе противъ демонстративнаго крыла атакующаго и отброситъ его раньше, чѣмъ этотъ послѣдній сможетъ достигнуть того же успѣха на другомъ крылѣ. Кто тогда въ концѣ концовъ останется побѣдителемъ—будетъ зависѣть отъ общей обстановки, мѣстности, степени успѣха, достигнутаго той и другой стороной,

и, въ не меньшей степени, отъ степени жажды побѣды и энергіи начальниковъ. Кто сумѣетъ искуснѣе использовать обстановку и не боится чрезвычайныхъ напряженій, тотъ обыкновенно и удержитъ за собою первенство.

Въ остальномъ этотъ видъ атаки не требуетъ особыхъ разсужденій. Онъ не требуетъ значительныхъ силъ, въ случаѣ неудачи не сопровождается особыми оперативными невыгодами и потому вообще не обѣщаетъ и рѣшительныхъ результатовъ. Во всякомъ случаѣ, однако, онъ можетъ дать благопріятные результаты, если противникъ неправильно опредѣлитъ настоящій пунктъ атаки и невыгодно сгруппируетъ свои войска, или же если атака приводитъ тактически къ значительнымъ результатамъ, создающимъ сами по себѣ благопріятную оперативную обстановку.

Совершенно иначе складывается обстановка при фланговой атакѣ, которая тактически обнаруживается всего нагляднѣе въ косомъ боевомъ порядкѣ Эпаминонда и Фридриха Великаго,—видъ атаки, о которомъ только что говорилось въ связи съ другими вопросами.

Этотъ видъ атаки основанъ на идеѣ подвести массу своей арміи охватывающимъ движеніемъ противъ одного изъ фланговъ противника и тѣмъ заставить его совершенно перемѣнить фронтъ. Эта атака, подобно охвату, угрожаетъ пути отступленія противника и представляетъ ту выгоду, что можно въ данное время пустить въ дѣло свои силы уже сосредоточенными, въ то время какъ противникъ подводитъ свои только постепенно, и тѣмъ медленнѣе, чѣмъ шире былъ первоначальный фронтъ, т. е. чѣмъ длиннѣе пути, необходимыя для новаго развертыванія.

Фланговая атака вынуждаетъ противника во всякомъ случаѣ бросить выбранную имъ оборонительную пазицію—тактическую или стратегическую, безразлично—подчиниться волѣ атакующаго и принять бой на избранной послѣднимъ мѣстности. Эти особенности дѣлаютъ его свойственнымъ болѣе слабому численно. Однако, успѣхъ въ высокой степени связанъ съ моментомъ внезапности. Нужно ввести противника въ обманъ, чтобы сдержать его возможно дольше на первоначальномъ фронтѣ, и искусно скрыть свои собственныя передвиженія.

Кромѣ того, эта операція связана съ большой опасностью:

угрожая пути отступленія противника, мы въ равной мѣрѣ рискуемъ своимъ Только побѣда можетъ вновь обезпечить полное господство на собственныхъ первоначальныхъ путяхъ наступленія. Если атакующій разбитъ и энергично преслѣдуется, то можно рисковать быть совершенно сбитымъ съ нихъ. Однако, съ большимъ рискомъ, какъ извѣстно, на войнѣ связаны и повышенные шансы на побѣду, а также возрастаетъ и размѣръ и значеніе побѣды, если она достигнута. Поэтому большая смѣлость, сказывающаяся въ этой операціи, въ большинствѣ случаевъ оправдывается. Если же удастся надежно базировать фланговую атаку на новомъ фронтѣ, такъ чтобы въ случаѣ тактической неудачи не оказаться вынужденнымъ отходить на прежніе пути наступленія, а отойти перпендикулярно новому фронту, то опасность предпріятія соотвѣтственно уменьшается, не ставя, однако, на карту, размѣръ успѣха.

Принявъ во вниманіе современныя условія, не подлежитъ сомнѣнію, что трудность выполненія подобной наступательной операціи значительно возросла по сравненію съ прежнимъ временемъ. Уже однѣ массы войскъ превращаютъ фланговый маршъ одной или нѣсколькихъ армій въ многодневное предпріятіе, которое, къ тому же, не легко скрыть. Выполнить его неожиданно удастся лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, а обмануть противника едва ли возможно. Затѣмъ каждое изъ такихъ передвиженій затруднено вопросомъ питанія. Разстоянія которыя необходимы для фланговыхъ маршей при современныхъ условіяхъ, обыкновенно такъ велики, что все движеніе едва ли осуществимо безъ перемѣщенія базы. Поэтому, чисто фланговыя атаки въ крупномъ масштабѣ съ современными массовыми арміями осуществимы только при особенно благопріятныхъ условіяхъ.

То, что можно сказать относительно видовъ обороны, въ сущности говоря, вытекаетъ непосредственно изъ сказаннаго. Сильнѣе всѣхъ, сама по себѣ, фронтальная оборона, такъ какъ на ея сторонѣ преимущество использовать мѣстность и силу огня. Однако, эти преимущества обнаруживаются въ полной мѣрѣ только въ томъ случаѣ, если атакующій вынужденъ вести фронтальную атаку и не въ состояніи или охватить флангъ, или атаковать превосходными силами отдѣльные участки позиціи. Такъ какъ возможность

осуществленія этого возрастаетъ съ растяженіемъ фронта обороны, то очевидно, что чисто фронтальная оборона подаетъ мало надежды на успѣхъ именно при современныхъ массовыхъ арміяхъ. Чѣмъ больше удлиняется фронтъ для встрѣчи охвата, тѣмъ больше возрастаетъ опасность какъ тактическаго, такъ и стратегическаго прорыва. Не легокъ также и переходъ изъ фронтальной обороны въ наступленіе; къ тому же онъ обыкновенно не обѣщаетъ рѣшительной побѣды, такъ какъ все же приводитъ къ фронтальной атакѣ, т. е. слабѣйшей и не дающей въ оперативномъ отношеніи никакихъ рѣшительныхъ результатовъ.

Оборона на фланговой позиціи заключаетъ въ себѣ тѣ же опасности, какъ и атака во флангъ, но отнюдь не даетъ тѣхъ же преимуществъ. Фланговая позиція, занятая съ чисто оборонительными цѣлями, содержитъ въ себѣ въ извѣстномъ смыслѣ противорѣчіе.

Сущность фланговой позиціи заключается въ томъ, что она лежитъ болѣе или менѣе перпендикулярно къ своему оборонительному фронту на флангѣ наступающаго противника и тѣмъ самымъ принуждаетъ его перемѣнить фронтъ и отвлекаетъ отъ главнаго направленія атаки. Отсюда вытекаетъ съ одной стороны, что сообщенія войскъ, занимающихъ фланговую позицію, всегда находятся на продолженіи одного изъ крыльевъ, а съ другой, что атакующій вынужденъ считаться съ нею только въ томъ случаѣ, если она дѣйствительно угрожаетъ его флангу и сообщеніямъ, т. е., если изъ нея можно перейти въ наступленіе и угрожать таковымъ. Если же часть арміи, прикованная къ фланговой позиціи, ограничится чистой обороной, то въ большинствѣ случаевъ она должна ждать атаки и ей, конечно, можетъ быть, и удастся отбить ее, но положительнаго и окончательнаго результата она этимъ не добьется ни въ какомъ случаѣ. Стратегическая обстановка остается обыкновенно безъ измѣненій.

Если же она, напротивъ, будетъ разбита, то теряетъ сообщенія, а зачастую и связь съ прочими дѣйствующими на театрѣ войны арміями. Такимъ образомъ, въ итогѣ получается значительный минусъ, а отсюда слѣдуетъ, что никогда не слѣдуетъ занимать фланговую позицію съ исключительно оборонительными цѣлями, а, напротивъ, строить

свои замыслы на идеѣ наступленія. Только эта послѣдняя обезпечиваетъ рѣшительную побѣду, необходимую арміи, занимающей фланговую позицію, для возвращенія къ своей естественной базѣ и для достиженія тѣхъ преимуществъ, къ которымъ нужно стремиться ради сущности всякой фланговой операціи — уцѣпиться за флангъ противника, а, въ случаѣ успѣха, оттѣснить его отъ пути отступленія.

Все это становится очень яснымъ, если мы примемъ во вниманіе обстановку Іены и Ауерштедта. Расположеніе пруссаковъ открывало путь на Берлинъ и должно было привести къ сраженію съ обратнымъ фронтомъ, если противникъ избиралъ прямой путь къ столицѣ Пруссіи на Бамбергъ, безразлично, если бы его атаковали или ждали его атаки. Только рѣшающая побѣда, равносильная разгрому французовъ, могла снова освободить этотъ путь, а вмѣстѣ съ нимъ и естественную линію сообщенія арміи на Берлинъ — Франкфуртъ на Одерѣ. На подобную побѣду, съ наличными силами, можно было разсчитывать лишь въ томъ случаѣ, если бы удалось напасть на раздѣленныя колонны противника раньше, чѣмъ императоръ смогъ бы сосредоточить свою армію. Если же, напротивъ, ожидать соединенія силъ противника, то обстановка заранѣе складывалась чрезвычайно неблагопріятно. Тогда пруссаки оказывались обойденными сильнѣйшимъ противникомъ, безъ надежды побѣдить въ наступательномъ бою и съ нѣкоторыми шансами потерять сообщенія съ родиной, если проиграть оборонительное сраженіе за Заалой.

Но и успѣшное отраженіе непріятельской атаки на избранную фланговую позицію не измѣнило бы въ значительной мѣрѣ стратегическую обстановку, и въ лучшемъ случаѣ облегчила бы отступленіе. Только самое рѣшительное наступленіе во фланги императорской арміи давало прусско-саксонской арміи возможность успѣха.

Такимъ образомъ, этотъ примѣръ наглядно подтверждаетъ то, что чистая оборона на фланговой позиціи не даетъ права разсчитывать на положительные результаты; что фланговая позиція даетъ преимущества только тогда, когда съ нея можно и желаютъ, при благопріятныхъ условіяхъ, перейти въ наступленіе, или если она расположена такъ, что въ самомъ неблагопріятномъ случаѣ нельзя потерять совершенно обез-

печенный путь отступленія. Только подобныя условія оправдываютъ это рѣшеніе.

Затѣмъ, какъ уже сказано въ началѣ главы, способъ, которымъ ведется оборона, зависитъ отъ того—задумана ли чистая оборона или же заранѣе предвидится переходъ въ наступленіе. Каждое изъ этихъ намѣреній обусловливаетъ различную группировку силъ. Въ первомъ случаѣ нужно дѣйствительно биться за каждый вершокъ земли и повсюду отразить атаку противника. На удачѣ этого отраженія основана побѣда. Войска должны быть соотвѣтственнымъ образомъ распредѣлены на позиціи. Вѣроятные пункты атаки занимаются сильнѣе; тактически выгодные фронты—слабѣе; резервы распредѣляются по тѣмъ же соображеніямъ; но всюду нужно быть настолько сильнымъ, чтобы можно было удержаться на своемъ мѣстѣ.

Во второмъ случаѣ бой ведется преимущественно для выигрыша времени, въ ожиданіи того, что контръ-ударъ рѣшитъ бой раньше, чѣмъ оборонительный бой будетъ сломленъ. Поэтому нѣтъ надобности все время держаться на каждомъ участкѣ позиціи, а нужно лишь на время задержать противника и заставить его ввести противъ оборонительнаго фронта возможно больше силъ. Центръ тяжести побѣды лежитъ въ данномъ случаѣ въ контръ-ударѣ и соотвѣтственно этому нужно распредѣлить гарнизонъ позиціи и сгруппировать резервы.

Вслѣдствіе этого способъ веденія обороны въ обоихъ случаяхъ зависитъ преимущественно отъ расположенія и примѣненія резервовъ. Эти послѣдніе могутъ быть распредѣлены за фронтомъ, за однимъ или обоими флангами или, наконецъ, выдвинуты уступомъ впередъ для охвата непріятельскаго фланга. Какой изъ способовъ расположенія и употребленія резервовъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ принципіально самый правильный, и чѣмъ надлежитъ руководствоваться вообще при выдѣленіи резервовъ, — будетъ разсмотрѣно въ одной изъ слѣдующихъ главъ. Здѣсь же рѣчь идетъ исключительно о формахъ атаки и обороны и этотъ вопросъ всесторонне разсмотрѣть нельзя.

Зато здѣсь нужно критически разсмотрѣть тѣ формы веденія войны, которыя получаются при операціяхъ по внутреннимъ и внѣшнимъ линіямъ. Это задача чрезвычайно

важная для всѣхъ стратегическихъ дѣйствій. Она основана на взаимодѣйствіи между атакой и обороной.

Какъ извѣстно, было время, когда дѣйствія на внутренней линіи противъ двухъ или нѣсколькихъ отдѣльныхъ противниковъ считались высшимъ проявленіемъ полководческаго таланта. Въ нихъ видѣли глубоко скрытый залогъ побѣды. Войны Фридриха Великаго и нѣкоторые походы Наполеона создали эту теорію и вмѣстѣ съ тѣмъ подтвердили ее. Главнымъ научнымъ представителемъ ея является Жомини.

Удерживая одного изъ двухъ противниковъ, которыхъ нужно побѣдить, сначала слабыми силами, обрушиваются съ перевѣсомъ въ силахъ на другого, разбиваютъ его, преслѣдуютъ частью силъ и затѣмъ возвращаются съ главными силами къ другому противнику, до сихъ поръ сдерживаемому. Такъ, съ одними тѣми же войсками можно разбить съ перевѣсомъ въ силахъ двѣ отдѣльно дѣйствующія арміи, даже если онѣ въ общей сложности сильнѣе дѣйствующаго по внутренней линіи. Такова теорія.

По моему мнѣнію, она выведена съ ошибкой въ теченіи мыслей. Она заранѣе предрѣшаетъ, что одинъ изъ противниковъ даетъ удержать себя слабыми силами, а другой приметъ бой съ болѣе сильной арміей и будетъ разбитъ. Только при этомъ условіи теорія эта вѣрна.

Однако, подобное предположеніе совершенно произвольно и потому недопустимо, такъ какъ никто не имѣетъ права въ теоріи разсчитывать на ошибки одной изъ сторонъ. Если противникъ, который долженъ быть сначала удержанъ, настойчиво двинется впередъ, а другой избѣгнетъ удара и перейдетъ въ наступленіе только тогда, когда главныя силы противника отъ него отстанутъ, то армія, дѣйствующая по внутреннимъ линіямъ, мало по малу будетъ стѣснена на незначительномъ пространствѣ и въ концѣ концовъ дѣло сведется къ концентрическому взаимодѣйствію раздѣленныхъ армій, что дастъ имъ перевѣсъ въ силахъ или, если этого нѣтъ, то одинаковые шансы на успѣхъ, и притомъ въ обстановкѣ, серьезно угрожающей пути отступленія и оперативной свободѣ охваченнаго противника. Планъ войны Трахенберга былъ разработанъ на этихъ совершенно правильныхъ разсужденіяхъ и привелъ вѣдь къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ союз-

никовъ подъ Лейпцигомъ, хотя онъ и не былъ осуществленъ вполнѣ послѣдовательно.

Конечно можно побѣдить и на внутреннихъ линіяхъ, такъ же какъ и посредствомъ охвата. Отрицать это—значило бы закрывать глаза на военноисторическій опытъ. Но эти побѣды были достигнуты не вслѣдствіе расположенія операціонныхъ и наступательныхъ линій, а зависѣли совсѣмъ отъ другихъ обстоятельствъ.

„Если идея искуснаго комбинированія пространства и времени (что необходимо для операцій по внутреннимъ линіямъ) должна относиться ко всѣмъ случаямъ, когда рѣшительный и дѣятельный полководецъ посредствомъ быстрыхъ маршей разбиваетъ съ одной и той же арміей нѣсколько армій противника (Фридрихъ Великій, Бонапартъ), то мы безполезно вступаемъ въ дебри условнаго языка. . . . Правильная оцѣнка противниковъ (Даунъ, Шварценбергъ), дерзость выставить противъ нихъ на время лишь незначительныя силы, энергія форсированныхъ маршей, смѣлость быстрыхъ нападеній, повышенная дѣятельность, овладѣвающая душами великихъ людей въ моментъ опасности — таковы причины этихъ побѣдъ“. Такъ пишетъ Клаузевицъ.

Конечно, слѣдуетъ признать, что дѣйствія по внутреннимъ линіямъ требуютъ въ усиленной мѣрѣ смѣлыхъ рѣшеній именно потому, что связаны съ величайшимъ рискомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вызываютъ къ жизни самыя рѣшительныя силы полководца. Только великіе и смѣлые полководцы успѣшно примѣняли этотъ способъ веденія войны. Мы, нѣмцы, должны въ особенности воспитываться на немъ, такъ какъ намъ придется дѣйствовать противъ Россіи, Франціи и Англіи по внутреннимъ линіямъ подобно тому, какъ нѣкогда Фридрихъ Великій дѣйствовалъ противъ Австріи, Россіи и Франціи. Поэтому мы имѣемъ полныя основанія къ тому, чтобы изучить сущность этихъ операцій.

Такъ какъ между величиной арміи и разстояніемъ между театрами военныхъ дѣйствій должно быть извѣстное соотношеніе, отъ котораго зависитъ и самая возможность осуществленія операціи, то и для внутренней линіи существуетъ извѣстная закономѣрность. Чѣмъ крупнѣе армія, дѣйствующая на внутренней линіи, тѣмъ больше должно быть разстояніе между обоими противниками, которыхъ нужно

разбить. Чѣмъ больше число войсковыхъ частей, тѣмъ труднѣе перебросить ихъ съ одной части театра военныхъ дѣйствій на другую, тѣмъ сложнѣе будутъ подготовительныя распоряженія для этой операціи и тѣмъ больше времени требуется для ея выполненія.

Чтобы перебросить крупную германскую армію, разбившую французовъ, съ западной границы на восточную, нужны недѣли, а за это время болѣе сильная и побѣдоносная русская армія вторгнется глубоко въ сердце Германіи. Въ теченіе того же времени и французы, противъ которыхъ будутъ оставлены слабыя силы, могутъ снова перейти въ наступленіе. За время перевозки германской арміи по желѣзнымъ дорогамъ, пространство между обѣими, дѣйствующими по внѣшнимъ линіямъ, арміями можетъ значительно сузиться. Поэтому, не будь Германія такъ растянута съ запада на востокъ, то при извѣстныхъ условіяхъ положеніе ея могло бы сдѣлаться весьма критическимъ. Если представимъ себѣ удаленіе обоихъ театровъ военныхъ дѣйствій нѣсколько сокращеннымъ, то станетъ очевидно, что наступитъ такой моментъ, когда съ арміей въ 10—12 корпусовъ операцію эту нельзя будетъ выполнить. Эти условія пространства должны всегда быть взвѣшены при организаціи операцій по внутреннимъ линіямъ. Именно, современныя массовыя арміи требуютъ свободы движеній. Аппаратъ слишкомъ великъ и сложенъ, чтобы его можно было быстро и не задумываясь обращать то въ ту, то въ другую сторону.

Рѣшающее значеніе имѣетъ затѣмъ и правильное распредѣленіе силъ. Одна изъ частей вооруженныхъ силъ должна быть настолько сильной, чтобы сдерживать противника во все время, пока другая часть добивается побѣды; эта же послѣдняя должна быть настолько сильна, чтобы побѣда была обезпечена во всякомъ случаѣ. Но и послѣ этой побѣды не всегда будетъ легко опредѣлить — сколько войскъ оставить противъ разбитаго врага и сколько нужно перебросить на другой театръ военныхъ дѣйствій, чтобы побѣдить и тамъ. Какихъ либо правилъ для этого распредѣленія дать нельзя. До какой степени можно рискнуть на одной сторонѣ, чтобы быть сильнѣе на другой, подскажетъ военное чутье, правильная оцѣнка противника и прочія невѣсомыя данныя. Можно сказать лишь одно: чѣмъ быстрѣе

можно перебрасывать войска то туда, то сюда, тѣмъ смѣлѣе можно дѣйствовать; чѣмъ больше времени, благодаря величинѣ разстояній и передвигаемыхъ массъ, необходимо для выполненія операціи, тѣмъ большее значеніе пріобрѣтаетъ наличное соотношеніе силъ, такъ какъ обманъ и нравственное впечатлѣніе побѣды поддерживаются только въ теченіе опредѣленнаго времени. Если выпустить противника изъ рукъ, онъ въ непродолжительномъ времени вернетъ себѣ оперативную и боевую способность. Послѣ сраженія у Линьи Наполеонъ могъ, конечно, надѣяться приковать на нѣкоторое время прусскую армію слабыми силами Груши, чтобы успѣть разбить армію Велингтона. Не будь геніальныхъ распоряженій Гнейзенау, это несомнѣнно бы удалось ему. Но если германской арміи придется дѣйствовать по внутреннимъ линіямъ противъ Франціи и Россіи, она должна будетъ, даже послѣ крупной и рѣшительной побѣды, оставить на западѣ или на востокѣ очень значительныя силы, которыя могли бы задержать разбитаго противника въ теченіе мѣсяцевъ и не дать ему занять выгодное, рѣшающее положеніе.

На раздѣленіе силъ послѣ побѣды всегда будетъ вліять и значеніе этой послѣдней. Чѣмъ больше достигнутый успѣхъ, тѣмъ смѣлѣе можно дѣйствовать. Поэтому весьма важно какъ можно полнѣе одержать первую побѣду, чтобы надежно обезвредить атакованнаго непріятеля на продолжительное время. Каждая ошибка въ расчетахъ можетъ съ этой точки зрѣнія имѣть чрезвычайно гибельныя послѣдствія. Въ 1814 г. Наполеонъ совершилъ такую рѣшающую ошибку, когда послѣ побѣдъ у Шампобера, Монмираля, Шато-Тьери и Этожа бросилъ Силезскую армію и снова обратился противъ главной арміи союзниковъ, считая армію Блюхера окончательно добитой. Онъ преувеличилъ значеніе своего успѣха и не разсчитывалъ на то, что Силезская армія уже черезъ нѣсколько дней перейдетъ въ наступленіе. Это обстоятельство вырвало бы у него побѣду на внутренней линіи даже и въ томъ случаѣ, если бы онъ вообще оказался въ силахъ разбить главную массу союзной арміи.

Дѣйствующій по внѣшнимъ линіямъ менѣе зависитъ отъ пространства, чѣмъ противникъ, двигающійся по внут-

реннимъ, и на его долю приходится меньше оперативныхъ затрудненій. Здѣсь рѣчь идетъ лишь о движеніяхъ отдѣльныхъ группъ арміи впередъ и назадъ, а не о перемѣнахъ фронта и соотвѣтствующемъ раздѣленіи силъ. При правильномъ образѣ дѣйствій можетъ удаться оттѣснить части непріятельской арміи на ограниченное пространство и въ концѣ концовъ придти къ тактическому взаимодѣйствію раздѣленныхъ частей арміи, можетъ быть и безъ непосредственнаго соприкосновенія ихъ. Чѣмъ больше массы противника по сравненію съ размѣрами всего театра военныхъ дѣйствій, тѣмъ быстрѣе можетъ быть достигнутъ этотъ результатъ и тѣмъ рѣшительнѣе будетъ одержанная побѣда. Если, поэтому, именно въ современной войнѣ, дѣйствія на внѣшнихъ линіяхъ обѣщаютъ значительный успѣхъ, то все же они сопряжены и съ довольно существенными опасностями.

Дѣйствія по внутреннимъ линіямъ связаны съ рискомъ быть охваченнымъ съ фланговъ, отрѣзаннымъ отъ путей отступленія и сообщеній и оттѣсненнымъ на небольшое пространство; зато при дѣйствіяхъ по внѣшнимъ линіямъ возникаетъ прежде всего трудность согласовать движенія обѣихъ частей арміи, которая хотя и уменьшилась благодаря современнымъ средствамъ связи, но отнюдь не устранена въ полной мѣрѣ. Затѣмъ все время существуетъ опасность, что раздѣленныя группы будутъ отброшены въ расходящихся направленіяхъ и разбиты порознь, если впадутъ въ ошибку или не будутъ достаточно освѣдомлены о дѣйствіяхъ противника. Вѣдь не всегда возможно уклониться отъ неожиданной атаки или атаковать въ данный моментъ. Зачастую невѣсомые факторы оказываютъ такое вліяніе, что его не въ силахъ преодолѣть даже воля полководца.

Такимъ образомъ, между выгодами и недостатками внутреннихъ и внѣшнихъ линій существуетъ взаимоотношеніе; они до нѣкоторой степени устраняютъ другъ друга. Тактически же внѣшнія линіи приводятъ къ охвату противника, тогда какъ внутреннія связаны съ опасностью быть охваченнымъ. Съ этой точки зрѣнія приходится отдать нѣкоторое преимущество внѣшнимъ линіямъ.

Это однако отнюдь не оправдываетъ сильно распространенное въ наше время мнѣніе, будто при современныхъ

условіяхъ дѣйствія по внутреннимъ линіямъ совершенно невозможны, такъ какъ войсковыя массы слишкомъ велики, а свобода передвиженій на внутреннихъ линіяхъ слишкомъ незначительна. Эта точка зрѣнія неминуемо заставляетъ впасть въ односторонность, подобно Жомини, который призналъ за внутренними линіями главный секретъ всякаго военнаго искуства. Необходимо остерегаться односторонности и въ отношеніи формъ атаки и обороны. Такой формы, которая бы до извѣстной степени могла быть названа единственно правильной, не существуетъ. Принявъ такую форму, мы вынуждены были бы отказаться отъ исторической правды и здравой логики.

Къ сожалѣнію, германская армія находится на самомъ лучшемъ пути, чтобы впасть въ эту односторонность. Въ области стратегіи доминируетъ предпочтеніе принципу внѣшнихъ линій, а въ области тактики та же мысль превратилась въ шаблонъ, офиціальнымъ выразителемъ котораго является нѣмецкій строевой пѣхотный уставъ: „Сочетаніе фронтальной и охватывающей атаки даетъ наибольшіе шансы на успѣхъ". Эта фраза ложна, какъ только что было доказано. Она вѣрна лишь при совершенно произвольномъ представленіи о силахъ и дѣйствіяхъ противника. Но она и опасна, такъ какъ не только мѣшаетъ начальнику искать новыхъ путей для побѣды, подсказываемыхъ, можетъ быть, выгодной обстановкой, но и облегчаетъ противнику принятіе соотвѣтствующихъ мѣръ, если онъ навѣрняка можетъ разсчитывать, что другая сторона всегда дѣйствуетъ по одному и тому же принципу.

Какъ велика эта опасность, классически показываетъ интересный бой у Даймондъ-Хилля въ Южно-африканской войнѣ.

Лордъ Робертсъ съ самаго начала своей полководческой дѣятельности въ Южной Африкѣ придерживался принципа охватывать позиціи буровъ съ фланга и уже послѣ того атаковать съ фронта, если это оказывалось еще необходимымъ. Онъ, конечно, хотѣлъ избѣжать кровопролитныхъ фронтальныхъ боевъ, которые обошлись такъ дорого англичанамъ въ началѣ войны. Этотъ способъ буры изучили на многихъ бояхъ и считались съ нимъ, когда послѣ потери Преторіи заняли высоты Даймондъ-Хиллъ къ востоку отъ этого города.

Позиція имѣла протяженіе болѣе 30 килом. и для занятія ея у буровъ было только нѣсколько тысячъ человѣкъ. Главная линія сообщенія этой маленькой арміи—желѣзная дорога къ бухтѣ Делагоа—заканчивалась въ центрѣ всей позиціи. Если бы англичанамъ удалось овладѣть этой дорогой, положеніе буровъ было бы отчаянное. Поэтому направленіе на непріятельскій центръ было для англичанъ какъ бы обязательнымъ направленіемъ атаки, такъ какъ оно угрожало жизненному нерву Бурской арміи и разбивало послѣднюю на двѣ части. Несмотря на это, Людвигъ Бота былъ такъ увѣренъ въ охватывающей теоріи лорда Робертса и въ его боязни фронтальныхъ атакъ, что онъ занялъ центръ позиціи совершенно слабо, только для вида, а главныя силы распредѣлилъ между обоими флангами, чтобы самому быть въ состояніи обойти своего значительно сильнѣйшаго противника, когда тотъ приступитъ къ излюбленному охвату. Онъ и не ошибся въ расчетахъ. Англійская кавалерія, по привычкѣ, предприняла охватъ и сама подставила флангъ бурамъ. Несмотря на это, англійскій главнокомандующій не могъ рѣшиться на фронтальную атаку, которая свелась бы къ простому движенію впередъ, и буры могли, хотя и безъ побѣды, но безпрепятственно и почти безъ потерь отступить къ слѣдующему рубежу, сохранивъ за собою желѣзную дорогу.

Такимъ образомъ мы видимъ здѣсь, какъ искусный начальникъ разсчитываетъ на извѣстный шаблонъ своего противника и увѣренно принимаетъ соотвѣтствующія мѣры и даже диктуетъ ему свою волю.

Но совершенно иначе складываются обстоятельства, если обороняющійся не знаетъ—что предприметъ атакующій; если онъ вынужденъ готовиться на всѣ случаи и вслѣдствіе этого разбросать свои силы тѣмъ больше, чѣмъ длиннѣе фронтъ. Классическимъ примѣромъ невыгодъ такого незнанія служитъ Мукденское сраженіе.

Первая атака японцевъ была произведена противъ лѣваго фланга русскаго фронта, простиравшагося болѣе, чѣмъ на 100 килом. Такъ какъ тамъ появились войска изъ подъ Портъ-Артура (11-я дивизія), то генералъ Куропаткинъ ждалъ здѣсь главной атаки, и немедленно передвинулъ туда резервъ своего праваго крыла (1 Спб. корпусъ). Остальной резервъ (XVI корпусъ и 72-я дивизія) стоялъ за центромъ. Уступного

резерва за правымъ флангомъ не было. Лишь постепенно для русскихъ выяснилось направленіе главной атаки: дальній охватъ праваго фланга. Тогда наскоро образуется оборонительный флангъ; всѣ резервы, даже съ фронта, переводятся туда. I Спб. корпусъ вызванъ съ лѣваго фланга назадъ и еще успѣлъ прикрыть главный путь отступленія противъ охватывающей арміи. Но вслѣдствіе этого, за центромъ и лѣвымъ флангомъ уже не оказывается резервовъ. Японскіе начальники быстро воспользовались этимъ ослабленіемъ фронта для рѣшительной атаки, прорвали непріятельскую линію, какъ мы уже говорили въ другомъ мѣстѣ, и превратили проигранное русскими сраженіе въ разгромъ.

Между тѣмъ нельзя отказаться отъ мысли, что нѣмецкій генералъ удовольствовался бы удержаніемъ непріятеля на фронтѣ, такъ какъ „сочетаніе фронтальной и фланговой атаки наиболѣе обезпечиваетъ побѣду“, а „прорывъ попадаетъ подъ концентрическій огонь противника“.

Идея, что охватъ рѣшаетъ побѣду, господствуетъ съ 1866 и 1870 г.г., съ предполагаемой теоріей охватовъ Мольтке въ умахъ нѣмецкихъ начальниковъ настолько сильно, что большинство ихъ даже и не предполагаетъ возможности дѣйствовать иначе. Генералъ-фельдмаршалъ графъ Шлиффенъ наглядно описываетъ въ своей монографіи „Канны“, какъ вечеромъ, 3 іюля 1866 г. на высотѣ у Росница, всѣ, кто имѣлъ претензію на званіе стратега, обсуждали вопросъ— какъ бы поступилъ теперь Наполеонъ или Гнейзенау, „вмѣсто того, чтобы дѣйствовать сообразно требованіямъ минуты“. Будемъ остерегаться того, чтобы въ подобную же минуту раздумывать надъ тѣмъ—какъ поступилъ бы Мольтке, вмѣсто того, чтобы открытыми глазами обнять обстановку, какъ она есть на дѣлѣ, и принять рѣшеніе безъ предвзятой мысли.

Исторія всѣхъ войнъ учитъ насъ, что побѣда не прикована къ опредѣленной формѣ атаки и обороны; что величайшія побѣды достигались различными путями; что при извѣстныхъ условіяхъ самыя цѣлесообразныя мѣры не могли спасти отъ пораженія, если войска не оказывались на высотѣ положенія, или роковымъ образомъ обнаружилось то, что мы называемъ случаемъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ, что всѣ войны новѣйшаго времени носятъ каждая свой

опредѣленный характеръ; что въ каждой изъ нихъ проявляется своеобразный способъ дѣйствій, опредѣляемый особыми условіями и личностью начальника.

Фридрихъ Великій, который во время первыхъ двухъ Силезскихъ войнъ часто дѣйствуетъ ощупью, пробуетъ и внутренно борется съ идеями веденія войны, былъ вынужденъ во время Семилѣтней войны къ стратегической оборонѣ на внутреннихъ линіяхъ. Это придаетъ его дѣйствіямъ опредѣленный наступательный характеръ, какъ того и требуютъ внутреннія линіи.

Тактически онъ отдаетъ предпочтеніе атакѣ во флангъ и обратному фронту, несмотря на всѣ кроющіяся въ этомъ опасности, такъ какъ онъ искалъ не простой побѣды, а разгрома, что обусловливалось его положеніемъ.

Наполеонъ выступилъ на сцену, какъ завоеватель, и всегда дѣйствуетъ такъ въ военномъ дѣлѣ. Его мысль всегда озабочена тѣмъ, чтобы наступать съ превосходными силами въ рѣшающемъ направленіи и порвать стратегическую паутину, въ которую его хотѣли поймать его ученые противники. Тактически же онъ дѣйствуетъ по принципу: „je m'engage et puis je vois". Онъ всюду старается добиться побѣды численнымъ превосходствомъ и массовымъ вводомъ резервовъ въ рѣшающемъ направленіи; у него форма поглощается единствомъ и силой идеи уничтоженія.

Школа Мольтке носитъ иной характеръ. Почти всюду наблюдается стремленіе къ дѣйствіямъ отдѣльными колоннами по внѣшнимъ линіямъ для концентрической атаки, что и обезпечиваетъ побѣду въ 1866 и 1870 г.г.

Въ Южной Африкѣ лордъ Робертсъ исключительно придерживался стратегіи охватовъ.

Дѣйствія японцевъ въ Манчьжурской войнѣ нигдѣ не отрицаютъ прусской школы, но не остаются прикованными къ заколдованному кругу идеи охвата. Русскіе нигдѣ не поднимаются выше попытки мѣстной и фронтальной обороны. Ихъ дѣйствія знаменуются полнымъ отсутствіемъ воли и разума.

Теперь, вопреки всѣмъ урокамъ военной исторіи, односторонне мыслящая школа стремится обратить стратегію охватовъ въ залогъ побѣды. Всюду обнаруживается нѣкоторая односторонность понятій, извлеченныхъ изъ ограниченнаго

или зачастую произвольно истолкованнаго опыта новѣйшаго времени, а не изъ сущности вещей.

Во всемъ этомъ для насъ заключается урокъ и предостереженіе. Мы всегда должны помнить, что въ каждой формѣ боя скрытъ рѣшающій моментъ, который при извѣстныхъ условіяхъ можетъ быть введенъ въ дѣло. Поэтому мы не смѣемъ на практикѣ подходить къ военнымъ задачамъ съ предвзятымъ, односторонне обоснованнымъ мнѣніемъ.

Ближайшая война навѣрное не разыграется при тѣхъ же условіяхъ и въ той же обстановкѣ, какъ послѣдняя. Опытъ войны не переносится непосредственно на будущее. Творческая мысль должна предвосхитить опытъ будущаго. Въ будущей войнѣ мы не должны безъ разбора примѣнять то, чему насъ дѣйствительно или въ воображеніи учитъ послѣдняя война, а что кажется намъ наиболѣе цѣлесообразнымъ послѣ подробной провѣрки вѣроятныхъ условій. Мы должны безъ предвзятыхъ мыслей примѣнять тѣ оперативныя и тактическія средства, которыя подходятъ къ особенностямъ нашего врага, характеру всей войны и условіямъ каждаго частнаго случая, а также сообразуясь съ нашими орудіями войны. То придется примѣнить охватъ, то фланговую атаку, прорывъ, чистую оборону или рѣшительный контръ-ударъ. Полководецъ долженъ умѣть дѣйствовать по всячески и вмѣстѣ съ тѣмъ знать тѣ затрудненія, которыя влекутъ за собою современныя массовыя арміи.

Отсюда для каждаго серьезно мыслящаго солдата снова и снова возникаетъ предостереженіе—продумать всѣ эти крупные оперативные и тактическіе вопросы во всѣхъ направленіяхъ, принявъ во вниманіе современныя условія и боевыя средства, а не успокаиваться на заимствованныхъ и заученныхъ взглядахъ.

---

4. Укрѣпленная позиція.

Примѣненіе укрѣпленныхъ позицій въ новѣйшихъ войнахъ.—Вліяніе укрѣпленныхъ позицій на ходъ войны.—Важность вопроса—каково ихъ значеніе вообще.—Общее положеніе дѣлъ въ Русско-турецкой войнѣ.—Наступленіе Османа-паши къ Плевнѣ.—Оцѣнка стратегической обстановки.—Третье сраженіе подъ Плевной и новый кризисъ.—Неудача наступленія турокъ и ея послѣдствія.—Недостатки снаряженія и тактики русскихъ.—Высшее командованіе у русскихъ.—Причины пораженія русскихъ.—Характеръ укрѣпленныхъ позицій у буровъ и ихъ занятіе.—Родъ и примѣненіе артиллеріи буровъ.—Причины неудачъ англичанъ.—Англійская пѣхота.—Англійская артиллерія.—Слабое дѣйствіе англійской артиллеріи.—Слабыя стороны англійскихъ атакъ.—Безпомощность укрѣпленныхъ позицій противъ обхода.—Относительная цѣнность укрѣпленныхъ позицій буровъ.—Ложная оцѣнка укрѣпленныхъ позицій русскими въ Маньчжурской войнѣ.—Безуспѣшность русской обороны.—Тактическое превосходство японской пѣхоты.—Составъ и примѣненіе японской артиллеріи.—Русская артиллерія.—Причины японскихъ побѣдъ.—Высшее командованіе у русскихъ.—Выводы.—Атака укрѣпленной позиціи.—Атака главными силами въ рѣшающемъ направленіи.—Артиллерія атакующаго.—Дѣйствія пѣхоты.—Дѣйствія послѣ удавшагося штурма.

Мы видѣли, что возможность воспользоваться искуственными закрытіями выгодна и въ современной войнѣ и что эти выгоды особенно благопріятствуютъ оборонѣ; если же мы прослѣдимъ исторію послѣднихъ большихъ войнъ, то увидимъ, что оборона широко пользовалась этимъ средствомъ, и даже настолько, что это стремленіе создавать искуственныя закрытія и, засѣвъ въ нихъ, остановить противника, придало особый отпечатокъ веденію войны.

Въ Русско-турецкой войнѣ мы видимъ, что русскіе на Шипкѣ, а турки въ Плевнѣ, закапываются по уши и въ теченіе многихъ мѣсяцевъ смѣются за укрѣпленіями надъ атаками далеко превосходящаго по численности врага. Плевна

въ особенности стала центромъ всей войны. Послѣ паденія этого оплота, сопротивленіе турокъ было сломлено. Рѣшеніе войны лежало въ борьбѣ за эту позицію.

Въ Южно-африканской войнѣ буры, какъ извѣстно, окапывались постоянно, пытаясь увеличить этимъ силу сопротивленія своихъ позицій, обыкновенно занятыхъ очень слабо. И дѣйствительно, фронтальныя атаки англичанъ почти всегда разбивались объ эти линіи окоповъ. Но удержаться въ нихъ продолжительное время обороняющемуся не удавалось.

Наконецъ, въ Русско-японской войнѣ русскіе примѣняли полевыя укрѣпленія въ самомъ широкомъ размѣрѣ и на укрѣпленіе своихъ позицій расходовали значительныя средства. Японскія атаки могли лишь медленно отвоевывать мѣстность впереди этихъ позицій. Но земляныя укрѣпленія не смогли доставить русскимъ побѣду, какъ и туркамъ въ 1877 г.

Что всюду выигрывалось при помощи окопной войны—это время. Русскіе за окопами въ Маньчжуріи отвоевывали время, чтобы подвезти изъ Европейской Россіи новые корпуса, пока не сосредоточили весьма значительный перевѣсъ въ силахъ надъ врагомъ. Но побѣды они этимъ не достигли. Совершенно то же было и съ турками въ Болгаріи. Плевненская позиція надолго остановила стратегическую атаку русскихъ. Но турки не умѣли использовать выигранное этимъ время, пока у нихъ была возможность вырвать побѣду. Наконецъ, буры могли затянуть войну на своихъ укрѣпленныхъ горахъ на цѣлые годы въ тщетной надеждѣ на вмѣшательство Европы.

Итакъ, во всѣхъ этихъ случаяхъ укрѣпленная позиція не могла добиться цѣли каждой войны—побѣды. Нигдѣ атакующій не былъ вынужденъ потерями передъ укрѣпленіями отказаться отъ борьбы. Съ другой стороны, обороняющійся нанесъ изъ за этихъ укрѣпленій значительныя потери атакующему; его попытки штурмовать всегда кончались неудачей; нужны были величайшія усилія, чтобы преодолѣть укрѣпленныя линіи, и обороняющійся всегда могъ воспользоваться создавшейся обстановкой, чтобы перевернуть ходъ вещей въ свою пользу; такъ было по крайней мѣрѣ въ Восточной Азіи и Болгаріи.

Въ особенности это послѣднее соображеніе дѣлаетъ необходимымъ разобраться въ вопросѣ—въ чемъ собственно за-

ключается для обороняющагося цѣнность укрѣпленныхъ позицій и какое, вслѣдствіе этого, значеніе онѣ должны имѣть для атакующаго. Это кажется тѣмъ болѣе необходимымъ, что можно допустить, что въ будущемъ, какъ и въ новѣйшихъ войнахъ, лопатой будутъ широко пользоваться для устройства закрытій отъ усилившагося огневого дѣйствія. Поэтому весьма важно вполнѣ уяснить себѣ тактическое и оперативное значеніе укрѣпленныхъ позицій.

Чтобы получить правильное объ этомъ мнѣніе, нужно прежде всего разсмотрѣть—почему упорная оборона за валами и рвами не могла оказать рѣшающаго вліянія на общее положеніе дѣлъ, и затѣмъ—было ли со стороны атакующаго сдѣлано все, что рекомендовалось для быстраго одолѣнія этихъ укрѣпленныхъ позицій или стратегическаго обезвреживанія ихъ.

Прежде всего разсмотримъ Русско-турецкую войну.

Турецкая армія была черезчуръ слаба, чтобы долгое время сопротивляться всѣмъ вооруженнымъ силамъ Россіи. Съ другой стороны, сосредоточеніе русской арміи было сопряжено съ значительными трудностями. Подвозъ значительныхъ войсковыхъ массъ къ турецкой границѣ могъ совершаться только постепенно. Сосредоточить турецкія вооруженныя силы было значительно легче и презрительно относиться къ нимъ, конечно, было нельзя.

Вопреки этимъ условіямъ, русское высшее командованіе назначило для выполненія похода сравнительно слабыя силы и къ тому же распредѣлило свои войска не совсѣмъ удачно. Для занятія Крыма и побережья Чернаго моря, для наступленія въ Добруджѣ и для наблюденія за турецкими крѣпостями на Дунаѣ безполезно расходовались большія массы войскъ, такъ что для наступленія осталось сравнительно мало. Тѣмъ не менѣе они смѣло перешли за Шипкинскій проходъ; генералъ Гурко перешелъ Балканы. Правый флангъ былъ прикрытъ отъ Вида слабыми силами, а лѣвый—болѣе сильнымъ отрядомъ на Ломѣ, противъ главной турецкой арміи въ четыреугольникѣ крѣпостей.

При такомъ положеніи дѣлъ всякое дѣйствіе противъ фланговъ и длиннаго пути сообщенія вторгнувшейся арміи, базировавшейся на единственный мостъ черезъ Дунай, было въ высшей степени опаснымъ. Это и случилось. Османъ-паша выступилъ изъ Виддина въ Плевну и на-голову раз-

билъ встрѣтившія его войска русскихъ, непосредственно угрожая сообщеніямъ на Систово. Эта угроза флангу не могла быть оставлена безъ вниманія. Поспѣшно всѣ свободныя войска были сосредоточены противъ Плевны, атаковали Османа, который этимъ временемъ окопался, и снова были разбиты.

Тогда для русской арміи насталъ страшный кризисъ. Если бы Османъ перешелъ въ наступленіе, то не подлежитъ сомнѣнію, что русскіе должны были бы очистить Шипкинскій перевалъ и отступить къ Дунаю. Но турецкій полководецъ остался въ Плевнѣ и создалъ тамъ большой укрѣпленный лагерь. Это дало противнику время притянуть новыя силы. Сначала обратились съ просьбой о помощи къ Румыніи; затѣмъ были вызваны всѣ войска, которыя только могли быть доставлены въ ближайшее время. Все же на это потребовались недѣли. Это время турки могли бы использовать рѣшительнымъ образомъ, такъ какъ ихъ подкрѣпленія подходили быстрѣе русскихъ. Османъ притянулъ въ Плевну новыя войска. Изъ Черногоріи и отъ подножія Балканъ прибылъ Сулейманъ съ 50-ю испытанными таборами и оттѣснилъ Гурко назадъ, за горы. Въ это время на сторонѣ турокъ даже былъ численный перевѣсъ. Обстановка безусловно требовала рѣшительнаго перехода въ наступленіе. Если бы въ это время Сулейманъ паша, оставивъ противъ Шипкинскаго перевала, на которомъ укрѣпился VIII корпусъ Радецкаго, слабый заслонъ, и соединился бы по восточнымъ проходамъ съ главными силами турокъ, а затѣмъ вмѣстѣ съ ними двинулся на Тырново, то, не подлежитъ сомнѣнію, что Шипкинскій проходъ пришлось бы очистить, армія на Ломѣ была бы отброшена за Янтру и русская армія оказалась бы въ отчаянномъ положеніи.

Придворныя интриги и личные счеты не дали довести дѣло до этихъ рѣшительныхъ дѣйствій. Баталіоны Сулеймана истекли кровью въ безплодныхъ атакахъ Шипкинскаго перевала, а главная армія бездѣйствовала.

Однако, благопріятный моментъ долженъ былъ вернуться еще разъ. Эту обстановку вновь создала Плевненская укрѣпленная позиція.

Русскіе назначили главныя силы всѣхъ подходившихъ подкрѣпленій въ Плевненскую армію и въ концѣ концовъ, включая и подошедшихъ румынъ, она была доведена до

113 баталіоновъ, 91 эскадрона и 452 орудій, изъ коихъ 20 осадныхъ. Численность этихъ войскъ достигала 95000 ч. Противъ нихъ у Османа было не больше 35000 ч. въ 57 баталіонахъ, 14 эскадронахъ и 70 орудій. Съ этими ничтожными силами онъ долженъ былъ оборонять укрѣпленную позицію въ 30 килом. по обводу. При такихъ условіяхъ русскіе конечно могли разсчитывать на побѣду. Они атаковали съ 26 по 30 августа и были разбиты на голову, потерявъ 16000 чел.; нравственное потрясеніе было очень значительно.

Снова для турокъ былъ чрезвычайно благопріятный моментъ перехода въ наступленіе главной арміей. Она могла еще соединиться съ Сулейманомъ и опрокинуться на армію на Ломѣ съ значительнымъ перевѣсомъ въ силахъ. Разбитая подъ Плевной армія едва-ли могла помочь ей въ достаточной степени. Но и на этотъ разъ у турокъ на Ломѣ не оказалось мужества.

Плевна продержалась и приковала русскую армію къ мѣсту до 28 ноября. Но все это время прошло безъ всякихъ серьезныхъ попытокъ со стороны турокъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Такимъ образомъ, главная и самая цѣнная выгода, какую должна была доставить упорная оборона Плевненскихъ укрѣпленій, а именно—добиться побѣды въ другомъ мѣстѣ, не была осуществлена.

Турки, не пришедшіе къ этому рѣшенію, не поставившіе все на карту, лишь бы использовать выгодную обстановку созданную Плевненской позиціей, потеряли всѣ преимущества, вытекавшія для нихъ изъ упорной обороны ея укрѣпленій.

Правда, нельзя отрицать того, что плевненская позиція въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ приковывала къ себѣ главныя силы русскихъ, и потому возникаетъ вопросъ— обусловленъ ли такой результатъ самой сущностью вещей или же онъ былъ случайностью, слѣдствіемъ совершенно особыхъ условій.

Прежде всего ясно одно—что Плевненская позиція пріобрѣла свое выдающееся значеніе только тогда, когда была безуспѣшно атакована.

Правда, Османъ угрожалъ изъ Плевны русскимъ сообщеніямъ, но только пока онъ могъ или хотѣлъ наступать на нихъ. Какъ только онъ проявилъ свою неспособность къ

этому и привязался къ позиціи, эта опасность прекратилась. Конечно, было чрезвычайно непріятно сознавать его на своемъ флангѣ и нужно было достаточными силами во что бы то ни стало преградить ему дальнѣйшее движеніе впередъ. Но настоятельной необходимости его атаковать не было. Совершенно такъ же, какъ гораздо болѣе сильную главную турецкую армію только наблюдали, а не атаковывали, такъ и противъ Османа можно было удовольствоваться оборонительными дѣйствіями, поручивъ наблюденіе за нимъ равнымъ силамъ, которыя онъ былъ бы вынужденъ атаковать, если бы вздумалъ дѣйствовать дальше.

Конечно, въ пользу атаки говорили и стратегическія соображенія. Если бы Османъ былъ разбитъ, то флангъ и сообщенія арміи были бы окончательно обезпечены, чѣмъ пріобрѣталась болѣе широкая оперативная свобода. Тогда у русскаго главнокомандующаго было на выборъ: или обратиться соединенными силами противъ главной турецкой арміи въ четыреугольникѣ крѣпостей, или же, продолжая охранять себя обороной противъ этой арміи, двинуться черезъ Западные Балканы на Адріанополь; но эти стратегическія соображенія не вынуждали атаковать Плевну, а къ этому побуждали мотивы скорѣе нравственнаго характера. Оба первыя пораженія, нанесенныя русскимъ Османомъ, дѣлали какъ бы вопросомъ чести отплатить за понесенный ударъ, и потому было вдвойнѣ желательно побѣдой улучшить общее стратегическое положеніе.

Если уже этими разсужденіями значеніе укрѣпленной Плевненской позиціи значительно принижено, то оно падаетъ еще больше, когда мы узнаемъ, что русскіе могли занять ее гораздо раньше, если бы ихъ армія была на должной тактической высотѣ, а управленіе ею—на своемъ мѣстѣ. Исключительно эти обстоятельства имѣли слѣдствіемъ тщетныя атаки и придали Плевненской укрѣпленной позиціи столь важное для всей войны значеніе.

Прежде всего русская артиллерія была очень плоха. Полевая артиллерія была вооружена 4-хъ фунтовыми и 9-ти фунтовыми орудіями съ клиновымъ замкомъ, съ предѣльной дальностью въ 3500 и 4500 метровъ и шрапнельнымъ дѣйствіемъ на 1300 и 1500 метровъ. Снабженіе снарядами было какъ разъ въ переходномъ періодѣ къ началу войны. Пред-

полагавшееся перевооруженіе гранатами и шрапнелями не было еще осуществлено. Такимъ образомъ батареи выступили на войну съ такъ наз. шарохами и картечными гранатами вмѣсто шрапнели. Дѣйствіе этихъ снарядовъ по землянымъ укрѣпленіямъ было, при небольшомъ разрывномъ снарядѣ, равносильно нулю, а противъ войскъ — вслѣдствіе малаго числа дѣйствительныхъ осколковъ и слабаго дѣйствія въ глубину (4—13 метр.), незначительно, въ особенности по лежащимъ и укрытостоящимъ цѣлямъ. Примѣнявшаяся при третьей Плевнѣ осадная артиллерія состояла изъ 16-ти и 24-хъ фунтовыхъ бронзовыхъ орудій и 4—6 фунт. стальныхъ. Дѣйствіе ихъ огня было настолько мало, что турки ни разу на него не отвѣтили.

Ружья русскихъ также не были на должной высотѣ и потому какъ въ артиллеріи, такъ и въ вооруженіи пѣхоты, превосходство было на сторонѣ турокъ.

Русская артиллерія большею частью стрѣляла на слишкомъ большія разстоянія; 9-ти фунтовыя батареи начинали огонь уже съ 4000 метр., а такъ какъ 4-хъ фунтовыя орудія на это разстояніе стрѣлять не могли, то они и вводились въ бой. Ближе 2000 метр. подходили къ туркамъ только отдѣльныя батареи, а на разстояніи шрапнельнаго выстрѣла— отдѣльныя орудія. Управленія огнемъ не было. Такъ какъ пункты атаки были неизвѣстны, а цѣли не распредѣлены между батареями, то огонь никогда не сосредоточивался сообразно тактической потребности, а артиллерія просто обстрѣливала турецкую позицію безъ системы и порядка.

Особенно поучительна третья Плевна. Бомбардировка продолжалась 4 дня безъ какого либо существеннаго результата, кромѣ того, что турки убѣдились въ недѣйствительности русскаго огня. Произведенный на шестой день штурмъ былъ поддержанъ артиллеріей очень слабо.

Пѣхота, съ своей стороны, имѣла совершенно устарѣвшую тактику. О подносѣ огня къ врагу не было и рѣчи. Огонь открывался во время атаки только тогда, когда она останавливалась. Пѣхота штурмовала въ густыхъ колоннахъ со слабыми стрѣлковыми цѣпями и старалась подойти къ укрѣпленіямъ. Если порывъ исчезалъ, то начинался огневой бой на мѣстѣ. О необходимости подавить огонь противника никто не говорилъ и не пытался достичь этого. Поэтому нечего

удивляться тому, что подобныя атаки оканчивались неудачами, съ большими потерями при столкновеніи даже съ слабѣйшимъ, но хорошо укрытымъ и энергично стрѣляющимъ противникомъ.

Таково же было и командованіе. Атака велась безъ назначенія главнаго пункта и безъ общаго управленія. Бригады и полки вступали въ бой поочередно и поодиночкѣ и разбивались порознь. По личному мнѣнію русскаго начальника, генерала Зотова, рѣшеніе боя находилось на лѣвомъ флангѣ у Кришинскаго редута и на Зеленыхъ горахъ. Овладѣніе этой позиціей рѣшало и владѣніе Плевной. Однако, на правомъ флангѣ, противъ Гривицкаго редута было назначено 48 баталіоновъ, въ центрѣ 36, а на рѣшающемъ лѣвомъ флангѣ, подъ начальствомъ Скобелева—22 баталіона. Подобно же этому была распредѣлена и артиллерія. Общаго резерва фактически не было, но ко времени прекращенія штурма оставалось еще около 40 баталіоновъ и 180 орудій.

Когда Скобелевъ штурмовалъ Зеленыя горы и редуты на нихъ, т. е. овладѣлъ рѣшающей позиціей, его не поддержали, а напротивъ, указали очистить позицію, если онъ не можетъ поступить иначе. Несмотря на свою малочисленность, турки могли сосредоточить противъ него превосходныя силы и отбить ключъ всей позиціи.

Изъ сказаннаго ясно, что турки могли держаться на своей позиціи не потому, что она была сильна, а вслѣдствіе неумѣнія, съ какимъ она была атакована. Несмотря на всѣ недостатки вооруженія и тактики, русскіе, имѣя почти тройной перевѣсъ въ силахъ, а въ артиллеріи даже шестерной, должны были овладѣть позиціей, если бы войска ихъ были направлены и распредѣлены съ яснымъ пониманіемъ рѣшающаго пункта.

Къ тѣмъ же выводамъ приходимъ мы послѣ изученія Южно-африканской войны. У буровъ не было настоящихъ укрѣпленныхъ позицій, по европейскимъ понятіямъ. Они не строили сильныхъ опорныхъ пунктовъ и блиндажей противъ бомбъ и даже и не прикрывали свои пѣхотные окопы блиндажами противъ шрапнели. Ихъ постройки ограничивались стрѣлковыми окопами, закрытіями изъ камня, орудійными окопами, легкими искуственными препятствіями и масками. Стрѣлковые окопы были глубокіе и узкіе, съ ломаннымъ начертаніемъ противъ флангового огня. Большею частью укры-

тые ходы сообщеній вели къ болѣе надежнымъ закрытіямъ. Снаружи эти постройки были не видны; онѣ искусно примѣнялись къ мѣстности; иногда ихъ вырывали въ голой скалѣ. Но и наносные бруствера изъ камня были искусно примѣнены къ мѣстности и никогда не помогали англичанамъ въ прицѣливаніи. Потребность въ хорошемъ укрытіи и стремленіе къ охватывающему, концентрическому огню, въ связи съ постоянной боязнью быть обойденными, заставило ихъ все болѣе и болѣе растягивать свою огневую линію. Зачастую цѣлыя сотни метровъ по фронту оставались незанятыми, такъ какъ онѣ не давали хорошихъ укрытій и могли обстрѣливаться съ фланга. При этомъ у буровъ были отличныя 7,7 м.м. ружья Маузера, пачечной системы, съ прицѣльной дальностью до 2000 метровъ, а съ общей до 4000 м. и со скоростью стрѣльбы въ 25 выстрѣловъ въ минуту, благодаря чему они могли открывать дѣйствительный огонь уже съ большихъ разстояній.

Резервовъ они не знали, а все вводили въ первую линію. Зато почти всѣ они были конные и держали своихъ лошадей вблизи, непосредственно за позиціей. Поэтому они могли быстро перемѣщать войска, незамѣтно убирать ихъ съ тѣхъ участковъ, гдѣ они оказывались лишними, и вводить въ бой на болѣе опасныхъ пунктахъ. Прекрасная организація управленія войсками и отличная служба развѣдки содѣйствовали такому способу дѣйствій. Отдѣленіе полевого телеграфа отлично работало, геліографы были въ большомъ употребленіи, и всюду на большихъ пространствахъ были раскинуты сигнальныя станціи.

При такихъ условіяхъ было очень трудно опредѣлить часто мѣняющій фронтъ позиціи и выяснить ея слабые пункты.

Въ томъ же духѣ, какъ и стрѣлки, работала и артиллерія буровъ. Орудія примѣнялись поодиночкѣ, такъ что общаго массоваго дѣйствія и сосредоточенія огня не могло быть. Буры всегда старались поставить ихъ за хорошими закрытіями и мѣняли ихъ мѣста какъ только англичане пристрѣливались. Огонь большею частью открывался съ большихъ дистанцій, но часто они подпускали англичанъ на разстояніе дѣйствительнаго выстрѣла и нежданно осыпали ихъ шрапнелью.

Артиллерія ихъ была самыхъ разнообразныхъ типовъ.

У трансваальцевъ были 4 Крупповскихъ скорострѣльныхъ горныхъ орудія и 24 револьверныя пушки Виккерса-Максима (такъ наз. помъ-помъ), оба 3,7 снм.; затѣмъ 8 Крупповскихъ, 6 Крезо и 3 Максима—Норденфельдта полевыхъ пушекъ, 4 Крупповскихъ 12 снм. полевыхъ гаубицъ, четыре 15,5 снм. крѣпостныхъ орудія Крезо (длинный Томъ), примѣнявшіяся и въ полѣ и даже въ передовой линіи, и, наконецъ, 40 пулеметовъ Максима. Оранжевая республика имѣла 14 Крупповскихъ 75 м.м. полевыхъ орудій стараго образца и нѣсколько другихъ старыхъ орудій, а также пулеметовъ. Такимъ образомъ, артиллерія у буровъ была немногочисленна, но зато вполнѣ современная. Боевыхъ припасовъ было достаточно.

Съ этимъ вооруженіемъ и этой тактикой буры, несмотря на численное превосходство англичанъ, блестяще отбили ихъ атаки на Тугелѣ, у Стормберга, Кольсберга и Магерсфонтейна и заставили ихъ выставить громадныя массы войскъ, чтобы выиграть кампанію. Но и здѣсь значительная сила сопротивленія укрѣпленныхъ позицій не была единственной причиной побѣды, а главной причиной неудачъ англичанъ былъ ихъ способъ атаки.

Прежде всего пѣхота не была на высотѣ представившейся ей задачи. Правда, ея вооруженіе, ружье Ли-Метфорда *) почти не уступало вооруженію буровъ, но ея тактика была совершенно устарѣвшая. Въ англійской пѣхотѣ еще живы были сильныя традиціи эпохи Ватерлоо, Квебека и Деттингена, предпочитавшія сомкнутые развернутые строи, механическую точность построеній, строгую дисциплину огня и штыковыя атаки, — традиціи, пережившія уроки прусскихъ войнъ и подкрѣпленныя опытами походовъ противъ Зулусовъ и Суданцевъ. Такъ обученная пѣхота должна была разбиться объ огонь буровъ и не легко подыскала формы, подходящія для современнаго огневого боя. Для этого не хватало соотвѣтственнаго воспитанія ни у офицеровъ, ни у солдатъ. Даже тѣ 150 пулеметовъ Максима, которые привезли съ собою англичане, не могли устранить этотъ недостатокъ. Вообще они ни разу не сыграли сколько нибудь значительной

*) Однозарядное.

роли въ атакѣ. Нисколько не больше помогла англійской пѣхотѣ и артиллерія.

Полевая артиллерія англійской арміи состояла изъ 15-ти фунтовыхъ ѣздящихъ и 12-ти фунтовыхъ конныхъ орудій, оба калибромъ въ 7,62 снм., съ предѣльной дальностью для гранатъ, соотвѣтственно, 5200 и 5000 метровъ, а для шрапнели 3660 и 3380 метровъ. Въ 1898 году было приступлено къ передѣлкѣ лафетовъ для уменьшенія отката и ускоренія стрѣльбы. Короткій откатъ по лафету былъ дополненъ пружиннымъ осевымъ сошникомъ. Затѣмъ англичане имѣли 12,7 снм. гаубицу, стрѣлявшую шрапнелью, картечью и лиддитными бомбами. Дѣйствіе этой гаубицы по твердымъ цѣлямъ было необычайное, но по живымъ—слабое. Предѣльная дальность—только 3000 м. Вслѣдствіе плохой ударной трубки бомбы часто отказывали. Горныя орудія были заряжающіяся съ дула, съ разборнымъ стальнымъ тѣломъ, калибромъ въ 6,35 снм. и съ предѣльной дальностью въ 3660 метровъ для ударнаго дѣйствія и 3020 для шрапнельнаго.

Кромѣ этихъ офиціальныхъ образцовъ англичане имѣли цѣлую серію орудій всевозможной конструкціи; всѣ калибромъ въ 7,62 снм. и по балистическимъ качествамъ подходившимъ къ англійскимъ полевымъ орудіямъ. Они примѣняли также скорострѣльныя и тяжелыя морскія орудія.

Число орудій, имѣвшихся у англичанъ въ Южной Африкѣ, опредѣлить трудно. Какъ бы то ни было, оно было гораздо значительнѣе, чѣмъ у буровъ, такъ что артиллерія послѣднихъ вообще не могла и думать о борьбѣ съ нею. Несмотря на это, артиллерія тщетно пробовала свои силы на позиціяхъ буровъ. Потери, нанесенныя ею, были очень незначительны. Англичане, пока ими командовалъ генералъ Буллеръ, всегда подготовляли свои атаки заблаговременнымъ артиллерійскимъ огнемъ, отъ котораго буры прятались въ своихъ трудно опредѣляемыхъ закрытіяхъ, чтобы появиться вновь съ началомъ пѣхотной атаки и вступить въ огневой бой съ неуменьшенными артиллерійскимъ огнемъ силами. Иногда положительно поражаешься, насколько артиллерійскій огонь англичанъ былъ недѣйствителенъ. Такъ какъ, кромѣ того, англичане въ первомъ періодѣ войны не только не вели атакъ въ рѣшительномъ направленіи, но и не назначали для этого достаточныхъ силъ и не расходовали своихъ многочисленныхъ

резервовъ, чтобы добиться побѣды, а иногда, какъ напр., на Спіонскопѣ, отказывались отъ нея за неимѣніемъ достаточно упорной воли, то нечего удивляться тому, что всѣ ихъ фронтальныя атаки не удавались.

Съ прибытіемъ лорда Робертса тактика англичанъ измѣнилась. Они, какъ уже было упомянуто, почти перестали атаковывать позиціи буровъ съ фронта, а обходили ихъ кавалеріей и всегда заставляли ихъ очистить. Укрѣпленная позиція потеряла свое значеніе, какъ только ее перестали атаковывать. Она не давала уже выигрыша во времени, а создавала лишь миражъ сопротивленія, котораго фактически не оказывалось. Только при Паардебергѣ буры на время задержали ходъ операцій, но зато поплатились капитуляціей. Послѣ того ихъ просто оттѣснили отъ Бломфонтейна къ Камати-поортъ. Сопротивленіе ихъ снова стало угрожающимъ, когда они прибѣгли къ партизанской войнѣ и перешли въ наступленіе.

Итакъ, и эта война доказываетъ, что укрѣпленная позиція только тогда имѣетъ значеніе, когда противникъ вынужденъ ее атаковать, и въ большинствѣ случаевъ можетъ служить лишь въ дополненіе къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Однако въ отношеніи тактической силы сопротивленія укрѣпленныхъ позицій опытъ Южно-африканской войны одинаково неубѣдителенъ, какъ и Плевна, такъ какъ и онѣ ни разу не подвергались серьезной атакѣ.

Къ подобнымъ же выводамъ приводитъ и изученіе Русско-японской войны. Русскіе все время укрѣплялись на сильныхъ позиціяхъ и были на нихъ атакованы по причинамъ, разобраннымъ нами въ другомъ мѣстѣ [1]). Здѣсь были примѣнены всѣ средства полевого инженернаго искусства, хотя нерѣдко безъ плана и системы; въ большомъ ходу были сомкнутыя полевыя укрѣпленія и блиндажи противъ бомбъ. Окопы были снабжены навѣсами отъ осколковъ; батареи ставились въ окопахъ. Впереди укрѣпленій всюду располагались искусственныя препятствія, чтобы задержать наступленіе противника подъ самымъ дѣйствительнымъ огнемъ. Очень часто эти позиціи были укрѣплены сплошь и переходъ въ наступленіе фактически былъ невозможенъ. Обстрѣлъ былъ расчи-

[1]) Томъ 1-й, отдѣлъ 2-й, глава 3.

щенъ на большія разстоянія. Часто укрѣпленія располагались въ нѣсколько рядовъ и связывались ходами сообщеній. Внутри позиціи прокладывались дороги и устраивались склады боевыхъ припасовъ и продовольствія.

Сопротивленіе на этихъ позиціяхъ доставило русскимъ массу времени для подвоза подкрѣпленій съ родины. Но они пользовались ими только для болѣе сильнаго занятія укрѣпленій и для увеличенія ихъ оборонительной силы; такимъ образомъ укрѣпленія постоянно служили отрицательнымъ цѣлямъ и никогда не были употреблены для достиженія положительныхъ результатовъ. И здѣсь, какъ и подъ Плевной, успѣхъ ожидался отъ самой укрѣпленной позиціи, вмѣсто того, чтобы использовать созданную обстановку въ наступательномъ духѣ.

Такимъ образомъ русскіе въ лучшемъ случаѣ могли разсчитывать только на отраженіе японской атаки. Но и эта цѣль не была достигнута. Несмотря на меньшую численность и недостаточныя средства, японцы всегда выбивали русскихъ изъ ихъ позицій, очень часто посредствомъ охватовъ и давленія на флангъ, но не менѣе часто и фронтальной атакой.

Причины непрерывныхъ побѣдъ азіатовъ слѣдуетъ искать какъ въ тактическихъ, такъ и въ стратегическихъ условіяхъ.

Прежде всего не подлежитъ сомнѣнію, что японская пѣхота была выше русской съ точки зрѣнія боевой годности. Она была лучше подготовлена къ войнѣ, чѣмъ ея противникъ, нерѣдко примѣнявшій устарѣлые строи и зачастую попадавшій въ сомкнутыхъ строяхъ подъ уничтожающій огонь современнаго оружія. Кромѣ того, стрѣлковый огонь японцевъ былъ дѣйствительнѣе огня русскихъ, предпочитавшихъ залпы. Японская пѣхота была вооружена отличнымъ ружьемъ, хотя баллистическія качества его были лишь немногимъ лучше русскаго ружья, такъ что видѣть въ этомъ причину перевѣса японцевъ нельзя. Зато ихъ наступленіе широко поддерживалось пулеметами, число которыхъ увеличивалось въ теченіе всей войны. Въ началѣ только при нѣкоторыхъ дивизіяхъ были шести-пулеметныя команды; подъ Мукденомъ было уже 200 пулеметовъ, а къ концу войны 320. Каждая дивизія имѣла такія команды; онѣ принесли большую пользу, но рѣшающаго вліянія не имѣли, хотя и содѣйствовали увеличенію тактическаго превосходства япон-

ской пѣхоты. Русскіе также увеличили у себя число пулеметовъ во время войны; въ началѣ войны ихъ было 40, а подъ Мукденомъ 88. Они примѣняли ихъ по-ротно и отдѣльными взводами за закрытіями изъ мѣшковъ и подъ навѣсами, для фронтальнаго и фланкирующаго обстрѣливанія впереди-лежащей мѣстности и для охраны искуственныхъ препятствій отъ ближнихъ атакъ.

Трудно судить о томъ, насколько образъ дѣйствій обороняющейся пѣхоты благопріятствовалъ японскимъ атакамъ, которыя въ большинствѣ случаевъ были выполнены со сравнительно незначительными потерями. Оборонительныя сооруженія всегда связаны съ опасностью, что люди совершенно въ нихъ спрячутся, выставятъ ружья изъ за бруствера и будутъ стрѣлять не прицѣливаясь. Въ Южно-африканской войнѣ такое поведеніе войскъ доказано; но приходится думать, что и у русскихъ было то же самое, такъ какъ японцамъ часто удавалось окапываться на полѣ атаки вплотную у русскихъ укрѣпленій, что въ дѣйствительномъ огнѣ, конечно, невозможно. Повидимому, часто и японская артиллерія заставляла русскихъ прятаться въ закрытія.

Артиллерійская поддержка атаки, повидимому, существовала у японцевъ и значительно содѣйствовала успѣху. Имъ не разъ удавалось сосредоточить артиллерійскій перевѣсъ противъ пунктовъ атаки, тогда какъ у русскихъ планомѣрная поддержка пѣхоты артиллерійскимъ огнемъ случалась рѣдко.

Японское 7,5 снм. полевое орудіе Аризака уступало новому русскому орудію по баллистическимъ свойствамъ, но оно было подвижнѣе и скорострѣльнѣе. Рядомъ съ 540 орудій, бывшими у японцевъ въ началѣ войны, они привезли съ собой на театръ военныхъ дѣйствій 162 горныхъ орудія того же калибра, съ дальностью въ 4300 метровъ. Они перевозились на мулахъ и сослужили отличную службу. Кромѣ того, были Крупповскія 12-ти снм. гаубицы съ предѣльной дальностью въ 6400 метровъ, съ пружиннымъ сошникомъ и поэтому подходившія къ типу скорострѣльныхъ; равнаго имъ орудія русскіе не могли выставить. У японцевъ ихъ было 60, и, между прочимъ, они сопровождали японскую обходную армію подъ Мукденомъ. Затѣмъ у японцевъ были 15 снм. гаубицы, приданныя каждой дивизіи.

Эта, сама по себѣ сильная, артиллерія была дополнена большимъ числомъ крѣпостныхъ орудій. Послѣ паденія Портъ-Артура маршалъ Ояма притянулъ къ арміи всю осадную артиллерію, несмотря на ея малую подвижность, что въ общемъ составило около 200 орудій. 72 старыя бронзовыя мортиры, 28—12-ти снм., 16—15-ти снм. и 18—28-ми снм. гаубицъ; 24—9-ти снм., 4—10, 5-й снм., 30—12-ти снм. и нѣсколько 15,3 и 20,3 снм. пушки.

Очевидно, что эта артиллерія значительно содѣйствовала овладѣнію укрѣпленіями русскихъ, хотя они и располагали большимъ числомъ орудій.

Когда вспыхнула война, русскіе ввели новое безоткатное орудіе, но только въ концѣ января 1904 г. около 25 батарей, т. е. 200 орудій, было выдано въ восточно-сибирскія войска; западно-сибирскія войска имѣли еще орудіе 1877 г. Европейскіе корпусы получили новое орудіе передъ самымъ выступленіемъ въ походъ, такъ что они совершенно не освоились съ ними. Это орудіе, кромѣ того, не оправдало возлагавшихся на него ожиданій; оно было тяжело и не обладало устойчивостью при стрѣльбѣ; вообще оно уступало японскому орудію. Такъ какъ оно не имѣло гранаты, то пришлось прибѣгнуть къ старому легкому полевому орудію образца 92—95 гг., хотя и оно имѣло только гранаты съ черным порохомъ, т. е. совершенно устарѣлыя. Поэтому на примѣненіе этого орудія нужно смотрѣть только какъ на крайность. Горной артиллеріи въ началѣ войны у русскихъ было всего 2 батареи старой конструкціи 83 г. Въ теченіе войны они увеличили этотъ родъ орудій новымъ образцомъ, также уступавшимъ японцамъ, и къ концу войны имѣли ихъ 282. Въ отношеніи навѣсныхъ орудій русскіе также уступали японцамъ. Имѣвшаяся у нихъ полевая гаубица была тяжела и малодѣйствительна. Тѣмъ не менѣе, подъ давленіемъ нужды пришлось увеличивать число этихъ 15 снм. орудій образца 86 г., такъ что въ ноябрѣ ихъ было на театрѣ военныхъ дѣйствій 60 батарей по 6 орудій. Дальность гранатнаго выстрѣла была 4000 м. и дѣйствіе гранаты въ 27 клг. вѣсомъ было значительное, однако на большихъ дистанціяхъ мѣткость была слаба; дальность шрапнельнаго выстрѣла была 2400 м. Вновь принятая современная скорострѣльная гаубица въ военныхъ дѣйствіяхъ не приняла участія. Русскіе по

везли на театръ военныхъ дѣйствій и тяжелую осадную артиллерію, исключительно стараго образца. На Шахэ и подъ Мукденомъ ея было около 250 орудій.

Въ общемъ русскіе значительно превосходили японцевъ численностью артиллеріи; они имѣли 1192 полевыхъ и горныхъ орудія противъ 892 японскихъ. Но матеріальная часть и дѣйствительность огня были у японцевъ значительно лучше. Рѣшающее значеніе имѣлъ значительный перевѣсъ ихъ въ навѣсной артиллеріи.

Тѣмъ не менѣе, едва ли этого относительнаго превосходства въ артиллеріи и лучшихъ качествъ ихъ пѣхоты было достаточно для доставленія японцамъ побѣды. Нельзя также объяснить этотъ успѣхъ команднымъ составомъ японской арміи. Онъ неоднократно оказывался въ положеніи, близкомъ къ пораженію, и только въ рѣдкихъ случаяхъ возвышался до смѣлаго стремленія къ крупному успѣху. Главное обстоятельство, сдѣлавшее возможной побѣду японцевъ, былъ безспорно командный составъ русскихъ и способы примѣненія ими войскъ.

Изучая войну по сочиненію русскаго генеральнаго штаба, котораго нельзя упрекнуть въ злонамѣренности, все снова и снова поражаешься, съ одной стороны, военными взглядами, господствовавшими въ русской главной квартирѣ, а съ другой, отсутствіемъ рѣшимости и неувѣренностью, которыми были проникнуты распоряженія не только главнокомандующаго, но и большинства младшихъ начальниковъ.

Думая все время лишь о томъ, чтобы прикрыть себя со всѣхъ сторонъ, подготовиться ко всѣмъ даже невѣроятнымъ случайностямъ и сохранить на всевозможные случаи сильные резервы, русскій главнокомандующій распредѣлялъ свои войска чисто теоретически, зачастую совершенно не считаясь съ дѣйствительной обстановкой. Поэтому, на самыхъ боевыхъ позиціяхъ въ большинствѣ случаевъ было сравнительно мало войскъ, а главныя массы оставались позади, на всякій случай. Но когда такой случай наступалъ—не хватало рѣшимости дѣйствительно использовать резервы. Благодаря этому, японцы, несмотря на то, что были въ общемъ численно слабѣе, зачастую вели бой на рѣшительномъ пунктѣ съ значительнымъ перевѣсомъ. Пассивная оборона русскихъ, въ свою очередь, помогала имъ сосредоточивать превосходныя силы

противъ отдѣльныхъ участковъ русскихъ позицій, не боясь того, что противникъ перейдетъ въ энергичную атаку противъ ослабленныхъ ими мѣстъ. На наступленіе генералъ Куропаткинъ не могъ рѣшиться почти ни разу; рѣшившись же на это, онъ не позволялъ рисковать, а потому атака велась настолько слабо, что должна была кончиться неудачей. Укрѣпленія также всегда защищались съ половинной энергіей. Постоянно, уже съ самаго начала боя, принимались мѣры къ обезпеченію отступленія изъ нихъ; для послѣдняго большею частью было достаточно угрозы охватомъ. Русская главная квартира была далека отъ идеи, что лучшій отбивъ есть ударъ. О томъ, что флангъ можно прикрывать наступательно, не думали. Резервы бездѣйствовали, наблюдая за тѣмъ, какъ охватывались и разбивались фланги передовыхъ позицій; они вводились въ бой по каплямъ, для заполненія разрывовъ и пополненія убыли. Даже при очевидномъ перевѣсѣ русскій главнокомандующій не могъ рѣшиться гдѣ нибудь пожелать чего либо съ полной силой. Случаевъ, дававшихъ ему въ руки вѣрную побѣду, было безчисленное множество. Въ сущности говоря, каждая побѣда японцевъ являлась новой загадкой, и укрѣпленныя позиціи превратились для русскихъ въ гробницу побѣды и наступленія, которое только и могло отбросить врага назадъ.

Ясно, что русскій главнокомандующій былъ безконечно далекъ отъ мысли приковать противника при помощи укрѣпленной позиціи и тѣмъ получить возможность къ рѣшительной атакѣ въ другомъ мѣстѣ. Только намѣстникъ высказывалъ иногда эту мысль. Но Куропаткинъ очевидно съ самаго начала былъ увлеченъ идеей отойти къ Тѣлину, и всѣ его бои и сраженія были лишь проявленіемъ слабой воли; внутренній голосъ его нерѣшительнаго характера побуждалъ его къ отступленію; внѣшняя обстановка требовала боя. Но онъ велъ его только для того, чтобы оправдать отступленіе Таково впечатлѣніе, отъ котораго нельзя отдѣлаться при изученіи войны.

Этотъ духъ полумѣръ отравилъ и младшихъ начальниковъ. Мысль обезпечить отступленіе и предупредить даже невѣроятныя случайности владѣла ими въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ желаніе добиться побѣды. Типичной иллюстраціей къ этому явленію служитъ сраженіе на Кинчжоуской позиціи 13/26 мая 1904 г.. одинъ полкъ оборонялъ эту въ

высшей степени важную для Портъ-Артура позицію, а цѣлая дивизія стояла непосредственно позади, въ резервѣ, не вмѣшиваясь въ бой.

Какое бы мягкое выраженіе мы не старались подобрать, все же приходится назвать этотъ способъ веденія войны жалкимъ, и мы не имѣемъ никакого права дѣлать изъ ея результатовъ общіе выводы относительно значенія и силы сопротивленія укрѣпленныхъ позицій и притомъ еще меньше потому, что японскій способъ атаки ни въ какомъ отношеніи не можетъ быть названъ образцовымъ.

Если подвести итогъ нашимъ разсужденіямъ, то мы можемъ формулировать его такъ: значеніе укрѣпленной позиціи всегда относительно. Оно преимущественно сводится къ выигрышу времени, но въ большинствѣ случаевъ проявляется только въ томъ случаѣ, когда позиція въ дѣйствительности приковываетъ къ себѣ силы противника и когда выиграннымъ временемъ пользуются въ иномъ мѣстѣ для достиженія положительнаго рѣшенія при благопріятныхъ условіяхъ. Центръ тяжести стратегическихъ дѣйствій въ большинствѣ случаевъ надлежитъ искать не въ самой позиціи, а въ тѣхъ тактическихъ и стратегическихъ шансахъ, которые она создаетъ. Самая же задача заключается въ томъ, чтобы использовать ее. Такова та точка зрѣнія, съ которой обороняющійся долженъ прибѣгать къ укрѣпленнымъ позиціямъ, такъ какъ только въ рѣдчайшихъ случаяхъ удержаніе позиціи есть само по себѣ и рѣшеніе.

Въ тактическомъ отношеніи укрѣпленіе увеличиваетъ преимущества фронтальной обороны, но вмѣстѣ съ тѣмъ благопріятствуетъ и усиленію ея недостатковъ. Во-первыхъ, укрѣпленія сами по себѣ соблазнятъ предпочесть укрытіе дѣйствію изъ нихъ; во-вторыхъ, они почти исключаютъ возможность перемѣны фронта и перехода въ наступленіе, такъ какъ оба эти дѣйствія равносильны отказу отъ укрывающихъ укрѣпленій, отъ которыхъ въ сущности и ждутъ спасенія; наконецъ, укрѣпленныя позиціи имѣютъ рѣшительную притягательную силу для войскъ и убиваютъ инниціативу начальника.

Для атакующаго изъ этихъ условій слѣдуетъ, что онъ отнюдь не долженъ дать себя приковать укрѣп-

ленными позиціями, если только имѣется возможность какимъ-либо способомъ этого избѣгнуть. Въ противномъ случаѣ онъ подчинился бы волѣ противника. Онъ, напротивъ, долженъ стараться оперативно обойти позицію и тѣмъ обезвредить ее. Нужно также взвѣсить—какія наступательныя операціи могутъ быть къ услугамъ обороняющагося подъ прикрытіемъ укрѣпленной позиціи, и постараться имъ помѣшать, такъ какъ онѣ и являются тѣмъ важнымъ и рѣшающимъ дѣйствіемъ, къ которому прибѣгнетъ правильно дѣйствующій противникъ. Только при такомъ образѣ дѣйствій можно сохранить противъ окопавшагося врага гордое право инпціативы.

Если—какъ это конечно можетъ случиться—атака укрѣпленной позиціи необходима и не можетъ быть избѣгнута, то дѣйствія атакующаго не могутъ быть такими же, какъ при обыкновенной полевой атакѣ; эти дѣйствія преимущественно зависятъ отъ степени укрѣпленія позиціи. Чѣмъ укрѣпленія сильнѣе, тѣмъ больше дѣйствія атакующаго приблизятся къ крѣпостной войнѣ. Только нельзя ни въ какомъ случаѣ брать въ этомъ отношеніи примѣръ съ японцевъ. Слѣдуетъ всегда помнить, что противникъ хочетъ выиграть время, котораго ему давать не нужно, а потому нужно стремиться какъ можно скорѣе овладѣть позиціей и этимъ сократить противнику время, которое онъ разсчитываетъ выиграть.

Прежде всего нужно избѣгать атаки всего непріятельскаго фронта и сводить ее къ фронтальной борьбѣ силъ. Это значило бы играть въ руку противнику. Нужно скорѣе стараться сосредоточить всю мощь атаки въ одномъ направленіи, въ которомъ можно достичь рѣшительныхъ выгодъ; другими словами, нужно атаковать или одинъ пунктъ, владѣніе которымъ рѣшаетъ судьбу позиціи, какъ, напр., Зеленыя горы подъ Плевной, или охватить одинъ изъ фланговъ, угрожая вмѣстѣ съ тѣмъ пути отступленія противника. Въ такомъ случаѣ можно тѣмъ болѣе пренебречь фронтомъ, что противникъ пользуется преимуществами своей укрѣпленной позиціи только оставаясь въ своихъ укрѣпленіяхъ. Когда Ноги охватилъ правый флангъ русскихъ подъ Мукденомъ, весь укрѣпленный фронтъ потерялъ цѣну для обороняющагося. Исходъ сраженія лежалъ теперь позади позиціи, гдѣ у русскихъ не было подготовлено укрѣпленій. Если бы въ

этомъ мѣстѣ у японцевъ былъ достаточный перевѣсъ, то для рѣшительнаго разгрома русскихъ не потребовалось бы и позднѣйшаго прорыва фронта, даже если бы они продолжали съуспѣхомъ держаться на фронтѣ.

Противъ намѣченной для атаки части непріятельской позиціи нужно постараться сосредоточить громадный перевѣсъ и прежде всего въ артиллеріи. Уже поэтому въ большинствѣ случаевъ можно рекомендовать атаку фланга, такъ какъ это позволяетъ развернуть подавляющую артиллерію. Однако, нечего бояться располагать артиллерію въ нѣсколько линій одна за другою, а также притянуть самые тяжелые, имѣющіеся подъ рукою, калибры. Артиллерійская атака должна преслѣдовать двѣ цѣли: во-первыхъ, придавить непріятельскую пѣхоту къ окопамъ и закрытіямъ и настолько потушить огонь непріятельской артиллеріи, чтобы атакующая пѣхота могла вести наступленіе безъ особенно большихъ потерь, а во-вторыхъ, обрушить блиндажи, разрушить земляныя укрѣпленія. Эти цѣли достигаются шрапнельнымъ огнемъ по пѣхотѣ и артиллеріи, навѣснымъ огнемъ тяжелыхъ гаубицъ по блиндажамъ и укрыто стоящимъ батареямъ и огнемъ тяжелыхъ пушекъ по брустверамъ и по орудіямъ, стрѣляющимъ черезъ банкъ. Гаубичный огонь даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ ту выгоду, что затрудняетъ движеніе резервовъ внутри позиціи, если это не можетъ быть достигнуто шрапнельнымъ огнемъ. При дальнѣйшемъ ходѣ боя артиллерія должна также стараться разрушить препятствія, находящіяся передъ позиціей, и разчистить путь пѣхотѣ.

Подъ прикрытіемъ этого огня пѣхота должна безостановочно пробиваться къ непріятельской позиціи въ сопровожденіи большихъ саперныхъ командъ. Нужно также пользоваться и ночью, чтобы продвинуться впередъ, закрѣпить окопами захваченную мѣстность и устроить ходы сообщенія въ тылъ; эти послѣдніе все время совершенствуются. Затѣмъ ночью же подносятся и окапываются пулеметы для усиленія огня; выгодно располагать ихъ на такихъ пунктахъ, съ которыхъ они могли бы стрѣлять черезъ головы ушедшей впередъ пѣхоты. Эта атака должна стремиться впередъ неудержимо, не боясь потерь. Каждая пядь захваченнаго пространства должна быть закрѣплена лопатой, какъ только огонь противника позволитъ это сдѣлать. По приближеніи къ ис-

кусственнымъ препятствіямъ, нужно ихъ уничтожить или взорвать высылаемыми для этой цѣли, подъ прикрытіемъ темноты, саперами и патрулями. Окопы атакующаго должны быть подведены вплотную къ непріятельской позиціи. Истомленныя войска первой линіи все время смѣняются свѣжими силами. Артиллерійскій огонь долженъ сопровождать пѣхотную атаку до послѣднихъ моментовъ штурма и даже съ рискомъ нанести нѣкоторыя потери своимъ войскамъ; стрѣльба ведется гранатою. Штурмующая пѣхота должна забросать внутренность непріятельскихъ окоповъ ручными гранатами; послѣдній штыковой ударъ производится съ самыхъ близкихъ разстояній, въ то время, какъ тяжелые гаубичные снаряды засыпаютъ самую позицію и тылъ ея. За передней линіей пѣхоты идутъ слѣдующія линіи, находившіяся до сихъ поръ въ окопахъ, чтобы принять на себя бой въ случаѣ неудачи первой линіи.

Такимъ способомъ можетъ и должно сравнительно быстро удастся овладѣніе и сильно укрѣпленной позиціей, не впадая въ излишнюю поспѣшность русскихъ—подъ Плевной, или медленность японцевъ подъ Ляояномъ, на Шахэ и подъ Мукденомъ. Пусть обороняющійся подведетъ свои резервы къ угрожаемому пункту; разъ атакующій достигъ артиллерійскаго перевѣса, ихъ придется ввести въ сферу сильнѣйшаго артиллерійскаго огня и они едва ли существенно усилятъ оборону, въ особенности если огонь продолжается энергично и въ теченіе ночи, что кажется безусловно необходимымъ. Во время четырехдневной артиллерійской подготовки третьей атаки Плевны, русскій огонь почти совершенно замолкалъ на ночь, и турки пользовались этимъ временемъ для исправленія поврежденій и постройки новыхъ укрѣпленій. Напротивъ, японцы, какъ кажется, поддерживали огонь по русскимъ укрѣпленіямъ и ночью.

Такимъ образомъ, на долю артиллеріи выпадаетъ значительная роль при овладѣніи укрѣпленными позиціями и ей при этомъ придется разрѣшать трудныя задачи. Прежде всего, при большомъ сосредоточеніи огня будетъ нелегко вести наблюденія и правильно корректировать огонь. Здѣсь придется примѣнить всѣ вспомогательныя средства техники, лишь бы достигнуть желаемаго дѣйствія.

Несмотря на это, настоящая рѣшающая роль принадлежитъ пѣхотѣ. Артиллерія, правда, должна разрушить непріятельскія укрѣпленія и подавить огонь изъ нихъ, но вся ея работа имѣетъ лишь одну цѣль—проложить пѣхотѣ путь къ побѣдѣ и облегчить занятіе непріятельской позиціи.

Если же побѣда достигнута или даже частью во время послѣднихъ стадій атаки, тяжелыя батареи атакующаго должны перенести свой огонь въ тылъ позиціи, чтобы обстрѣлять возможныя контръ-атаки; полевыя же орудія должны быть спѣшно выдвинуты на захваченную позицію для обстрѣла отступающаго или перешедшаго въ наступленіе противника, въ то время какъ пѣхота и саперы прилагаютъ всѣ усилія къ тому, чтобы укрѣпить захваченную мѣстность, и возводятъ, для удержанія ея, новыя укрѣпленія. Высшее же командованіе должно стремиться использовать побѣду, захватить остальные участки позиціи и дѣйствовать на путь отступленія противника. Для этого нужно заблаговременно подготовить и подвести резервы, чтобы они немедленно могли использовать обстановку, созданную побѣдоноснымъ штурмомъ.

Время, отбитое у врага съ потоками крови, должно быть использовано для разрушенія его дальнѣйшихъ плановъ.

5. Борьба за крѣпости.

Отношеніе къ непріятельскимъ крѣпостямъ съ оперативной точки зрѣнія.—Овладѣніе отдѣльными фортами-заставами.—Атака линіи фортовъ-заставъ.—Атака крѣпости.—Руководящія точки зрѣнія для атакующаго.—Руководящія точки зрѣнія для обороняющагося.—Возможное вліяніе на крѣпостную войну воздухоплаванія.—Обстрѣливаніе съ воздушнаго корабля.—Возможныя слѣдствія воздушной бомбардировки для крѣпостного дѣла.—Вліяніе этихъ условій на войну вообще.—Вліяніе воздушной атаки на оборону береговъ.

Въ то время какъ укрѣпленныя позиціи возводятся въ такихъ пунктахъ мѣстности, которые по ходу операцій пріобрѣли временное стратегическое значеніе, долговременными укрѣпленіями превращаются въ форты или крѣпости лишь такіе пункты, которые имѣютъ или которымъ приписывается постоянное военное значеніе. Уже изъ этого одного слѣдуетъ заключить, что всегда выгодно овладѣть крѣпостями, находящимися на опредѣленномъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Однако, нельзя ставить продолженія наступленія въ зависимость отъ овладѣнія ими, какъ то было принято въ эпоху методическаго веденія войны. Вѣрнѣе, нужно прорваться между крѣпостями и обложить ихъ или по меньшей мѣрѣ наблюдать за ними резервами или войсками 2-й линіи. Однако широко задуманное стратегическое наступленіе нельзя провести съ желаемой силой и надежностью, если оказавшіяся позади арміи непріятельскія крѣпости запираютъ главныя желѣзнодорожныя линіи, угрожаютъ тыловымъ сообщеніямъ и приковываютъ къ своимъ стѣнамъ болѣе или менѣе значительныя арміи. Незахваченныя непріятельскія крѣпости становятся особенно тягостными для наступающаго, который, послѣ первоначальнаго побѣдоноснаго движенія впередъ,

долженъ, послѣ неудачнаго исхода тактическаго столкновенія отойти назадъ, сквозь ихъ линію Тогда образуется рядъ дефиле, трудно проходимыхъ съ оперативной точки зрѣнія, въ особенности если боевая сила непріятельскихъ крѣпостей еще не сломлена. Поэтому будетъ полезно при всѣхъ обстоятельствахъ какъ можно скорѣе овладѣть непріятельскими крѣпостями раіона операцій. Чѣмъ онѣ скорѣе падутъ, тѣмъ свободнѣе и энергичнѣе можно развить стратегическое наступленіе.

Прежде всего придется овладѣть фортами-заставами, расположенными въ раіонѣ стратегическаго наступленія. Эти форты прежде всего мѣшаютъ и затрудняютъ атаку. Къ тому же, для овладѣнія ими не требуется такихъ громадныхъ силъ, какъ для осады современной армейской крѣпости (Armenfestung). Для этой послѣдней необходимы обширныя подготовительныя дѣйствія и ее никогда не удастся закончить въ короткій срокъ. Вообще, не разбивъ непріятельскую армію и не занявъ достаточно прочно непріятельскую страну, къ этому нельзя и приступать. Пока столкновеніе въ полѣ не дастъ хотя бы временной побѣды, до тѣхъ поръ нельзя рисковать подвозомъ обширнаго осаднаго матеріала къ крѣпости, такъ какъ онъ, въ случаѣ неудачнаго исхода столкновенія, вѣроятно, будетъ потерянъ. Бонапартъ былъ вынужденъ бросить свои осадныя орудія подъ Мантуей въ 1796 г., когда на выручку крѣпости подошла австрійская армія; онъ пожертвовалъ ими даже до выясненія исхода столкновенія.

Такимъ образомъ, овладѣніе непріятельскими крѣпостями сводится къ двумъ задачамъ, требующимъ въ каждомъ частномъ случаѣ различныхъ способовъ дѣйствій: овладѣніе фортами-заставами и осада большихъ непріятельскихъ крѣпостей, расположенныхъ за ними.

Борьба за фортъ-заставу облегчается обыкновенно тѣмъ, что они большею частью расположены вблизи границы, а потому можно подвести къ нимъ артиллерію, боевые припасы и осадный матеріалъ по своимъ желѣзнымъ дорогамъ. Это тѣмъ важнѣе, что средства полевой арміи никогда не будутъ достаточны для овладѣнія современнымъ фортомъ-заставой. Орудія тяжелой артиллеріи арміи ни въ какомъ случаѣ не смогутъ побороть забронированныя орудія противника, разрушить капониры и казематы и продѣлать удобовосходи-

мую брешь. Идея же—овладѣть фортомъ при помощи штурмовыхъ принадлежностей, прежде чѣмъ непріятельская артиллерія будетъ приведена къ молчанію, совершенно неосуществима. Подобныя дѣйствія возможны лишь при слабости и невниманіи врага. Поэтому приходится во всякомъ случаѣ подвезти тяжелую осадную артиллерію съ достаточнымъ количествомъ боевыхъ припасовъ, чтобы она въ короткій срокъ могла побороть непріятельскую артиллерію. Если фортъ можетъ быть окруженъ со всѣхъ сторонъ, то можетъ даже оказаться возможнымъ обезвредить артиллеріей капониры, расположенные во рвахъ. Если же это невыполнимо, то придется или прибѣгнуть къ миннымъ работамъ, или дерзнуть на штурмъ, не сломивъ окончательно обороны рвовъ. Можно даже попытаться уничтожить оборону рвовъ метаніемъ съ самаго близкаго разстоянія значительныхъ массъ взрывчатыхъ веществъ при помощи спеціальныхъ метательныхъ машинъ, мортиръ или бомбовыхъ пушекъ *). Выборъ того или иного способа дѣйствій зависитъ отъ обстановки и наличныхъ средствъ. Слѣдуетъ только всегда помнить, что для возможно скорѣйшаго обезпеченія оперативной свободы арміи, нужно стремиться къ возможно скорѣйшему достиженію побѣды. Если мы не можемъ согласиться съ высказаннымъ въ германскомъ Наставленіи для крѣпостной войны взглядомъ, что „движеніе арміи впередъ зависитъ отъ устраненія съ пути ея фортовъ-заставъ“, то, съ другой стороны, не можемъ отрицать и того, что быстрое овладѣніе фортами-заставами имѣетъ крупное стратегическое значеніе.

Поэтому, по возможности на одной высотѣ съ войсками, назначенными для овладѣнія фортомъ-заставой, нужно вести впередъ колонны арміи, которыя должны вторгнуться въ непріятельскую страну мимо форта, энергично отбросить передовыя части противника и употребить всѣ силы къ тому, чтобы быстро выдвинуть на позицію артиллерію и открыть ею подавляющій огонь. Высланныя впередъ команды саперъ и рабочихъ должны расчистить пути къ поспѣшно обрекогносцированнымъ позиціямъ и устроить непосред-

*) См. т. I, II, глава 3.

ственно въ тылу батарей запасы снарядовъ, подвезенныхъ многочисленными обозами, моторными поѣздами и автомобилями. Полевая артиллерія также должна принять участіе въ бою не только противъ тѣхъ частей противника, которыя еще держатся на мѣстности впереди фортовъ, но и противъ гарнизона форта, непріятельскихъ наблюдательныхъ постовъ и не защищенныхъ бронею орудій. Подъ прикрытіемъ этого артиллерійскаго огня атакующая пѣхота должна какъ можно скорѣе подойти къ форту на дистанцію штурма. Артиллерія должна настолько подавить огонь противника, чтобы пѣхота могла продвигаться впередъ ускореннымъ способомъ; она не въ состояніи будетъ выполнить эту задачу, если работаетъ недостаточно большими калибрами и не обладаетъ необходимымъ перевѣсомъ въ силахъ. Во время фронтальнаго наступленія противъ форта, колонны, проходящія мимо, по сторонамъ его, должны наступать быстро и энергично, стараясь выиграть столько мѣста, чтобы можно было окружить фортъ со всѣхъ сторонъ, что особенно важно для артиллерійской атаки. Гдѣ только возможно, нужно подвести тяжелыя батареи на такія позиціи, съ которыхъ можно было бы обстрѣлять продольно рвы. Штурмующія войска расчленяются настолько глубоко, чтобы 2-я линія могла быть введена въ бой въ случаѣ неудачнаго исхода штурма первой. Слѣдуетъ также примѣнить всѣ техническія вспомогательныя средства, которыя могутъ облегчить или обезпечить атаку.

Атакуя цѣлую цѣпь фортовъ-заставъ, нужно противъ возможно большаго числа ихъ дѣйствовать такъ же, какъ и противъ одного. Если промежутки между ними обороняются полевой арміей непріятеля, то ее нужно разбить раньше, чѣмъ приступать къ атакѣ фортовъ.

Въ подобномъ случаѣ слѣдуетъ прежде всего сдержать огонь съ фортовъ при помощи тяжелой артиллеріи настолько, чтобы артиллерія форта не могла принять участія въ борьбѣ полевыхъ войскъ. При такихъ условіяхъ, слѣдовательно, окажется необходимымъ выставить противъ фортовъ особенно сильную артиллерію и не начинать пѣхотную атаку промежутковъ ранѣе достиженія нѣкотораго перевѣса надъ артиллеріей противника. Напротивъ того, артиллерійская атака промежутковъ должна начаться одновременно съ

артиллерійской атакой форта, чтобы помѣшать непріятельской полевой артиллеріи, съ своей стороны, дѣйствовать противъ батарей, бомбардирующихъ фортъ. Задача сломить промежуточныя батареи противника возлагается прежде всего на тяжелую артиллерію полевой арміи, которая должна быть соотвѣтственно усилена. Все же и полевая артиллерія должна принять участіе въ бою, въ особенности дѣйствуя по закрыто стоящимъ батареямъ противника. Вмѣстѣ съ тѣмъ нужно по возможности развѣдывать непріятельское расположеніе съ воздушнаго шара и корректировать свой огонь.

Такъ какъ пѣхотная атака ведется въ большинствѣ случаевъ чисто фронтально, то для выполненія ея слѣдуетъ назначать значительный перевѣсъ силъ и располагать ихъ соотвѣтственнымъ образомъ въ глубину. На охватъ въ этомъ случаѣ никогда нельзя разсчитывать. Только кавалерія можетъ удасться иногда пробраться въ тылъ противнику, но подобное предпріятіе связано съ величайшей опасностью и можетъ привести къ полному уничтоженію ея.

Совершенно иначе складывается атака большихъ крѣпостей. Прежде всего слѣдуетъ озаботиться о томъ, чтобы обезвредить ея боевую (активную) силу, поскольку таковая основана на ея подвижныхъ резервахъ, и помѣшать гарнизону крѣпости дѣйствовать на сообщенія вторгнувшейся въ страну арміи. Поэтому нужно стремиться къ тому, чтобы возможно скорѣе отбросить въ крѣпость всѣ внѣшнія войсковыя части и обложить ее возможно тѣснѣе. При этомъ слѣдуетъ стараться овладѣть преимущественно той мѣстностью, которую считаютъ необходимою для начала осады.

Затѣмъ, армія обложенія должна быть соединена съ собственной желѣзнодорожной сѣтью по возможности широкой колеей. При наличіи провозоспособной желѣзнодорожной линіи подвозъ тяжелаго и обширнаго осаднаго матеріала будетъ выполненъ гораздо скорѣе, чѣмъ если бы пришлось удовольствоваться полевой желѣзной дорогой. Такимъ образомъ, если въ наши намѣренія входитъ осада крѣпости, то необходимо развить, подъ прикрытіемъ арміи обложенія, сѣть сообщеній къ крѣпости и въ ея окрестностяхъ и во всякомъ случаѣ быть подготовленнымъ къ этому. Слѣдуетъ также заблаговременно подготовиться къ борьбѣ съ воздушнымъ

вооруженіемъ крѣпости, чтобы сдѣлать ему невозможнымъ наблюденіе за окружающей мѣстностью и дѣйствіями атакующаго. Равнымъ образомъ, слѣдуетъ принять всѣ мѣры къ тому, чтобы прервать всѣ подземныя телеграфныя линіи, а также сообщенія при помощи искрового телеграфа, для полнаго изолированія крѣпости отъ главнокомандующаго.

Если осада рѣшена, то, частью на основаніи имѣющихся о крѣпости свѣдѣній, а частью на основаніи мѣстной развѣдки, опредѣляется фронтъ главной атаки, а если нужно, то и второстепенныхъ, и соотвѣтственно этому подвозятся необходимыя спеціальныя войска и осадные парки.

Разсмотрѣніе подробностей атаки не входитъ въ рамки этого труда и я хочу отмѣтить лишь нѣкоторыя точки зрѣнія, кажущіяся мнѣ особенно важными.

Обороняющійся хочетъ посредствомъ крѣпости выиграть время и вмѣстѣ съ тѣмъ, удерживая возможно долгое время у крѣпости значительныя силы противника, ослабить его наступленіе. Отсюда, для атакующаго создается требованіе возможно скорѣе овладѣть крѣпостью. Съ другой стороны, примѣнять здѣсь тотъ же способъ дѣйствій, какъ и противъ фортовъ-заставъ, нечего и думать. Даже частичный охватъ и дѣйствительная фланкировка отдѣльныхъ укрѣпленій противника въ большой крѣпости невозможны. Поэтому борьба должна вестись исключительно фронтально. Артиллерійскаго численнаго перевѣса, какъ противъ форта, здѣсь нельзя достигнуть уже за неимѣніемъ достаточнаго мѣста для батарей, и весь характеръ артиллерійской борьбы совершенно мѣняется. При бомбардированіи крѣпостного фронта нельзя разсчитывать на такіе же результаты, какъ въ борьбѣ съ фортомъ.

Въ настоящее время артиллерія атакующаго, даже если онъ введетъ въ дѣло самые крупные калибры, не въ силахъ сломить сильное укрѣпленіе такъ же быстро, какъ это желательно съ оперативной точки зрѣнія. Только при необычайно большой затратѣ времени и снарядовъ она подавитъ—если вообще это возможно—артиллерію обороняющагося. Пробитіе брешей, уничтоженіе капонировъ и разрушеніе казематовъ суть задачи, которыя частью совершенно нельзя разрѣшить, а частью въ неполной мѣрѣ. Поэтому никогда не стоитъ пытаться разрушить верки крѣпости и подготовить ихъ къ

штурму исключительно артиллерійскимъ огнемъ; при современныхъ условіяхъ нужно сразу же разсчитывать на минеровъ для выполненія задачъ, недоступныхъ артиллеріи. Безъ нихъ не обойдется никакая атака современной крѣпости.

Уже одно это не позволяетъ откладывать пѣхотную атаку до того времени, когда артиллерія пріобрѣтетъ перевѣсъ. Она должна быть начата, какъ только артиллерія атакующаго достаточно прикуетъ къ себѣ артиллерію обороны, и затѣмъ вестись планомѣрно, съ чрезвычайной энергіей, чтобы при первой возможности перейти къ рѣшительной ближней атакѣ. Пѣхота должна, пользуясь всѣми имѣющимися въ ея распоряженіи средствами, неудержимо завоевывать шагъ за шагомъ мѣстность и пользоваться каждымъ моментомъ ослабленія непріятельскаго огня, съ которымъ борется артиллерія, чтобы продвинуться впередъ. Это наступленіе, по возможности, поддерживается полевой артиллеріей, а въ первую линію, для усиленія огня атакующей пѣхоты, вводятся пулеметы. При энергичномъ обороняющемся, старающемся даже въ послѣднія стадіи ближняго боя дѣйствовать всевозможными навѣсными снарядами, иногда минеръ долженъ будетъ принять на себя задачу сапера и продвигать подступы и уничтожать препятствія. Можетъ быть придется даже прокладывать подземные штурмовые пути; при упорномъ сопротивленіи нужно не колеблясь прибѣгнуть къ этому средству. Лишь счастливое соединеніе всѣхъ наличныхъ вспомогательныхъ средствъ, въ связи съ самой рѣшительной атакой, можетъ добиться быстраго успѣха.

Насколько окажется возможнымъ упростить этотъ способъ атаки и тѣмъ сократить дѣйствія подъ крѣпостью—зависитъ частью отъ силы сопротивленія крѣпости, частью отъ особенностей хода самого боя, а потому не поддается систематизаціи въ общія правила. Конечно, главное—быстрѣе дойти до цѣли, и нужно употребить всѣ средства къ тому, чтобы достичь этой цѣли. Съ другой стороны, съ чрезвычайной энергіей должны быть соединены разумная осмотрительность и тщательно обдуманныя дѣйствія. Торопливые штурмы, какъ подъ Портъ-Артуромъ, обходятся въ потоки крови, не будучи въ состояніи привести къ цѣли.

Изъ требованій, предъявляемыхъ атакующему, непосредственно вытекаютъ и задачи обороняющагося.

Прежде всего нужно возможно дольше пользоваться активной силой крѣпости, чтобы нанести вредъ противнику и нарушить его сообщенія съ арміей вторженія. Но какъ только непріятель направитъ на крѣпость значительныя силы, всѣ дѣйствія обороняющагося должны быть направлены къ тому, чтобы выиграть время, приковать къ крѣпости возможно большія силы и возможно дольше оборонять крѣпость. Сначала нужно стараться удерживать за собою впередилежащую мѣстность внѣшними отрядами, пока это возможно безъ слишкомъ большихъ потерь; но въ дальнѣйшемъ ходѣ борьбы нужно стремиться къ тому, чтобы постоянными контръ-атаками противодѣйствовать замысламъ противника, мѣшать ему выставить артиллерію, разрушать его подступы и пѣхотныя позиціи и вообще не давать ему передышки, чтобы заставлять его вводить все новыя силы. Если оборона должна выполнить свою задачу, то она обязана до послѣднихъ стадій боя дѣйствовать наступательно. Духъ, царившій при оборонѣ Кольберга Гнейзенау, долженъ одушевлять всякую оборону крѣпости. Безъ безусловно принудительныхъ причинъ о капитуляціи не должно быть и рѣчи. Пока имѣются боевые припасы и продовольствіе, сдача можетъ произойти только послѣ удавшагося штурма. Даже на штурмуемой бреши нужно стараться контръ-атакой вырвать изъ рукъ противника побѣду и наконецъ подготовить побѣдителю могилу на взорванныхъ укрѣпленіяхъ.

Эти высокія требованія могутъ быть вполнѣ осуществлены только въ томъ случаѣ, если сами укрѣпленія расположены въ духѣ активной обороны. Они должны быть устроены для для одной артиллерійской дуэли какъ было принято нѣкоторое время, какъ будто владѣніе крѣпостью зависитъ только отъ исхода этой дуэли. Нужно больше стараться, считаясь съ навѣснымъ огнемъ и широко примѣняя бетонъ и броню, подготовить мѣстность и для пѣхоты и создать возможно благопріятныя условія не активной обороны, чтобы и сравнительно слабыя силы, пользуясь этими укрѣпленіями, могли дать значительные результаты. Вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя бы только на вѣроятныхъ фронтахъ атаки, должна быть подготовлена минная оборона.

Такимъ образомъ, и на долю обороны, подобно атакѣ, приходится цѣлый рядъ задачъ, которыя могутъ быть вы-

полнены только съ широкой поддержкой инженера; но гдѣ инженеръ умѣетъ примѣнить свое искуство къ требованіямъ стратегіи и тактики, тамъ онъ становится какъ при наступательныхъ, такъ и при оборонительныхъ дѣйствіяхъ, важнымъ факторомъ атаки, а слѣдовательно и побѣды. Мнѣ даже кажется, что если онъ хочетъ достичь идеала, то его ждутъ въ крѣпостной войнѣ такія задачи, которыя не встрѣчались ни въ одной изъ прежнихъ войнъ, но которыя подготовляются для будущаго времени.

Подобно тому, какъ сила сопротивленія современныхъ верковъ и сравнительная слабость артиллеріи гонитъ атакующаго инженера подъ землю для дѣйствія по бетоннымъ массамъ и недостижимымъ другими путями капонирамъ новѣйшими могучими взрывчатыми веществами, такъ, съ другой стороны, величина укрѣпленныхъ городовъ и невозможность защищаться противъ нападеній сверху, толкаетъ его въ воздушное пространство. Но обороняющійся инженеръ долженъ будетъ послѣдовать за нимъ въ облака, подобно тому, какъ подъ землей онъ борется съ нимъ контръ-минами. Управляемый воздушный корабль, который теперь уже можетъ нести значительный грузъ, быть можетъ, призванъ оказать глубокое вліяніе на атаку и оборону крѣпостей и тѣмъ самымъ повліять и на всю долговременную фортификацію.

Въ послѣднее время дѣлались неоднократныя попытки метать съ аэроплановъ снаряды и поражать цѣли сравнительно небольшихъ размѣровъ. Эти попытки до сего времени дали только неблагопріятные результаты даже съ такихъ незначительныхъ высотъ полета, которыя совершенно недопустимы на войнѣ. Кромѣ того, на летательныхъ машинахъ можно перевозить лишь такое незначительное количество легкихъ снарядовъ, что нельзя и думать о сколько нибудь разрушительномъ дѣйствіи этихъ средствъ. Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ воздушными кораблями при такихъ обширныхъ цѣляхъ, какъ большіе города. Воздушный корабль можетъ для метанія снаряда уменьшить свой ходъ или остановиться и въ состояніи поднять сравнительно большое количество снарядовъ. Эти послѣдніе могутъ быть крупнѣе и дѣйствительнѣе перевозимыхъ на аэропланахъ. Нѣтъ также никакого сомнѣнія, что съ воздушнаго корабля всегда можно попасть въ цѣль размѣрами въ современную крѣпость. При

соотвѣтственно устроенномъ прицѣльномъ приспособленіи и при метаніи снарядовъ изъ трубъ, окажется даже возможнымъ успѣшно обстрѣливать и ограниченныя цѣли. Тѣ затрудненія, которыя придется преодолѣть воздушнымъ кораблямъ, принадлежатъ къ совершенно иной области.

Воздушный корабль, нагруженный большимъ запасомъ снарядовъ, долженъ естественно получить громадное стремленіе вверхъ, если этотъ грузъ внезапно уменьшится вслѣдствіе метанія снарядовъ. Но при теперешнемъ состояніи техники летаніе значительно будетъ затруднено этимъ могучимъ стремленіемъ кверху, и поэтому мы вполнѣ правы, задавъ вопросъ—можно ли будетъ при постройкѣ воздушнаго корабля изыскать средство для устраненія этого стремленія. Если удастся разрѣшить эти задачу, то нельзя уже сомнѣваться въ возможности воздушнаго бомбардированія укрѣпленныхъ пунктовъ. Тотъ же успѣхъ былъ бы достигнутъ, если бы оказалось возможнымъ управлять наполненными взрывчатыми веществами воздушными шарами безъ экипажа, при помощи электрическихъ волнъ, и этими же волнами сбрасывать снаряды въ желаемый моментъ. Возможность этого отнюдь не исключается. Но какими бы способами не добиться разрѣшенія задачи—внести разрушеніе и ужасъ въ оживленнѣйшія части городовъ, которыя до сего времени считались въ большей или меньшей безопасности отъ артиллерійскаго огня—но впечатлѣніе это было бы невѣроятное и можно даже спросить себя—возможно ли будетъ обороняться долгое время въ атакованной такимъ способомъ крѣпости.

Отвѣтить на этотъ вопросъ нелегко.

Само собою разумѣется, что непосредственнаго вліянія на силу сопротивленія крѣпости городъ не имѣетъ. Эта сила покоится исключительно на оборонительныхъ веркахъ и артиллерійскомъ вооруженіи. Едва ли допустимо, чтобы эти верки—земляныя сооруженія, батареи, склады, казармы и т. под.—могли значительно пострадать отъ воздушной бомбардировки. Прежде всего попасть въ нихъ можно только случайно, а потому очень еще сомнительно, чтобы такое случайное попаданіе могло оказать дѣйствіе хоть сколько нибудь подходящее къ дѣйствію артиллерійскаго огня. Ожидать отъ воздушной бомбардировки приведенія укрѣпленій въ безпомощное состояніе и разрушенія казематовъ отнюдь

нельзя. Поэтому нужно обсудить—нельзя ли усилить воздѣйствіе на населеніе настолько, чтобы даже твердый комендантъ поддался общему бѣдственному состоянію. Противъ этого прежде всего говоритъ опытъ, показывающій намъ, что даже въ эпоху окруженія городовъ стѣнами одна бомбардировка никогда не могла заставить крѣпость сдаться. Слѣдуетъ также принять во вниманіе, что для того, чтобы нанести сравнительно большому городу значительный вредъ, нужно израсходовать большое количество боевыхъ припасовъ. Чтобы замѣнить огонь только нѣсколькихъ тяжелыхъ батарей, воздушный флотъ долженъ обладать очень большой подъемной силой. Наконецъ, нельзя упускать изъ виду, что и обороняющійся попытается защитить себя отъ воздушныхъ нападеній артиллерійскимъ огнемъ и собственными воздушными крейсерами.

Однако, противъ этихъ соображеній, которыя повидимому внушаютъ убѣжденіе въ незначительной опасности воздушныхъ нападеній, можно выставить и другія, направляющія мысль въ противоположную сторону.

Оборонительныя средства крѣпости всегда ограничены и никакое искуство инженеровъ не въ силахъ организовать съ выгодой для нея воздушное поле боя. Поэтому воздушный флотъ атакующаго постепенно, но во всякомъ случаѣ добьется побѣды, и нельзя вообразить себѣ, чѣмъ будетъ обороняющійся противодѣйствовать воздушной бомбардировкѣ, кромѣ артиллерійскаго огня. Далѣе, слѣдуетъ имѣть въ виду, что масса взрывчатаго вещества, бросаемая въ городъ артиллеріей, всегда незначительна по сравненію съ общимъ вѣсомъ снарядовъ. Снарядъ долженъ быть въ состояніи, не разрушившись, преодолѣть сопротивленіе въ каналѣ орудія и имѣть значительную пробивную силу при попаданіи въ цѣль. Это требуетъ прочной металлической оболочки, въ особенности въ большихъ калибрахъ, а потому очень большого вѣса металла по сравненію съ вѣсомъ взрывчатаго вещества. Для снарядовъ воздушнаго флота этихъ требованій предъявлять нѣтъ надобности. Оболочка взрывчатаго вещества должна быть сравнительно легкой. Конечно, вслѣдствіе этого пробивная сила и дѣйствіе осколковъ будутъ слабѣе, зато можно довести до высшихъ предѣловъ детонирующее дѣйствіе, развитіе высокой температуры и ядовитыхъ газовъ и тѣмъ са-

мымъ достигнуть несравнимо болѣе сильнаго дѣйствія по жилымъ домамъ и населенію, чѣмъ артиллерійскими снарядами одинаковаго вѣса.

Такимъ образомъ возможность значительнаго дѣйствія исключительно зависитъ отъ подъемной силы воздушныхъ кораблей и устройства воздушныхъ снарядовъ. Необходимо также принять во вниманіе, что воздушная бомбардировка можетъ быть распространена на всю площадь даннаго города, въ то время какъ артиллерійская все же ограничена направленіемъ стрѣльбы и дальнобойностью орудій. Наконецъ, опытъ прошлаго относительно воздѣйствія бомбардировки на обороняющагося нельзя переносить безъ всякихъ околичностей на будущее время, такъ какъ слѣдуетъ считаться съ такой дѣйствительностью этой бомбардировки, съ которой прежнія войны не имѣютъ ничего сходнаго. Въ сущности говоря, не трудно допустить, что бѣдственное положеніе населенія заставитъ сдаться даже самаго мужественнаго коменданта; подобно тому, какъ крѣпость можно довести до сдачи голодомъ и ни одинъ обороняющійся не доведетъ и не сможетъ довести оборону до голодной смерти, такъ же можно довести до сдачи и другими уничтожающими людей средствами.

Поэтому, хотя мы имѣемъ здѣсь дѣло съ явленіемъ, находящимся еще въ первоначальномъ періодѣ развитія, и не можемъ еще обозрѣть путей, по которымъ оно насъ поведетъ, тѣмъ не менѣе мы не имѣемъ права отрицать и возможности измѣненія общаго характера крѣпостного строительнаго искуства и не безынтересно уяснить себѣ возможныя послѣдствія этого развитія.

При подобныхъ условіяхъ, способными къ оборонѣ вѣроятно могли бы быть только такіе пункты, которые, вслѣдствіе своихъ малыхъ размѣровъ, трудно уязвимы сверху и могутъ быть защищены отъ воздушной бомбардировки покрытіями; другими словами, прежде всего бронированныя батареи или такія укрѣпленія, которымъ нельзя нанести значительнаго вреда. Крѣпость не могла бы быть соединена съ городомъ и пришлось бы перейти къ исключительно военнымъ крѣпостямъ. Эта мысль не нова и по другимъ причинамъ уже имѣлась въ виду раньше, а именно, русскими, но никогда серьезно не разрабатывалась. Дѣйствительно, по самой природѣ вещей, пункты, у которыхъ крѣпости необходимы

по соображеніямъ стратегическимъ, почти всегда совпадаютъ съ тѣми пунктами, на которыхъ, по причинамъ политическимъ, экономическимъ и географическимъ, возникли большіе города. Эти условія не измѣнятся и въ будущемъ. Такъ какъ поэтому почти нельзя представить себѣ большую крѣпость безъ города, то приходится отказаться отъ большихъ крѣпостей, сохранивъ небольшія укрѣпленія—форты-заставы и различныя пограничныя укрѣпленія чисто военнаго характера. Однако при этомъ нужно принять во вниманіе, что и эти пункты нерѣдко становятся зачаткомъ поселенія и превращаются въ города. При подобной точкѣ зрѣнія, инженерная оборона государства должна быть организована на совершенно иныхъ началахъ. На долю инженера выпадутъ величайшія и важнѣйшія задачи и нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что онъ найдетъ средства удовлетворить и современныя требованія.

Какое направленіе приметъ это развитіе, опредѣлить трудно, въ особенности теоретически. Быть можетъ, будутъ попытки разрѣшить задачи большихъ крѣпостей группами небольшихъ отдѣльныхъ укрѣпленій или укрѣпленными участками; однако, едва ли могутъ быть сомнѣнія въ томъ, что рѣшающее значеніе полевой войны обнаружится еще ярче, чѣмъ теперь, и что поэтому наступательная идея проявится въ болѣе сильной мѣрѣ. Нужно всѣми средствами увеличить оперативную подвижность армій, если бы послѣднимъ пришлось отказаться отъ опорныхъ и оперативныхъ пунктовъ въ видѣ большихъ крѣпостей.

Развитіе воздухоплаванія несомнѣнно не останется безъ вліянія и на борьбу за приморскія крѣпости, которыя слѣдуетъ считать особенно важной составной частью государственной обороны.

Въ настоящее время непріятельскій флотъ можетъ атаковать и уничтожить своимъ артиллерійскимъ огнемъ только оборонительныя сооруженія. Если же удастся воспользоваться для бомбардировки воздушнымъ флотомъ, то для послѣдняго создаются такія цѣли, какъ большія морскія базы, военные порты, арсеналы, доки и верфи. Можно ли будетъ уничтожать бомбардировкой сверху и минныя загражденія—судить не могу. Попасть въ отдѣльныя мины, конечно, нельзя, но все же можно вообразить себѣ взрывъ минъ вслѣд-

ствіе могучаго сотрясенія воды помощью сильныхъ взрывчатыхъ веществъ.

Тамъ, гдѣ открываются такія перспективы, нельзя допустить, чтобы непріятельскій воздушный флотъ ограничился исключительно службой развѣдки. Онъ по всѣмъ вѣроятіямъ будетъ стремиться къ тому, чтобы не только наблюдать за флотомъ и тревожить его въ мѣстахъ стоянокъ, но и направить свою дѣятельность противъ большихъ военныхъ гаваней, чтобы осыпать ихъ сверху взрывчатыми веществами и хотя бы отчасти сдѣлать безполезными современныя предохранительныя мѣры.

Если техникѣ удастся построить воздушные корабли, способные выполнить подобныя предпріятія, то встрѣтить ихъ средствами современнаго формификаціоннаго искуства нельзя будетъ. Нужно располагать достаточнымъ количествомъ пушекъ для стрѣльбы по шарамъ и встрѣтить непріятельскій флотъ наступательными дѣйствіями своихъ воздушныхъ кораблей. При этомъ обороняющійся находится въ болѣе выгодныхъ условіяхъ, такъ какъ его воздушные корабли отправляются съ обезпеченныхъ якорныхъ стоянокъ и ангаровъ на сушѣ, тогда какъ кораблямъ противника всегда придется пролетѣть значительныя разстоянія прежде, чѣмъ достигнуть непріятельскихъ береговъ, и они будутъ замѣчены издали, по крайней мѣрѣ днемъ. Даже если бы удалось спускать воздушные корабли съ морскихъ судовъ, то все же воздушный флотъ, базирующійся на берегу, будетъ въ лучшихъ условіяхъ.

Съ самими береговыми укрѣпленіями, если они состоятъ изъ расположенныхъ на отдѣльныхъ пунктахъ берега или островахъ батарей, непріятельскій воздушный флотъ, конечно не справится. Попасть въ такія небольшія цѣли онъ едва ли сможетъ. Зато онъ вѣроятно лучше сможетъ наблюдать за результатами огня флота, чѣмъ съ самихъ судовъ. Такое наблюденіе особенно полезно для корректированія стрѣльбы по укрыто расположеннымъ батареямъ.

IV.

Веденіе войны.

1. Механическое и идейное пониманіе войны.

Вліяніе современныхъ орудій войны на стратегію. — Развитіе стратегическихъ понятій въ германской арміи.—Современная война.—Стратегическіе взгляды въ „Современной войнѣ“.—Употребленіе вспомогательныхъ родовъ войскъ съ этой точки зрѣнія.—Современная линейная стратегія.—Охватъ въ качествѣ рѣшающаго стратегическаго момента. — Стратегическое управленіе войсками.—Управленіе, зависящее отъ внѣшнихъ причинъ.—Противоположность механическаго и идейнаго пониманія войны.—Военный планъ англійскаго военнаго министерства въ Южно-африканской войнѣ.—Военный планъ лорда Робертса.—Противоположность обоихъ взглядовъ.—Важность этого противорѣчія для развитія военнаго дѣла.—Критика механическаго пониманія войны.—Односторонность механическаго пониманія войны.—Сомнительность стратегическаго расширенія фронта. Сомнительность стратегическаго охвата.—Ослабленіе стратегическаго наступательнаго фронта.—Огневой перевѣсъ.—Механическое пониманіе войны и новѣйшіе опыты войны въ Азіи и Африкѣ.—Зависимость оперативныхъ дѣйствій отъ театра войны.—Подвижность большихъ армій.—Опасность механическаго пониманія войны.—Значеніе правильныхъ военныхъ взглядовъ.—Факторы, играющіе роль въ веденіи войны.

Массовыя арміи, подготовляемыя для современной войны, и техническія завоеванія новѣйшаго времени произвели захватывающее вліяніе на всю обстановку веденія войны, выяснить которое мы пытались въ предшествующихъ главахъ. Тѣмъ не менѣе ясно, что сумма всѣхъ этихъ новыхъ явленій и разностороннихъ вліяній должна была имѣть слѣдствіемъ измѣненіе и дальнѣйшее развитіе общаго пониманія войны. Нужно умѣть такъ или иначе примѣниться къ но-

вымъ орудіямъ войны и къ ихъ дѣйствію какъ въ тактикѣ, такъ и въ стратегіи, и придти къ практическимъ результатамъ.

Разрѣшить эту задачу было не легко. Прежде всего, развитіе современныхъ орудій войны совершалось лишь очень постепенно. Уловить съ самаго начала конечный результатъ обыкновенно бываетъ невозможно. Затѣмъ дѣйствіе, пріобрѣтенныхъ орудій войны было зачастую совершенно противорѣчиво; они мѣшали другъ другу и иногда даже взаимно уничтожались, по крайней мѣрѣ отчасти.

Современныя средства сообщенія и прежде всего желѣзныя дороги и автомобили увеличиваютъ подвижность и оперативную способность армій. Съ другой стороны, призываемыя къ оружію массы настолько велики, что онѣ, несмотря на все это, становятся тяжеловѣсными, хотя бы вслѣдствіе потребнаго для нихъ пространства, и замедляются всѣ совокупныя передвиженія. Съ другой стороны, эти массы, повидимому, должны проявить большую, чѣмъ прежде, тактическую дѣятельность, а между тѣмъ разжиженіе арміи мирнаго времени вливаніемъ въ нее преобладающаго числа нижнихъ чиновъ, отвыкшихъ отъ военнаго дѣла и дисциплины, въ значительной мѣрѣ ослабляетъ тактическую цѣнность всей арміи.

Желаніе возможно полнѣе прикрыть свою страну, возможно скорѣе ввести въ дѣло всю массу арміи и возможно скорѣе подготовиться къ бою, приводитъ къ необходимости произвести свое стратегическое развертываніе какъ можно шире, выдвинуться поближе къ границѣ и использовать для этого передвиженія войскъ всю провозоспособность всей желѣзнодорожной сѣти, такъ какъ все это подастъ надежду выиграть у противника время и начать наступленіе раньше, чѣмъ онъ изготовитъ всѣ свои силы. Эти мысли, сами по себѣ совершенно правильныя, находятся однако въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ одинаково правильнымъ желаніемъ сосредоточить численный перевѣсъ на томъ направленіи, которое мы считаемъ рѣшающимъ.

Подъ давленіемъ подобныхъ, во многихъ отношеніяхъ противорѣчивыхъ вліяній, въ Германіи создался своеобразный методъ веденія войны, которымъ надѣются вполнѣ использовать современныя орудія войны, но который заключаетъ

въ себѣ нѣкоторый отказъ отъ современныхъ требованій военнаго искуства. Интересно прослѣдить за развитіемъ этого взгляда съ времени послѣднихъ большихъ войнъ Германіи.

Прежде, когда арміи еще не достигли теперешнихъ размѣровъ, но, однако, еще въ войнахъ 1866 и 1870—71 г.г., идея необходимости сосредоточенія держать войска для боя, привела къ движенію очень глубокими порядками. То, что удавалось тѣсно сосредоточить на одной или нѣсколькихъ дорогахъ, то считалось въ рукахъ; этимъ, думали, можно распоряжаться какъ угодно; то же, что развертывалось въ ширину, считалось уже силой израсходованной. Иногда по одной и той же дорогѣ вели одинъ за другимъ 3—4 корпуса, такъ что развертываніе впередъ производилось цѣлыми днями. Примѣромъ этому служатъ наступленіе Бенедека отъ Ольмюца къ Эльбѣ и движеніе Фридриха Карла изъ Пфальца на Заару. Мольтке также изучалъ подобныя походныя расположенія въ теоріи и примѣнялъ въ дѣйствительности.

Соотвѣтственно этимъ возрѣніямъ держались также и того мнѣнія, что для боя нужно стягиваться въ густыя массы, чтобы можно было свободно распоряжаться войсками. Этотъ взглядъ былъ распространенъ въ I прусской арміи еще въ 1866 году. Однако, изъ такихъ скученныхъ расположеній можно было съ трудомъ и медленно развертывать боевой порядокъ необходимой ширины, въ особенности когда появилось дальнобойное оружіе, а потому пришли къ результатамъ, совершенно противоположнымъ ожидавшимся. Сосредоточеніе стало истиннымъ бѣдствіемъ и свобода передвиженій была ограничена до крайности. Войска скучивались, но дѣйствовать не могли.

Чѣмъ больше возростали войсковыя массы, чѣмъ больше вслѣдствіе этого становилась глубина походныхъ колоннъ, и тѣмъ больше приходили къ убѣжденію въ непригодности подобнаго способа веденія операцій. Увидѣли, что именно глубина колоннъ затрудняетъ одновременное и равномѣрное развертываніе ихъ, имѣетъ слѣдствіемъ послѣдовательное введеніе ихъ въ бой и даетъ шансы побѣды даже слабѣйшему врагу, который успѣлъ развернуться раньше. Затѣмъ оказалось, что слишкомъ тѣсное сосредоточеніе войскъ ограничиваетъ свободу операцій; что чрезвычайно трудно, имѣя противъ себя уже развернувшагося стратегически противника

или подъ давленіемъ охватывающаго стратегическаго наступленія, перейти изъ тѣснаго сосредоточенія къ необходимой ширинѣ оперативнаго фронта.

Поэтому, изъ глубины устремились къ ширинѣ. Было признано выгоднымъ выходить на поле сраженія уже совершенно развернувшись, а отсюда пришли къ заключенію, что тактическія войсковыя единицы нужно водить не одна за другою, а рядомъ. Считалось, что благодаря этому войска легче двигать, продовольствовать и одновременно вводить въ бой. Движенія впередъ и назадъ исполнялись простѣйшимъ образомъ.

Тактическія разсужденія привели къ такимъ же результатамъ. Въ бою расположеніе войскъ рядомъ, а не по линіямъ, признавалось выгоднѣе, такъ какъ предупреждало возможность перемѣшиванія тактическихъ соединеній. Вызванное современнымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ разрѣженіе стрѣлковой цѣпи привело къ расширенію фронтовъ, что въ свою очередь достигалось всего скорѣе вступленіемъ на поле сраженія съ соотвѣтствующей шириной фронта. Казалось, что оперативное и стратегическое развертываніе въ ширину обусловливаютъ другъ друга. Поэтому движеніе рядомъ другъ съ другомъ было возведено въ принципъ и какъ въ тактикѣ вернулись къ линейной тактикѣ, хотя и въ современныхъ формахъ, такъ пришли и къ своего рода линейной стратегіи, думая этимъ разрѣшить проблему современности.

Дѣйствительно казалось, что этотъ способъ дѣйствій удовлетворяетъ на самомъ дѣлѣ всѣмъ требованіямъ новѣйшаго времени; распространеніе въ ширину позволило использовать всю желѣзнодорожную сѣть и прикрыть всю угрожаемую противникомъ границу. Всѣ войска принимали почти одновременно участіе въ дѣлѣ, и ширина фронтовъ давала возможность извлечь всю пользу изъ прекраснаго оружія.

Этотъ взглядъ нашелъ себѣ особенно характерное выраженіе въ изслѣдованіи „Современная война“, которое можно считать отраженіемъ взгляда, широко распространеннаго въ германской арміи и вѣроятно имѣющаго силу въ правящихъ кругахъ. Поэтому важно тщательно провѣрить внутреннее достоинство высказанныхъ въ немъ взглядовъ, а для этого прежде всего изложить ходъ мыслей, приведшихъ автора къ его взглядамъ на ходъ будущей войны.

Съ одной стороны онъ теоретически обсуждаетъ вѣроятное вліяніе новѣйшаго оружія и прочихъ современныхъ орудій войны, а съ другой разсматриваетъ опытъ послѣднихъ войнъ, на которомъ и основываетъ свои разсужденія. Воззрѣнія автора на тактическія явленія современной войны находятся подъ несомнѣннымъ впечатлѣніемъ событій Русско-японской войны. „Не подлежитъ сомнѣнію, говоритъ онъ, что обнаружившіяся на Дальнемъ Востокѣ явленія повторятся и въ европейской войнѣ".

Въ изложеніи своихъ взглядовъ онъ исходитъ изъ современнаго пѣхотнаго боя. Его взгляды на пѣхотную тактику намъ уже извѣстны. [1]) Они сводятся къ тому, что при современной силѣ ружья, огневой бой можно провести только при самомъ искусномъ пользованіи естественными закрытіями, широкомъ примѣненіи искуственныхъ, рѣдкомъ одношереножномъ строѣ, безъ сильныхъ резервовъ. Поэтому атака представляется въ видѣ медленнаго, часто, быть можетъ, многодневнаго продвиганія впередъ шагъ за шагомъ, оружіемъ и лопатой, причемъ особенно открытыя, обстрѣливаемыя противникомъ пространства могутъ быть преодолѣны только при помощи лопаты, а каждое скопленіе войскъ влечетъ за собою только безцѣльныя потери. Съ другой стороны, повысившаяся дѣйствительность огня дѣлаетъ особое сосредоточеніе силъ излишнимъ, такъ какъ войска даютъ въ 10 разъ больше, чѣмъ равное имъ количество въ войнахъ недавно минувшей эпохи. Для разрѣшенія однѣхъ и тѣхъ же боевыхъ задачъ можно нынѣ обойтись значительно меньшими силами. Если 40 лѣтъ тому назадъ разсчитывали по 10 человѣкъ на одинъ шагъ по фронту, то теперь совершенно достаточно 3 человѣкъ и меньше на 1 метръ [2]). Наконецъ численность армій возрасла до чудовищныхъ размѣровъ, такъ какъ различныя государства стремятся въ этомъ отношеніи превзойти другъ друга. Всѣ эти обстоятельства привели къ необходимости значительнаго расширенія полей сраженій, а слѣдовательно и театровъ военныхъ дѣйствій.

---

[1]) См. III, Главу 1-ю и 2-ю.

[2]) Таково, по мнѣнію автора, соотношеніе между численностью войскъ и протяженіями фронтовъ въ Русско-японской войнѣ.

8

Таковъ, приблизительно, ходъ мыслей, которымъ авторъ переходитъ отъ тактическихъ условій въ область стратегіи.

„Такъ какъ боевые фронты растягиваются, то и стремящіяся къ полю сраженія колонны должны двигаться по меньшей мѣрѣ на такой же ширинѣ, которую онѣ должны занять въ бою“.

Пространство и время должны быть такъ согласованы между собою, чтобы отдѣльныя колонны могли тактически заполнить назначенное имъ пространство въ бою, не переполняя его. Если представить себѣ корпусъ въ 30000 чел., то ему нуженъ—считая по 3 чел. и даже меньше на метръ по фронту, боевой участокъ шириною въ 10 килом. и болѣе, и колонны арміи должны были двигаться въ 10—11 килом. одна отъ другой. Такъ какъ резервы не нужны, а, напротивъ, вредны, то у полководца или командующаго арміей ихъ не будетъ. Авторъ разбираемой нами статьи совершенно опредѣленно говоритъ, что онъ резервовъ не оставляетъ. Отсюда слѣдуетъ, что всѣ корпуса будутъ развертываться рядомъ другъ съ другомъ. Повидимому, авторъ считаетъ безспорнымъ, что стратегическое развертываніе арміи произойдетъ по возможности ближе къ границѣ и что поэтому непріятельскія арміи стоятъ непосредственно другъ противъ друга и между ними только очень узкое пространство для операцій; по крайней мѣрѣ, по его мнѣнію, развертываніе для сраженія начинается какъ только войска выйдутъ изъ вагоновъ. „Изъ конечныхъ желѣзнодорожныхъ станцій, говоритъ онъ, корпуса и дивизіи будутъ стараться занять мѣста, назначенныя имъ въ боевомъ порядкѣ.“ Такимъ образомъ они больше не идутъ на пункты тактическаго сосредоточенія, а непосредственно въ сраженіе. „Стягиваніе войскъ для сраженія потеряетъ значеніе“. Гдѣ войска наталкиваются на противника, они должны вести бой, „не разсчитывая на дальнѣйшую поддержку“. Всѣ эти предположенія были бы совершенно невозможны при значительномъ удаленіи армій одна отъ другой.

Что касается дѣятельности вспомогательныхъ родовъ войскъ, то и согласно этихъ взглядовъ артиллерія должна помогать пѣхотѣ въ бою. Но прежде, чѣмъ она сможетъ это сдѣлать, она должна побороть артиллерію противника. „Въ большей или меньшей степени артиллерія первоначально должна обратиться противъ артиллеріи“. Такимъ образомъ успѣхъ

кающуюся неизбѣжной артиллерійской дуэли ставится предварительнымъ условіемъ возможности и выполнимости пѣхотной атаки.

Кавалерія имѣетъ только одну задачу—перенести свое огнестрѣльное оружіе въ тылъ противнику. Чтобы проложить себѣ туда путь, и она должна сначала въ особой дуэли выбить конницу противника съ поля. Развѣдка, составлявшая въ прежнихъ войнахъ главнѣйшую ея задачу, въ настоящее время преимущественно будетъ выполняться воздушными кораблями, которые также, съ своей стороны, посредствомъ боя пріобрѣтаютъ господство въ воздухѣ. Кавалерійская развѣдка принадлежитъ прошлому. Авторъ категорически утверждаетъ, что кавалерія въ „значительной мѣрѣ освобождена отъ обязанностей развѣдки“. Ея мѣсто заступаютъ воздушные корабли и привязные шары, которые „наблюдаютъ по всей линіи за движеніями врага и за его расположеніемъ“. О какомъ либо иномъ стратегическомъ примѣненіи конницы вообще нѣтъ и рѣчи.

Все это, повидимому, вытекаетъ съ естественной закономѣрностью изъ техническихъ завоеваній новаго времени. Такъ какъ, кромѣ того, всѣ континентальныя европейскія арміи ввели у себя всеобщую воинскую повинность и одинаково хорошее вооруженіе, то можно принять тактическую цѣнность войскъ почти одинаковою.

Необходимымъ результатомъ подобнаго пониманія войны, съ стратегической точки зрѣнія, является большое фронтальное столкновеніе на обширномъ пространствѣ, на которомъ разыграется рядъ частныхъ сраженій, иногда раздѣленныхъ пространствомъ, но которые всѣ находятся въ некоторомъ взаимоотношеніи, всѣ „направлены съ одной цѣлью“; въ этихъ сраженіяхъ сначала борятся отдѣльные роды войскъ, и совмѣстныя дѣйствія ихъ возможны только въ томъ случаѣ, когда одна сторона взяла перевѣсъ во всѣхъ этихъ дуэляхъ отдѣльныхъ родовъ войскъ.

Перенести куда либо въ этомъ стратегическомъ фронтальномъ развертываніи, изъ котораго создается линейное сраженіе на одинаково широкомъ фронтѣ, центръ тяжести сраженія или измѣнить принятое рѣшеніе совершенно невозможно. Получается также впечатлѣніе, что духовные факторы, играющіе роль въ бою, въ современной войнѣ существ-

веннаго значенія не имѣютъ. По крайней мѣрѣ, авторъ „Krieg der Gegenwart“ ни однимъ словомъ не обмолвился о томъ, что перевѣсъ будетъ на сторонѣ той войсковой части, которая сможетъ вынести большія потери и наступаетъ энергичнѣе другой; или, что смѣлость, отвага и геніальность управленія, для которыхъ при подобномъ пониманіи войны конечно нѣтъ мѣста, могутъ сыграть какую бы то ни было роль на войнѣ. Клаузевицъ, во всякомъ случаѣ, кажется совершенно устарѣвшимъ.

Эта однообразная, съ равномѣрнымъ распредѣленіемъ силъ фронтальная атака, выражающаяся въ медленномъ продвиганіи по цѣлымъ днямъ слабыхъ цѣпей при помощи ружья и лопаты, противъ такихъ же жидкихъ оборонительныхъ линій, безъ большихъ потерь, конечно, не можетъ дать рѣшительныхъ результатовъ. На всемъ стратегическомъ фронтѣ не проявляется моментъ превосходства силъ, ни тактическаго, ни оперативнаго. Поэтому, чтобы придти къ дѣйствительной побѣдѣ, необходимо что то сдѣлать. Для этого существуетъ и средство, дѣйствительно обѣщающее успѣхъ т. е. то же, которое должно доставить побѣду и въ тактическомъ отношеніи: простой или по возможности двойной стратегическій охватъ, взаимодѣйствіе стратегическаго фронтальнаго и фланговаго наступленій. Совершенно опредѣленно авторъ, правда, не говоритъ, что нужно стремиться къ стратегическому охвату; но это вытекаетъ изъ общаго указанія, что тактическій охватъ можетъ быть дѣйствителенъ только тогда, когда онъ начатъ еще оперативно. При параллельномъ стратегическомъ развертываніи обѣихъ непріятельскихъ армій по обѣ стороны границы, исключающемъ, повидимому, всякія боковыя перемѣщенія войскъ, тактическій охватъ возможенъ лишь въ томъ случаѣ, когда онъ былъ предусмотрѣнъ еще при стратегической группировкѣ силъ. Но такъ какъ арміи всюду принимаются одинаковой численности, то для сильной фланговой атаки можно стратегически и тактически получить войска лишь ослабивъ войска, дѣйствующія на фронтѣ.

Итакъ, ослабленіе фронта, чтобы получить средства для охвата непріятельскаго крыла: таковъ тотъ единственный способъ, который можетъ изобрѣсти въ наше время даже величайшій полководческій геній, чтобы разбить врага. При этомъ молчаливо принимается, что

противникъ ничего не можетъ предпринять противъ этого маневра. Конечно, это не говорится опредѣленно, но, съ другой стороны, авторъ ни однимъ словомъ не обмолвился о средствахъ отраженія стратегическаго охвата. Но вся система безнадежна рушится, если охватъ не можетъ быть выполненъ и не кончится побѣдой. Поэтому кажется, будто непріятель по необходимости долженъ позволить себя охватить и разбить.

Особенно интересно разсмотрѣть также и роль, возлагаемую при подобномъ пониманіи войны на главнокомандующаго.

Главнокомандующій стѣсненъ въ своихъ дѣйствіяхъ уже при стратегическомъ развертываніи желѣзнодорожной сѣтью. Конечно, онъ можетъ болѣе или менѣе повліять на это выдвиганіемъ или сдерживаніемъ позади линіи развертыванія, или же распредѣленіемъ силъ въ случаѣ войны на два фронта, но въ самомъ веденіи войны его воля почти не принимается во вниманіе, такъ какъ пущенный въ ходъ механизмъ дѣйствуетъ до нѣкоторой степени самостоятельно. Личное вліяніе почти совершенно исключено и изъ управленія сраженіемъ.

Впрочемъ, не вполнѣ ясно, подразумѣваетъ ли авторъ высшее командованіе или же полководца, которому поручено командованіе на особомъ полѣ сраженія. Въ пользу перваго предположенія говоритъ то, что онъ считаетъ главную задачу „руководителя сраженіемъ“ (Schlachtenlenker) выполненной, если онъ „задолго до столкновенія съ врагомъ назначитъ всѣмъ арміямъ и корпусамъ пути, дороги и направленія наступленія и опредѣлитъ для нихъ приблизительныя цѣли на каждый день“. Ко второму же предположенію приходишь, читая описаніе дѣятельности начальника въ сраженіи [1]).

Это описаніе справедливо, однако, только въ томъ случаѣ, если оно предполагаетъ начальника хотя и на большомъ, но все же точно ограниченномъ полѣ сраженія. Соединить оба взгляда можно лишь допустивъ, что вся армія, или же по меньшей мѣрѣ главнѣйшая ея часть, вступила въ общее сраженіе, которымъ нужно и можно управлять изъ центральнаго мѣста. Но подобное предположеніе совершенно

---

[1]) См. I томъ, II, главу 8.

произвольно и очень мало вѣроятно, что высказываетъ, между прочимъ, и авторъ. Предположивъ современную среднеевропейскую армію силою около 1 милліона бойцовъ, какъ это и дѣлаетъ авторъ, мы ни на одномъ изъ европейскихъ театровъ войны не найдемъ возможности, привести ихъ къ одному сраженію, руководимому съ *одного кресла*.

Какъ бы то ни было, однако, но общаго руководства сраженіемъ даже и не нужно, если борьба ведется по тѣмъ принципамъ, которые положены въ основу подобнаго пониманія войны. Дѣйствительно, чѣмъ же долженъ въ подобномъ случаѣ руководить или чѣмъ командовать „современный Александръ?“ Конечно, сраженіе продолжается нѣсколько дней, такъ какъ, боясь большихъ потерь, быстрыхъ успѣховъ добиваться нельзя; но въ такомъ случаѣ „полководецъ долженъ на каждый новый день требовать отъ вступившихъ въ бой армій и корпусовъ новыхъ усилій и давать направленія частямъ, еще не ведущимъ бой“. Но все это только кажущаяся дѣятельность. Войска уже введены въ бой: съ конечныхъ желѣзнодорожныхъ пунктовъ они идутъ прямо на поле сраженія въ опредѣленномъ направленіи; резервовъ нѣтъ; подкрѣпленій посылать не надо и они только увеличили бы потери. Такимъ образомъ, этому Александру не остается ничего другого, какъ заняться пустымъ словоизверженіемъ, требуя отъ войскъ новыхъ усилій, и, сидя въ удобномъ креслѣ, ожидать—чѣмъ кончится дѣло. Вообще же, заведенные имъ часы должны идти своимъ ходомъ и покориться судьбѣ. „Бѣда подходитъ, пусть будетъ, что будетъ“. Только исходъ сраженія дастъ ему возможность, хотя и очень ограниченную распространеніемъ арміи въ ширину, отдать новыя распоряженія.

Все пониманіе войны исходитъ изъ того предположенія, что обстановка, обусловливаемая современнымъ оружіемъ, массовыми арміями, средствами сообщенія, а главнымъ образомъ желѣзными дорогами, оказываетъ непреодолимое вліяніе, отъ котораго высшее управленіе арміей не можетъ освободиться, такъ какъ обязано принимать его чуть ли не какъ законъ природы. Такимъ образомъ *веденіе войны подчинено извѣстнымъ внѣшнимъ условіямъ* и повинуется имъ. Нигдѣ взгляды автора не обращаются къ постояннымъ законамъ войны; нигдѣ онъ не пытается согла-

[illegible] то, а другіе. Вездѣ мы видимъ лишь законы, вызванные къ жизни временными явленіями. Нигдѣ не видно стремленія подыскать современныя формы для идей, возникнувшихъ изъ самой природы войны; вездѣ, скорѣе наоборотъ,— данная форма вызываетъ идею.

При подобныхъ условіяхъ веденіе войны едва ли можно назвать искусствомъ. Оно становится ремесломъ, а полководецъ превращается до нѣкоторой степени въ машиниста. Главная работа его заключается въ томъ, чтобы пустить въ ходъ механизмъ арміи, сообразуясь съ сѣтью желѣзныхъ и обыкновенныхъ дорогъ, хорошенько подмазать колеса и подвозить арміямъ новыя и новыя механическія силы въ видѣ боевыхъ припасовъ, продовольствія и людей.

Это, по преимуществу „механическое“, пониманіе войны до крайности ограничиваетъ волю начальника и подчиняетъ его вліянію внѣшнихъ условій.

Ему можно противопоставить иное пониманіе, которое я былъ бы склоненъ назвать „геніальнымъ“, такъ какъ оно открываетъ широкое поприще генію начальника, духовно владѣетъ матеріальными условіями веденія войны и подчиняетъ ихъ волѣ начальника.

Это, конечно, трудная задача, которую гораздо легче разрѣшить мысленно, чѣмъ на практикѣ.

„Leicht bei einandar wohnen die Gedanken“.
„Doch hart im Raume stossen sich die Sachen“.
(Schiller: Wallenstein) [1]

Внѣшнія условія имѣютъ во многихъ отношеніяхъ дѣйствительно принудительное значеніе. Но, съ другой стороны, они даютъ достаточно мѣста и свободѣ дѣйствій, и это нужно использовать. Но, съ другой стороны, не слѣдуетъ подчиняться техническимъ завоеваніямъ и условіямъ новаго времени, но, напротивъ, развивать ихъ въ духѣ опредѣленнаго намѣренія и примѣнять ихъ къ дѣлу. Какъ достичь этого—будетъ указано въ другомъ мѣстѣ. Теперь же нужно прежде всего точнѣе опредѣлить то пониманіе войны, которое я назвалъ

---

1) Легко уживаются другъ съ другомъ идеи, но сильно сталкиваются въ пространствѣ вещи.

(Шиллеръ: Валленштейнъ).

„геніальнымъ“, сравнивъ его съ „механическимъ“. Всего проще уяснить противоположность этихъ обоихъ взглядовъ на примѣрѣ.

Я остановился на Южно-африканской войнѣ. Въ ней, правда, были сравнительно слабыя оперативныя арміи, но за то захваченныя ими пространства были очень велики, и вся война велась современнымъ оружіемъ, а со стороны англичанъ—и иными современными вспомогательными средствами; въ дальнѣйшемъ ходѣ своемъ война превратилась въ большую борьбу народовъ. Все же, мѣстныя условія этой войны нельзя цѣликомъ переносить на среднеевропейскій театръ военныхъ дѣйствій, что впрочемъ и не нужно. Намъ необходимо лишь освѣтить различіе между этими обоими взглядами, которое при иныхъ внѣшнихъ условіяхъ конечно и проявилось бы въ другой формѣ.

Послѣ того, какъ генералъ Буллеръ и его младшіе начальники потерпѣли жестокія пораженія на Тугелѣ, въ Капской колоніи и на р. Моддеръ, англійское правительство рѣшило послать въ Южную Африку очень большія подкрѣпленія и возобновить войну на болѣе широкихъ основаніяхъ. Разработанный для этого планъ войны велъ къ тому, чтобы высадить англійскія войска въ Капштадтѣ, Портъ Елизабетъ и Вост. Лондонѣ и двинуть ихъ вдоль трехъ желѣзнодорожныхъ линій, ведшихъ отъ этихъ городовъ въ центръ страны; эти линіи соединяются черезъ Де-Ааръ, Наувпортъ и Стормбергъ въ главную желѣзнодорожную линію, которая ведетъ въ Преторію, черезъ Норвальспонтъ, Спрингфонтейнъ и Бломфонтейнъ, въ то время какъ побочная линія отходитъ отъ Де-Аара, черезъ Кимберлей, на сѣверъ.

Англійскій главнокомандующій считалъ невозможнымъ вести операціи въ сторонѣ отъ желѣзныхъ дорогъ. Буры, съ своей стороны, также находились во власти той же идеи и заняли сильныя позиціи, пересѣкавшія эти линіи поперекъ. На самой западной изъ этихъ линій они были, правда, оттѣснены за р. Моддеръ, такъ что англичане овладѣли переходомъ этой дороги черезъ Оранжевую рѣку. Зато на восточныхъ линіяхъ буры вторглись въ Капскую колонію, сильно укрѣпились у Кольсберга и Стормберга и владѣли переправами черезъ Оранжевую рѣку. Англичанамъ приходилось преодолѣвать эти переправы, если они хотѣли выполнить

свой планъ, фронтально, т. е. такимъ способомъ, который далъ бурамъ возможность вполнѣ проявить свое тактическое превосходство въ оборонѣ. Англійскій главнокомандующій, подчинившись этимъ оперативнымъ условіямъ, поставилъ себя въ такое положеніе, въ которомъ ему приходилось преодолѣвать тактически величайшія затрудненія. Это было чисто механическое пониманіе данныхъ условій войны.

Черт. 7.

Когда въ командованіе вступилъ лордъ Робертсъ, онъ не пожелалъ подчиняться въ такой мѣрѣ желѣзнымъ дорогамъ и хотѣлъ обезпечить себѣ свободу дѣйствій. [1]) Поэтому онъ рѣшился сосредоточить свои главныя силы исключительно на западной желѣзнодорожной линіи, къ югу отъ р. Моддеръ, снабдить ихъ колеснымъ обозомъ, освобождавшимъ отъ желѣзнодорожной зависимости, и затѣмъ двинуться на Бломфонтейнъ черезъ страну. Этой операціей онъ обходилъ всѣ фронтальныя позиціи буровъ, заставлялъ ихъ безъ боя очистить Капскую колонію и оттѣснялъ прикрывавшаго на р. Моддеръ осаду Кимберлея Кронье отъ его пути сообщенія на Бломфонтейнъ.

---

[1]) Несмотря на всѣ техническія затрудненія и военныя опасности, онъ предпочелъ выбрать планъ, который давалъ ему возможность безъ боя переправиться черезъ Оранжевую рѣку, обходилъ фронтъ буровъ и угрожалъ ихъ путямъ сообщенія и ихъ столицѣ, и который позволилъ ему свободно двигаться по странѣ въ любомъ направленіи. (Times, History of the War).

Вся операція является прорывомъ стратегическаго фронта противника на одномъ крылѣ и настоящимъ фланговымъ ударомъ по центру и другому крылу, безъ одновременной фронтальной атаки.

Этотъ планъ былъ осуществленъ и далъ рѣшительный результатъ: плѣненіе Кронье, освобожденіе Капской колоніи и овладѣніе Бломфонтейномъ.

Сравнивая между собою оба плана войны—генерала Робертса и военнаго министерства, мы ясно видимъ ихъ противоположность. Несмотря на всѣ встрѣченныя затрудненія, генералъ Робертсъ привелъ въ исполненіе планъ, который предуказывался исключительно военными соображеніями, и подчинилъ обстановку своимъ намѣреніямъ. Его правительство широко поддержало его при этомъ.

Для насъ, нѣмцевъ, имѣетъ громадное значеніе, къ какому изъ этихъ обоихъ пониманій войны склонятся наши высшія военныя сферы. Вѣдь отъ этого зависитъ дальнѣйшее развитіе нашего военнаго дѣла по многимъ важнѣйшимъ вопросамъ; оно вліяетъ всесторонне не только на подготовку къ стратегическому развертыванію арміи и къ самому веденію войны, но и на организацію и снабженіе арміи. Поэтому нужно подробно разобрать всѣ эти вопросы. Прежде всего нужно провѣрить, не обоснованы ли воззрѣнія, высказанныя въ „Krieg der Gegenwart“, дѣйствительно на сущности современныхъ условій и не подтверждается ли это опытомъ: во-вторыхъ, нужно обсудить—нельзя ли при помощи всѣхъ техническихъ средствъ сообщенія преодолѣть естественную тяжеловѣсность современныхъ войсковыхъ массъ и доставить имъ нѣкоторую оперативную свободу.

Обращаясь сначала къ тактическимъ взглядамъ, проводимымъ въ „Krieg der Gegenwart“, я полагаю, что я въ достаточной мѣрѣ ихъ опровергъ и доказалъ ихъ неправильность. Значеніе, приданное вспомогательнымъ войскамъ, въ главныхъ своихъ основаніяхъ, спорно, подобно тому, какъ съ другой стороны, во многихъ отношеніяхъ преувеличивается работоспособность техническихъ вспомогательныхъ средствъ. Мы показали, что кавалерія совершенно не освобождена отъ развѣдывательной службы и что необходимость артиллерійской дуэли въ сраженіи не вызывается сущностью дѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ оказалось, что современные воздушные шары,

корабли и летательные снаряды не достигли еще степени боевой пригодности, чтобы принять на себя развѣдку, что они по своимъ свойствамъ не въ состояніи выполнить ее при всякой обстановкѣ.

Поэтому, принципы, на которыхъ авторъ „Krieg der Gegenwart“ возводитъ свое стратегическое сооруженіе, недостаточно прочны, чтобы выдержать постройку. Но и сама система, проповѣдываемая имъ теорія войны не выдерживаетъ критики.

Прежде всего бросается въ глаза односторонность, которую приняла всесторонняя война подъ давленіемъ современныхъ условій. Картина, изображенная авторомъ, подходитъ исключительно къ двумъ сторонамъ, которыя, при приблизительно равныхъ военныхъ силахъ, имѣютъ почти одинаковую желѣзнодорожную сѣть, т. е. къ обстановкѣ, существующей между Германіей и Франціей. Достаточно перенестись на восточную границу Германіи, чтобы оказаться въ совершенно иныхъ условіяхъ.

При слабо развитой желѣзнодорожной сѣти въ Россіи и большихъ разстояніяхъ въ этомъ государствѣ, мобилизація и стратегическое развертываніе арміи займутъ довольно много времени. Поэтому невѣроятно, чтобы русскіе выдвинули районъ развертыванія настолько впередъ, чтобы войска могли вступать на поле сраженія непосредственно изъ конечныхъ желѣзнодорожныхъ станцій. Они должны опасаться быть атакованными во время стратегическаго развертыванія своимъ быстрѣе сосредоточившимся противникомъ. Развертываніе будетъ вѣроятнѣе всего отнесено настолько назадъ отъ границы, чтобы арміи могли быть сосредоточены за предѣлами опасной зоны; войскамъ же придется очень часто выполнять значительныя передвиженія пѣшкомъ, не только для занятія своего мѣста на полѣ сраженія, но и для достиженія оперативнаго фронта. Но и нѣмцамъ, въ качествѣ атакующихъ, придется въ подобномъ случаѣ выполнить рядъ оперативныхъ маршей, въ особенности, если бы они пожелали использовать энергичнымъ наступленіемъ преимущества болѣе скорой мобилизаціи и сосредоточенія.

Снова совершенно иначе сложилась бы обстановка, если бы англичане захотѣли высадить свою 100.000-ю армію на континентѣ. Все это условія войны, возможныя для нѣмцевъ; если же принять во вниманіе другія условія, напр., для

Италіи, Австріи или Турціи, то для нихъ потребовались бы совершенно иныя стратегическія мѣропріятія.

Нельзя допустить, чтобы по одному частному случаю судить объ общемъ характерѣ современной войны. Война, по словамъ Клаузевица, настоящій хамелеонъ, и имъ же она будетъ и впредь. Безусловно ошибочно создавать для нея стратегическій шаблонъ, такъ какъ съ мѣстностью, ея покровомъ, видомъ границы, разнообразіемъ желѣзнодорожной сѣти, какъ и ея величиной и свойствами примѣненныхъ массъ, каждый разъ мѣняется общая стратегическая картина. Но если принять даже одинъ, данный случай, какъ напр. Франко-германскую войну, то и тогда картина, нарисованная въ „Krieg der Gegenwart“, кажется мнѣ достаточно произвольной.

Прежде всего никто не заставляетъ продвигать стратегическое развертываніе настолько близко къ границѣ, чтобы войскамъ пришлось вступать въ сраженіе прямо съ выгрузочныхъ станціи. Едва ли можно предположить, что и противникъ поступитъ такъ же. Стратегическое развертываніе обѣихъ сторонъ скорѣе всего будетъ организовано съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія, и нельзя утверждать, что наибольшее выдвиженіе впередъ есть наилучшее въ военномъ отношеніи. Именно геніальный полководецъ не захочетъ подчиниться принужденію такихъ мѣропріятій. Затѣмъ, поразительная односторонность взглядовъ автора сказывается и въ томъ, что онъ принимаетъ во вниманіе только тѣ бои, которые разыграются непосредственно изъ сосредоточенія по желѣзнымъ дорогамъ, какъ будто ими же рѣшится участь всей войны. Этотъ взглядъ совершенно невѣроятенъ. Изъ рѣшительнаго столкновенія въ періодъ развертыванія, какъ только что доказано, по всѣмъ вѣроятіямъ разовьется дальнѣйшая оперативная война, которую слѣдуетъ при характеристикѣ современной войны принимать во вниманіе такъ же какъ и войну въ періодъ развертыванія (Aufmarschkrieg).

Нельзя не высказать большихъ сомнѣній и по поводу стратегическихъ идей, руководящихъ войной въ періодъ стратегическаго развертыванія по этимъ „современнымъ“ взглядамъ. Войска должны, насколько позволитъ мѣсто, развернуться рядомъ, чтобы дѣйствовать по возможности одновременно,

предупредить противника во времени и начать охватъ. Такова основная идея этой современной стратегіи. Односторонность ея очевидна.

Если излишняя глубина походныхъ колоннъ и стратегическаго распредѣленія войскъ замедляетъ развертываніе фронта, то чрезмѣрная ширина развертыванія затрудняетъ взаимодѣйствіе силъ въ опредѣленномъ направленіи и развертываніе къ сторонѣ фланга. Если въ одномъ случаѣ кроется опасность того, что передовыя войска будутъ разбиты раньше, чѣмъ подойдутъ къ нимъ на помощь идущія позади, то распредѣленіе въ ширину создаетъ возможность пораженія одной части фронта безъ помощи со стороны сосѣднихъ частей. Кромѣ того, изъ широкаго расположенія трудно развернуться противъ охвата и фланговой атаки.

Съ другой стороны, чрезвычайно опасно стремиться къ побѣдѣ исключительно посредствомъ охвата. Зачастую онъ окажется невыполнимымъ. Если французская армія развернется между Бельгіей и Швейцаріей, то ее нельзя обойти, не нарушивъ нейтралитета. Если же наступленіе будетъ направлено черезъ Бельгію или Швейцарію, то число враговъ увеличивается арміями этихъ государствъ, и попытка охвата встрѣтила бы новые сильные фронты. Кромѣ того, численно сильнѣйшій можетъ сдѣлать охватъ невыполнимымъ, растянувъ свой фронтъ; если же попытка произвести его осуществится, то создаются всѣ опасности, невыгоды и затрудненія, которыя были нами разсмотрѣны выше [1]) и которыхъ не меньше въ стратегической области, чѣмъ въ тактической. Кто выступаетъ на войну съ мыслью побѣдить по извѣстному шаблону, тотъ едва ли украситъ свое чело лаврами. Предвзятыя мнѣнія, говорилъ Константинъ Альвенслебенъ, самыя опасныя на войнѣ.

Въ тѣсной связи съ теоріей охватовъ находится взглядъ, что можно безнаказанно ослаблять фронтъ, чтобы усилить крылья, если только позаботиться о снабженіи ослабленныхъ войскъ достаточной массой патроновъ, чтобы они могли тактически успѣшно вести огневой бой; что при этихъ условіяхъ можно даже безнаказанно атаковать съ фронта болѣе

---

1) III, 2-я глава.

сильнаго обороняющагося слабыми войсками и тѣмъ приковать [illegible] мѣсту.

Прежде всего необходимо указать на нелогичность предположенія, что можно достичь перевѣса увеличеніемъ числа разстрѣлянныхъ патроновъ, такъ какъ очевидно, что противникъ располагаетъ не меньшей возможностью запастись патронами; затѣмъ, въ этомъ взглядѣ соотношеніе между атакой и обороной совершенно извращено, противоположность между обоими видами боя исчезла и создается впечатлѣніе, что во фронтальномъ бою оборона не даетъ никакихъ преимуществъ, что атакующій и обороняющійся ведутъ бой при равныхъ условіяхъ и что перевѣсъ въ огнѣ вообще рѣшаетъ бой.

Эти взгляды кажутся мнѣ совершенно ошибочными. Вполнѣ одинаковыя условія для обѣихъ сторонъ могутъ создаться лишь въ томъ случаѣ, если оба противника атакуютъ другъ друга и стратегически, и тактически. Опытъ показываетъ, что это случается рѣдко. Одинъ изъ двухъ, движимый болѣе слабыми внѣшними и внутренними побужденіями, обыкновенно переходитъ къ оборонѣ. Это свойственно человѣческой природѣ. Но даже и тамъ, гдѣ оба наступленія сталкиваются, исходъ столкновенія отнюдь не зависитъ отъ перевѣса въ огневомъ бою.

Я считаю совершенно ошибочнымъ мнѣніе, будто въ современномъ бою о г н е в о й п е р е в ѣ с ъ, которому германскій строевой пѣхотный уставъ придаетъ слишкомъ большое значеніе ,обусловливаетъ побѣду. Огневой перевѣсъ основывается на большемъ матеріальномъ дѣйствіи; онъ выражается въ цифрахъ потерь. Развѣ можно утверждать, что побѣждаетъ та сторона, у которой меньше потерь? Всегда терпитъ пораженіе та сторона, которая сильнѣе потрясена нравственно, а это послѣднее обстоятельство отнюдь не зависитъ исключительно отъ потерь. На войнѣ дѣло складывается не такъ уже механически; тамъ часто побѣда выигрывается и противъ огневого перевѣса, такъ какъ, кромѣ оружія, въ этомъ дѣлѣ имѣютъ участіе вліянія частью невещественнаго характера, на которыхъ въ сущности и основана побѣда. Побѣда [illegible] С. Прива является именно примѣромъ такой побѣды [illegible] Никогда не забуду я, какъ однажды одинъ изъ французскихъ

участниковъ этого сраженія [1]) описывать то поражающее моральное впечатлѣніе, какое произвело на французскую пѣхоту внезапное движеніе гвардіи въ атаку, несмотря на сильнѣйшій огонь ружей Шасспо. Тогда то исчезла увѣренность въ побѣдѣ, хотя французскія стрѣлковыя цѣпи понесли, по сравненію съ противникомъ, неизмѣримо меньшія потери.

Однимъ перевѣсомъ въ огнѣ въ наступательномъ бою не сможетъ побѣдить даже сильнѣйшая войсковая часть; болѣе слабая часть не въ состояніи будетъ продвинуться даже если у нея будетъ достаточный запасъ патроновъ; а такъ какъ каждое стратегическое наступленіе должно вылиться въ тактическое, если хочетъ дѣйствительно приковать противника къ мѣсту, то одинаково опасно и стратегически, и тактически ослаблять фронтальную атаку ради охвата. Можно даже сказать, что стратегически опасность слабыхъ атакующихъ фронтовъ еще больше, чѣмъ тактически, такъ какъ, съ одной стороны, для противника менѣе опасно рискнуть на прорывъ стратегически, чѣмъ тактически, и, съ другой стороны, потому, что вслѣдствіе значительнаго протяженія фронтовъ стратегическій охватъ лишь очень постепенно сказывается на всей линіи.

Если бы французы попытались, ослабивъ свой фронтъ, обойти сосредоточившуюся въ Лотарингіи и Эльзасѣ германскую армію черезъ Бельгію, то наступленіе нѣмцевъ на Парижъ могло бы окончиться успѣхомъ гораздо раньше, чѣмъ охватъ ихъ праваго крыла далъ себя какъ слѣдуетъ почувствовать.

Теоретически убѣдительно обосновать механическое пониманіе войны, послѣ всего сказаннаго, нельзя. Мнѣ кажется, что оно не находитъ себѣ поддержки и въ опытѣ новѣйшихъ войнъ, хотя многія явленія, обнаружившіяся въ этихъ бояхъ, повидимому его и подтверждаютъ, и прежде всего событія Русско-японской войны.

Здѣсь бой велся длинными тонкими линіями на очень обширныхъ фронтахъ. Слабѣйшіе численно японцы атаковали и побѣждали, хотя въ большинствѣ случаевъ имѣли

---

1) Генералъ Зеде, впослѣдствіи командиръ XIV корпуса. Онъ находился во время боя у входа въ С.-Прива на шоссе въ С.-Мари-о-Шэнъ

слабые резервы. Напротивъ, всегда очень сильные русскіе резервы не помогли ничему, потому что ими не пользовались.

Бои почти всегда длились днями; побѣда достигалась большею частью охватами; обороняющійся ни разу не былъ въ состояніи противодѣйствовать имъ; кавалерія почти не участвовала въ развѣдкѣ, а японская вообще была такъ слаба, что многаго и не могла сдѣлать. Такимъ образомъ, здѣсь выступили на сцену всѣ элементы механическаго веденія войны и побѣда японцевъ какъ будто подтверждаетъ правильность теоріи. Но и здѣсь подтверждается римская пословица: eventus stultorum magister. Ближе присматриваясь, успѣхъ японцевъ отнюдь не объясняется одними ихъ тактическими и стратегическими мѣропріятіями, но прежде всего ихъ духовнымъ превосходствомъ и положительно невѣроятными ошибками и слабостью русскаго главнокомандующаго. Что и длительность сраженій не обусловливается современными условіями, будетъ особо доказано въ иномъ мѣстѣ, такъ какъ этотъ вопросъ пріобрѣтаетъ особое значеніе въ связи съ превосходствомъ наступленія.

Еще менѣе истинныхъ точекъ сравненія съ европейской обстановкой даетъ Южно-африканская война.

Правда, что и здѣсь бой преимущественно велся длинными линіями. Поля сраженій растянулись совершенно неестественно по сравненію съ численностью войскъ; у буровъ никогда не было резервовъ; англичане при лордѣ Робертсѣ также не имѣли ихъ; этотъ генералъ почти всегда добивался побѣды путемъ охвата; потери были, въ общемъ, очень незначительны. Такимъ образомъ, и здѣсь мы видимъ только тѣ явленія, которыя механическое пониманіе войны признаетъ необходимымъ результатомъ современныхъ условій. Въ дѣйствительности же всѣ эти явленія основываются отнюдь не на сущности современной войны, а на природѣ особаго частнаго случая. Величина и своеобразіе театра военныхъ дѣйствій; слабо развитая сѣть сообщеній; происходящее отсюда стѣсненіе свободы операцій; то обстоятельство, что крестьянская милиція почти безъ артиллеріи сражалась съ сильнѣйшей постоянной арміей, располагавшей огромнымъ числомъ орудій; сравнительно большая подвижность конныхъ буровъ; неискусное командованіе генерала Буллера и боязнь потерь, отличавшая всѣ распоряженія генерала Робертса; неспособ-

ность буровъ къ широко организованному наступленію—таковы были условія, вызвавшія тѣ тактическія и оперативныя явленія, которыя свойственны боямъ въ Южной Африкѣ. Общаго значенія имъ отнюдь нельзя приписывать.

Итакъ, соединяются теоретическія разсужденія и боевой опытъ подтверждаютъ несостоятельность основной идеи того взгляда, который я назвалъ „механическимъ". Надлежитъ еще выяснить — допускаетъ ли оперативная способность современныхъ массовыхъ армій извѣстную свободу дѣйствій.

Если принять во вниманіе, что движенія большихъ армій безусловно требуютъ поддержки со стороны желѣзныхъ дорогъ; что движеніе автомобилей ограничено хорошими, твердыми дорогами; что прокладка полевыхъ желѣзныхъ дорогъ и возстановленіе разрушенныхъ непріятельскихъ линій не всегда будетъ поспѣвать за желательнымъ движеніемъ арміи впередъ и что движеніе запряженныхъ продовольственныхъ колоннъ ограничиваетъ на извѣстномъ предѣлѣ движеніе войскъ, то заранѣе станетъ яснымъ, что оперативная способность большой арміи будетъ очень различна, смотря по характеру театра военныхъ дѣйствій. Прежде всего рѣшающее значеніе будетъ имѣть развитіе дорожной сѣти, затѣмъ и богатство театра военныхъ дѣйствій помѣщеніями для войскъ, продовольствіемъ и другими вспомогательными средствами. Во Франціи, напр., можно будетъ передвигаться гораздо свободнѣе и самостоятельнѣе, чѣмъ въ Россіи.

Если же съ другой стороны принять во вниманіе, до какой степени подвижны и большія войсковыя массы, до какой сравнительно высокой степени можно довести эту подвижность даже когда приходится, вслѣдствіе слабости сѣти сообщеній, преимущественно прибѣгать къ колесному обозу; если мы вспомнимъ насколько можно обойтись, при умѣлыхъ распоряженіяхъ, и безъ средствъ страны даже въ громадныхъ арміяхъ, что доказано нами въ I части нашего труда, то должны будемъ придти къ заключенію, что извѣстная степень подвижности присуща при всякихъ условіяхъ даже самымъ большимъ массамъ и что и современный полководецъ, вполнѣ умѣющій распоряжаться элементами войны, можетъ до нѣкоторой степени примѣнить и искусно сообразовать тактическую и стратегическую форму съ требованіями своей полководческой воли. Находящіяся въ его распоряже-

нія средства заключаются въ стратегическомъ развертываніи армій и въ тѣхъ передвиженіяхъ армій, которыя подробно разсмотрѣны въ одной изъ предыдущихъ главъ *). Въ какой мѣрѣ можно воспользоваться этими средствами для веденія операцій, будетъ разобрано ниже. Но и здѣсь мы можемъ указать на то обстоятельство, что при современныхъ массовыхъ арміяхъ приходится имѣть дѣло съ совершенно иными размѣрами пространства и времени, чѣмъ раньше, и что полководецъ долженъ имѣть это въ виду при составленіи своихъ стратегическихъ плановъ и распоряженій. Ему придется при этомъ преодолѣть много предвзятыхъ убѣжденій и отказаться отъ нѣкоторыхъ кажущихся преимуществъ, но зато онъ пріобрѣтетъ этимъ неизмѣримо бо̀льшія выгоды.

Къ тому же, не значило ли бы добровольно отказаться отъ умственнаго превосходства, если бы командующій большой арміей вздумалъ подчиниться воззрѣнію, совершенно не основанному на сущности дѣла, и призналъ убѣдительными такія требованія, которыхъ въ дѣйствительности не существуетъ?

Въ подобномъ механическомъ пониманіи войны, если бы онъ укоренился въ арміи и народѣ, кроется опасность, которой пренебрегать нельзя.

Проповѣдуя необходимость выставлять какъ можно больше войскъ, развертывать всѣ силы фронтально, другъ съ другомъ рядомъ, и выдвигать ихъ возможно больше впередъ къ противнику; признавая рѣшающими матеріальные факторы побѣды, дѣйствіе массъ и массовое дѣйствіе огнестрѣльнаго оружія и стараясь превзойти въ этомъ отношеніи противника; возвеличивая, съ одной стороны, техническія и механическія орудія войны, а съ другой не пользуясь ими въ должной мѣрѣ для достиженія оперативной свободы, сторонники этой теоріи связываютъ волю полководца, ограничиваютъ проявленіе всѣхъ духовныхъ силъ его и исключаютъ элементъ смѣлости. Благодаря всему этому веденіе войны дѣлается одностороннимъ и едва ли обѣщаетъ серьезный успѣхъ. Стратегія автора „Krieg der Gegenwart“ при критическомъ отношеніи къ ней становится стратегіей численнаго перевѣса

*) Томъ I, II, глава 7.

и признаніемъ банкротства военнаго искуства, если такого перевѣса не имѣется.

Но въ этомъ кроется дальнѣйшая, вмѣстѣ съ тѣмъ и національная опасность.

Нѣмцамъ суждено въ самомъ ближайшемъ будущемъ бороться на водѣ и на сушѣ противъ значительно превосходныхъ силъ. Политическое развитіе Германіи требуетъ этой борьбы съ силой біологической необходимости. Поэтому, проповѣдывать теорію войны, ставящую въ качествѣ рѣшающаго фактора матеріальныя орудія войны—массы, оружіе и военныя орудія, и въ большей или меньшей степени исключающую духовные и нравственные элементы побѣды — значитъ положить предѣлъ вѣрѣ націи въ свои собственныя силы, ея стремленію къ развитію и жаждѣ побѣды. Распространять подобную теорію вредно и губительно, такъ какъ она фактически невѣрна, ищетъ центръ тяжести подготовки къ войнѣ въ невѣрномъ мѣстѣ и толкаетъ политику на путь отреченія, преувеличивая значеніе численнаго перевѣса и опасность войны съ болѣе многочисленнымъ врагомъ.

Именно въ томъ положеніи, въ которомъ находится Германія, чрезвычайно важно распространить не только въ арміи, но и въ самомъ народѣ, правильныя воззрѣнія и убѣдить ихъ въ томъ, что и въ наши дни, какъ и во времена Фридриха Великаго, 30,000 могутъ разбить 100,000, если ими командуютъ рѣшительно и смѣло и если они одушевлены настоящимъ солдатскимъ духомъ.

Вѣдь и теперь рѣшаетъ исходъ войны духъ: — духъ начальника и духъ войскъ. Рѣшимость и смѣлость даютъ рѣшающее превосходство и въ наши дни; и теперь существуетъ гордое право иниціативы; и теперь побѣда не зависитъ отъ какой либо опредѣленной системы, а можетъ быть выиграна различными способами и противъ значительнаго численнаго перевѣса.

Разсмотрѣвъ подробно средства, имѣющіяся въ распоряженіи полководца, при изученіи войны необходимо не устанавливать опредѣленную систему и правила употребленія войскъ, а выяснить факторы, обусловливающіе побѣду, чтобы полководецъ могъ правильно оцѣнить всѣ вліянія и взаимодѣйствія и пользоваться свободой духа.

Политика оказываетъ опредѣленное вліяніе на веденіе

войны, что въ извѣстныхъ границахъ справедливо, и мы должны опредѣлить ихъ. Нужно обсудить главныя линіи направленія торговли и сущность полководчества. Пользованіе временемъ и пространствомъ имѣетъ очень широкое значеніе; между ними существуютъ важныя взаимоотношенія, которыя нужно выяснить. Необходимо также подробно изслѣдовать тактическое и стратегическое значеніе резервовъ и значеніе оперативнаго элемента на войнѣ. Распредѣленіе, группировка и передвиженіе силъ для боя могутъ имѣть рѣшающее значеніе.

Поэтому, нужно разсмотрѣть и принципы полководчества на войнѣ. Наконецъ, успѣхъ или неудача создаютъ положенія, дѣлающія необходимыми дѣйствія въ постоянно мѣняющейся обстановкѣ.

Но всѣ эти явленія, обусловливающія веденіе войны, находятся подъ высшимъ вліяніемъ духовныхъ и нравственныхъ силъ и пріобрѣтаютъ дѣйствительное значеніе только благодаря той умственной и нравственной атмосферѣ, въ которой они произросли. Послѣдніе и высшіе факторы побѣды слѣдуетъ искать въ духовныхъ свойствахъ дѣйствующей личности и народа, а нравственная сила и нравственная величина опредѣляютъ историческое развитіе народа независимо результатовъ побѣды и пораженія.

---

2. Вліяніе политики на веденіе войны.

Война есть орудіе политики и находится подъ ея вліяніемъ.—Вліяніе политическихъ задачъ на характеръ войны.—Характеръ Южно-африканской и Маньчжурской войнъ.—Вліяніе политики на начало войны.—Цѣль войны, обусловливаемая задачами политики.—Опредѣленіе цѣли войны.—Взаимоотношенія между цѣлью войны и задачей политики.—Вліяніе измѣнившейся политической обстановки въ 1813 и 1866 г.г.—Измѣненіе цѣли войны при измѣненіи политической обстановки.—Задача политики, обусловливаемая военною мощью государства.—Независимость веденія войны отъ задачъ политики.—Вліяніе политики на веденіе войны въ Американской войнѣ за освобожденіе.—Политическіе мотивы движенія на Седанъ.—Бомбардировка Парижа.—Предѣлы вліянія политики на войну.

Война вытекаетъ непосредственно изъ политическаго соперничества государствъ, чѣмъ бы она не обусловливалась—вопросами могущества, національными распрями, колоніальными стремленіями или торговымъ соперничествомъ. Причина войны всегда политическаго характера и очень часто оказываетъ рѣшающее вліяніе на способъ веденія войны. Поэтому, невозможно правильно оцѣнить сущность войны во всѣхъ ея отношеніяхъ и вліяніяхъ, если разсматривать ее внѣ политическихъ причинъ ея возникновенія, какъ вещь самодовлѣющую. Война между культурными государствами является для политики средствомъ достигнуть своихъ цѣлей или, по выраженію Клаузевица, есть „продолженіе политики другими средствами", и это обстоятельство фактически прежде всего ограничиваетъ ея стремящуюся къ крайностямъ сущность и въ немалой мѣрѣ обусловливаетъ разнообразіе ея характера.

Наравнѣ съ силами противниковъ, сущность цѣли, которую преслѣдуетъ политика посредствомъ войны, опредѣляетъ

размѣръ силъ, назначаемыхъ на войну. Въ то время какъ могутъ быть войны, которыя,—какъ, напр., 1813 годъ для Пруссіи — по своей сущности вынуждаютъ къ величайшимъ усиліямъ и должны вестись съ той крайней враждой, какая только допускается законами человѣколюбія, бываютъ и иныя условія, когда война сводится къ простой враждебной демонстраціи и не носитъ никакихъ признаковъ отчаянной жажды къ самоистребленію. Примѣромъ такой войны служитъ война за баварское наслѣдство въ 1778 г.

Конечно, при тяжелыхъ матеріальныхъ и личныхъ жертвахъ, требуемыхъ современными войнами съ ихъ всенароднымъ ополченіемъ, войны между культурными странами изъ за ничтожныхъ политическихъ цѣлей будутъ избѣгаться, такъ какъ уже простая угроза войны можетъ оказать чрезвычайно гибельное вліяніе на положеніе торговли и финансовъ и повести за собою тяжелыя денежныя потери. Съ другой стороны, для возникновенія войны и въ наше время не всегда нужны вопросы существованія государства. Часто поводомъ къ вооруженному столкновенію будутъ противоположныя политическія стремленія, представляющія значительный интересъ. Для Франціи, напр., сохраненіе колоній отнюдь не составляетъ вопроса существованія, такъ какъ она не имѣетъ избытка населенія для колонизаціи, и все же она стала бы защищать ихъ съ оружіемъ въ рукахъ. При многочисленныхъ перекрещивающихся взаимоотношеніяхъ между различными государствами можетъ явиться и такой случай, когда повидимому незначительная политическая цѣль служитъ поводомъ къ вооруженному столкновенію, если онъ оказывается лишь предлогомъ или случайнымъ проявленіемъ глубоко кроющихся противорѣчій. Такимъ образомъ случается, что характеръ войны опредѣляется не видимой политической цѣлью, но противоположностью крупныхъ національныхъ интересовъ. Когда Наполеонъ III началъ войну 1870 г., онъ преслѣдовалъ преимущественно династическіе интересы, но война быстро вышла изъ этихъ тѣсныхъ рамокъ и превратилась въ могучую борьбу двухъ націй за первенство въ Европѣ.

Задачи политики не всегда совпадаютъ съ истинными интересами государства. Онѣ устанавливаются людьми, подчиненными общечеловѣческой судьбѣ—судить узко и одно-

сторонне, и лишенными поэтому величія и твердости; онѣ зачастую находятся подъ вліяніемъ личныхъ интересовъ, недостатка государственнаго разума и личнаго честолюбія. Но и націи могутъ ошибаться во взглядахъ, стремиться къ ложнымъ цѣлямъ и не понимать своихъ настоящихъ задачъ. Такимъ образомъ, и въ наше время могутъ возникнуть войны, совершенно не обусловливаемыя важными государственными интересами; но въ такомъ случаѣ онѣ всегда будутъ имѣть иной характеръ, чѣмъ тѣ, которыя возникли не по капризу, а по политической необходимости.

Первое и зачастую рѣшающее вліяніе политики на войну сказывается въ томъ, что общій характеръ войны опредѣляется политической обстановкой, создавшей конфликтъ. Размѣръ и сущность поставленныхъ на карту интересовъ оказываютъ невольное вліяніе на интенсивность проявленія силы и борьбы.

Когда англичане начали Южно-африканскую войну, они хотѣли покорить бурскія государства и какимъ либо способомъ включить ихъ въ южно-африканскую систему. Они разсчитывали совладать съ противникомъ умѣреннымъ напряженіемъ силъ и достигнуть точно опредѣленной политической задачи. Ни одной минуты не было рѣчи о настоящемъ вопросѣ жизни, а лишь о частныхъ вопросахъ политической и государственной системы, хотя, конечно, нельзя отрицать того, что созданіе прочнаго африканскаго государства составляло для Англіи крупный экономическій и политическій интересъ. Напротивъ, буры боролись за свое государственное и національное существованіе: для нихъ вопросъ сводился къ „быть или не быть“. Эти условія придали всей войнѣ особый характеръ съ обѣихъ сторонъ.

Англичане вели войну безъ особаго воодушевленія, какъ политическую необходимость; это относится главнымъ образомъ до колоніальныхъ войскъ. У буровъ, напротивъ, которые совершенно не были способны къ веденію войны большого стиля, борьба сложилась въ упорную и ожесточенную народную войну подъ предводительствомъ народныхъ героевъ.

Такъ же складывалась обстановка и между Россіей и Японіей.

Ни одно изъ этихъ государствъ не могло питать намѣре-

нія окончательно покорить другое. Но японцы боролись за свое міровое положеніе, за признаніе ихъ культурнымъ государствомъ, за господство въ Восточной Азіи. Вся ихъ политическая, національная и государственная будущность зависѣла отъ успѣха ихъ оружія. Отсюда понятно одушевленное участіе всей націи въ героической борьбѣ; отсюда—пожертвованіе всѣми народными силами.

Россія, напротивъ, сражалась за ограниченную политическую цѣль: господство въ Восточной Азіи и свободный доступъ къ міровому морю. Главная масса народа была далека отъ этой идеи. Ни на одну минуту война не приняла національнаго характера; ни одной минуты она не велась всѣми силами Россіи; она даже вызвала въ самой Россіи и даже арміи противогосударственныя силы, которыя вздумали использовать войну для цѣлей внутренней политики и привели въ концѣ концовъ къ революціи. Поэтому война велась съ слабымъ напряженіемъ. Нигдѣ ни замѣтно сознанія необходимости побѣды во что бы то нистало. Это сказалось всего яснѣе въ военныхъ дѣйствіяхъ, въ характерѣ всей борьбы. Ни разу у русскихъ война не поднялась до героизма. Духъ арміи не находилъ себѣ пищи въ духѣ націи, за интересы которой она сражалась.

Дальнѣйшее вліяніе политики на веденіе войны сказывается въ томъ, что она выбираетъ моментъ, когда государство должно взяться за оружіе. Конечно, при этомъ она должна не только взвѣсить чисто политическія условія, но и принять во вниманіе военныя: состояніе своей арміи и непріятельской и военныя средства борьбы возможныхъ союзниковъ съ обѣихъ сторонъ. Въ этомъ отношеніи и военныя условія вліяютъ по справедливости на политику. Но все-таки политикъ, а не солдатъ рѣшаетъ— быть ли войнѣ или миру, и тѣмъ самымъ опредѣляетъ общія условія, при которыхъ должна начаться война. Полководецъ, фактически ведущій войну, долженъ принять эту обстановку, какъ она есть; онъ ничего не можетъ въ ней измѣнить—поставленъ ли онъ Фридрихомъ Великимъ передъ крупной задачей въ самую благопріятную минуту, или Фридрихомъ-Вельгельмомъ III — передъ необходимостью вести борьбу въ самыхъ ужасныхъ условіяхъ. Удачный выборъ времени начала войны можетъ имѣть рѣшающее значеніе

для всего хода войны. Если политическая обстановка благопріятна, а вмѣстѣ съ тѣмъ и военная мощь достигла такой высоты, которая обезпечиваетъ перевѣсъ надъ противникомъ—какъ, напр., у пруссаковъ въ 1866 году—тогда, конечно, шансы на успѣхъ безконечно больше, чѣмъ когда приходится принять войну въ невыгодной военной и политической обстановкѣ, какъ имъ въ 1904 г., которые совершенно не были подготовлены къ крупному столкновенію.

Этимъ вліяніе политики на веденіе войны отнюдь не исчерпывается,

Когда война рѣшена, то вмѣсто политической задачи является задача военная; опредѣляется—въ какой степени и какого рода нужна военная побѣда для достиженія политической цѣли, т. е. насколько нужно сломить волю противника, чтобы онъ не ставилъ больше препятствій нашимъ политическимъ намѣреніямъ.

Но и эту цѣль не всегда можно опредѣлить съ чисто военныхъ точекъ зрѣнія; приходится имѣть въ виду и обратное вліяніе военныхъ дѣйствій на политическую обстановку. Политическія соображенія могутъ повліять даже на выборъ направленія атаки, какъ будетъ доказано ниже, а на степень военнаго напряженія и на соотвѣтствующее опредѣленіе военной цѣли политическая обстановка зачастую вліяетъ непосредственно.

Въ теоріи, съ чисто военной точки зрѣнія, несомнѣнно всего лучше опредѣлить эту военную цѣль какъ можно выше, т. е. всегда имѣть въ виду полное покореніе непріятельскаго государства. Лишь вполнѣ обезоруженный врагъ вынужденъ безусловно подчиниться нашей волѣ. Если же, напротивъ, онъ будетъ ослабленъ лишь до нѣкоторой степени, то никогда нельзя быть увѣреннымъ въ томъ, что эта цѣль будетъ достигнута. Однако въ жизни это крайнее требованіе не всегда осуществимо.

Во многихъ случаяхъ вообще невозможно совершенно сломить силу сопротивленія врага. Напр. полное покореніе Россіи неосуществимо ни для одного изъ европейскихъ государствъ уже по одному пространству ея, и если Англія или Японія начнетъ войну съ Сѣверо-американскими Соединенными Штатами, то, конечно, онѣ не могутъ и думать о томъ, чтобы совершенно обезоружить этого врага. Съ дру-

гой стороны, политическая цѣль часто дѣлаетъ фактическое уничтоженіе непріятельскихъ силъ даже нежелательнымъ. Когда Фридрихъ Великій напалъ въ 1740 г. на Австрію, онъ совершенно не думалъ окончательно покорить это государство, такъ какъ въ такомъ случаѣ французы получили бы господство въ Германіи, что отнюдь не отвѣчало интересамъ Пруссіи. Онъ хотѣлъ лишь нанести Австріи такой вредъ, чтобы она уступила ему Силезію во избѣжаніе дальнѣйшихъ бѣдствій, но въ интересахъ нѣмцевъ было сохранить ее какъ великую державу. Поэтому среди войны онъ заключилъ Клейншеллендорфскій договоръ, давъ Австріи возможность оказать сопротивленіе Франціи. Въ томъ же смыслѣ и король Вильгельмъ I, по совѣту Бисмарка, заключилъ Никольсбургскій миръ, цѣль котораго была сохранить Австрію какъ военную великую державу въ предвидѣніи позднѣйшаго союза.

Наконецъ, бываютъ политическія задачи, которыя совершенно не находятся въ разумномъ отношеніи къ намѣренію совершенно уничтожить врага, или же отношенія сосѣднихъ государствъ къ потерпѣвшему таковы, что полное уничтоженіе его военной мощи можетъ быть опаснымъ. Опасеніе создать себѣ новыхъ, быть можетъ болѣе сильныхъ противниковъ, часто заставитъ быть умѣреннымъ въ постановкѣ военныхъ цѣлей.

Однако, съ другой стороны, нужно помнить, что и военные успѣхи обратно вліяютъ на политику. Размѣръ рѣшительной побѣды распространяетъ спасительный ужасъ. Быстрыя и рѣшительныя побѣды пруссаковъ въ 1866 г. въ Богеміи главнымъ образомъ заставили Наполеона III отказаться отъ защиты Австріи, а въ 1870—71 г.г., конечно, преимущественно крупныя побѣды нѣмцевъ помѣшали врагамъ послѣднихъ обнажить мечь въ защиту французовъ.

Изъ всѣхъ этихъ разсужденій нужно логически заключить, что нужно **всегда ставить себѣ настолько высокую военную цѣль, насколько то допускается военными средствами и общей политической обстановкой.**

Однако въ предѣлахъ этого принципа возможно, и въ большинствѣ случаевъ необходимо, очень разнообразное опредѣленіе военной цѣли. Положительный или отрицательный характеръ политической задачи, соотношеніе вооруженныхъ

силъ обѣихъ сторонъ, географическое взаимное положеніе государствъ, свойства театра военныхъ дѣйствій и характеръ борющихся народовъ часто будутъ имѣть рѣшающее значеніе. Мудрая политика должна сообразовать свои задачи съ этими условіями, а при опредѣленіи военной цѣли нужно всегда имѣть ихъ въ виду. Часто, чтобы сломить волю противника, достаточно будетъ частичныхъ успѣховъ—занятія нѣкоторыхъ непріятельскихъ позицій, побѣды въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, уничтоженія части непріятельскихъ вооруженныхъ силъ или завоеванія непріятельской столицы. Съ увеличеніемъ значенія политической задачи естественно возрастаетъ и военная цѣль, которую нужно достигнуть, чтобы подчинить противника нашей политической волѣ, кончая тѣмъ, что при извѣстныхъ условіяхъ отъ войны придется потребовать полнаго покоренія непріятельскаго государства.

Вообще можно будетъ до начала войны, по степени напряженія общей политической обстановки, по важности спорныхъ интересовъ, по извѣстнымъ свойствамъ противника и состоянію его вооруженныхъ силъ, составить себѣ представленіе о силѣ и настойчивости его политической воли. На основаніи этихъ данныхъ опредѣляется военная цѣль и можно будетъ опредѣлить и степень усилій, необходимыхъ для ея достиженія.

Если—чему военная исторія даетъ множество примѣровъ—цѣль войны не достигнута, такъ какъ военные успѣхи не оправдали ожиданій, то открывается возможность двоякаго рода дѣйствій: нужно или возобновить военныя усилія, чтобы дать войнѣ благопріятный оборотъ, какъ поступили русскіе въ послѣднюю войну съ турками, или соотвѣтственно ограничить политическую задачу, какъ бывало во множествѣ войнъ, оканчивавшихся съ половиннымъ успѣхомъ.

Съ другой стороны, можетъ также случиться, что достиженія первоначально поставленной военной цѣли недостаточно для того, чтобы сломить волю противника; что послѣдній оказывается упорнѣе, чѣмъ ожидалось, и проявляетъ большую силу для борьбы, чѣмъ предполагалось. Тогда нужно отказаться отъ достиженія политической цѣли или поставить войнѣ иныя задачи, сообразованныя съ испытанной на дѣлѣ живой силой противника. Примѣромъ тому служитъ война 1870 г. Когда плѣненія и блокады непріятельскихъ

арміи оказалось недостаточно, чтобы принудить Францію къ миру, нѣмецкій главнокомандующій долженъ былъ поставить себѣ другія военныя задачи, чтобы достигнуть своей цѣли: овладѣніе Парижемъ и уничтоженіе арміи, вновь сформированныхъ въ провинціяхъ.

Затѣмъ, послѣ открытія военныхъ дѣйствій можетъ случиться, что политическая обстановка измѣнится или грозитъ измѣниться въ пользу или ко вреду той или другой воюющей стороны раньше, чѣмъ военныя дѣйствія приведутъ къ рѣшающему результату.

Въ такомъ случаѣ, прежде всего та сторона, въ пользу которой измѣнилась обстановка, можетъ достигнуть двойныхъ результатовъ. Она можетъ или расширить свои политическія задачи, не увеличивая значительно своихъ военныхъ усилій; или же достигнуть прежней политической цѣли съ меньшей затратой силъ; поэтому она можетъ задаться меньшими военными цѣлями, чѣмъ бывшія до наступленія переворота въ политикѣ. Въ обоихъ случаяхъ шансы на успѣхъ не уменьшатся, такъ какъ съ перемѣной въ политической обстановкѣ опасность для противника увеличилась. Однако, попытка достигнуть той же цѣли, но съ меньшими средствами, будетъ обыкновенно мало благоразумна, такъ какъ она противорѣчитъ принципу—всегда ставить возможно высшую военную цѣль. Поэтому, въ большинствѣ случаевъ, будетъ лучше использовать выгоду обстановки посредствомъ расширенія политической задачи.

Другой сторонѣ, къ невыгодѣ которой измѣнилась обстановка, также открываются два пути. Если она, несмотря на увеличившуюся опасность, хочетъ достигнуть поставленной себѣ политической цѣли, то она соотвѣтственно этому должна повысить и свою военную цѣль. Такъ какъ, съ измѣненіемъ обстановки, шансы на побѣду у противника возрасли, то, чтобы заставить его пойти на политическія уступки, нужно на него сильнѣе надавить. Если же эта сторона не чувствуетъ себя достаточно сильной, чтобы силой оружія добиться, при измѣнившейся обстановкѣ, прежней политической цѣли, то она должна уменьшить послѣднюю или отказаться отъ нея. Часто ей придется сдѣлать значительныя военныя усилія, чтобы совладать даже съ ограниченной политической задачей.

Нѣсколько примѣровъ помогутъ уяснить сказанное. Послѣ сраженія у Гросгершена и Бауцена союзники—русскіе и пруссаки—могли надѣяться достигнуть лишь очень ограниченныхъ политическихъ цѣлей, если бы вообще имъ удалось сохранить свое положеніе въ военномъ отношеніи. Но когда къ этому союзу примкнула Австрія, можно было поставить себѣ значительно высшую военную цѣль, а благодаря этому и расширить политическую задачу.

Освобожденіе отъ чужеземнаго господства и ограниченіе политическаго и военнаго преобладанія Франціи оставалось, конечно, первой и величайшей задачей Россіи и Пруссіи, но при содѣйствіи Австріи онѣ могли разсчитывать вернуть мощь Франціи въ ея естественныя границы и низвергнуть революціонную имперію въ Парижѣ. Съ другой стороны, передъ Наполеономъ возникъ вопросъ—не ограничить ли свои политическія цѣли или же не начать ли борьбу съ объединившимися противниками. Онъ выбралъ послѣднее и поставилъ себѣ высшую военную задачу; исходъ борьбы показалъ, что онъ значительно преувеличилъ свои силы.

Но дѣло не всегда оканчивается такъ хорошо.

Когда послѣ побѣдъ Пруссіи въ 1866 г. Наполеонъ III попытался вмѣшаться въ дѣло и обернуть его въ пользу Австріи, для прусской политики какъ и въ 1813 г. для Наполеона, возникъ вопросъ, подчиниться ли настояніямъ новаго врага и уменьшить свою политическую задачу—новую организацію германскихъ отношеній—или же рискнуть принять бой съ новымъ врагомъ и вопреки ему добиться своихъ цѣлей. Такое рѣшеніе вызывало значительное повышеніе военныхъ задачъ. Такъ какъ Пруссія рѣшилась на послѣднее, то Наполеонъ оставилъ свой мечъ въ ножнахъ и не рѣшился пустить его въ ходъ.

Въ обоихъ случаяхъ политика поставила войнѣ новыя задачи. Въ 1813 г. эта задача выразилась для Наполеона въ необходимости побѣдить, рядомъ съ русской и прусской арміями, еще и австрійскую. Въ 1866 г. новая обстановка поставила нѣмецкому главнокомандующему задачу быстро и окончательно покорить Австрію и Южную Германію и затѣмъ перевести побѣдоносную армію на Рейнъ, отразить нападеніе французовъ и сломить наступательную силу Франціи.

Въ этомъ усматривается новое вліяніе политики на войну, повидимому необходимое и справедливое: при измѣнившейся политической обстановкѣ ставить главнокомандующему новыя задачи, соотвѣтствующія новому положенію дѣлъ.

Съ чисто военной точки зрѣнія можно, пожалуй, потребовать, чтобы главнокомандующій, которому лучше всего извѣстно — чего должно и можно достигнуть на войнѣ, самъ ставилъ себѣ военныя задачи, не считаясь съ политическими цѣлями. Но подобное требованіе слѣдуетъ признать лишеннымъ основаній, такъ какъ оно противорѣчитъ сущности дѣла. Война вѣдь всегда только средство для достиженія цѣлей, лежащихъ совершенно внѣ ея сферы. Поэтому она не можетъ сама ставить себѣ эти цѣли, задаваясь по своему произволу военными задачами. Если бы предоставить ей это право, то всегда можетъ случиться, что или война будетъ вестись, выйдя за предѣлы необходимаго, какъ бы ради самой себя, или же что ея результаты окажутся ниже политически необходимыхъ. Такъ какъ самъ главнокомандующій всегда можетъ имѣть передъ глазами только дѣйствія, цѣлесообразныя въ военномъ отношеніи, то у него не будетъ хватать импульса къ необычайному, который всегда исходитъ изъ условій, находящихся внѣ границъ военнаго искусства въ строгомъ смыслѣ слова. Даже если онъ и крупный полководецъ, жаждущій чрезвычайныхъ результатовъ, все же только политическія или національныя точки зрѣнія служатъ источникомъ этой жажды.

Первое явленіе—разнузданность веденія войны—обнаруживается въ войнахъ великихъ завоевателей; второе—недостаточность военныхъ результатовъ по сравненію съ политически необходимыми—наблюдается въ многочисленныхъ историческихъ примѣрахъ. Они слишкомъ часто показываютъ намъ, какъ большія и важныя политическія цѣли должны были быть достигнуты войной, поставившей себѣ самыя ограниченныя задачи, въ то время какъ политика упускала изъ вида предъявить ей ясныя и опредѣленныя требованія политически необходимаго. Однимъ изъ новѣйшихъ примѣровъ служитъ Южно-африканская война. Политическая цѣль буровъ могла бы быть достигнута только въ томъ случаѣ, если бы имъ удалось сломить могущество англичанъ въ Юж-

ной Африкѣ и побудить къ возстанію капскихъ буровъ. Но ограниченная военная цѣль, которую поставилъ себѣ Жуберъ, главнокомандующій буровъ, совершенно противорѣчила этому требованію и носила въ себѣ зачатки трагическаго конца. Между тѣмъ Крюгеръ и его правительство упустили изъ виду потребовать отъ него наступленія крупнаго стиля.

Если, такимъ образомъ, на долю политики выпадаетъ право и обязанность ставить войнѣ задачи, необходимыя для достиженія политическихъ цѣлей, то она, съ другой стороны, должна нести и отвѣтственность за то, чтобы эти задачи отвѣчали природѣ и сущности войны и были цѣлесообразны съ военной точки зрѣнія. Поэтому она всегда нуждается въ военномъ совѣтѣ хотя бы для того, чтобы правильно оцѣнить силы свои и противника и по соотношенію послѣднихъ опредѣлить и свои политическія задачи. Вообще политика всегда должна пребывать въ связи съ высшимъ военнымъ управленіемъ, такъ какъ все, что она можетъ проектировать и чего можетъ достигнуть, въ концѣ концовъ базируется на стоящія за нею военныя силы; она должна прибѣгать къ этимъ силамъ, когда не можетъ добиться желаемаго путемъ дипломатическихъ переговоровъ.

Если, поэтому, политика ставитъ свои задачи, сообразуясь съ вооруженными силами государства, и, въ случаѣ войны, ставитъ арміи, по соглашенію съ полководцемъ, цѣли, то, съ другой стороны, она *отнюдь не должна вмѣшиваться въ самое веденіе войны и указывать пути*, которыми фактически можетъ быть достигнута военная цѣль. Подобное непосредственное воздѣйствіе политики на веденіе войны могло бы быть допущено только въ томъ случаѣ, если бы *образъ дѣйствій* и въ политикѣ, и на войнѣ опредѣлялся одними и тѣми же точками зрѣнія. Но этого никогда не бываетъ. Правда, что политика и война во многихъ отношеніяхъ подчиняются однимъ и тѣмъ же законамъ, но образъ дѣйствій ихъ совершенно различенъ.

Вѣдь война есть продолженіе политики *другими* средствами и она была бы невѣрна своей сущности, если бы прибѣгла къ средствамъ политики. Политика всюду добивается возмѣщенія и работаетъ путемъ компромиссовъ; она жертвуетъ менѣе важными интересами и щадитъ жизненные интересы сосѣднихъ государствъ, чтобы тѣмъ лучше

добиться своихъ главнѣйшихъ цѣлей, и до извѣстной степени это въ дѣйствительности и возможно: интересы государствъ и народовъ никогда не бываютъ одинаковыми и не всегда діаметрально противоположны. Если всюду господствуетъ желаніе возможно больше разрѣшать вопросы мирнымъ путемъ, то это въ большинствѣ случаевъ и удается. Война выступаетъ на сцену лишь тогда, когда сталкиваются непримиримые интересы. Но вѣдь въ такомъ случаѣ, до окончанія войны, не можетъ быть и рѣчи о соглашеніяхъ и уступкахъ.

Война старается поразить важнѣйшіе интересы противника, нанести возможно тяжелый вредъ условіямъ его существованія или даже совершенно уничтожить его, чтобы осуществить свои намѣренія. Если бы политика вздумала направить военныя дѣйствія на путь политики и примѣнять войну не какъ самостоятельное орудіе политики, а какъ политическое средство, тогда военный успѣхъ былъ бы поставленъ на карту. Даже попытка повліять политическими соображеніями на военныя дѣйствія неоднократно вызывала самыя гибельныя послѣдствія. Исторія многочисленныхъ походовъ, веденныхъ не по чисто военнымъ принципамъ, а скорѣе по соображеніямъ политическимъ, и потому неудачныхъ, служитъ неопровержимымъ доказательствомъ этого факта.

Такъ, напр., продолжительность Американской войны за освобожденіе слѣдуетъ приписать тому, что правительство союза по политическимъ соображеніямъ непосредственно вмѣшивалось въ веденіе войны и затрудняло или даже дѣлало невозможнымъ успѣшное выполненіе операцій.

Уже первый походъ Макъ-Клеллана блестяще доказываетъ это.

Планъ генерала заключался въ слѣдующемъ: сосредоточенная у Вашингтона 140 тысячная Потомакская армія, должна была быть перевезена водою къ форту Монрое, откуда наступать между р. р. Іоркъ и Джемсъ на Іорктоунъ, блокировать этотъ городъ и затѣмъ двинуться прямо на Ричмондъ.

Въ то же время I корпусъ Макъ-Довелля долженъ былъ овладѣть лежащимъ противъ Іорктоуна Глочестеромъ и затѣмъ двинуться на Вестпойнтъ. Впереди этого пункта, пред-

назначеннаго служить новой базой, вся армія должна была соединиться и дать генеральное сраженіе подъ стѣнами Ричмонда. Вспомогательный корпусъ долженъ былъ наступать по долинѣ Шенандоа и приковать къ себѣ находившіяся тамъ непріятельскія войска. Для охраны сильно укрѣпленнаго Вашингтона предполагалось оставить тамъ 20,000 чел., хотя городу и не угрожалъ противникъ.

Правительство утвердило этотъ планъ, но не питало никого довѣрія къ Макъ-Клеллану; оно не вѣрило ему политически; оно думало, что онъ работаетъ противъ президента и поэтому рѣшилось само вмѣшаться въ военныя дѣйствія. Когда главная армія высадилась у форта Монрое, правительство задержало 40,000-ный корпусъ Макъ-Довелля подъ предлогомъ, что Вашингтонъ недостаточно защищенъ, и тѣмъ самымъ испортило весь планъ. Съ трудомъ Макъ-Клелланъ добился того, чтобы оставленныя назади войска были высланы дополнительно на Ричмондъ черезъ Фредериксбургъ, что все-таки могло бы придать походу рѣшительный оборотъ. Но даже и эта мѣра, дополнительно разрѣшенная, была отмѣнена. Изъ подчиненія Макъ-Клеллану были изъяты и силы въ долинѣ Шенандоа. Благодаря этому генералу Джаксону удалось безпрепятственно выполнить свой знаменитый фланговый маршъ на Ричмондъ и принять участіе въ рѣшительномъ сраженіи у Ричмонда, окончившемся неудачно для Макъ-Клеллана. Политическія и личныя соображенія взяли верхъ надъ всѣми здравыми военными взглядами; едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что если бы Макъ-Довелль произвелъ наступленіе черезъ Фредериксбургъ и воспрепятствовалъ вмѣшательству Джаксона, то дѣло можетъ было бы проиграно.

Подобные же примѣры можно привести и изъ новѣйшей военной исторіи.

Когда послѣ сраженій вокругъ Меца передъ французами возникъ вопросъ—продолжать ли войну или нѣтъ, то было ясно, что они должны прежде всего опредѣлить новую цѣль войны. Таковой явилось прежде всего отвоеваніе страны и сохраненіе своихъ границъ; рядомъ съ этимъ, однако, возникло страстное желаніе династіи сохранить тронъ. Для достиженія первой цѣли, нужно было прежде всего разбить противника, а это влекло за собою необходимость реорганизовать армію,

чтобы сдѣлать ее равносильной арміи нѣмцевъ. Поэтому военная цѣль опредѣлялась слѣдующимъ образомъ: выиграть время для организаціи арміи; приковать къ крѣпостямъ возможно большее число непріятельскихъ войскъ и использовать всѣ силы народа для новыхъ формированій, чтобы въ данный моментъ перейти въ наступленіе и разбить врага. Можно было также разсчитывать на вмѣшательство нейтральныхъ державъ, если бы удалось выиграть время и справиться съ врагомъ въ полѣ. Напротивъ того, было бы очень невѣроятно надѣяться побѣдить наличными силами, т. е. Шалонской арміей, и потому—по чисто военнымъ соображеніямъ—этимъ рисковать было нельзя. Однако, интересы династическіе требовали немедленныхъ побѣдъ и отвлеченія опасности отъ Парижа. Такимъ образомъ, эти политическія соображенія оказались въ прямомъ противорѣчіи съ военными требованіями, а такъ какъ они въ концѣ концовъ взяли верхъ, то былъ предпринятъ безумный маршъ на Седанъ, который могъ имѣть успѣхъ лишь въ томъ случаѣ, если бы нѣмцы надѣлали крупныхъ ошибокъ, на что нельзя было разсчитывать. Это веденіе войны по политическимъ соображеніямъ оказалось въ военномъ отношеніи игрой „ва-банкъ" и лишило Францію ея послѣдней арміи, не спася и династіи. Здѣсь была поставлена политическая цѣль, которая могла быть достигнута лишь въ случаѣ достиженія цѣли военной, на что фактически не хватало силъ. Попытка сбалансировать различные интересы привела къ принятію совершенно негоднаго, съ военной точки зрѣнія, рѣшенія.

Совершенно инымъ путемъ, но также недопустимымъ, политическія вліянія сказались и въ германской главной квартирѣ. Когда Парижъ былъ окруженъ, а въ различныхъ провинціяхъ Франціи формировались новыя арміи, за которыми не могли угнаться новыя формированія у нѣмцевъ, руководителемъ германской политики овладѣло безпокойство—какъ бы иностранныя державы не вмѣшались въ войну. Поэтому было крайне желательно скорѣе принудить Парижъ къ сдачѣ, чтобы освободить осадную армію и могучими ударами покончить войну до вмѣшательства иностранныхъ вооруженныхъ силъ. Быстрое окончаніе войны требовалось политикой и первымъ условіемъ для этого, несомнѣнно, являлось овладѣніе Парижемъ.

Поэтому политика была права, требуя отъ главнокомандующаго возможно скорѣйшаго достиженія этого успѣха. Но она пошла еще дальше и вздумала предписать ему и средства, которыя должны были быть примѣнены съ военной стороны. Она страстно требовала бомбардировки. Этимъ она переступила границы своихъ законныхъ полномочій, такъ какъ этотъ вопросъ могъ быть разрѣшенъ только съ военной точки зрѣнія. Только полководецъ могъ опредѣлить возможный матеріальный результатъ бомбардировки; только онъ могъ оцѣнить степень опасности подвоза матеріальной части для этой бомбардировки, съ одной стороны, — для продовольствія арміи, которое очевидно должно было пострадать вслѣдствіе занятія желѣзныхъ дорогъ артиллерійскими транспортами, а съ другой — такъ какъ побѣда французовъ на Луарѣ вынуждала снять блокаду столицы. Въ этомъ случаѣ осадная матеріальная часть явилась бы чрезвычайной тягостью для арміи и вѣроятно ее пришлось бы бросить. Но вѣдь подобное событіе подѣйствовало бы нравственно еще сильнѣе, чѣмъ въ военномъ отношеніи, и вѣроятно скорѣе вызвало бы вмѣшательство иностранныхъ державъ, чѣмъ нѣсколько болѣе продолжительная блокада Парижа.

Подъ этимъ городомъ условія были нѣсколько иныя, чѣмъ подъ обыкновенною крѣпостью. Можно даже высказать сомнѣніе въ томъ — привела-ли бы правильная осада быстрѣе къ цѣли, чѣмъ блокада, такъ какъ здѣсь имѣли дѣло не съ хорошо обезпеченнымъ провіантомъ гарнизономъ и не съ сравнительно малочисленнымъ населеніемъ, прокормить которое было легче, чѣмъ двухмилліонное населеніе, не успѣвшее сдѣлать достаточныхъ запасовъ. Центръ тяжести лежалъ въ немъ, а не въ укрѣпленіяхъ и гарнизонѣ; поэтому можно было съ полнымъ правомъ разсчитывать на то, что блокада скорѣе приведетъ къ цѣли.

На самомъ дѣлѣ, главнокомандующій долгое время противился начинать бомбардировку и послѣдняя оказалась совершенно излишней, такъ какъ Парижъ ради нея не капитулировалъ ни однимъ часомъ раньше. Всѣ труды и расходы по подвозу орудійнаго парка оказались фактически безцѣльными; всѣ опасности, связанныя съ этимъ, были вызваны на сцену понапрасну.

Мы не будемъ разбираться въ вопросѣ—могла бы одна

бомбардировка дать результаты, если бы Парижъ былъ лучше обезпеченъ продовольствіемъ. Такъ какъ нѣмцы ни въ какомъ случаѣ не хотѣли допустить правильной осады съ заключительнымъ штурмомъ, то во всякомъ случаѣ рѣчь шла о полумѣрѣ, которая на войнѣ рѣдко сопровождается успѣхомъ. Здѣсь же намъ важно лишь установить, что политика вздумала указывать арміи образъ дѣйствій и создала положеніе, которое, будучи компромиссомъ между политическими и военными взглядами и требованіями, имѣло мало шансовъ на успѣхъ, но зато чрезвычайно затруднило общее военное положеніе и ограничило свободу стратегическихъ дѣйствій. Если это въ разсматриваемомъ случаѣ и не сопровождалось военными неудачами, то этимъ нѣмцы обязаны лишь общему положенію вещей, что нисколько не оправдываетъ самаго способа дѣйствій.

Итакъ и этотъ случай поучителенъ, такъ какъ онъ наглядно показываетъ—гдѣ лежатъ границы законнаго вліянія политики на веденіе войны: она ограничиваетъ войну въ ея крайнихъ стремленіяхъ и подчиняетъ ее опредѣленнымъ цѣлямъ; она создаетъ общую обстановку, при которой война должна вестись, и избираетъ моментъ ея начала; она ставитъ ей точно опредѣленныя задачи, которыя она должна разрѣшить по своимъ законамъ. Но политика отнюдь не должна вмѣшиваться въ самую практику веденія войны и должна приспособлять свои требованія къ тому, что признается войной цѣлесообразнымъ и достижимымъ.

---

3. Основы военнаго искуства.

Причины, опредѣляющія характеръ войны. — Первое требованіе отъ полководца. — Принципъ стремленія къ крайности. — Что такое крайность.—Принципіальное требованіе дѣйствовать наступательно.—Оборона всегда является крайнимъ средствомъ.—Взаимодѣйствіе атаки и обороны.—Оцѣнка и распредѣленіе вооруженныхъ силъ.—Значеніе взаимоотношеній между атакой и обороной.—Ложная оцѣнка противника и ея послѣдствія.—Равнодушіе и энергія.—Духовное воздѣйствіе на современную армію.—Работа ума и рутина.

Въ предыдущей главѣ было доказано, что политическая задача, въ общемъ, опредѣляетъ характеръ войны. Отъ нея въ значительной мѣрѣ зависитъ популярность войны и большее или меньшее одушевленіе націи, передающееся и на подвиги арміи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ существуютъ и другія причины, производящія на характеръ войны разностороннее, то побуждающее, то сдерживающее вліяніе. Изъ нихъ надлежитъ прежде всего назвать характеръ народа и военную организацію, а затѣмъ и личность начальниковъ.

То обстоятельство, что опытной въ стрѣльбѣ, но въ массѣ со слаборазвитымъ наступательнымъ духомъ, крестьянской милиціи буровъ пришлось бороться съ постоянной арміей, болѣе подготовленной къ парадамъ, чѣмъ къ современной войнѣ, къ тому же пополняемой значительнымъ контингентомъ малопригодныхъ волонтеровъ и колоніальныхъ войскъ, придало боямъ въ Южной Африкѣ своеобразный характеръ помимо вліянія политическихъ причинъ. Человѣколюбивый лордъ Робертсъ, всюду избѣгавшій потерь, предпочиталъ совершенно иной способъ веденія войны, чѣмъ прямолинейный лордъ Китчинеръ, мало цѣнившій человѣческую жизнь и выдумавшій преслѣдованіе буровъ и концентра-

ціонные лагери. Такіе люди, какъ Де-Ветъ, Де-ля-Рей и Бота, увлекли буровъ на совершенно другой способъ боя, чѣмъ Жуберъ и Кронье, взгляды коихъ противорѣчили сущности этой войны и направили ихъ на гибельный путь. Подобныя вліянія можно усмотрѣть въ большинствѣ войнъ и очень часто пренебреженіе этими факторами побѣды со стороны даже выдающихся полководцевъ приводило къ самымъ тяжелымъ неудачамъ. Военная исторія даетъ тому все новые и новые примѣры,

То, что въ Пруссіи имѣли совершенно превратное понятіе объ истинномъ характерѣ наполеоновскаго способа веденія войны, привело къ тому, что въ 1806 г. для борьбы были приняты несоотвѣтствующія мѣры и государство оказалось на краю гибели. Съ другой стороны, и Наполеонъ совершенно не понялъ въ 1813 г. громаднаго значенія возстанія пруссаковъ и размѣра дѣйствовавшихъ въ этомъ народномъ подъемѣ духовныхъ силъ и не уловилъ своей главной задачи — уничтоженіе прусской арміи; это обстоятельство, главнымъ образомъ, подготовило его гибель. Для него, великаго реалиста, привыкшаго къ обыкновенной природѣ человѣка, знавшаго лишь массы и цифры, это народное возстаніе съ его идейнымъ порывомъ было совершенно непонятно.

Такія явленія, какъ совершенно невѣрная оцѣнка Наполеономъ характера вновь возгаравшейся въ 1813 г. войны, всегда являются слабыми моментами веденія войны. Нужно стараться избѣгать ихъ или пользоваться ими, если они подмѣчаются или предвидятся у противника. Въ этомъ заключается первое и главнѣйшее требованіе, которое необходимо предъявить генію полководца: правильно оцѣнить характеръ войны и свойства противника: опредѣлить—гдѣ центръ тяжести противодѣйствія противника и сообразно этому принять свои мѣры. Полководецъ можетъ стоять на высотѣ своей задачи только въ томъ случаѣ, если онъ въ этомъ отношеніи правильно судитъ и поступаетъ.

Выполнить это требованіе, очевидно, чрезвычайно трудно, иначе высшее управленіе арміи не оказывалось бы такъ часто ниже его. Вообще же, уловимыхъ фактовъ, дающихъ матеріалъ для сужденія, бываетъ особенно мало въ началѣ войны:

большею частью здѣсь приходится оцѣнивать явленія невѣсомыя. Здѣсь вводитъ въ заблужденіе и односторонность и ограниченность человѣческаго разума, лишь рѣдко могущаго объективно судить о вещахъ. Только большой и свободный, просвѣтленный спеціальной подготовкой умъ можетъ почти всегда рѣшить задачу правильно. А кто изъ знающихъ исторію человѣчества станетъ отрицать, что большинство людей, призванныхъ рѣшать этотъ вопросъ, не удовлетворяетъ этому идеальному требованію? Слишкомъ часто оказывается, что сужденія и дѣйствія не отвѣчаютъ обстановкѣ и истинной величинѣ задачи. Съ другой стороны, рѣдко можно доказать, что энергія дѣйствій выходила за предѣлы задачи и была этимъ вредна. Лишнее въ военныхъ дѣйствіяхъ едва ли когда нибудь причинитъ ущербъ.

Поэтому, наиболѣе благопріятные шансы будутъ на сторонѣ того полководца, который совершенно отброситъ всѣ точки зрѣнія, могущія стѣснить военныя дѣйствія, и съ крайней энергіей будетъ стремиться достигнуть, правильно оцѣнивъ противника, наиболѣе возможнаго при данныхъ условіяхъ; конечно, не на каждой части театра военныхъ дѣйствій, но въ общемъ результатѣ ихъ *).

Если эта точка зрѣнія должна быть руководящей при опредѣленіи цѣли войны, то для самихъ военныхъ дѣйствій, которыми эта цѣль должна быть достигнута, она пріобрѣтаетъ двойное значеніе. Во всякомъ случаѣ, поступающій въ этомъ духѣ не рискуетъ сдѣлать меньше, чѣмъ требуетъ обстановка, и пріобрѣтаетъ надъ менѣе энергичнымъ противникомъ нравственный перевѣсъ, сказывающійся затѣмъ и въ реальныхъ результатахъ. Тотъ, кто отстранитъ всѣ побочныя соображенія и стремится съ крайней энергіей къ наибольшему результату, имѣетъ уже самъ по себѣ нѣкоторое преимущество передъ всякимъ врагомъ, считающимся съ всевозможными побочными взглядами. теоретическими, политическими или даже личными сомнѣніями. Слишкомъ часто полководцы, по свойству человѣческой природы, искали предлоговъ или мнимыхъ основаній, чтобы не рѣшаться на крайность. Въ этой слабости кроется преимущество болѣе рѣшительнаго противника.

---

*) IV, глава II.

Достаточно разсмотрѣть образъ дѣйствій Курпаткина. Его планъ заключался въ томъ, чтобы, отступая, постепенно добиться численнаго перевѣса надъ врагомъ, сила котораго была сначала преувеличена, и затѣмъ перейти въ рѣшительное наступленіе. Уже этотъ планъ былъ малодушенъ и совершенно противорѣчилъ стремленію—сдѣлать какъ можно больше. При исполненіи плана желаніе побѣды совершенно исчезло. Даже при очень значительномъ перевѣсѣ въ силахъ, что онъ и сознавалъ, онъ не могъ рѣшиться поставить все на карту и всѣми силами добиться дѣйствительно крупнаго успѣха. Противникъ же рѣшительно использовалъ эту слабую сторону и смогъ перетянуть побѣду на свою сторону.

Насколько иначе, чѣмъ русскій полководецъ, дѣйствуетъ истинный геній! Онъ всегда ищетъ бо́льшихъ результатовъ, такъ какъ знаетъ, что чѣмъ крупнѣе побѣда, тѣмъ вѣрнѣе будутъ достигнуты всѣ побочныя цѣли и устранены всѣ сомнѣнія; такъ какъ онъ чувствуетъ, что именно смѣлость всего лучше введетъ въ заблужденіе и смутитъ противника и тѣмъ создастъ не только благопріятныя условія для побѣды, но и обезпечитъ въ достаточной мѣрѣ отступленіе въ случаѣ неудачи.

Когда Мольтке рѣшился разыграть сраженіе у С.-Привà въ совершенно обратномъ направленіи, онъ вполнѣ сознавалъ, что дѣйствуетъ съ чрезвычайной смѣлостью и значительно рискуетъ. При неудачной атакѣ, отступленіе пришлось бы совершать при самомъ невыгодномъ положеніи сообщеній по отношенію къ фронту, въ особенности, если бы французы энергично двинулись отъ Меца по обѣ стороны р. Мозель. Но фельдмаршалъ зналъ также, что въ случаѣ удачи на его долю выпадетъ большой призъ; онъ зналъ, что уже эта одна смѣлость даетъ ему необыкновенный моральный, т. е. дѣйствительнѣйшій перевѣсъ, и онъ имѣлъ право допустить, что со стороны французовъ, насколько онъ ихъ зналъ, нельзя ждать крайней энергіи и смѣлости, даже и въ томъ случаѣ, если бы они остались побѣдителями на полѣ сраженія. Его расчеты оказались правильными, такъ какъ *нравственный* перевѣсъ нѣмцевъ всего сильнѣе тяготѣлъ надъ рѣшеніями врага. Уже до начала сраженія Базенъ имѣлъ въ виду отступленіе и именно его половинныя и неувѣренныя рѣшенія заставили его проиграть сраженіе,

такъ какъ они препятствовали ему ввести всѣ силы въ бой, что передалось и младшимъ начальникамъ. Преимущественно вслѣдствіе той же нерѣшительности онъ проигралъ и 16 августа сраженіе при Марсъ-ля-Турѣ.

Всегда стремиться съ крайней энергіей къ наибольшей побѣдѣ—есть первый принципъ веденія войны, и никогда не достигнетъ высшей славы побѣдителя тотъ полководецъ, который не удовлетворяетъ этому требованію. Отъ энергіи начальника, которая въ каждой побѣдѣ ищетъ новаго побужденія къ дальнѣйшимъ подвигамъ, а въ каждой неудачѣ—требованія немедленно возмѣстить ее побѣдой, часто зависитъ судьба не только сраженія, но и всей войны и государства. Однимъ изъ нагляднѣйшихъ примѣровъ подобныхъ тяжелыхъ послѣдствій является сраженіе у Геттисбурга, рѣшившее судьбу южныхъ штатовъ.

1-го іюля 1863 г. корпусы Хилля и Эвелля арміи Ли атаковали I и XI корпуса союзной арміи на высотахъ къ западу отъ Геттисбурга и отбросили ихъ съ очень тяжкими потерями, въ то время какъ главныя силы сѣверянъ только еще подходили. Разбитыя войска отступили на гребень высотъ южнѣе города, командовавшій надъ окружающей мѣстностью. На

Черт. 8.

этихъ высотахъ должно было произойти сосредоточеніе союзной арміи, чтобы дать сраженіе. Если бы у южанъ хватило энергіи въ тотъ же день атаковать и захватить и эту позицію, то названное сосредоточеніе не могло быть осуществлено и сѣверянамъ пришлось бы атаковать сильную позицію, и вѣроятно они проиграли бы сраженіе. Немного спустя послѣ полудня южане въ значительно превосходныхъ силахъ стояли у подошвы рѣшающей высоты Симетри-хиллъ; генералъ Ли, прибывшій на поле сраженія самъ, захотѣлъ атаковать, но у корпусныхъ командировъ исчезъ уже порывъ, да и самъ Ли недостаточно настаивалъ на своемъ желаніи Такъ не состоялась атака, дававшая всѣ шансы на побѣду

Но и на слѣдующее утро, когда непріятельскіе корпуса еще не всѣ подошли, атака началась слишкомъ поздно; непріятельская армія выиграла время, чтобы сосредоточиться, и роковой часъ прошелъ, не будучи использованъ. Между тѣмъ, одна побѣда южанъ измѣнила бы карту Сѣверной Америки.

Хотя основной принципъ военнаго искуства и заключается въ томъ, чтобы стремиться къ наибольшимъ результатамъ, но все же невозможно опредѣлить теоретически, что слѣдуетъ въ каждомъ данномъ случаѣ считать наибольшимъ результатомъ. Это всегда нужно опредѣлять для каждаго случая; оно принадлежитъ къ области субъективной оцѣнки и потому на немъ тяготѣетъ присущее человѣческой мысли и дѣяніямъ проклятіе—возможность ошибки. Такимъ образомъ, мы, повидимому, попадаемъ въ заколдованный кругъ, такъ какъ вѣдь въ концѣ концовъ все же приходится рѣшать на основаніи субъективной оцѣнки. То же, повидимому, относится и къ выбору способовъ и другихъ условій дѣйствій, и можно подумать, что фраза—стремиться съ крайней энергіей къ наибольшимъ результатамъ—ставитъ, правда, требованіе, но не даетъ въ руки никакихъ рѣшеній задачи.

Но это только кажется. Конечно, точныхъ правилъ для веденія войны дать нельзя. Теорія веденія войны, въ качествѣ безошибочнаго руководства для дѣйствій, немыслима. Но ученіе о войнѣ должно ограничиться разсмотрѣніемъ орудій войны и формъ операцій въ ихъ различныхъ примѣненіяхъ, взвѣсить выгоды и невыгоды различныхъ способовъ дѣйствій и дать этимъ полководцу матеріалъ для составленія сужденія. Изъ этого теоретически-критическаго разбора и вытекаютъ сами собою руководящія идеи для дѣйствій.

Если выставляется требованіе — всегда имѣть въ виду наибольшіе результаты—то вѣдь это значитъ, что изъ всѣхъ возможныхъ рѣшеній военной задачи нужно принципіально выбрать то, которое даетъ шансы на большій успѣхъ. Этимъ ставятся узкіе предѣлы произволу сужденій, и воля, по необходимости, будетъ направлена къ высшей цѣли. Если вмѣстѣ съ тѣмъ требовать, чтобы всѣ дѣйствія подчинялись закону примѣненія возможно большихъ силъ и наибольшаго напряженія энергіи, то этимъ дается веденію войны совершенно опредѣленный отпечатокъ.

Въ простѣйшемъ, какъ кажется, требованіи—всегда стремиться къ высшимъ результатамъ—кроется даже и нѣчто большее.

Только атака даетъ положительные результаты; простая оборона даетъ ихъ всегда отрицательные. Поэтому наивысшій мыслимый успѣхъ можетъ быть достигнутъ только наступленіемъ, а результаты наступленія увеличиваются благодаря смѣлости.

Такимъ образомъ, изъ требованія—всегда стремиться къ наибольшимъ результатамъ—вытекаетъ дальнѣйшее принципіальное требованіе—всегда, насколько допускается обстановкой, дѣйствовать наступательно; тамъ, гдѣ приходится обороняться, нужно всегда вести оборону съ расчетомъ перейти въ наступленіе, прибѣгая къ чистой оборонѣ лишь подъ давленіемъ крайней необходимости.

Конечно, могутъ быть случаи, когда необходима и чистая оборона, если высшій успѣхъ выражается въ выигрышѣ времени. Неблагопріятное соотношеніе силъ, въ соединеніи съ особыми выгодами мѣстности, состояніе и свойства вооруженныхъ силъ и даже политическая обстановка могутъ заставить перейти къ чистой оборонѣ. Но въ такомъ случаѣ, нужно ясно понимать, что мы подчиняемся волѣ противника и лишаемся какой бы то ни было возможности покончить бой по собственному, свободному желанію. Это всегда будетъ невыгодной стороной такого образа дѣйствій.

Поэтому, нужно тщательно провѣрить каждую обстановку на войнѣ—не допускаетъ ли она наступательнаго рѣшенія, и только когда всѣ пути къ наступательному образу дѣйствій окажутся закрытыми, можно рѣшиться на оборону. Если бы генералъ фонъ деръ Таннъ проникся этимъ руководящимъ принципомъ каждой войны, когда французы повели наступленіе на Орлеанъ, то онъ остался бы при своемъ первоначальномъ геніальномъ планѣ — покинуть городъ и броситься съ сѣвера во флангъ наступающей непріятельской арміи, вмѣсто того, чтобы встрѣтить ее оборонительнымъ боемъ. Тогда вмѣсто пораженія, онъ одержалъ бы при Кульмье, по всей вѣроятности, блестящую побѣду.

Наступательный образъ веденія войны конечно нельзя понимать какъ непрерывное, связное наступленіе всѣхъ вооруженныхъ силъ. Зачастую—особенно при значительномъ численномъ перевѣсѣ, можно рекомендовать наступленіе по всей линіи соприкосновенія съ противникомъ. Но не менѣе часто придется соединять наступательныя и оборонительныя дѣйствія и нужно требовать лишь одного—чтобы руководящей мыслью было въ концѣ концовъ общее наступленіе.

Но во всѣхъ дѣйствіяхъ на войнѣ господствуетъ противорѣчіе между атакой и обороной и ихъ взаимоотношеніяхъ.

Тамъ, гдѣ атака встрѣчаетъ оборону, проявляется ихъ противорѣчіе; гдѣ же одна сторона пользуется и атакой, и обороной, тамъ выступаютъ ихъ взаимоотношенія. Эти послѣднія основываются, какъ только что доказано *), на томъ, что оборона на фронтѣ тактически сильнѣе атаки. Поэтому можно съэкономить въ силахъ, дѣйствуя при помощи мѣстности оборонительно, и употребить эти силы на другомъ мѣстѣ для усиленія наступленія. Вся задача въ томъ, чтобы такъ опредѣлить соотношеніе наступательной и оборонительной группъ, чтобы послѣдняя не была разбита раньше, чѣмъ своя атака кончится рѣшительной побѣдой.

Поэтому чрезвычайно важно правильно оцѣнить наступательную и оборонительную силу своихъ войскъ и непріятельскихъ и соотвѣтственно этому распредѣлить ихъ.

Эта группировка, однако, отнюдь не должна основываться только на численномъ соотношеніи и выполняться чисто механически. Нужно скорѣе принять во вниманіе живую силу войскъ, ихъ свойства съ точки зрѣнія возлагаемой задачи, свойства различныхъ театровъ военныхъ дѣйствій, наличіе крѣпостей и другихъ условій, облегчающихъ или затрудняющихъ атаку и оборону. Каждая современная армія составлена изъ войскъ различной тактической цѣнности; не всѣмъ можно поручить одну и ту же задачу. Но и одна и та же войсковая часть въ различной обстановкѣ нерѣдко даетъ различную работу. Очень часто невѣсомые факторы повышаютъ или уменьшаютъ ея тактическую цѣнность. Предшествовавшія побѣды или пораженія, вѣра въ начальниковъ и тому

---

*) III, глава I.

подобныя причины оказывають глубокое вліяніе. Гдѣ структура и покровъ страны благопріятствуютъ оборонѣ и гдѣ имѣются опорные пункты въ видѣ крѣпостей, тамъ большею частью можно будетъ обойтись съ меньшимъ количествомъ и съ худшими войсками, чѣмъ на открытой мѣстности, которая требуетъ большихъ жертвъ, а слѣдовательно и большаго презрѣнія къ смерти, и большей рѣшимости.

Нужно подумать и о соотношеніи родовъ войскъ. Войска, назначенныя для обороны, нужно снабдить большимъ числомъ пулеметовъ; для атаки нужно соединить лучшую пѣхоту съ массой тяжелой армейской артиллеріи. Гдѣ условія благопріятствуютъ дѣятельности конницы, нужно примѣнять массы кавалеріи. Само собою разумѣется, что въ высшей степени важно не нарушать привычныхъ тактическихъ соединеній и не подчинять войска чужимъ начальникамъ, къ которымъ они не могутъ питать довѣрія. Но отнюдь нельзя связывать себя такъ схематически данной организаціей, чтобы ради нея не рѣшаться на дѣйствительно цѣлесообразное распредѣленіе войскъ. Въ особенности же придется сосредоточивать для разрѣшенія спеціальныхъ задачъ вспомогательные роды войскъ изъ различныхъ соединеній.

Затѣмъ важнымъ факторомъ при распредѣленіи силъ является время. Это было обнаружено уже при разсмотрѣніи внутреннихъ линій *), но имѣетъ одинаковое значеніе для всякихъ дѣйствій на войнѣ, когда является необходимость во взаимодѣйствіи атаки и обороны. Въ подобномъ случаѣ дѣло обороняющагося сводится большею частью не къ возможно дольшему удержанію позиціи, но къ тому, чтобы оказывать сопротивленіе и оттягивать конецъ боя, пока наступающія войска не одержатъ побѣды въ рѣшающемъ направленіи. Зачастую, по крайней мѣрѣ при стратегической оборонѣ, придется даже нѣсколько отойти назадъ, не ставя этимъ на карту общаго хода дѣлъ; короче говоря, обороняющійся долженъ вести на данномъ пространствѣ бой, чтобы выиграть время. Это обстоятельство также необходимо учесть при распредѣленіи войскъ. Атакующія и обороняющіяся войска должны быть въ состояніи дѣйствовать согласно, работая другъ другу въ руку.

---

*) III, глава III.

Наконецъ, самое рѣшающее значеніе имѣетъ выборъ начальника, особенно для самостоятельныхъ дѣйствій. И Ганнибалу и Фабію Кунктатору должны быть даны соотвѣтствующія задачи.

Первой практической задачей полководца въ каждомъ данномъ случаѣ является гармоническое распредѣленіе силъ въ указанномъ выше смыслѣ, какъ стратегическое, такъ и тактическое. Способъ разрѣшенія этой задачи служитъ основой дальнѣйшаго хода событій.

Кто назначитъ слишкомъ много войскъ на оборонительный фронтъ, у того не хватитъ силъ для рѣшительной атаки. Кто же, напротивъ, слабо займетъ оборонительную линію, тотъ долженъ опасаться разгрома ея раньше осуществленія своей атаки и побѣды ея. Однако, та же опасность возникаетъ и для того, кто и при наступленіи, и при оборонѣ слишкомъ низко оцѣнитъ непріятельскія силы. Въ томъ и другомъ случаѣ его стратегическіе расчеты всегда окажутся ошибочными.

Къ этому взаимодѣйствію между атакой и обороной, къ этому, повидимому, столь простому отношенію, можно въ концѣ концовъ привести всѣ оперативные и тактическіе вопросы. Поэтому легко понять, какое выдающееся значеніе для всего веденія войны должна имѣть оцѣнка этихъ отношеній. Основанное на этой оцѣнкѣ распредѣленіе силъ часто носитъ въ себѣ зародыши побѣды или пораженія. Это относится прежде всего и въ особенной мѣрѣ къ стратегическому развертыванію. Ошибки, сдѣланныя при этомъ первоначальномъ распредѣленіи, почти никогда не удастся исправить за время всей войны. Этому учитъ и Мольтке, который первый изучилъ и осуществилъ стратегическое развертываніе съ современными средствами сообщеніями и съ большими войсковыми массами. Его урокъ примѣнимъ и къ каждому другому началу болѣе крупной операціи въ современномъ стилѣ; при современныхъ арміяхъ онъ годится и для развертыванія передъ сраженіемъ. Его значеніе увеличилось съ ростомъ войсковыхъ массъ, такъ какъ измѣненія въ распредѣленіи силъ становятся тѣмъ труднѣе, чѣмъ съ большими массами приходится имѣть дѣло.

До какой степени гибельны послѣдствія неправильной оцѣнки своихъ и непріятельскихъ силъ, а слѣдовательно и

назначенія и распредѣленія своихъ силъ и стратегическихъ мѣропріятій, особенно ясно обнаруживается въ послѣднихъ войнахъ, веденныхъ Россіей.

Въ 1877 году они чрезвычайно низко оцѣнили военную силу Турціи и начали войну съ слишкомъ слабыми силами. Это привело къ ужасному кризису, который удалось побороть только благодаря тому, что турки не сумѣли воспользоваться выгодой положенія.

Въ Маньчжуріи же русскій главнокомандующій прегрѣшилъ въ противоположномъ смыслѣ.

Первыя побѣды японцевъ произвели на него, повидимому, совершенно ошеломляющее впечатлѣніе. Съ тѣхъ поръ онъ остался при убѣжденіи, что ему приходится бороться противъ подавляющаго, также и численно, перевѣса, и это убѣжденіе снова и снова сковывало его энергію. Мы уже неоднократно разбирали веденіе войны русскими *), но его стоитъ разсмотрѣть и съ этой точки зрѣнія. Очень интересно, напр., сопоставить опредѣленіе силъ японцевъ въ русской главной квартирѣ съ дѣйствительностью, и мы увидимъ, какъ на основаніи этой оцѣнки, иногда преувеличенной вдвое, Куропаткинъ всюду считалъ себя слишкомъ слабымъ для атаки, а японцевъ—достаточно сильными для производства обходовъ значительными массами, безъ ослабленія своего фронта. Въ высшей степени поучительно видѣть, какъ изъ создавшейся на этой преувеличенной оцѣнкѣ врага боязни разныхъ мнимыхъ опасностей получилось не только полное порабощеніе наступательнаго духа, но и такая группировка силъ, которая какъ будто и мудро предусматривала всѣ оперативныя случайности, но зато никогда не отвѣчала истинной обстановкѣ. Это подтверждается всѣмъ ходомъ войны.

Эти разсужденія приводятъ къ дальнѣйшему общему требованію, касающемуся духовныхъ качествъ полководца. Клаузевицъ называетъ боязнь потеряннымъ равновѣсіемъ, а Бисмаркъ говоритъ, что она плохой совѣтникъ. Она побудила Куропаткина дѣлать самыя противорѣчивыя и гибельныя распоряженія, подобно тому, какъ въ войнахъ за освобожденіе она довела до безплодныхъ результатовъ веденіе войны Шварценбергомъ. Она тяжкимъ гнетомъ давила

*) III, глава IV.

противниковъ Великаго Фридриха и могучаго корсиканца и смутила ихъ военный разумъ. Во избѣжаніе такихъ явленій нужно требовать отъ полководца, чтобы онъ, какъ въ счастьи, такъ и въ несчастьи, сохранялъ равновѣсіе души и не нарушалъ спокойной дѣловитости своего разума; чтобы никакія неудачи и несчастія не заставили его отступить отъ принциповъ наступательнаго и смѣлаго веденія войны; чтобы заботы и опасенія не овладѣли его разумомъ и рѣшимостью.

Однако, уже въ обыкновенныхъ условіяхъ трудно сохранить, при тысячи разъ мѣняющейся боевой обстановкѣ, руководящую идею операціоннаго плана, ни разу не потерять ее изъ вида и, не смущаясь побочными мыслями, привести ее въ исполненіе подъ давленіемъ самыхъ противорѣчивыхъ требованій и при труднѣйшей матеріальной обстановкѣ; уже для этого нужны ясный умъ, могучая вѣра въ себя, полное владѣніе орудіями войны и войсками, непрестанная энергія и осторожность, умѣющая во-время придти на помощь, уничтожить всѣ сопротивленія и преодолѣть всѣ тренія. Но всѣ эти свойства принимаютъ совершенно иные размѣры, если несчастіе грозитъ потрясти душу полководца, а разбитыя и отступающія колонны арміи начинаютъ терять нравственную стойкость и силу сопротивленія. Однако, именно въ подобныхъ положеніяхъ настоятельно необходимо, чтобы полководецъ, душой котораго живетъ армія, не потерялъ душевнаго равновѣсія, а, напротивъ, сохранилъ духъ предпріимчивости, жажду дѣятельности и порывъ и смотрѣлъ даже на пораженіе, какъ на ступень къ позднѣйшимъ побѣдамъ.

Какъ Блюхеръ, послѣ несчастныхъ боевъ и большихъ потерь, понесенныхъ имъ во время похода къ Марнѣ въ 1814 г., ни одной минуты не помышлялъ отказываться отъ наступленія, а, напротивъ, собирался съ силами для новаго движенія впередъ; какъ Гнейзенау, послѣ несчастнаго сраженія у Линьи уже при организаціи отступленія думалъ о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ съ арміей Велингтона, предвидя побѣду при Бель-Алліансѣ; какъ король Фридрихъ послѣ Колина и Кунерсдорфа помышлялъ лишь о томъ, какъ бы большей побѣдой возмѣстить потерянное—такъ и полководецъ будущаго долженъ и думать, и дѣйствовать. Только

этимъ путемъ онъ можетъ сохранить въ современной массовой арміи то напряженіе умственныхъ и нравственныхъ силъ, которое необходимо для побѣды въ борьбѣ.

Мы не должны закрывать глаза на то, что вслѣдствіе своего состава современныя арміи гораздо доступѣе убивающимъ духъ впечатлѣніямъ, чѣмъ меньшія, но крѣпче сплоченныя арміи прошлаго. Это ослабленіе должно быть возмѣщено болѣе сильнымъ напряженіемъ души полководца и его предпріимчивостью, иначе можно опасаться, что каждая неудача даже части арміи приведетъ къ нравственному потрясенію и ослабленію всей арміи и вмѣстѣ съ тѣмъ нарушить механизмъ, управляющій этими массами и заставляющій ихъ работать.

Этотъ механизмъ самъ по себѣ уже очень великъ и сложенъ. Для поддержанія его движенія нужно органически соединить тысячи колесъ и тѣмъ не менѣе всюду должна быть сохранена самостоятельность его частей. Это возможно лишь въ томъ случаѣ, если во всѣхъ царитъ увѣренный въ себѣ и въ побѣдѣ духъ. Лишь полководецъ можетъ вызвать этотъ духъ къ жизни и сохранить его. Выполнить эту задачу необычайно трудно, такъ какъ насколько легко внутренно потрясти и дезорганизовать современную армію, настолько трудно овладѣть ею и одухотворить. Для этого нужны совершенно особыя свойства характера. Только немногіе смертные, призванные на начальническія должности, въ полной мѣрѣ подходятъ къ этому требованію; но и этихъ свойствъ недостаточно для того, чтобы оказаться на высотѣ задачи, предъявляемой современному полководцу. Всепокоряющее величіе его характера должно быть пополнено природными военными дарованіями, высокими умственными способностями и всесторонними военными знаніями. При современныхъ условіяхъ это неизбѣжно.

Современный полководецъ долженъ владѣть военной наукой во всемъ ея объемѣ и знать ея современное состояніе въ каждый данный моментъ; организмъ арміи онъ долженъ знать до мелочей; долженъ вполнѣ ясно сознавать условія и результаты своихъ поступковъ, знать факторы имѣющіе рѣшающее значеніе на войнѣ и въ бою, и сопротивленіе, которое можно ожидать; только при этихъ условіяхъ, и если онъ къ тому же обладаетъ способностью къ свобод-

ному полководческому искуству, онъ сможетъ внушить всѣмъ своимъ подчиненнымъ, до самыхъ низкихъ слоевъ арміи, то довѣріе, которое обезпечиваетъ ему власть надъ массами при всякой обстановкѣ и позволяетъ напрячь до высшаго предѣла всѣ умственныя и нравственныя силы.

Отъ современнаго полководца и старшихъ войсковыхъ начальниковъ нужно требовать знанія теоріи военнаго искуства—конечно, въ духѣ Клаузевица,—чтобы быть и дѣльными практиками.

Чистый рутинеръ пасуетъ и долженъ спасовать, какъ только окажется передъ великими и трудными задачами современной войны. Онъ всегда будетъ стараться разрѣшить ихъ неподходящими средствами, извлеченными имъ изъ своего ограниченнаго опыта. Не можетъ удовлетворить этимъ требованіямъ и придворный генералъ, вынужденный всю свою жизнь посвящать пустякамъ и не имѣвшій времени серьезно заняться военной наукой. Все это должны продумать тѣ, кто призванъ быть начальникомъ въ бою. Умственную работу, упущенную въ мирное время, наверстать на войнѣ нельзя. Времена генераловъ—парадеровъ прошли безвозвратно и даже на низшихъ должностяхъ простой головорѣзъ будетъ побѣжденъ сознательной смѣлостью.

„Проектируя планъ похода, всегда ставьте себѣ высокую цѣль; разработайте свой планъ возможно полнѣе, такъ какъ на практикѣ всегда остаются позади своей цѣли. Все время думайте о своемъ ремеслѣ, о своихъ предпріятіяхъ и о выдающихся полководцахъ. Эти размышленія служатъ единственнымъ средствомъ для пріобрѣтенія той быстроты соображенія, которая немедленно схватываетъ продумываетъ все, что примѣнимо въ каждомъ данномъ случаѣ“.

Въ эти слова Фридрихъ Великій облекаетъ уроки, переданные ему принцемъ Евгеніемъ. Они имѣютъ теперь, при матеріальныхъ затрудненіяхъ всѣхъ военныхъ дѣйствій, удвоенное значеніе. Гдѣ царитъ сомнѣніе относительно того, что можно сдѣлать и чего хотятъ, тамъ очень быстро исчезаетъ рѣшеніе и дѣйствіе. Рѣшеніе зарождается лишь при полной ясности ума. Полководецъ долженъ продумать свою задачу въ наши дни больше, чѣмъ когда либо.

Только продумавшій искуство, можетъ проявить его.

---

4. Стратегическое и тактическое значенiе времени.

Пространство и время.—Выигрышъ времени составляетъ преимущество обороняющагося.—Выгоды выигрыша времени для атакующаго.—Преимущества болѣе ранней готовности обороняющагося къ бою.—Общее значенiе времени для атаки.—Длительныя сраженiя. — Клаузевицъ о значенiи продолжительности сраженiя.—Для атакующаго выгодна быстрая побѣда, а для обороняющагося—долгое сопротивленiе.—Сраженiе у Сандепу.—Дальнѣйшiя преимущества быстрой атаки. — Современное значенiе продолжительности сраженiя.—Причина длительности сраженiй.—Продолжительность боевъ въ Южно-африканской войнѣ. — Продолжительность сраженiй въ Русско-японской войнѣ. — Незначительныя потери японцевъ во время атаки.—Продолжительность боевъ основана на особыхъ условiяхъ.—Теоретическое изслѣдованiе продолжительности атаки.—Замедленiе атаки не обусловливаетъ увеличенiя продолжительности сраженiй.—Основанiе замедленiя боевъ заключается въ меньшемъ самопожертвованiи современныхъ войскъ. — Вѣроятная продолжительность будущихъ сраженiй.—Быстрое веденiе операцiй и боевъ есть основной принципъ атакующаго.

Военное искусство пользуется войсками, составляющими, по численности, опредѣленную величину, но о боевой годности и работоспособности которыхъ можно судить лишь приблизительно; оно считается съ умственными и нравственными силами, которыя по самой природѣ своей невѣсомы; но оно считается и съ такими факторами, которые могутъ быть включены въ стратегическiе и тактическiе расчеты, какъ опредѣленныя величины, а именно—съ пространствомъ и временемъ, находящимися другъ съ другомъ въ совершенно опредѣленномъ соотношенiи.

Каждое дѣйствiе на войнѣ разыгрывается на данномъ пространствѣ и требуетъ для своего выполненiя извѣстнаго минимума времени. Атакующiй, желающiй разбить против-

ника, вмѣстѣ съ тѣмъ старается выиграть пространство. Онъ хочетъ вытѣснить обороняющагося съ занятаго имъ мѣста, чтобы постепенно стѣснить его пространствомъ и ограничить средства сопротивленія, извлекаемыя имъ изъ страны. Съ другой стороны, обороняющійся хочетъ защищать свою страну отъ завоеванія и сохранить нетронутыми тѣ источники силы, которые она ему доставляетъ. Онъ старается не потерять пространство, но вмѣстѣ съ тѣмъ выиграть и время. Онъ хочетъ снова и снова отразить нападенія противника, пока тотъ не истощитъ свою наступательную силу и не откажется отъ борьбы. Всякій выигрышъ времени для него выгоденъ, во-первыхъ, самъ по себѣ, такъ какъ онъ дольше оттягиваетъ завоеваніе, а, во-вторыхъ, потому что онъ принуждаетъ атакующаго къ высшимъ усиліямъ, истощаетъ ею силы и даетъ возможность выждать или создать перемѣну въ политическихъ комбинаціяхъ. Чѣмъ дольше держались австрійцы въ 1766 году, тѣмъ больше они имѣли право разсчитывать на выступленіе за нихъ французовъ. То же значеніе имѣло для французовъ въ 1870 г. возможно дольшее сохраненіе Парижа. Они выигрывали этимъ не только время для вооруженій въ провинціяхъ, но могли надѣяться на вмѣшательство нейтральныхъ державъ, если бы борьба за столицу затянулась.

Но время имѣетъ въ извѣстномъ смыслѣ рѣшающее значеніе и для атакующаго.

Прежде всего выгодно закончить скорѣе противника подготовительныя мѣры при началѣ военныхъ дѣйствій или какого нибудь предпріятія во время войны, т. е. когда мобилизація, стратегическое развертываніе или сосредоточеніе для особой цѣли будутъ исполнены быстрѣе, чѣмъ у противника. Можно надѣяться или атаковать противника раньше, чѣмъ онъ подготовитъ всѣ свои силы для отраженія атаки, и разрушить его планы, если онъ самъ подготовляетъ наступленіе; или заставить его отступить безъ боя и этимъ хотя бы выиграть пространство и получить нѣкоторый нравственный перевѣсъ.

Дальнѣйшее преимущество болѣе ранняго начала операцій заключается въ томъ, что мы при наступленіи ограничиваемъ для противника оперативный раіонъ, отдѣляющій насъ отъ него и вмѣстѣ съ тѣмъ можемъ использовать его

для группировки своихъ силъ. Это преимущество особенно выгодно въ обстановкѣ современной массовой войны. Чѣмъ больше времени нужно для передвиженій массъ, тѣмъ больше нужно пространства, чтобы выполнить ихъ во время наступленія. Поэтому, для арміи, желающей начать наступленіе, ограниченность оперативнаго раіона очень невыгодна, такъ какъ это уменьшаетъ возможность выполненія операцій, тогда какъ, благодаря тому, что противникъ раньше начнетъ наступленіе, на его долю выпадаютъ и большее пространство, и большая свобода операцій.

Болѣе раннее стратегическое развертываніе прусской арміи въ 1866 г. настолько ограничило оперативное пространство для австрійцевъ, что они даже не могли осуществить своего первоначальнаго стратегическаго плана и оказались вынужденными принять бой тамъ, гдѣ пришлось. Для пруссаковъ, напротивъ, болѣе раннее начало операцій имѣло послѣдствіемъ значительный выигрышъ пространства, что давало неисчислимую выгоду, заключавшуюся въ томъ, что по крайней мѣрѣ первая и Эльбская арміи могли безпрепятственно вторгнуться въ Богемію и благодаря этому угрожать съ фланга всякому движенію австрійцевъ противъ второй арміи. Австрійцы были оттѣснены на внутреннія линіи, но безъ достаточнаго оперативнаго пространства, чтобы использовать преимущество послѣднихъ; пруссаки же выиграли пространство, необходимое имъ для сосредоточенія передъ сраженіемъ.

Но и обороняющійся можетъ, подготовившись къ войнѣ раньше противника, использовать это преимущество для улучшенія оперативной обстановки. Онъ можетъ выполнить группировку силъ, руководясь оперативными соображеніями, или ограниченнымъ наступленіемъ выиграть такіе рубежи мѣстности, которые особенно пригодны для обороны. Примѣръ тому даетъ Южно-африканская война.

Буры рѣшились, вступивъ въ Наталь, вести борьбу тактически—оборонительно. Однако, на Оранжевой рѣкѣ, составляющей границу между республикой и Капской колоніей, не вездѣ были выгодныя оборонительныя позиціи. Поэтому буры въ нѣсколькихъ пунктахъ вступили въ Капскую колонію, чтобы захватить такія позиціи и заняли высоты у Кольсберга и Стромберга, чтобы встрѣтить на нихъ атаку англи-

чанъ. При большей энергіи они могли бы достигнуть еще лучшихъ рубежей.

Итакъ, мы видимъ, что на войнѣ выигрышъ времени всегда выгоденъ. Что перевѣсъ атаки надъ обороной основанъ въ немалой степени на выигрышѣ времени, который всегда выпадаетъ на долю атакующаго, было только что доказано при разсмотрѣніи взаимоотношеній [1]) между атакой и обороной.

Въ другомъ мѣстѣ было доказано насколько правильно, группируя войска для атаки и обороны, всегда вѣрно оцѣнивать продолжительность ожидаемыхъ дѣйствій, при которой исходъ атаки находится въ непосредственномъ отношеніи къ продолжительности обороны.

Успѣхъ всей войны дѣйствительно зависитъ отъ правильности этой оцѣнки, и каждый выигранный часъ можетъ имѣть рѣшающее значеніе. Наконецъ, особенно интересно разсмотрѣть продолжительность боевъ при условіяхъ современной войны.

Бои на Тугелѣ продолжались дни и недѣли. Въ Маньчжурской войнѣ сраженія не разъ длились 10—14 дней. Поэтому и теперь многіе утверждаютъ, что эта длительность боевъ является необходимымъ результатомъ современныхъ условій и стараются почти безъ критики примириться съ мыслью, что и впредь изъ за побѣды придется бороться цѣлыми днями. При этомъ забываютъ только одно, что съ продолжительностью борьбы шансы атакующаго уменьшаются. „Для побѣдителя, говоритъ Клаузевицъ, бой никогда не покажется рѣшеннымъ достаточно скоро, а для побѣжденнаго— достаточно медленно". Если вмѣсто „побѣдителя" поставить „атакующаго", а вмѣсто „побѣжденнаго"—„обороняющагося", то эти слова пріобрѣтутъ широкое практическое значеніе. Инціатива даетъ атакующему преимущество въ пространствѣ и времени, которое онъ можетъ использовать тактически и оперативно. На этомъ, какъ только что доказано, основано, не считая моральныхъ факторовъ, его превосходство. Но если самъ бой длится такъ долго, что обороняющійся выиграетъ время, чтобы наверстать потерянное и принять необходимыя мѣры, то это превосходство атакующаго обыкновенно исчезаетъ. Въ этомъ главная суть вопроса.

[1]) III, глава I.

Уже Клаузевицъ указалъ на то, что продолжительность боя находится въ нѣкоторомъ соотношеніи съ оперативными и стратегическими условіями. „Быстрая побѣда, говоритъ онъ, есть высшая сущность побѣды; оттянутое рѣшеніе при пораженіи возмѣщаетъ проигрышъ. Это справедливо вообще, но пріобрѣтаетъ практическое значеніе при примѣненіи къ тѣмъ боямъ, значеніе которыхъ заключается въ относительной оборонѣ. Здѣсь весь успѣхъ часто сводится къ продолжительности боя".

Истинность этого утвержденія очевидна настолько, что не требуетъ доказательствъ. Если мы хотимъ вести на одномъ пунктѣ затяжной бой, пока не будетъ достигнута побѣда на другомъ пунктѣ или пока не подоспѣютъ находившіяся далеко войска, съ которыми можно рѣшиться на ударъ, то весь вопросъ сводится къ оказанію сопротивленія пока не достигнута побѣда или не подошли эти войска, и этой цѣли можно добиться лишь продолжительностью боя. То же справедливо и въ области стратегіи. Желая вести затяжную борьбу на одномъ театрѣ военныхъ дѣйствій въ ожиданіи побѣды на другомъ, нужно для выигрыша необходимаго времени только увеличить продолжительность боевъ, а иногда прибѣгнуть и къ отступленіямъ.

Пока сила сопротивленія войсковой части не сломлена, говоритъ Клаузевицъ, „массы можно предоставить самимъ себѣ и при этомъ никогда не возникнетъ раздробленнаго боя, если въ теченіе этого времени можно будетъ подвести войска, дѣйствія которыхъ быстро сольются въ одно цѣлое и закончатся побѣдой". Если же подкрѣпленія подойдутъ слишкомъ поздно, то первое сраженіе будетъ проиграно и иногда возникнетъ совершенно новый бой, въ которомъ войска перваго боя могутъ принять участіе лишь въ качествѣ войскъ разбитыхъ.

Очевидно, что и свойства современныхъ массовыхъ армій не могутъ измѣнить этого правила. Все же вѣроятная продолжительность сраженія увеличивается съ увеличеніемъ сражающихся частей: корпусъ можетъ оказать болѣе продолжительное сопротивленіе, чѣмъ бригада. Продолжительность сопротивленія возрастаетъ съ усиленіемъ обороны и уменьшается по мѣрѣ пріобрѣтенія атакующимъ перевѣса; короче сказать, для каждаго даннаго случая существуетъ

опредѣленное время, въ теченіе котораго сила сопротивленія войсковой части израсходуется, что и приводитъ къ проигрышу боя. Если ведущая бой часть очень сильна, то бой продолжится нѣсколько дольше, чѣмъ при столкновеніи меньшихъ силъ. Но во всякомъ случаѣ и теперь атакующему выгоднѣе побѣдить скорѣе, пока не подойдутъ подкрѣпленія. Напротивъ, обороняющійся долженъ заботиться о томъ, чтобы оттянуть рѣшеніе боя.

Наглядный примѣръ этому утвержденію даетъ сраженіе у Сандепу.

Японцы заняли всю мѣстность, начиная съ лѣваго фланга своей II арміи, находившагося въ нѣсколькихъ километрахъ западнѣе Хунлинпу, на сѣверномъ берегу Ша-хэ, черезъ Сандепу и до Мамакая на Ша-хэ, т. е. пространство около 32 километровъ, только усиленной 1-й кав. бригадой, состоявшей изъ 14 эскадроновъ, 2 баталіоновъ, конной батареи и пулеметной команды. Сзади, въ качествѣ ближайшаго резерва, въ Лантункоу стояла только 8-я бригада Коби. Далѣе къ востоку, на южномъ берегу Ша-хе, у Шилихэ и Янтая стояли въ резервѣ 5-я и 8-я дивизіи, около 25 килом. отъ Сандепу. На западный берегъ Хунъ-хэ, для охраны фланга, была выдвинута 7-я кавалерійская бригада изъ 8 эскадроновъ, съ батареей и пулеметной командой. Все расположеніе имѣло болѣе характеръ маски, чѣмъ дѣйствительной позиціи. Противъ этой линіи у русскихъ находились подавляющія силы, а именно: $148^{1}/_{4}$ баталіоновъ пѣхоты, 89 эскадроновъ, 4 8 орудій, 1 понтонный и 3 саперныхъ баталіона. Такимъ перевѣсомъ силъ можно было бы попросту раздавить слабыя японскія части, если бы ихъ сразу двинули впередъ. Очевидно, что нужно было отбросить это лѣвое крыло японцевъ раньше подхода къ нему укрѣпленій. Даже не зная мѣста расположенія японскихъ резервовъ, можно было понять необходимость быстрой побѣды, а что это было возможно—было ясно и русскимъ. Несмотря на это, они атаковали настолько слабо, что дали японцамъ время подвести достаточные резервы, и были разбиты. Если бы они сумѣли быстро побѣдить, то подготовили бы японцамъ тяжкое пораженіе.

Такимъ образомъ, и опытъ доказываетъ правильность теоретическаго положенія, что продолжительность боя имѣетъ величайшее тактическое и стратегическое значеніе и для

обороняющагося, и для атакующаго. На сторонѣ послѣдняго получается и дальнѣйшее преимущество, заключающееся въ томъ, что при быстрой побѣдѣ у обороняющагося обыкновенно нѣтъ времени правильно организовать свое отступленіе. Очень часто, вмѣсто обдуманныхъ распоряженій, придется принимать торопливыя мѣры и тѣмъ облегчить преслѣдованіе. Кромѣ того, при быстро достигнутой побѣдѣ гораздо сильнѣе упадокъ духа, чѣмъ при медленномъ и систематическомъ отходѣ послѣ многодневной борьбы. Быстрая побѣда Фридриха Великаго подъ Росбахомъ не только уничтожила непріятельскую армію, но прогремѣла съ одного конца Европы до другого и на нѣсколько лѣтъ ограничила стремленія французовъ. Тягучія же, медленныя побѣды англичанъ въ Южной Африкѣ не могли произвести особаго впечатлѣнія ни на самихъ буровъ, ни на весь свѣтъ.

Пониманіе простыхъ истинъ, высказанныхъ Клаузевицемъ о продолжительности боевъ, повидимому, совершенно исчезло изъ кругозора современныхъ стратеговъ. Но это не уменьшаетъ вѣрности его ученія и оно остается правильнымъ во всѣ времена, такъ какъ основано на сущности дѣла. Его можно выразить очень простой формулой. Но такъ какъ, конечно, можно будетъ лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ точно разсчитать къ какому времени могутъ подойти и вступить въ бой непріятельскія подкрѣпленія, то принципіальное требованіе для атакующаго можетъ быть формулировано такъ: нужно всегда добиваться возможно быстрѣйшей побѣды. Отсюда, для обороняющагося вытекаетъ правило, какъ можно больше оттягивать рѣшеніе боя и стремиться къ быстрой побѣдѣ только рѣшившись перейти въ наступленіе, такъ какъ съ этого момента онъ превращается въ атакующаго.

То же требованіе слѣдуетъ предъявить и въ области стратегіи, такъ какъ и въ оперативномъ отношеніи слѣдуетъ быстрѣе выполнить наступленіе. Это значительно содѣйствуетъ его успѣху. Поэтому для атакующаго большею частью невыгодно, если быстро выполненная операція закончится длительнымъ многодневнымъ боемъ. Граница допустимой продолжительности подобнаго боя всегда опредѣляется временемъ, потребнымъ для принятія мѣръ противникомъ.

Мы видимъ, какъ велико значеніе времени, какъ въ

области тактики, такъ и стратегіи, и въ наше время, и это значеніе оно сохранитъ навсегда.

Принимая это во вниманіе, мнѣ кажется чрезвычайно важнымъ вполнѣ уяснить себѣ—дѣйствительно ли предполагаемая значительная продолжительность будущихъ сраженій является необходимымъ результатомъ современныхъ условій или же мы имѣемъ дѣло съ болѣе или менѣе произвольнымъ выводомъ изъ весьма односторонняго опыта послѣднихъ войнъ. Если это дѣйствительно такъ, то придется признать, что атака потеряла значительную долю своего превосходства; что это превосходство сведено почти на-нѣтъ и тогда это должно привести къ значительному измѣненію взглядовъ на веденіе войны.

Если мы прежде всего примемъ во вниманіе опытъ самыхъ послѣднихъ войнъ, то онъ, по моему мнѣнію, совершенно не подтверждаетъ предположенія, что сраженія будущаго будутъ тянуться днями.

Въ Южно-африканской войнѣ болѣе крупныя операціи англичанъ всегда имѣли затяжной характеръ, такъ что у буровъ бывало достаточно времени выставить противъ нихъ новый фронтъ, и преимущество внезапности почти нигдѣ не было осуществлено. Сами же бои, большею частью, длились не чрезмѣрно долго и ихъ почти всюду можно было бы провести быстрѣе, если бы атака велась достаточными силами, энергично и цѣлесообразно.

Утвержденіе, что сраженія будущаго будутъ особенно продолжительны, преимущественно выводится изъ событій Русско-японской войны. Я же думаю, что именно опытъ этой войны, какъ я уже неоднократно утверждалъ, долженъ быть провѣренъ особенно критически.

Прежде всего нужно указать на то, что по причинамъ, свойственнымъ только условіямъ Маньчжурской войны, вся эта война вылилась въ борьбу за укрѣпленныя позиціи или въ бои на очень трудной мѣстности. Само собою разумѣется, что подобные бои требуютъ большаго времени, чѣмъ простыя полевыя сраженія на мѣстности, преобладающей въ Средней Европѣ. Конечно, необходимо признать, что одно это обстоятельство не можетъ объяснить чрезвычайную продолжительность сраженій. Но многодневная борьба за побѣду зачастую

можетъ быть объяснена другими условіями этой войны, а отнюдь не характеромъ современнаго боя.

Японцы сражались всегда въ меньшемъ числѣ. Они въ сущности были черезчуръ слабы по сравненію съ тѣми тактическими затрудненіями, которыя имъ приходилось преодолѣвать. Слѣдствіемъ этого было то, что они не могли сосредоточить достаточно сильныя массы для атаки, чтобы добиться быстрой побѣды. Отсюда вытекаетъ и ихъ способъ атаки. Они обыкновенно старались истомить русскихъ медленнымъ, упорнымъ наступленіемъ съ винтовкой и лопатой, подъ прикрытіемъ превосходной въ силахъ артиллеріи, стараясь не понести значительныхъ потеръ, которыя были бы особенно тяжелы при ихъ относительной малочисленности. Лишь сравнительно рѣдко они рѣшались на отчаянныя атаки. Правда, что подобный образъ дѣйствій, въ общемъ, далъ имъ побѣду, но предположеніе, что только въ этомъ условіи и ни въ чемъ иномъ кроется причина продолжительности сраженій, опровергается тѣмъ фактомъ, что въ очень многихъ случаяхъ, гдѣ подобныхъ условій не было, бои и сраженія на восточноазіятскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій были не продолжительнѣе сраженій 1870—71 г.г. Они оканчивались въ 1—2 дня, какъ, напр., бой на Ялу и Вафангоу и многіе другіе. Однажды даже сильно укрѣпленная позиція, а именно Кинчжоуская, была взята штурмомъ въ одинъ день, такъ какъ японцы располагали десятернымъ перевѣсомъ, а русскіе не использовали своихъ многочисленныхъ резервовъ.

Въ подобныхъ случаяхъ японцы атаковывали безъ лопаты и отчаянно шли на непріятельскія линіи.

Потери ихъ при этихъ условіяхъ были незначительны, тогда какъ въ среднемъ—не считая Портъ-Артура—онѣ не были особенно велики. Такимъ образомъ и это обстоятельство основано не на сущности современнаго боя и можетъ быть объяснено особыми условіями. Въ 10-тидневномъ сраженіи на Ша-хэ японцы потеряли около 20.000 чел. при общей численности арміи въ 170.000, т. е. около 12%. Цифры эти приблизительны и на безусловную достовѣрность не претендуютъ. Но если увеличить эти потери на 3%, т. е. принять ихъ равными 15%, то и тогда получаемъ среднюю цифру потерь въ день равную 1,5%. Сравнивая ихъ съ потерями

нѣмцевъ и французовъ въ 1870 г. [1]), мы должны признать ихъ чрезвычайно незначительными. Это исключительно объясняется медленностью и систематичностью атаки. При штурмѣ Кинчжоуской позиціи, взятой въ одинъ день, атакующій потерялъ около 22% офицеровъ и 11% нижнихъ чиновъ и конечно потерялъ бы еще больше, если бы не обладалъ подавляющимъ численнымъ превосходствомъ и—какъ слѣдствіе этого—рѣшительнымъ перевѣсомъ въ огнѣ.

Продумавъ эти условія, невольно приходишь съ одной стороны къ убѣжденію, что японцы могли и несмотря на свою малочисленность добиваться побѣды гораздо быстрѣе, если бы допустили большія потери. Съ другой стороны выясняется и опасность, заключавшаяся въ медленности атаки. Русскіе благодаря этому почти всегда выигрывали время для сосредоточенія резервовъ къ рѣшающему пункту. Если они несмотря на это, не побѣждали, то это объясняется исключительно неумѣніемъ главнокомандующаго использовать выгоды обстановки. Это справедливо и въ стратегическомъ, и въ тактическомъ отношеніяхъ.

Первое изъ этихъ отношеній особенно явственно выступаетъ въ первой половинѣ войны. Вслѣдствіе медленности стратегическаго развертыванія японцевъ, у русскихъ было совершенно достаточно времени, чтобы напасть съ превосходными силами на совершенно одинокую слабую армію Куроки и уничтожить ее.

Тактически это ясно обнаруживается въ Ляоянскомъ сраженіи. Здѣсь японцы сначала атаковали фронтъ русскихъ и, не будучи въ силахъ продвинуться впередъ, рѣшились охватить лѣвый флангъ ихъ. Но эта операція такъ затянулась и была предпринята съ такими слабыми силами, что русскимъ удалось сосредоточить противъ охватывающихъ войскъ пятерное превосходство. Только то, что они не сумѣли воспользоваться этимъ перевѣсомъ, спасло японцевъ отъ вѣрной гибели. Подобные случаи повторялись во время войны часто. Также и на Ша-хэ можно было атаковать войска, охватившія правый флангъ русскихъ, съ огромнымъ перевѣсомъ въ силахъ и разбить ихъ.

---

[1]) III прусскій корпусъ потерялъ подъ Марсъ-ля-Туромъ 33%, гвардія подъ С.-Прива—40%, а 2-й полкъ зуавовъ подъ Вертомъ—80%.

Изъ всего сказаннаго несомнѣнно явствуетъ, что въ Маньчжуріи были совершенно особыя условія, имѣвшія съ одной стороны слѣдствіемъ медленную войну лопатой и продолжительность сраженій, но съ другой мѣшавшія обратить эту медленность атаки противъ самого же атакующаго.

Такимъ образомъ, опытъ этой войны подтверждаетъ, хотя частью и косвенно, что и при современныхъ условіяхъ весьма возможно проводить бои быстро. Поэтому они и въ области тактики оставляютъ въ неприкосновенности преимущество атакующаго, заключающееся въ выигрышѣ времени, и отнюдь не могутъ поколебать теорію превосходства атаки.

Разсматривая вопросъ теоретически, мы должны заранѣе признать, что современное оружіе и войсковыя массы, подлежащія передвиженію, конечно до нѣкоторой степени замедляютъ не только ходъ операцій, но и бои. Съ одной стороны, вслѣдствіе большей глубины походныхъ колоннъ и большаго протяженія боевыхъ фронтовъ, необходимо большее время на развертываніе; съ другой, вслѣдствіе увеличенія дальнобойности оружія, бои должны начинаться въ большемъ удаленіи отъ противника и потому должны быть проведены въ болѣе продолжительное время. Увеличились также и требованія къ человѣку и въ физическомъ, и въ духовномъ отношеніяхъ. Чтобы преодолѣть современныя расширенныя зоны наступленія нуженъ большій расходъ силъ, чѣмъ для прежнихъ узкихъ опасныхъ зонъ. Если даже принять, что все требуемое въ этомъ отношеніи не превышаетъ работоспособности пѣхотинца, а также, что обороняющійся только въ рѣдкихъ случаяхъ сможетъ въ полной мѣрѣ использовать дальнобойность своего оружія, такъ какъ онъ будетъ ограниченъ мѣстностью, то все же всѣ эти условія несомнѣнно должны замедлять ходъ боя. Наконецъ, въ томъ же смыслѣ существенно вліяетъ значительно повысившаяся интенсивность огня обороны; вѣдь, какъ мы уже говорили, нельзя оспаривать того, что усовершенствованіе пѣхотнаго оружія прежде всего принесло пользу оборонѣ.

Эти причины, долженствующія повлечь за собою нѣкоторое замедленіе хода боя, сталкиваются, однако, съ другими моментами, которые противодѣйствуютъ замедленію атаки и отчасти, какъ будто, дѣлаютъ болѣе выгоднымъ возможно

быстрѣйшее наступленіе, даже и въ тактическомъ отношеніи.

Прежде всего перевѣсъ пѣхотнаго огня обороны частью уравновѣшивается, какъ уже было доказано выше [1]), атакующей артиллеріей, которая несомнѣнно имѣетъ перевѣсъ надъ артиллеріей обороны и можетъ почти безпрепятственно дѣйствовать противъ пѣхоты обороняющагося. Затѣмъ, хорошо подготовленная атака имѣетъ преимущество значительнаго численнаго перевѣса и благодаря этому можетъ, хотя бы пожертвовавъ большимъ числомъ людей, уравновѣсить преимущества, доставляемыя оборонѣ расширеніемъ опасныхъ зонъ и ускореніемъ огня. Далѣе необходимо подумать и о томъ, что чѣмъ быстрѣе наступаетъ пѣхота—конечно при безусловномъ пользованіи всѣми мѣстными закрытіями и оружіемъ—тѣмъ меньше времени она находится подъ огнемъ обороны. При быстромъ наступленіи въ нее можетъ быть выпущено меньше снарядовъ и пуль, чѣмъ при медленномъ. Наконецъ, чѣмъ быстрѣе продвигается впередъ атака, тѣмъ труднѣе для обороняющагося слѣдить за нею огнемъ своей артиллеріи. Чѣмъ раньше атакующая пѣхота достигнетъ зоны, въ которой она уже не можетъ обстрѣливаться артиллеріей съ закрытыхъ позицій, тѣмъ меньше потерь понесетъ она отъ артиллерійскаго огня. Всѣ эти соображенія побуждаютъ ускорить атаку и останутся въ силѣ и въ дѣйствительномъ бою, если соединеннымъ усиліямъ артиллерійскаго и пѣхотнаго огня атакующаго удастся нѣсколько притушить огонь обороняющейся пѣхоты, что является необходимымъ условіемъ возможности атаки.

Если, вопреки всему этому, факторы, замедляющіе атаку, возьмутъ верхъ, то это никогда не можетъ быть въ томъ размѣрѣ, чтобы затянуть бой на нѣсколько дней. Замедленіе, фактически быть можетъ и обнаруживающееся при производствѣ атакъ въ частныхъ случаяхъ, по моему мнѣнію, совсѣмъ не должно привести къ особенной продолжительности сраженій.

Изучая сраженія Маньчжурской войны, разыгранныя съ современнымъ оружіемъ, мы часто видимъ, что японцы въ одинъ и тотъ же день производили по нѣскольку атакъ

---

[1]) III, глава I.

непріятельской позиціи. Будучи отбиты въ первый разъ, они отступали изъ зоны дѣйствительного пѣхотнаго огня, чтобы возобновить атаку послѣ дальнѣйшей огневой подготовки. Времени у нихъ для этого было достаточно. Если, такимъ образомъ, поставить себѣ за правило по возможности избѣгать торопливыхъ атакъ съ недостаточными силами, а атаковать только при серьезной огневой подготовкѣ, съ упорствомъ, то и при современныхъ условіяхъ и несмотря на медленность наступленія, можетъ и должно удасться привести бой къ рѣшенію въ тотъ же день.

Въ томъ же смыслѣ скажется и расширеніе боевыхъ фронтовъ. На узкоограниченномъ пространствѣ сравнительно легко подвести резервы къ угрожаемымъ пунктамъ и неожиданно для атакующаго увеличить силу обороны. При большомъ протяженіи поля сраженія резерву часто придется пройти очень значительный путь и потому опоздать, если атака ведется съ надлежащей глубиной. Хотя она и будетъ болѣе медленна, чѣмъ раньше, все же достигнетъ своей цѣли прежде, чѣмъ подойдутъ резервы, такъ какъ длина путей на полѣ сраженія увеличилась сравнительно больше, чѣмъ трудность атаки и ея протяженіе въ глубину. Это соотношеніе выгодно для атакующаго и стратегически, какъ только что указано. Возможность частичныхъ побѣдъ въ весьма значительной мѣрѣ основана на этомъ обстоятельствѣ.

Наконецъ, въ подтвержденіе того взгляда, что сраженія будущаго должны продолжаться днями, можно указать на то, что современныя войска обладаютъ меньшей боевой цѣнностью, чѣмъ въ прежнія времена; что имъ не хватаетъ крѣпости нервовъ, чтобы вынести такія большія потери, и что потому съ ними невозможно провести быструю атаку, пожертвовавъ многими человѣческими жизнями. Справедливость этого взгляда доказать трудно. Прежде всего она опровергается въ отношеніи нѣмецкихъ и нѣкоторыхъ другихъ войскъ опытомъ. Въ послѣднихъ войнахъ англійскія и русскія войска неоднократно имѣли 40%—50% потерь и не признавали себя побѣжденными; а геройство не разъ проявленное нѣмцами въ Юго-западной Африкѣ, не превзойдено никакими прежними опытами. Нѣмецкая линейная пѣхота— превосходныя войска съ сильными нервами и окажутся на

высотѣ любыхъ требованій. Затѣмъ, отнюдь нельзя утверждать, что быстро проведенная атака, если она хорошо организована и подготовлена, поведетъ къ бóльшимъ потерямъ, чѣмъ длящаяся нѣсколько дней. Противъ подобнаго утвержденія говорятъ многія соображенія.

Какъ бы то ни было, но съ теоретической точки зрѣнія нѣтъ никакихъ основаній къ предположенію, что продолжительность боевъ должна возрасти въ гораздо большей степени, чѣмъ это обусловливается увеличеніемъ глубины боя и войсковыхъ массъ. Теоретическія разсужденія приводятъ къ тѣмъ же выводамъ, какъ и критическій разборъ новѣйшихъ боевыхъ опытовъ, а именно, что тамъ, гдѣ не имѣется особыхъ условій—будущія сраженія не должны затягиваться больше, чѣмъ сраженія послѣднихъ европейскихъ войнъ.

Многодневныя сраженія, вѣроятно, будутъ имѣть мѣсто лишь на театрахъ военныхъ дѣйствій, сходныхъ съ маньчжурскимъ. Но такіе театры маловѣроятны. Европейскіе противники Германіи—если только они желаютъ чего либо достичь—должны вести наступательную войну. Нѣмцы конечно не станутъ обороняться за валами и рвами; отъ этого ихъ предохранитъ духъ народа. Чрезвычайно широко развитая, по сравненію съ Маньчжуріей, сѣть желѣзныхъ и обыкновенныхъ дорогъ даетъ на большинствѣ европейскихъ театровъ войны большую свободу движеній. Все это, вопреки широко-распространенной тенденціи къ зарыванію въ землю, позволяетъ ожидать подвижной и оперативной войны, а не позиціонной.

Конечно, весьма вѣроятно, что разбитая въ сраженіи армія, отступая подъ напоромъ врага, прибѣгнетъ прежде всего къ позиціонной оборонѣ, чтобы остановить его и выиграть время для организаціи новой наступательной операціи.

Этимъ отнюдь не подразумѣвается, что всякая оборонительная война должна вылиться въ тягучую борьбу за укрѣпленныя позиціи. Зачастую цѣлесообразно расположенная сухопутная крѣпость дастъ разбитой арміи возможность сохранить свободу движеній. Къ тому же дѣятельный обороняющійся не такъ то легко рѣшится пожертвовать своей оперативной свободой, чтобы засѣсть за земляные валы. Онъ знаетъ,

что укрѣпленная позиція имѣетъ цѣнность только въ томъ случаѣ, если ее нужно атаковать.

Съ другой стороны, атакующій знаетъ, что онъ подчиняется волѣ противника, если позволитъ задержать передъ позиціей значительныя силы; что онъ даетъ своему противнику именно то, что ему нужно—время и преимущества фронтальнаго оборонительнаго боя. Онъ знаетъ, что при прочихъ одинаковыхъ условіяхъ успѣхъ наступленія зависитъ отъ быстроты оперативныхъ передвиженій и проведенія боя.

Это основная идея всякой наступательной войны. Мы, нѣмцы, ни подъ какимъ видомъ не должны поддаваться опыту Маньчжурской войны и искусной діалектикѣ одностороннихъ теоретиковъ, и искать сущность наступленія въ чемъ либо иномъ, кромѣ мужества, отваги и быстроты, и обманываться относительно значенія времени.

---

5. Пространство и рѣшающее направленіе.

Выигрышъ и потеря пространства.—Отношеніе пространства къ числу бойцовъ.—Общая цѣль войны и рѣшающее направленіе. — Рѣшающее направленіе есть понятіе относительное.—Рѣшающее направленіе въ тактическомъ наступленіи.—Опасныя стороны рѣшающаго направленія.—Рѣшающе направленіе съ точки зрѣнія тактической обороны. — Рѣшающее направленіе во встрѣчномъ бою.—Рѣшающее направленіе въ стратегіи.—Вліяніе географическихъ условій на планъ войны.—Вліяніе политической обстановки *) на рѣшающее направленіе. — Опредѣленіе рѣшающаго направленія съ чисто военной точки зрѣнія.—Значеніе столицы для рѣшающаго направленія.—Примѣры стратегически рѣшающаго направленія.—Рѣшающее направленіе въ самой операціи.—Рѣшающее направленіе при отступленіи. — Взаимоотношеніе между тактическимъ и оперативнымъ рѣшающимъ направленіями.

На войнѣ выигрышъ пространства въ большинствѣ случаевъ выгоденъ. Чѣмъ дальше оттѣсненъ противникъ, чѣмъ больше захвачена его страна, тѣмъ больше мы лишаемъ его средствъ для веденія войны, которыми, кстати, можемъ сами воспользоваться. Съ другой стороны, выигрышъ пространства можетъ привести къ захвату такихъ рубежей, которые благопріятствуютъ веденію операціи и массовымъ дѣйствіямъ, и благодаря этому доставляетъ весьма цѣнныя преимущества. Наконецъ, завоеваніе непріятельской страны производитъ двойное вліяніе—повышая въ своихъ войскамъ сознаніе своей силы и превосходства и ослабляя въ противникѣ увѣренность въ побѣдѣ.

Изъ сказаннаго вытекаетъ, что потеря пространства должна вообще разсматриваться какъ матеріальный и моральный проигрышъ. Тѣмъ не менѣе, могутъ быть случаи,

---

*) См. IV, главу 2.

гдѣ этотъ проигрышъ можетъ быть уравновѣшенъ и даже пересиленъ военными преимуществами, вытекающими изъ уступки пространства. Можно отступить для занятія выгодной для боя мѣстности или чтобы поставить противника въ неблагопріятное для него положеніе. Когда Пареяне отступали передъ Крассомъ, чтобы вынудить его къ торопливому преслѣдованію и тѣмъ легче его уничтожить, пріобрѣтенныя ими преимущества превысили невыгоду потери пространства. То же было въ Россіи въ 1812 году. Моральныя и матеріальныя потери, понесенныя русскими при отступленіи были ничто въ сравненіи съ тяжкими потерями, причиненными французамъ продолжительнымъ и губительнымъ наступленіемъ. При величинѣ Россійской Имперіи и бѣдности слабо населенной страны, потеря пространства не играла почти никакой роли для обороняющагося, тогда какъ выигрышъ пространства фактически послужилъ непріятелю во вредъ.

Изъ этихъ соображеній ясно, что въ этой выгодѣ и невыгодѣ выигрыша или потери пространства играетъ роль не само пространство, а лишь отношеніе его къ живымъ боевымъ силамъ, которое придаетъ ему извѣстное значеніе. Это приводитъ къ дальнѣйшему выводу, а именно, что и рѣшающее направленіе, т. е. то направленіе, въ которомъ ударъ вооруженныхъ силъ можетъ дать наибольшій возможный результатъ, никогда не опредѣляется исключительно пространствомъ или географически, какъ то въ прежнія времена учила псевдо-научная стратегія, совершенно не понимавшая истинной природы войны. Рѣшающее направленіе исключительно опредѣляется по отношенію къ боевымъ силамъ противника, даже и въ томъ случаѣ, если это отношеніе сразу не опредѣлено.

Истина этого утвержденія становится особенно ясна, если принять во вниманіе, что могутъ быть случаи, когда вообще невозможно назвать какое нибудь направленіе въ пространствѣ рѣшающимъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить условія народной войны, подобно тому, напр., какъ она велась въ Испаніи противъ Наполеона, или же многолѣтнюю войну буровъ съ англичанами. Въ первомъ случаѣ боевая сила была разбросана по всей странѣ. Приходилось справляться съ каждымъ отдѣльнымъ фанатикомъ,

а это было неосуществимо для крупныхъ ударовъ Наполеоновской системы веденія войны. Во второмъ случаѣ, приходилось преодолѣвать сопротивленіе отдѣльныхъ героическихъ личностей, непрестанно подливавшихъ мужество въ своихъ соотечественниковъ. Прежде всего здѣсь надлежитъ указать на президента Штейна и Христіана де-Вета. Задача веденія войны заключалась въ томъ, чтобы сломить ихъ волю. Она же совершенно не зависѣла отъ какого бы то ни было направленія въ пространствѣ.

Дѣйствительно, настоящая цѣль войны и заключается въ томъ, чтобы настолько сломить волю противника, чтобы онъ подчинился нашимъ политическимъ намѣреніямъ; нужно ослабить духовную силу, которая жаждетъ борьбы и придаетъ ей упорство, а эта сила сама по себѣ никогда не можетъ быть прикована къ опредѣленному пространству или населенному пункту. Она живетъ частью въ отдѣльныхъ выдающихся личностяхъ, воодушевляющихъ и увлекающихъ за собою массу, а частью въ самой массѣ, во всѣхъ членахъ народа, оскорбленнаго въ своихъ сильнѣйшихъ чувствахъ и жизненныхъ интересахъ. Ее можно уничтожить только уничтоживъ средства, которыми ведется борьба; но о рѣшающемъ направленіи при этомъ можно говорить только въ томъ случаѣ, если рѣчь идетъ о борьбѣ организованныхъ вооруженныхъ силъ культурныхъ государствъ, такъ какъ только тогда боевыя средства до нѣкоторой степени сосредоточены хотя бы въ пространствѣ и потому могутъ оказаться въ нѣкоторомъ отношеніи къ пространству.

Если бы мы захотѣли обобщить основную идею всякой войны, такъ чтобы она подошла къ каждому случаю, то она выразится въ требованіи—**такъ примѣнять наличныя силы, чтобы, въ случаѣ успѣха, достичь самыхъ рѣшительныхъ результатовъ, какіе только можно себѣ вообразить, т. е. чтобы воля противника была бы надежнѣе всего потрясена или сломлена.** Всякая попытка ввести въ эту формулировку рѣшающее направленіе уничтожитъ ея правильность и всеобщность.

Если же, напротивъ, имѣть въ виду только войну организованныхъ вооруженныхъ силъ, т. е. ограниченныхъ культурой условій европейскихъ армій, то пріобрѣтаетъ

принципіальное значеніе и рѣшающее направленіе; здѣсь преимущественно можно рекомендовать вести наступленіе въ рѣшающемъ направленіи и обороняться въ рѣшающемъ пунктѣ, который обыкновенно опредѣляется направленіемъ атаки. Это подразумѣвается уже въ самомъ понятіи „рѣшающій“. Если мы хотимъ сломить волю противника уничтоженіемъ его средствъ борьбы, т. е. прежде всего войскъ, то само собою понятно, что нужно попытаться добиться дѣйствительной побѣды, а не простой борьбы обѣихъ сторонъ между собою, а потому выбрать направленіе, дающее наибольшіе шансы на побѣду и потому являющееся рѣшающимъ.

Поэтому необходимо вполнѣ выяснить понятіе рѣшающаго направленія и дать себѣ отчетъ въ томъ, какъ опредѣлить его въ каждомъ частномъ случаѣ, такъ какъ общаго опредѣленія направленія, которое можетъ быть признано рѣшающимъ, нѣтъ и не можетъ быть. Рѣшающій элементъ основанъ не только на матеріальныхъ, но всего больше на невѣсомыхъ факторахъ, а для этихъ послѣднихъ не существуетъ формулъ. Всякая попытка опредѣлить рѣшающее направленіе на всѣ случаи всегда поведетъ за собою ограниченіе свободы дѣйствій.

Правда, теоретики, вродѣ Жомини, пытались связать рѣшающее направленіе опредѣленными условіями и вывести отсюда теорію и правила для практики. Дѣйствительными подобныя правила, однако, никогда не оказывались, какъ бы хорошо они не казались мотивированными. Было бы, напр., грубѣйшей ошибкой всегда и во всѣхъ случаяхъ считать главныя силы противника важнѣйшей частью его вооруженныхъ силъ, а потому принять направленіе, въ которомъ можно полнѣе и съ большими шансами разбить ихъ, за рѣшающее, такъ какъ понятіе массы не всегда равнозначуще понятію силы; вѣдь не всегда тамъ, гдѣ сосредоточены самыя большія полчища, царитъ и самое упорное желаніе побѣдить. Массамъ придаетъ значеніе духъ, который развивается совершенно независимо отъ нихъ. Подобное соотношеніе между духомъ и массой часто обнаруживается въ коалиціонныхъ войнахъ, гдѣ само разнообразіе политическихъ цѣлей обусловливаетъ различное напряженіе жажды побѣды; это подтверждается многочисленными примѣрами военной исторіи.

Для иллюстраціи сказаннаго достаточно указать на походъ 1814 г. Духъ этой войны имѣлъ пребываніе въ главной квартирѣ Блюхера, а не Шварценберга. Если бы Наполеонъ смогъ нанести Блюхеру такое пораженіе, которое сломило бы въ немъ жажду побѣды, тогда онъ достаточно быстро справился бы и съ главной арміей. Побудить ее къ отступленію было бы нетрудно, такъ какъ она думала о томъ же даже среди побѣдъ. Такимъ образомъ здѣсь рѣшающее направленіе приводило не къ главной непріятельской арміи, а къ силезской. Нужно было побѣдить не императоровъ и королей, а сломить духъ маститаго фельдмаршала.

Подобныя условія часто будутъ и впредь. Нерѣдко будетъ выгоднѣе своими главными силами атаковать слабѣйшую часть непріятеля, чтобы нанести ему частичное пораженіе и создать этимъ благопріятныя условія для борьбы съ его главными силами. Когда русскіе въ 1905 г. рѣшились атаковать лѣвый флангъ японцевъ у Сандепу, ихъ ударъ сознательно былъ направленъ противъ слабѣйшей части непріятельскаго фронта и тѣмъ не менѣе это несомнѣнно было и рѣшающимъ направленіемъ. Побѣда подъ Сандепу была бы не только частичной побѣдой, но привела бы II русскую армію во флангъ японской главной арміи и принудила бы ее принять бой въ самыхъ невыгодныхъ условіяхъ.

Все это подтверждаетъ мнѣніе, что дать общее опредѣленіе понятія рѣшающаго направленія нельзя. Поэтому приходится ограничиться разсмотрѣніемъ условій, принуждающихъ назвать извѣстное направленіе рѣшающимъ. Если этотъ вопросъ будетъ выясненъ, то въ каждомъ частномъ случаѣ нужно предоставить полководцу рѣшить — какое направленіе при данныхъ условіяхъ надлежитъ признать рѣшающимъ.

Атакующій хочетъ разбить врага и завоевать непріятельскую страну, чтобы лишить противника средствъ къ возобновленію сопротивленія. Обороняющійся хочетъ отразить атаку, нанести противнику такія тяжкія потери, чтобы онъ оказался вынужденнымъ отказаться отъ борьбы, и удержать за собою страну, доставляющую ему средства для сопротивленія. Поэтому для перваго рѣшающимъ направленіемъ будетъ то, которое даетъ больше шансовъ на полную побѣду и на захватъ большаго пространства; второй встрѣтитъ ата-

кующаго въ томъ направленіи, въ которомъ мѣстность наиболѣе благопріятствуетъ дѣйствію его массъ и его мѣрамъ обороны и гдѣ онъ надежнѣе прикрываетъ пространство, которое желаетъ охранить и оставить за собою.

Остановимся сначала на атакующемъ, который обыкновенно свободенъ въ выборѣ направленія атаки и предписываетъ обороняющемуся свою волю; здѣсь прежде всего оказывается, что нужно разсматривать тактическое и стратегическое рѣшающія направленія порознь, такъ какъ оба опредѣляются совершенно различными точками зрѣнія; мы видимъ даже, что тактическая и стратегическая обстановки приводятъ къ различнымъ взглядамъ на рѣшающее направленіе и потому полководецъ можетъ оказаться вынужденнымъ выбирать между бо́льшими стратегическими и тактическими выгодами.

Въ теоріи, съ тактической точки зрѣнія, рѣшающее направленіе опредѣляется тремя моментами: мѣстностью, расположеніемъ войскъ и положеніемъ тыловыхъ сообщеній непріятельской арміи. Въ дѣйствительности же, конечно, могутъ оказать вліяніе и другія условія: различная тактическая цѣнность войскъ противника и опредѣлившіяся слабыя стороны непріятельскаго командного состава; но все это относится къ области невѣсомыхъ условій и не поддается научному изслѣдованію.

Мѣстность имѣетъ для рѣшающаго направленія двойственное значеніе. Часто придется признать рѣшающимъ то направленіе, въ которомъ мѣстность облегчаетъ сближеніе съ противникомъ или дѣйствіе войсковыхъ массъ и благодаря этому обѣщаетъ вѣрную побѣду; кромѣ того, въ каждой оборонительной позиціи имѣются такіе участки или мѣстные предметы, обладаніе которыми въ большей или меньшей степени рѣшаетъ участь всей позиціи. Въ такомъ случаѣ направленіе атаки на эти пункты можно назвать рѣшающимъ.

Хорошимъ примѣромъ для уясненія сказаннаго служитъ сраженіе у С.-Прива. Одного взгляда на карту достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что безспорнымъ рѣшающимъ пунктомъ въ этомъ сраженіи было само селеніе С.-Прива, съ командующей высотою, на которой оно расположено. Будь С.-Прива захвачено, становилось невозможно не только дер-

жаться на мѣстности близъ Аманвейлера, но и отступленіе III и IV французскихъ корпусовъ становилось опаснымъ, такъ какъ открывалась дорога на Сольни и путь въ тылъ расположенію французовъ. Напротивъ, пораженіе лѣваго фланга французовъ подводило подъ пушки С.-Кентена и форта Плаппевиль и никогда поэтому не могла имѣть такого рѣшающаго значенія.

Расположеніе непріятельскихъ войскъ можетъ имѣть вліяніе на выборъ рѣшающаго направленія постольку, поскольку оно даетъ возможность сосредоточить превосходныя силы противъ части непріятельской позиціи и тѣмъ добиться побѣды. Необезпеченные фланги противника или слишкомъ слабо занятые фронты, передовыя, слабо поддержанныя позиціи и т. под. часто опредѣляютъ направленіе атаки. Военная исторія богата примѣрами, поясняющими подобную обстановку. Охватывающая атака, атака во флангъ и прорывъ, главнымъ образомъ, основаны именно на томъ, что ихъ рѣшающій характеръ зависитъ отъ расположенія противника. Но и расположеніе своихъ войскъ можетъ влiять на выборъ рѣшающаго направленія, такъ какъ сосредоточеніе превосходныхъ атакующихъ силъ возможно въ опредѣленномъ направленіи. Когда Наполеонъ оказался въ Августѣ 1796 г. у Кастильона противъ австрійскаго генерала Вурмзера, онъ могъ направить болѣе сильный охватъ только противъ лѣваго фланга противника, такъ какъ войска, которыя онъ могъ для этого назначить, а именно дивизія Серюрье, стояли у Макаріа и Ольо, т. е. уже противъ лѣваго фланга австрійской арміи и выходили на поле сраженія черезъ Гвидицолло почти въ тылъ противника. Поэтому для Наполеона рѣшающимъ направленіемъ атаки само собою являлся лѣвый флангъ противника.

Наконецъ, особенно важнымъ является направленіе на тыловыя сообщенія противника и на его пути сообщенія. Если во время наступленія удастся оттѣснить противника или хотя бы часть его силъ отъ путей, соединяющихъ его войска со складами и желѣзнодорожными конечными станціями, то побѣжденный оказывается въ чрезвычайно неблагопріятной обстановкѣ, которая слишкомъ легко можетъ привести за собою полнѣйшую деморализацію и дезорганизацію войскъ. Обороняющійся теряетъ не только связь

съ продовольственными и боевыми запасами, но и возможность прикрыть то пространство, которое онъ хочетъ оставить за собою. Только принудивъ войска на чрезвычайныя усилія онъ сможетъ окольными путями возстановить правильныя оперативныя отношенія. При нѣкоторыхъ условіяхъ его можно въ такомъ положеніи принудить на капитуляцію, если онъ совершенно отрѣзанъ отъ путей отступленія или если атака велась съ совершенно обратнымъ фронтомъ.

Трудность подобнаго положенія конечно возрастаетъ съ величиной передвигаемыхъ массъ, такъ какъ онѣ значительно больше, чѣмъ маленькія арміи, зависятъ отъ подвоза и съ трудомъ могутъ кормиться даже въ своей странѣ. Если бы японцамъ удалось подъ Мукденомъ оттѣснить правый флангъ русскихъ на востокъ за желѣзную дорогу на Харбинъ и овладѣть этой важной линіей сообщеній, то страшный разгромъ русской арміи былъ бы неизбѣженъ. Поэтому въ современной массовой войнѣ и нужно, опредѣляя рѣшающее направленіе атаки, особенно считаться съ возможностью дѣйствій на непріятельскія сообщенія.

Но если выборъ рѣшающаго направленія несомнѣнно обѣщаетъ наибольшіе результаты, то съ другой стороны онъ обыкновенно связанъ съ наибольшими опасностями. Это зависитъ отъ самой сущности дѣла: важнѣйшіе опорные пункты непріятельской позиціи большею частью труднѣе всего и атаковать; прорывъ требуетъ фронтальной силы и связанъ съ рискомъ быть охваченнымъ; охватъ противника и перерывъ его сообщеній могутъ большею частью быть достигнуты подставляя противнику свои сообщенія; поэтому въ случаѣ тактической неудачи можно очутиться по меньшей мѣрѣ въ такой же неблагопріятной обстановкѣ, которую хотѣли создать противнику; если охватъ приводитъ къ атакѣ съ обратнымъ фронтомъ, то опасность, которой мы подвергаемся, чрезвычайна. Одинъ историческій примѣръ лучше уяснитъ сказанное.

Генералъ Файдербъ двинулся отъ Арраса на С. Кентенъ и угрожалъ Парижской арміи обложенія. Генералъ ф. Гёбенъ двинулся изъ Амьена на правый флангъ, желая атаковать его. Передъ нимъ были двѣ дороги: онъ могъ, пройдя къ югу, вдвинуться между Парижемъ и арміей Файдерба и вмѣстѣ съ тѣмъ столкнуться съ его правымъ флан-

гомъ, или же всѣми своими силами броситься сѣвернѣе на дорогу Аррасъ—С. Кентенъ, чтобы отрѣзать противника отъ всѣхъ его путей сообщенія и заставить его принять бой съ обратнымъ фронтомъ. Побѣда его въ этомъ случаѣ вѣроятно повела бы за собою полный разгромъ французовъ, а, быть можетъ, и капитуляцію. Въ случаѣ же неудачи, онъ очутился бы въ очень невыгодномъ положеніи, имѣя въ тылу непріятельскую крѣпость, а свои сообщенія—на флангѣ. Гёбенъ избралъ болѣе надежный способъ дѣйствій, обезпечивавшій ему связь съ Парижской арміей и прикрывавшій его сообщенія; Фридрихъ Великій вѣроятно устремился бы по другому пути къ наибольшему результату, какъ онъ и поступалъ всюду тамъ, гдѣ искалъ рѣшительной побѣды. Дерзать—свойственно войнѣ. Побѣда рождается изъ опасности и атака въ рѣшающемъ направленіи имѣетъ наибольшіе шансы на успѣхъ именно потому, что связана съ наибольшимъ рискомъ. Этимъ и уравновѣшиваются преимущества атаки и обороны. Атакующій можетъ, къ тому же, принять мѣры на случай неудачи; обороняющійся, вынужденный выжидать дѣйствія противника, не можетъ этого сдѣлать. Это нѣсколько уменьшаетъ степень опасности смѣлой атаки, не говоря уже о моральномъ впечатлѣніи, которое смѣлость и отвага производятъ на свои и непріятельскія войска.

Съ точки зрѣнія обороняющагося тактическое рѣшающее направленіе опредѣляется тѣми условіями, которыя даютъ атакующему наибольшіе успѣхи. Поэтому онъ долженъ главную силу обороны сосредоточить на пунктахъ, наиболѣе важныхъ для удержанія всей позиціи; обезпечить наилучшимъ образомъ то крыло, которое наиболѣе подвержено охвату, и принять мѣры для обезпеченія своихъ сообщеній противъ покушеній противника; кромѣ того, онъ долженъ особенно сильно занять тѣ части своего фронта, впереди которыхъ мѣстность особенно благопріятствуетъ приближенію противника. Если же онъ не вынужденъ держаться пассивной обороны, а предполагаетъ искать перехода въ наступленіе, то и для него опредѣленіе рѣшающаго направленія обусловливается тѣми же условіями, что и у атакующаго. Нужно стремиться охватить атакующаго противника, угрожать сбоку его сообщеніямъ или же прорвать его фронтъ и оттѣснить отдѣленныя другъ отъ друга части арміи отъ ихъ сообщеній.

Въ одномъ случаѣ придется направить контръ-ударъ противъ главной массы противника, въ другомъ—атаковать слабый пунктъ атакующей линіи, чтобы создать благопріятныя условія для борьбы съ ея главными силами. Но всегда главная цѣль будетъ заключаться въ томъ, чтобы нанести рѣшительное пораженіе этимъ послѣднимъ и создать для нихъ невыгодныя условія отступленія, какъ бы это ни было достигнуто—посредственно или непосредственно.

Интересно и поучительно изучить на Ляоянскомъ сраженіи различные случаи, дававшіе русскимъ возможность перейти въ наступленіе. Прежде всего, генералъ Куропаткинъ могъ, удерживая линію Тайцзы-хэ выше города, перейти въ наступленіе своимъ правымъ флангамъ и постараться отрѣзать японцевъ отъ ихъ жизненнаго нерва—желѣзной дороги. Затѣмъ ему представлялась возможность подавляющими силами лѣваго фланга охватить японцевъ, переправившихся черезъ Тайцзы-хэ у Канквантуна и находившихся совершенно отрѣзанными, съ рѣкою въ тылу, т. е. въ отчаянномъ положеніи. Наконецъ, онъ могъ всею массою своихъ резервовъ двинуться въ совершенно не занятый японцами промежутокъ между ушедшими за рѣку войсками генерала Куроки и центромъ японскаго фронта и отсюда атаковать во флангъ обѣ части непріятельской линіи. Наибольшіе результаты обѣщала охватывающая атака правымъ крыломъ, такъ какъ здѣсь, при побѣдоносномъ движеніи впередъ, вся армія противника оттѣснялась отъ желѣзной дороги въ горы, тогда какъ при обѣихъ другихъ операціяхъ можно было имѣть лишь частичный успѣхъ. Поэтому направленіе противъ лѣваго фланга противника въ данномъ случаѣ слѣдуетъ признать рѣшающимъ. Поэтому оно было и наиболѣе опаснымъ, такъ какъ можно было опасаться, что непріятель успѣшно атакуетъ въ центрѣ или на своемъ правомъ флангѣ раньше, чѣмъ свое наступленіе приведетъ къ ожидаемымъ результатамъ.

Если рѣчь идетъ не объ атакѣ или оборонѣ, а о двухъ наступающихъ другъ на друга арміяхъ, то, при прочихъ одинаковыхъ условіяхъ, побѣда будетъ на сторонѣ той, которая или имѣетъ болѣе благопріятную мѣстность, или сильнѣе угрожаетъ жизненному нерву непріятельской арміи. Рѣшающее значеніе будетъ имѣть и быстрота опредѣленія благопріятныхъ условій и ихъ использованія. Подобную обстановку

можно особенно хорошо изучить на интересномъ встрѣчномъ сраженіи у Риволи, одномъ изъ самыхъ геніальныхъ сраженій Бонапарта.

Генералъ Альвинци наступалъ съ сѣвера противъ позиціи у Риволи, сѣвернѣе Вероны, въ то время какъ двѣ другія более слабыя колонны шли на Верону и Леньяго. У Риволи стоялъ генералъ Жуберъ съ 10.000; остальная французская армія занимала Верону, Леньяго, Брешію и Кастельнуово и обложила особымъ корпусомъ Мантую. Австрійскій полководецъ рѣшилъ атаковать съ охватомъ отрядъ Жубера и уничтожить его. Онъ наступалъ шестью колоннами, изъ которыхъ первая должна была обойти лѣвый флангъ противника и атаковать его съ тыла. Но какъ только Банапартъ узналъ, что главная атака угрожаетъ ему съ сѣвера, онъ двинулъ къ Риволи Массену изъ Вероны и Нея изъ Брешіи и лично поспѣшилъ туда, чтобы принять командованіе. Онъ разгадываетъ обходный маневръ австрійцевъ и, будучи увѣреннымъ, что его подкрѣпленія подойдутъ въ уступномъ порядкѣ, рѣшаетъ атаковать центръ австрійцевъ и тѣмъ, если возможно, отрѣзать обходнымъ колоннамъ путь отступленія. Фронтальная атака Бонапарта, встрѣтившая значительно превосходныя силы, грозитъ, правда, кончиться неудачей, и его правое крыло оказывается обойденнымъ. Въ рѣшительную минуту прибываетъ Массена и возстановляетъ бой. Австрійцы, атакующіе правый флангъ отбрасываются послѣдними резервами въ долину р. Эчь и когда, наконецъ, колонна, охватывающая лѣвый флангъ Бонапарта, появляется въ тылу французовъ, она попадаетъ въ руки подходящихъ резервовъ Нея и совершенно уничтожается. Такимъ образомъ центръ отбрасывается, правда, по его природному пути отступленія, но обходныя колонны отъ него отрѣзываются, и когда Альвинци, для спасенія ихъ, на другой день сраженія переходитъ въ наступленіе, онъ оказывается охваченнымъ съ обоихъ фланговъ и отбрасывается съ тяжкими потерями, въ особенности плѣнными. Австрійскій полководецъ лишился почти половины своихъ войскъ.

Въ этомъ сраженіи мы видимъ, что побѣда сначала подготовляется тѣмъ, что Бонапартъ быстро рѣшается воспользоваться раздѣленіемъ австрійцевъ на много колоннъ, чтобы порознь атаковать ихъ и разбить. Обходная колонна лѣваго

крыла австрійцевъ разбита болѣе слабыми силами, такъ какъ не успѣла развернуться, а французамъ благопріятствовала мѣстность. Но закончена побѣда благодаря тому, что австрійцамъ не удалось прервать сообщенія французовъ, а ихъ обходныя колонны, напротивъ, потеряли связь съ своей арміей и частью оказались совершенно отрѣзанными отъ своего пути отступленія. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ рѣшающимъ оказалось направленіе на фронтъ противника. Выбравъ его, Бонапартъ получилъ шансы на рѣшительную побѣду надъ фланговыми частями противника, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ рѣшеніи заключалась и наибольшая опасность быть обойденнымъ. Если бы одной изъ обходныхъ колоннъ австрійцевъ удалось успѣшно выполнить движеніе во флангъ и тылъ французовъ до прибытія Нея или если бы фронтальная атака Бонапарта была отбита до прибытія Массены, то полное пораженіе республиканской арміи было неизбѣжно. Но Бонапартъ увѣренно разсчитывалъ на недостаточное согласованіе въ дѣйствіяхъ отдѣльныхъ колоннъ австрійцевъ, на своевременный подходъ своихъ резервовъ и на тактическое превосходство своихъ войскъ, и его смѣлость принесла вполнѣ заслуженные плоды.

Но это сраженіе особенно интересно тѣмъ, что показываетъ на дѣйствительномъ примѣрѣ, какъ и прорывъ центра, а не только охватъ, приводитъ къ отрѣзанію частей непріятельской арміи отъ пути отступленія и какъ при извѣстныхъ условіяхъ рѣшающимъ направленіемъ можетъ быть направленіе на фронтъ противника.

Желая опредѣлить рѣшающее направленіе съ стратегической точки зрѣнія, мы должны различать собственно операцію на точно ограниченномъ театрѣ военныхъ дѣйствій и планъ войны или основныя мѣропріятія для всего похода. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ взаимоотношеніями двухъ армій, двигающихся въ совершенно опредѣленной обстановкѣ; во-второмъ—съ взаимоотношеніемъ вооруженныхъ силъ государствъ, съ географической и очень часто и съ политической обстановкой. Тамъ можно говорить объ о п е р а т и в н о м ъ, а здѣсь о болѣе широко понимаемомъ стратегическомъ рѣшающемъ направленіи.

Правда, что строго раздѣлить эти оба понятія нельзя, но они даютъ возможность для лучшаго изслѣдованія вопроса

отдѣлить обстановку. Стратегическое рѣшающее направленіе, дающее тонъ всему плану войны, обусловливаетъ и операціи. У послѣднихъ рѣшающее направленіе можетъ неоднократно мѣняться и быть различнымъ для отдѣльныхъ частей арміи. Въ планѣ войны, напротивъ, рѣшающее направленіе должно быть неизмѣннымъ, пока обстановка остается одной и той же.

Если мы сначала остановимся на стратегическомъ направленіи, то окажется, что на него значительно и прежде всего вліяютъ условія политическія и географическія. Конечно, какъ мы уже видѣли, политика не должна непосредственно вліять на веденіе военныхъ дѣйствій, но все же приходится считаться съ политикой сосѣднихъ государствъ, ихъ нейтралитетомъ или возможностью участія въ войнѣ и т. под. Вліяніе географическихъ условій нельзя понимать въ томъ смыслѣ, что какое-нибудь опредѣленное географическое направленіе можетъ считаться рѣшающимъ; но здѣсь подразумѣвается то, что географическія условія могутъ заставить полководца считаться съ собою и стѣснять или, напротивъ, покровительствовать ему. Какъ бы то ни было, но эти политическія и географическія вліянія могутъ имѣть весьма большое значеніе и иногда почти противорѣчить чисто военной точкѣ зрѣнія.

Изслѣдованіе дѣйствительныхъ фактовъ покажетъ всего лучше какъ часто въ этой области политико-географической стратегіи сталкиваются различныя точки зрѣнія и какъ, поэтому, трудно дать опредѣленныя нормы для дѣйствій.

Прежде всего опредѣленное вліяніе на веденіе войны имѣетъ географическое устройство границы между обоими непріятельскими государствами. Въ 1757 г. Фридрихъ Великій, а въ 1866 король Вильгельмъ, могли вести концентрическое наступленіе противъ Богеміи потому, что характеръ границы допускалъ охватывающее сосредоточеніе арміи. Если бы, съ другой стороны, въ настоящее время вспыхнула война между Италіей и Франціей, то выборъ направленія атаки оказался бы очень небольшимъ, такъ какъ границы государствъ соприкасаются только на незначительномъ протяженіи и образованы горами, переходъ черезъ которыя сопряженъ съ большими жертвами и которыя вынуждаютъ вести войну совершенно опредѣленнымъ способомъ. Обойти эту трудную границу можно лишь по узкой береговой полосѣ,

обстрѣливаемой съ моря, или же черезъ нейтральную Швейцарію, т. е. не менѣе трудную горную страну. Затѣмъ Италія должна защищать длинный открытый берегъ, что съ одной стороны указываетъ французамъ на возможность совмѣстныхъ дѣйствій арміи и флота, а съ другой вынуждаетъ италіанцевъ принять широкія мѣры для защиты своихъ береговъ. Эти соображенія несомнѣнно должны бы быть приняты во вниманіе съ обѣихъ сторонъ при опредѣленіи главныхъ направленій атаки и при соотвѣтствующемъ распредѣленіи силъ.

Совершенно, опять-таки, иначе скажутся географическія условія въ войнѣ Германіи съ Россіей. При обширности Россійской имперіи, конечно, нечего и думать о полномъ покореніи или завоеваніи Россіи, и Германія должна прибѣгнуть къ ограниченному наступленію и заранѣе имѣть въ виду переходъ къ оборонѣ. Поэтому нужно будетъ не только разбить русскую армію, но и занять такое положеніе, которое, съ одной стороны, заставило бы русскихъ перейти въ наступленіе, а съ другой—благопріятствовало бы оборонительнымъ дѣйствіямъ нѣмцевъ. Было бы безполезно доказывать, что географическія условія должны сказать здѣсь свое вѣское слово. Нужно было бы отрѣзать Россію отъ моря и заставить ее ограничиться своими сухопутными сообщеніями, т. е. ограничить ея собственныя недостаточныя вспомогательныя средства.

Географическія условія всегда будутъ играть роль и въ частныхъ случаяхъ. Рѣчные барьеры и горы значительно мѣшаютъ передвиженіямъ армій и затрудняютъ наступленіе. Эти затрудненія возрастаютъ съ увеличеніемъ войсковыхъ массъ. Нѣтъ надобности указывать на вліяніе населенности и сѣти дорогъ, обусловливаемыхъ географическимъ положеніемъ и свойствами театра военныхъ дѣйствій, на самыя военныя дѣйствія; не менѣе очевидно и то, что всѣ эти условія должны въ извѣстной степени вліять на выборъ рѣшающаго направленія атаки. Трудную и непроходимую мѣстность избѣгаютъ при наступленіи, стараясь, напротивъ, использовать выгодныя стороны свойствъ границы; съ другой стороны, и обороняющійся долженъ считаться съ тѣми же условіями при организаціи обороны.

Въ какой мѣрѣ рядомъ съ географическими условіями

имѣютъ при выборѣ рѣшающаго направленія значеніе и политическія, наглядно видно, хотя бы, изъ Франко-прусской войны. Въ 1870 г. французы считали наилучшимъ и самымъ рѣшительнымъ образомъ дѣйствій наступленіе на Майнцъ и отдѣленіе Южной Германіи отъ Сѣверной. Они надѣялись на проявленіе политическаго партикуляризма южныхъ государствъ при удачныхъ дѣйствіяхъ противъ пруссаковъ, какъ бы въ благодарность за отклоненіе отъ Южной Германіи ужасовъ войны.

Если приходится вести борьбу съ нѣсколькими противниками, то конечно главный ударъ нужно будетъ направить на того изъ нихъ, чья политика позволяетъ ожидать наиболѣе энергичнаго веденія войны, въ надеждѣ на то, что пораженіе этого врага поколеблетъ болѣе слабую воинственность другого. Однако эти политическія соображенія могутъ противорѣчить военнымъ взглядамъ.

Съ чисто военной точки зрѣнія главный ударъ слѣдовало бы направить противъ того врага, противъ котораго можно ожидать скорѣйшаго и рѣшительнаго успѣха, и вести затяжную борьбу на той сторонѣ, гдѣ оборона обусловлена болѣе выгодными шансами и гдѣ труднѣе добиться побѣды надъ противникомъ. Слѣдуетъ также принять во вниманіе— не можетъ ли одинъ изъ противниковъ появиться на театрѣ военныхъ дѣйствій значительно быстрѣе другого. При столкновеніи всѣхъ этихъ различныхъ точекъ зрѣнія и при невозможности примирить ихъ между собою—дѣло генія рѣшиться на то или другое направленіе.

Если бы, напр., Германіи пришлось вести двойную войну противъ Франціи и Россіи, то съ политической точки зрѣнія было бы желательно нанести по возможности уничтожающій ударъ Франціи, такъ какъ вражда ея съ нѣмцами гораздо сильнѣе, чѣмъ Россіи. Къ тому же выводу мы придемъ, если примемъ во вниманіе, что Франція гораздо скорѣе будетъ готова къ войнѣ, чѣмъ Россія, гдѣ мобилизація и сосредоточеніе требуетъ большаго времени, такъ что можно разсчитывать разбить французовъ раньше, чѣмъ русскіе станутъ опасны нѣмцамъ. Слѣдуетъ также принять во вниманіе, что быстрая побѣда надъ Франціей немедленно ослабитъ энергію веденія войны русскими и подѣйствуетъ охлаждающимъ образомъ

на Англію, быть можетъ, склонную стать на сторону Франціи.

Съ другой стороны, однако, необходимо имѣть въ виду, что сильную западную границу Германіи можно оборонять значительно дольше, чѣмъ слабую восточную границу. Она даетъ возможно упорно оборонять рядъ рубежей, и даже побѣдоносный врагъ не такъ легко, какъ на востокѣ, доберется до источниковъ германскихъ вооруженныхъ силъ, брызжущихъ на сѣверо-востокѣ государства и поддерживаемыхъ славными традиціями и могучей государственностью. Напротивъ, оборонять восточную границу слабыми силами не легко, и побѣдоносный восточный противникъ будетъ скоро угрожать Берлину.

При подобныхъ противорѣчивыхъ условіяхъ, рѣшеніе вопроса — въ какомъ направленіи вести первую главную атаку, т. е. какое изъ направленій признать рѣшающимъ, будетъ зависѣть отъ того, какъ оцѣниваютъ нѣмцы оборонительную силу французовъ и наступательную силу русскихъ; съ другой же стороны—и отъ интенсивности и размѣровъ политическихъ мотивовъ, двигающихъ тѣми и другими, а также и политическаго положенія прочихъ великихъ державъ Европы. Нужно всегда имѣть въ виду возможность вмѣшательства въ эту войну другихъ государствъ. Это обстоятельство, конечно, не должно ослаблять энергію военныхъ дѣйствій, но можетъ значительно повліять на выборъ рѣшающаго направленія. Если бы, напр., Австрія стала на сторону Германіи, а Англія—на сторону Франціи, то немедленно измѣнится и вся обстановка, опредѣляющая выборъ рѣшающаго направленія атаки. Въ этомъ случаѣ, всякія политическія соображенія должны были бы отойти на задній планъ и рѣшающее направленіе было бы опредѣлено съ чисто-военной точки зрѣнія.

Если Австрія поведетъ наступленіе противъ Россіи съ юго-запада или даже ограничится угрозой подобнаго наступленія, то Россія сможетъ выполнить наступленіе на Берлинъ лишь значительно слабѣйшими силами, чѣмъ если бы она могла направить противъ Германіи всѣ свои силы. Въ такомъ случаѣ опасность для Пруссіи становится значительно меньше, хотя все же достаточно большая. Затѣмъ, если въ борьбѣ приметъ участіе Англія, то можно предположить, что

наступленіе соединенныхъ англо-французскихъ силъ направится черезъ Бельгію и Голландію. На этомъ направленіи не только обходится сильный барьеръ Рейна, но непосредственно угрожается и база германскаго флота въ Сѣверномъ морѣ, что особенно важно для Англіи, которой необходимо главнымъ образомъ уничтожить нѣмецкій флотъ. Съ другой стороны, по этому пути Франція будетъ стараться, минуя южную Германію, прежде всего разбить Пруссію, вторично надѣясь возродить германскій партикуляризмъ. Страстное недовольство Франціи и Англіи укрѣпленіемъ Флисингена ясно обнаруживаетъ существованіе подобнаго плана. Эта англо-французская атака настолько опасна для нѣмцевъ, если принять во вниманіе ея направленіе и значеніе морского побережья, что главной задачей Германіи надлежитъ признать встрѣчный ударъ противъ подобнаго наступленія, отбросивъ всѣ остальные интересы въ сторону. Откуда вести этотъ ударъ—зависитъ отъ группировки германскихъ вооруженныхъ силъ.

Всѣ предыдущія разсужденія показываютъ, что въ извѣстныхъ условіяхъ, при выборѣ рѣшающаго направленія атаки, нельзя не считаться съ политическими соображеніями; но вмѣстѣ съ тѣмъ становится очевиднымъ, что считаться съ ними слѣдуетъ лишь въ томъ случаѣ, если можно разсчитывать на измѣненіе политическихъ отношеній съ неучаствовавшими въ началѣ войны или нейтральными государствами, которое можетъ привести и къ измѣненію общей военной обстановки. Идеаломъ же всегда будетъ опредѣленіе рѣшающаго направленія атаки съ чисто военныхъ точекъ зрѣнія, и политика разрѣшитъ свою задачу наилучшимъ образомъ, если дастъ возможность главнокомандующему руководиться этимъ идеаломъ.

Въ такихъ случаяхъ, большею частью, выбрать рѣшающее направленіе сравнительно просто, такъ какъ приходится считаться лишь съ военными точками зрѣнія и цѣль войны можетъ быть поставлена вполнѣ ясно и опредѣленно: не только нанести вражескимъ силамъ рѣшительное пораженіе, но и настолько ограничить источники непріятельской силы, чтобы противникъ не могъ легко возстановить свою разбитую армію. Поэтому, нужно такъ выбрать направленіе атаки, чтобы движеніе впередъ закончилось возможно

рѣшительнымъ сраженіемъ, оттѣснило бы вооруженныя силы противника отъ ихъ базы, т. е. отъ сообщеній со страной въ тылу, вмѣстѣ съ тѣмъ, по возможности, непосредственно угрожая главному мѣсту средоточія непріятельскаго могущества. Въ большинствѣ случаевъ окажется возможнымъ разрѣшить всѣ эти задачи выборомъ о д н о й главной операціонной линіи. Иногда же обстановка сложится такъ, что (именно въ войнѣ съ культурными государствами, ведомой организованными арміями), что попытка удовлетворить всѣ требованія выборомъ одной главной линіи наступленія равносильна квадратурѣ круга. Это всегда случится тамъ, гдѣ нельзя локализировать главныя силы противника или если даже пораженіе этихъ главныхъ силъ не рѣшаетъ войны, а становится ограниченной пространствомъ побѣдой; другими словами, если приходится вести какъ бы отдѣльныя войны, что можетъ случится при обширности театра военныхъ дѣйствій. Но и въ этомъ случаѣ средства сломить волю противника остаются одни и тѣ же; только иногда придется добиваться рѣшенія взаимодѣйствіемъ различныхъ армій на отдѣльныхъ операціонныхъ линіяхъ.

Въ общемъ, при выборѣ направленія главной атаки нужно принять во вниманіе слѣдующіе факторы: географическія свойства непріятельской страны и соприкасающихся границъ; распредѣленіе вооруженныхъ силъ и вѣроятныя намѣренія противника, что часто можно опредѣлить по его подготовительнымъ мѣропріятіямъ; положеніе базы непріятельской арміи, желѣзныхъ дорогъ, соединяющихъ съ нею, и провозоспособность своей желѣзнодорожной сѣти, поскольку она даетъ возможность произвести сосредоточеніе массъ въ данномъ направленіи, или же препятствуетъ этому. Здѣсь могутъ проявить свое вліяніе и иныя особыя условія, не подходящія подъ извѣстныя категоріи, и, наконецъ, до нѣкоторой степени вліяетъ на направленіе атаки и время, когда она можетъ быть осуществлена.

Сторона, которая ранѣе изготовится для дѣйствій, захватываетъ въ свои руки инициативу и диктуетъ противнику свою волю. Съ другой же стороны, она можетъ иногда внезапно напасть на противника раньше, чѣмъ онъ изготовится къ борьбѣ. Въ такомъ случаѣ кратчайшая линія, по которой онъ можетъ добраться до врага, будетъ и рѣшающимъ направленіемъ атаки.

Если оба враждующія государства хотятъ вести наступленіе, то рѣшающее направленіе возьметъ та сторона, которая скорѣе закончитъ подготовку и стратегическое развертываніе своей арміи; а это зависитъ во многомъ отъ желѣзнодорожной сѣти. Чѣмъ больше желѣзнодорожныхъ линій имѣется въ распоряженіи, тѣмъ быстрѣе будетъ выполнено сосредоточеніе войскъ. Если одно изъ государствъ рѣшится обороняться, то окажется вынужденнымъ въ значительной степени сообразовать свои мѣропріятія съ мѣропріятіями противника, а потому на его долю выпадетъ весьма важная задача правильно оцѣнить послѣднія. Правда, что нѣкоторыя особенности своей страны не останутся безъ вліянія на это рѣшеніе, а именно: географическое устройство, укрѣпленіе государства, желѣзнодорожная сѣть, а также положеніе столицы, важнѣйшихъ военныхъ административныхъ центровъ и складовъ. Но какъ бы то ни было, а направленіе главной атаки противника должно быть выяснено раньше, чѣмъ можно будетъ принять противомѣры, а главное—опредѣлить направленіе своего встрѣчнаго удара. Затѣмъ слѣдуетъ распредѣлить вооруженныя силы. Невыгода всякой обороны заключается въ томъ, что она вынуждена подчиняться волѣ противника, и эта невыгода сказывается въ области стратегіи тѣмъ сильнѣе, чѣмъ значительнѣе арміи, такъ какъ съ ростомъ этихъ послѣднихъ увеличивается и продолжительность всякихъ передвиженій войскъ.

Среди факторовъ, опредѣляющихъ направленіе атаки, особое значеніе имѣетъ положеніе непріятельской базы по отношенію къ арміи, въ особенности при современныхъ условіяхъ, вызывающихъ значительную зависимость войскъ отъ ихъ сообщеній. Базой, вообще говоря, можно считать линію главныхъ магазиновъ, находящихся въ тылу войскъ, т. е. въ началѣ наступленія—линія сборныхъ станцій, а при дальнѣйшемъ движеніи впередъ—линія главныхъ этапныхъ пунктовъ. Но въ болѣе широкомъ смыслѣ, большое значеніе въ качествѣ базы операцій зачастую будетъ имѣть столица непріятельской страны, а для отступающаго—своя столица, какъ главнѣйшій центръ всего военнаго и гражданскаго управленія. Въ столицѣ обыкновенно сосредоточены всѣ центральныя управленія; сюда сходятся всѣ линіи сообщенія, такъ что въ большинствѣ случаевъ она пріобрѣтаетъ и боль-

ное военное значеніе, увеличивающееся еще и тѣмъ, что потеря ея производитъ обыкновенно широкое моральное впечатлѣніе.

Поэтому очень выгодно избрать цѣлью атаки непріятельскую столицу. Угрожая ей, можно разсчитывать на то, что главныя силы противника будутъ вынуждены выступить на защиту ея, если же удастся оттѣснить непріятельскія силы отъ столицы или даже занять послѣднюю, то все управленіе государствомъ будетъ разстроено, чѣмъ нанесется существенный вредъ и арміи.

Военная исторія даетъ намъ все новые и новые примѣры значенія столицы для хода войны. Вслѣдствіе того, что Ганнибалъ не смогъ овладѣть Римомъ, окончательная побѣда оказалась не на его сторонѣ; Наполеонъ почти всегда избиралъ стратегическое направленіе на непріятельскую столицу, чтобы, овладѣвъ ею, покорить государство. Однако, та же исторія показываетъ, что можно и ошибиться въ этихъ расчетахъ. Ни въ Испаніи, ни въ Россіи овладѣніе столицей не могло привести войну къ концу. Поэтому именно въ наше время не слѣдуетъ преувеличивать значенія столицъ. Чѣмъ больше война принимаетъ національный характеръ, чѣмъ съ большею страстью принимаетъ въ немъ участіе все населеніе, тѣмъ больше теряетъ столица въ своемъ рѣшающемъ значеніи. Тѣмъ не менѣе всегда будетъ чрезвычайно важно овладѣть ею или, при оборонѣ, удержать ее въ своихъ рукахъ.

Особенно очевидно значеніе столицы, какъ центра военной силы, во Франціи. Парижъ представляетъ собою не только безспорный и единственный умственный центръ, но и величайшую крѣпость и важнѣйшій центральный складъ страны. Имъ держится Франція и отъ него же она падаетъ, и едва ли можно допустить, чтобы по овладѣніи Парижемъ можно было бы организовать успѣшное сопротивленіе въ провинціяхъ. Ни одна столица въ мірѣ не имѣетъ подобнаго значенія, но каждая изъ нихъ важна въ политическомъ и военномъ отношеніяхъ, хотя и въ различной степени.

Всего меньше, какъ кажется, это значеніе въ Россіи, гдѣ ни Петербургъ, ни Москва не имѣютъ полнаго права претендовать на положеніе національной столицы Имперіи; кромѣ того, оба города, ввиду обширности пространства,

являются и условными военными центрами. Сила сопротивленія Россіи основана на протяженіи государства. Значительно важнѣе Вѣна для Австріи. Она является пунктомъ объединенія различныхъ народностей, составляющихъ австрійскую имперію, и дѣйствительнымъ центромъ сосредоточенія силъ отдѣльныхъ государствъ. Безъ Вѣны Австріи нѣтъ, а остаются отдѣльныя части имперіи, преслѣдующія различные интересы. Поэтому овладѣніе Вѣной чрезвычайно важно и съ военной точки зрѣнія, и значеніе ея возростаетъ по мѣрѣ развитія сепаратпвныхъ тенденцій отдѣльныхъ частей государства.

Не вполнѣ одинаковое значеніе имѣетъ Берлинъ для Германіи. Централизація государства далеко не такая, какъ во Франціи, а внутреннее единство значительно больше, чѣмъ въ Австріи. Поэтому онъ не имѣетъ даже сколько нибудь одинаковаго значенія въ качествѣ центральнаго или объединяющаго пункта, какъ Парижъ или Вѣна. Кромѣ того, можно легко представить себѣ и продолженіе военнаго сопротивленія даже послѣ того, какъ Берлинъ будетъ захваченъ русскими. Зато этотъ городъ служитъ центромъ прусско-сѣверогерманской военной силы и безспорнымъ политическимъ центромъ имперіи. Въ качествѣ таковаго онъ является несомнѣнно однимъ изъ важнѣйшихъ объектовъ атаки для противника.

Напротивъ, Римъ не имѣетъ никакого военнаго значенія. Сила Италіи покоится цѣликомъ на сѣверныхъ провинціяхъ, и, конечно, никому не придетъ въ голову составить такой планъ войны, цѣлью котораго было бы овладѣніе Римомъ. Откуда бы не велась война противъ Италіи, нужно стараться разбить италіанскую армію въ Сѣверной Италіи, чтобы отрѣзать ее отъ полуострова и прижать къ Альпамъ. Если это удастся, то главный военный успѣхъ достигнутъ и вопросъ—занимать ли Римъ или нѣтъ—получаетъ лишь нравственное значеніе.

Нѣсколькими примѣрами мы уяснимъ вліяніе различныхъ факторовъ, которые необходимо имѣть въ виду при выборѣ направленія атаки.

Ставъ на русскую точку зрѣнія, слѣдуетъ признать, что направленіе на Берлинъ является рѣшающимъ, даже при союзѣ Германіи съ Австріей. Сосредоточить наиболѣе значи-

тельныя силы можно быстрѣе всего на германской границѣ; здѣсь вмѣстѣ съ тѣмъ всего лучше прикрывается самое чувствительное мѣсто Россіи—направленіе изъ Германіи на Петербургъ и Москву; сюда, кромѣ того, притягиваетъ и возможность получить сравнительно самый легкій успѣхъ противъ незащищенной границы Германіи. Зато на юго-западѣ обширныя болота Припети защищаютъ отъ австрійскаго вторженія и являются очень хорошими оборонительными рубежами. Поэтому Россія можетъ надѣяться разбить германскія арміи раньше, чѣмъ австрійскія начнутъ серьезно угрожать ей на обширномъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Если же русскія арміи побѣдоносно вторгнутся въ Пруссію и Силезію, то Россія можетъ съ различныхъ сторонъ охватить Австрію. Въ этомъ случаѣ Австріи будетъ очень трудно добиться рѣшительныхъ успѣховъ надъ непріятельскими арміями, тогда какъ Германія еще долго будетъ угрожать Россіи даже послѣ пораженія австрійской арміи и вторженія русскихъ въ Венгрію и Галицію. Все это объясняется географическими условіями.

Въ войнѣ Германіи противъ Австріи напрашивается охватъ, который проектировался еще Фридрихомъ Великимъ. [1]) Изъ Пруссіи рѣшающимъ направленіемъ является Верхн. Силезія—Брюннъ—Вѣна и оно должно быть избрано для нанесенія удара главными силами, если позволитъ время и не будетъ особыхъ противодѣйствующихъ условій. Изъ южной Германіи наступленіе слѣдуетъ вести вдоль Дуная, но главная сила удара принадлежитъ атакѣ съ сѣвера. Это направленіе наступленія приводитъ въ тылъ всѣхъ собранныхъ въ Богеміи войскъ, которыя также могутъ быть охвачены и изъ южной Германіи, и, кромѣ того, оно короче другихъ, ведущихъ въ Вѣну. Угрожая столицѣ, оно заставляетъ противника принять бой, въ извѣстномъ случаѣ съ обратнымъ фронтомъ, и разъединяетъ обѣ половины имперіи. Такимъ образомъ, оно не только обѣщаетъ побѣду въ наивыгоднѣйшей тактической формѣ, но и быстрѣе всего приводитъ къ овладѣнію важнѣйшимъ для оказанія сопротивленія военнымъ центромъ всей страны, т. е. столицей. Напротивъ,

---

[1]) На этой идеѣ основанъ планъ первой Силезской войны.

наступленіе вдоль Дуная тѣснить непріятельскія арміи только фронтально на Венгрію.

Ставъ на австрійскую точку зрѣнія, самымъ рѣшающимъ направленіемъ главной атаки будетъ движеніе изъ Богеміи по линію Кюстринъ—Берлинъ—Магдебургъ. На этомъ пути всего прямѣе австрійцы угрожаютъ центру Пруссіи, обходятъ и фланкируютъ силы противника, расположенныя въ Силезіи, отдѣляютъ южно-германскія арміи отъ сѣверо-германскихъ и могутъ овладѣть Берлиномъ слабыми силами.

Чрезвычайно поучительный примѣръ того, что иногда нельзя заранѣе опредѣлить рѣшающее направленіе, даетъ Сѣверо-американская война.

Почти необъятный театръ военныхъ дѣйствій былъ раздѣленъ Аллеганскими горами, идущими съ юго-запада на сѣверо-востокъ, на двѣ части; въ восточной изъ нихъ находилась столица Ричмондъ. Такимъ образомъ, получалось два отдѣльныхъ театра военныхъ дѣйствій, вліявшихъ другъ на друга лишь косвенно. Никакая побѣда на одномъ изъ нихъ не могла рѣшить борьбу на другомъ. Сраженіе у Булль-руна выказало превосходство солдатъ южной арміи, но южане не были достаточно сильны, чтобы побѣдить сѣверянъ. Кромѣ того, сѣверные штаты господствовали на морѣ, что имѣло большое значеніе, такъ какъ южные штаты занимались по преимуществу земледѣліемъ и не имѣли своей промышленности. Они зависѣли отъ внѣшняго подвоза, особенно въ военныхъ потребностяхъ.

Эта своеобразная обстановка создала для сѣверянъ стратегическую задачу—прервать этотъ подвозъ и лишить южанъ средствъ вести войну, такъ какъ ихъ нельзя было разбить, пока они могли получать средства для жизни и для поддержанія боеспособности арміи. Нужно было лишить ихъ матеріальной базы, но таковою былъ весь міръ. Поэтому задача была громадна; она распалась на двѣ части.

На западѣ нужно было овладѣть всѣмъ теченіемъ Миссисипи, чтобы отрѣзать отъ южанъ всѣ западныя области и прекратить всякій приливъ силъ съ запада. На югѣ и востокѣ нужно было блокировать всѣ приморскія крѣпости и порты, чтобы помѣшать подвозу моремъ. На сѣверѣ должна была наступать сухопутная армія, чтобы сбить непріятельскія силы на возможно тѣсное пространство.

Объ первыя задачи были разрѣшены большими и кровавыми боями. На сушѣ же первоначально не удалось достичь рѣшительныхъ результатовъ. Всѣ усилія сѣверной арміи были сначала направлены къ овладѣнію Ричмондомъ, мѣстомъ пребыванія непріятельскаго правительства, въ то время какъ къ западу отъ Аллеганскихъ горъ велась особая война съ перемѣннѣмъ успѣхомъ.

Арміи сѣверныхъ штатовъ пытались овладѣть Ричмондомъ съ востока и съ сѣвера, вдоль р. Іоркъ и черезъ Раппаханокъ, но всѣ эти попытки разбились о геніально руководимое сопротивленіе генерала Ли и его геройской арміи. Ни разу не удалось отрѣзать ее отъ ея базы или разбить при выгодныхъ тактическихъ и оперативныхъ условіяхъ, пока сѣверяне не убѣдились въ томъ, что не смогутъ добиться успѣха на операціонной линіи съ сѣвера, безъ поддержки съ запада и юга. Это могло быть выполнено лишь съ западнаго театра военныхъ дѣйствій. Операціи на этомъ послѣднемъ нужно было согласовать съ наступленіемъ съ сѣвера. При такой постановкѣ вопроса, операціонная линія съ западнаго театра военныхъ дѣйствій черезъ Аллеганскія горы получила такое же значеніе, какъ и сѣверная. Прежде всего, нужно было овладѣть горными проходами у Чаттаноога и Атланты и оттуда уже повести наступленіе на Ричмондъ. Дѣйствуя подобнымъ образомъ совмѣстно съ атакой съ сѣвера, въ концѣ концовъ удалось сломить врага и заставить его сдаться.

Мы видимъ, что въ области высшей стратегіи, при проектированіи плановъ войны, опредѣленіе рѣшающаго направленія зависитъ отъ самыхъ разнообразныхъ факторовъ, значеніе и дѣйствіе которыхъ большею частью можно опредѣлить лишь приблизительно. Поэтому личному сужденію оставляется широкій просторъ и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ окажется возможнымъ съ грѣхомъ пополамъ признать какое нибудь направленіе атаки рѣшающимъ.

То же справедливо и по отношенію къ самимъ операціямъ, т. е. передвиженіямъ армій, которыя должны на опредѣленномъ театрѣ войны разрѣшить чисто военную задачу въ духѣ общаго плана войны. Здѣсь условія нѣсколько упрощаются потому, что при разумныхъ дѣйствіяхъ нужно руководиться только военными соображеніями и что отношеніе операціи къ тактическому рѣшенію болѣе непосредственное, чѣмъ въ выс-

шей стратегіи, которая занимается разработкой плановъ войны и направленій атаки въ крупныхъ чертахъ.

Въ общемъ, руководящія идеи тѣ же и въ этой широкой области, и въ узкой тактической, а именно: возможно сильнѣе разбить непріятельскія силы, сбить ихъ съ путей сообщенія и отнять отъ противника возможно больше пространства; это же является средствомъ сломить волю противника. Съ этой точки зрѣнія нужно выбрать и рѣшающее оперативное направленіе. Фронтальная атака, охватъ, ударъ во флангъ, прорывъ центра, остаются тѣми же способами разрѣшить задачу; смѣлость, внезапность и нападеніе могутъ чрезвычайно усилить значеніе побѣды.

Вообще же всегда рѣчь будетъ идти или объ угрозѣ непріятельскимъ сообщеніямъ, или о выборѣ операціонной линіи между отдѣльными непріятельскими арміями, стремящимися къ одной и той же цѣли. Подъ эти обѣ точки зрѣнія можно подвести большинство случаевъ, связанныхъ съ выборомъ рѣшающаго оперативнаго направленія.

Разсматривать отдѣльно рѣшающія оперативныя точки зрѣнія значило бы повторять сказанное. Впрочемъ, повидимому, слѣдуетъ разобраться въ двухъ вопросахъ: о рѣшающемъ направленіи при отступленіи и о иныхъ случаяхъ, когда желательное оперативное направленіе не совпадаетъ съ необходимымъ тактическимъ, т. е. когда полководецъ поставленъ передъ трудной задачей выбрать—домогаться ли большаго стратегическаго успѣха съ рискомъ быть разбитымъ, или же прибѣгнуть къ вѣрной побѣдѣ, хотя и съ меньшими результатами.

Прежде всего, отступленіе не всегда настолько подчиняется волѣ побѣдителя, чтобы оно могло быть выполнено только въ вынужденномъ направленіи. Нерѣдко обороняющійся отходитъ назадъ добровольно, чтобы избѣгнуть тактическаго рѣшенія. Даже послѣ проиграннаго сраженія, побѣжденный часто имѣетъ возможность выбрать путь отступленія. Послѣ сраженія у Линьи, Гнейзенау могъ свободно рѣшить—отступать ли на Вавръ или Намюръ, а послѣ сраженій у Верта и Шпихерна побѣдители дали полную свободу разбитой арміи отступить на Цабернъ и на Сааргемюндъ.

Этотъ фактъ имѣетъ значеніе, такъ какъ при ближайшемъ его изученіи оказывается, что и направленіе отступленія,

если оно свободно выбрано, можетъ имѣть рѣшающее значеніе для дальнѣйшаго хода операцій. Это прежде всего доказывается геніальнымъ рѣшеніемъ Гнейзенау вечеромъ въ день сраженія у Линьи. То же обнаруживается при разсмотрѣніи открытія военныхъ дѣйствій въ 1870 г. Если бы послѣ Верта и Шпихерна французы отступили не на Мецъ, а въ юго-западномъ направленіи на стратегическую фланговую позицію по отношенію къ движенію нѣмцевъ на Парижъ, то не только обѣ крѣпости, Парижъ и Мецъ, сыграли бы всю свою стратегическую роль, но и полевая война могла продлиться гораздо дольше, чѣмъ при несчастномъ тяготѣніи къ крѣпостямъ.

Оторвавшись отъ тактическаго соприкосновенія съ непріятелемъ, отступающій долженъ, при выборѣ пути отступленія, прежде всего руководиться слѣдующими двумя точками зрѣнія: во-первыхъ, направленіе отступленія должно непосредственно или посредственно прикрыть и обезпечить во власти обороняющагося возможно большее пространство; во-вторыхъ, оно должно подготовить переходъ въ наступленіе въ возможно рѣшающемъ направленіи. Часто этой послѣдней точкѣ зрѣнія можно удовлетворить перпендикулярнымъ отступленіемъ для того ли, чтобы соединиться съ тыловыми подкрѣпленіями, или чтобы ослабить противника продолжительнымъ наступленіемъ, какъ то сдѣлали русскіе въ 1812 году. Но часто будетъ умѣстнымъ и отступленіе въ сторону. На этой идеѣ основываются понятія о фланговыхъ позиціяхъ и эксцентрическомъ отступленіи. Отступая хотя бы главною частью своихъ силъ подъ угломъ къ направленію наступленія непріятеля, мы угрожаемъ его путямъ сообщенія, затрудняемъ ему тѣмъ самымъ дальнѣйшее движеніе впередъ по первоначальной операціонной линіи, косвеннымъ образомъ прикрываемъ пространство, которое не смогли защитить съ фронта, и выигрываемъ внѣшнія линіи. Тѣмъ самымъ мы не только принуждаемъ врага раздѣлить свои силы, но и получаемъ возможность повести наступленіе въ рѣшающемъ направленіи, какъ только будутъ преодолѣны послѣдствія неблагопріятной начальной операціи, заставившей отступить.

Однако, именно при отступленіи важно все время выдвигать на первый планъ мысль о наступленіи, такъ какъ только

оно может поднять павшій дух арміи и придать дѣйствіям тот духовный и идейный размах, из котораго рождается побѣда.

Затѣм, при отступленіи эксцентрическое направленіе часто является вмѣстѣ с тѣм и рѣшающим, в особенности в том случаѣ, если имѣются выгодныя сообщенія в тылу. С другой стороны, нельзя опредѣлять направленіе отступленія односторонне, руководствуясь потребностями и условіями болѣе или менѣе ограниченнаго театра войны; напротив, необходимо обезпечить связь с общей операціей всѣх вооруженных сил или арміи. Когда в 1870 году главная масса Рейнской арміи отходила на Мец, армія Мак-Магона не должна была отходить на юг, на фланговую позицію, чѣм бы оторвалась от операцій главной арміи.

Но и при наступленіи нужно в отдѣльных операціях твердо имѣть в виду основную идею плана войны и не отступать от нея по каким-либо второстепенным соображеніям. С другой стороны, всѣ дѣйствія на войнѣ подчинены тактическим рѣшеніям и с этой точки зрѣнія наиболѣе рѣшающими будут тѣ из них, которыя надежнѣе всего приводят к тактической побѣдѣ. Гдѣ эти обѣ точки зрѣнія совпадают и указывают одно и то же направленіе, там будет достигнут наибольшій результат; там же, гдѣ тактическія и оперативныя требованія противорѣчат друг другу, выбор той или другой альтернативы будет зависѣть от особых условій.

Особенно наглядным примѣром для перваго случая служит сраженіе при Лейтенѣ.

Сообщенія австрійской арміи, послѣ занятія позиціи у Лейтена, шли сначала, правда, перпендикулярно к фронту, на Бреславль, но оттуда к богемской границѣ. Таким образом, они в сущности лежали на продолженіи лѣваго фланга, в направленіи, которое напрашивалось само собою и на случай отступленія.

Если бы был охвачен правый фланг австрійской арміи, если бы их пути отступленію угрожали с сѣвера, то армія все же была бы сбита на свои естественныя сообщенія. Если бы, напротив, охват был направлен против лѣваго

фланга, то дороги изъ Бреславля въ Богемію оказывались ближе къ противнику, чѣмъ для самой австрійской арміи и онъ могъ бы перервать путь отступленія и всѣ сообщенія. Поэтому оперативнымъ рѣшающимъ направленіемъ несомнѣнно было направленіе на лѣвый флангъ австрійцевъ. Но здѣсь расположеніе Дауна давало и наивыгоднѣйшіе тактическіе пункты атаки. Правый флангъ былъ надежно примкнутъ у Нипперна и прикрывался легкими войсками, занимавшими Цеттельбушъ; лѣвый флангъ былъ расположенъ открыто на высотѣ Загшюцъ и наступленіе противъ этого фланга могло быть отчасти прикрыто мѣстностью. Такимъ образомъ рѣшающія тактическое и оперативное направленія совпали и побѣда была полная; подъ давленіемъ преслѣдованія австрійская армія почти совершенно разстроилась и только остатки ея вернулись въ Богемію.

Второй случай—когда желательныя оперативныя и тактическія направленія не совпадаютъ и когда полководецъ вынужденъ произвести трудный выборъ,—особенно удобно изучить на сраженіи у Шарпсбурга въ Американской войнѣ.

Генералъ Ли перешелъ въ наступленіе за р. Потомакъ и подошелъ съ запада къ гор. Фредерику, въ то время какъ Макъ-Клелланъ двигался ему навстрѣчу изъ Вашингтона съ значительно сильнѣйшей арміей, имѣя за своимъ правымъ флангомъ городокъ Харперсъ-ферри съ обширными запасами и складами, занятый особымъ отрядомъ сѣверянъ. Такъ какъ это мѣстечко запирало долину Шенандоа, черезъ которую шли ближайшія сообщенія Ли, то начальникъ конфедерированныхъ рѣшилъ имъ овладѣть, хотя непріятельская армія и подходила къ нему. Съ частью арміи онъ двинулся на Бонсборо, откуда выходила дорога въ Пенсильванію, а остальную часть выслалъ въ охватъ Харперсъ-ферри. Генералы Джаксонъ и Уокеръ должны были отойти съ нѣсколькими дивизіями за Потомакъ и оладѣть высотами Боливара и Лоудоуна, а генералъ Макъ-Лаусъ—занять высоты Мерилендъ и тѣмъ завершить окруженіе. Для прикрытія всего движенія должны были быть заняты проходы черезъ Южныя горы у Турнерсъ-гапъ и Крамптонсъ-гапъ. Генералъ Макъ—Клелланъ узналъ, подойдя къ Фредерику, объ этихъ намѣреніяхъ изъ перехваченнаго приказанія и могъ нанести рѣшительный ударъ. Двинувшись главными силами черезъ Крамптонсъ-

гапъ и на высоты Мерилендъ, онъ могъ уничтожить отрядъ Макъ-Лауса, разъединить обѣ части непріятельской арміи и вмѣстѣ съ тѣмъ отрѣзать части арміи, находившейся у Бонсборо, путь отступленія черезъ Потомакъ. Рѣшающее оперативное направленіе было очевидно.

Несмотря на это, командующій сѣверо-американской арміей направилъ главныя силы на Турнерсъ-гапъ и только боковую колонну на Крамптонсъ-гапъ, но настолько тамъ задержался, что гарнизонъ Харперсъ-ферри сдался и корпусъ Джаксона успѣлъ соединиться у Шарпсбурга съ генераломъ

Черт. 9.

Ли, который отступилъ туда отъ Бонсборо. Соединившись, они заняли оборонительную позицію за ручьемъ Антьетамъ, имѣя Шарпсбургъ въ центрѣ, переправу черезъ Потомакъ за правымъ флангомъ (бродъ у Шефердстоуна), а пути сообщенія на правомъ флангѣ. Рѣшающее оперативное направленіе

атаки снова было вполнѣ ясно; оно вело противъ праваго фланга Ли, куда еще двигались дивизіи Макъ-Лауса и Уокера. Это направленіе вновь представляло двойную выгоду— оттѣснить противника отъ его сообщеній и помѣшать подходу его силъ, находившихся въ отдѣлѣ. Но въ тактическомъ отношеніи атака лѣваго фланга южанъ давала больше шансовъ на успѣхъ, чѣмъ противъ праваго. Эту часть непріятельскихъ силъ можно было охватить на открытой мѣстности, тогда какъ охватъ праваго фланга казался не легкимъ. Кромѣ того, и главныя силы сѣверо-американской арміи были уже направлены противъ этого крыла движеніемъ черезъ Бонсборо. Макъ-Клелланъ избралъ тактически болѣе выгодную и удобную атаку и произвелъ ее 17 сентября 1862 года безъ рѣшающаго успѣха. Ли могъ на слѣдующій день безпрепятственно остаться па своей позиціи и только въ ночь на 19 сентября отступилъ за Потомакъ. Возможность нанести рѣшительный ударъ его слабой арміи была упущена и вмѣстѣ съ тѣмъ не былъ достигнутъ и тактическій успѣхъ. Преслѣдованіе было отбито съ большими потерями.

Вопросъ—какое направленіе атаки, оперативное или тактическое, слѣдуетъ избрать въ такомъ положеніи, въ какомъ оказался Макъ-Клелланъ, никогда нельзя рѣшить разъ навсегда. Конечно, нужно прежде всего стремиться къ тактической побѣдѣ; она хотя отчасти уничтожаетъ оперативную ошибку. Съ другой стороны, крупный критическій моментъ заставляетъ дерзать; въ этомъ заключается извѣстная гарантія побѣды, и смѣлость организаціи сраженія можетъ часто привести къ гораздо большему тріумфу, чѣмъ обыкновенная побѣда. Въ подобныхъ случаяхъ рѣшающими будутъ невѣсомыя условія и обстоятельства. Рѣшеніе во многомъ зависитъ отъ личности начальника: Фридрихъ Великій могъ дерзать значительно больше, чѣмъ его противникъ Даунъ, а Ли больше, чѣмъ Макъ-Клелланъ.

Въ принципѣ же, полководецъ долженъ всегда стремиться одержать самую рѣшительную побѣду при данныхъ условіяхъ, и возможность большой побѣды оправдываетъ крупную ставку. Однако съ другой стороны, военачальникъ долженъ всегда помнить что побѣда можетъ сравнять совершенныя ошибки и что

успѣхъ въ сраженіи есть главное на войнѣ, есть цѣль и вмѣстѣ съ тѣмъ основа всѣхъ операцій.

Эту истину высказалъ болѣе чѣмъ 400 лѣтъ тому назадъ Макіавелли, выставивъ ее въ видѣ принципа въ своемъ Arte della guerra.

„Тотъ, кто умѣетъ дать врагу рѣшительное сраженіе, пишетъ геніальный флорентинецъ, дастъ возможность перенести другія ошибки, свершенныя въ веденіи войны; но тотъ, кто на это неспособенъ, никогда не приведетъ войну къ почетному концу, хотя бы былъ очень хорошъ въ другихъ направленіяхъ. Выигранное тобою главное сраженіе уничтожаетъ послѣдствія всѣхъ ошибокъ, которыя ты могъ надѣлать въ другомъ мѣстѣ“.

---

6. Тактическіе и стратегическіе резервы.

Клаузевицъ о резервахъ.—Современное мнѣніе о безполезности резервовъ.—Резервы въ атакѣ и оборонѣ.—Необходимость тактическихъ резервовъ.—Основные способы примѣненія резервовъ.—Примѣненіе резервовъ въ атакѣ.—Примѣненіе резервовъ въ оборонѣ.—Стратегическіе резервы.—Запасныя войска и тому подобныя войска старшихъ сроковъ въ качествѣ стратегическаго резерва.—Вторая линія войскъ при стратегическомъ развертываніи въ качествѣ стратегическаго резерва.—Вліяніе современныхъ средствъ сообщенія на примѣненіе стратегическихъ резервовъ.—Необходимость стратегическихъ резервовъ.—Стратегическій резервъ въ оборонѣ.—Стратегическій резервъ при наступленіи.—Основной принципъ примѣненія стратегическихъ резервовъ.—Новыя формированія въ качествѣ стратегическаго резерва.—Крѣпости въ качествѣ стратегическаго резерва.

„Резервъ имѣетъ два различныя назначенія: во-первыхъ, продолженіе и возобновленіе боя и, во-вторыхъ, парированіе случайностей", говоритъ Клаузевицъ, къ богатству мыслей котораго всегда приходится обращаться, когда занимаешься военными вопросами. Такимъ образомъ, здѣсь резервъ требуется для двухъ случаевъ, могущихъ имѣть мѣсто почти въ каждой боевой обстановкѣ, и съ которыми иначе и не справиться, какъ при посредствѣ резервовъ.

Поэтому, казалось бы, не можетъ быть разнорѣчія въ вопросѣ о необходимости резервовъ, и все же оно существуетъ. Въ наши дни была сдѣлана попытка поучить въ этомъ отношеніи Клаузевица. Выдающіеся авторитеты германской арміи выдвинули на сцену вопросъ о необходимости резервовъ, однако не высказывая опредѣленно своего мнѣнія и не приводя достаточныхъ мотивовъ. Вѣдь мнѣнія, будто резервамъ нѣтъ мѣста и что потому они только понапрасну увеличиваютъ количество потерь, едва ли можно принимать серьезно, такъ

какъ само предположеніе о недостаткѣ мѣста отнюдь не убѣдительно. Внѣ опасной сферы мѣста всегда хватитъ и тѣмъ больше, чѣмъ обширнѣе поля сраженія по сравненію съ численностію войскъ. Если же нужно ввести резервы въ дѣло, то пока они не вступятъ въ бой, они часто найдутъ себѣ закрытіе на мѣстности; если же они начнутъ нести потери, то это неизбѣжно, какъ и потери другихъ войскъ. Возможность такихъ потерь отнюдь не опровергаетъ необходимости резервовъ.

Желая разобраться въ вопросѣ, насколько резервы въ дѣйствительности необходимы и имѣютъ право на существованіе, нельзя такъ обобщать положеніе резерва, какъ будто значеніе его всегда одно и то же; напротивъ, слѣдуетъ различать резервъ въ атакѣ и въ оборонѣ, и лишь такимъ образомъ мы придемъ къ опредѣленнымъ результатамъ.

Обороняющемуся нуженъ резервъ уже потому, что онъ до нѣкоторой степени зависитъ отъ мѣропріятій атакующаго; онъ можетъ цѣлесообразно распредѣлить свои войска только опредѣливъ направленіе главной атаки противника и потому долженъ сберечь силы для примѣненія ихъ на рѣшительномъ пунктѣ.

Атакующему, согласно теоріи, резервовъ не нужно. Онъ хочетъ подчинить себѣ волю противника и дѣйствуетъ, какъ ему нужно. Самостоятельныя дѣйствія противника принимаются имъ какъ нѣчто второстепенное; онъ хочетъ принудить противника смотрѣть на свои дѣйствія, какъ на мѣры для противодѣйствія атакѣ. При этихъ условіяхъ непредвидѣнныхъ случаевъ не можетъ быть, такъ какъ все, предпринимаемое обороняющимся, должно быть обезврежено успѣшной атакой. Поэтому для наступленія не можетъ быть понятія о резервѣ въ прямомъ значеніи этого слова, такъ какъ для атаки никогда нельзя быть излишне сильнымъ; поэтому нельзя никогда выдѣлять часть своихъ силъ, хотя бы на время, такъ какъ мы этимъ себя ослабляемъ.

Въ этомъ теоретическомъ разсужденіи очевидно кроется источникъ взгляда на вредное значеніе резервовъ. Его односторонность очевидна и при ближайшемъ изученіи вопроса немедленно оказывается, что идеальныя теоретическія требованія не осуществимы на практикѣ даже и въ наступленіи. Конечно нужно различать резервы атаки и обороны, но въ

настоящей войнѣ нельзя обойтись и безъ первыхъ изъ нихъ. Это вытекаетъ изъ разсмотрѣнія цѣлей, для которыхъ въ бою предназначены резервы.

Въ оборонѣ они служатъ тремъ главнымъ задачамъ: для усиленія боевой линіи тамъ, гдѣ ведется главная атака противника, что заранѣе опредѣлить нельзя; чтобы обезпечить крыло отъ охвата и, наконецъ, чтобы въ данный моментъ перейти въ наступленіе.

Въ наступленіи же они нужны потому, что такъ какъ оборона, какъ видъ боя, сильнѣе, одна боевая линія обыкновенно слишкомъ слаба, чтобы сломить сопротивленіе обороняющагося и занять его позицію. Въ большинствѣ случаевъ боевую линію атаки придется нѣсколько разъ возобновлять, а это возможно лишь имѣя подъ рукою резервы. Затѣмъ они нужны для отраженія непріятельскихъ контръ-ударовъ и парированія всякихъ случайностей, всегда могущихъ возникнуть въ теченіе боя, и предвидѣть которыя нѣтъ возможности.

Поэтому, оспаривать необходимость резервовъ трудно. Но о сущности ихъ и способахъ примѣненія полезно, какъ мнѣ кажется, поговорить, чтобы вполнѣ выяснить и эту важную область. При этомъ придется разсматривать въ отдѣльности не только атаку и оборону, но также и тактическіе и стратегическіе разервы, такъ какъ значеніе ихъ очень различно.

Что касается сначала тактическихъ резервовъ, то мнѣ хотѣлось бы прежде всего отмѣтить точку зрѣнія, имѣющую общее значеніе какъ для атаки, такъ и для обороны. Окидывая взоромъ обширную область военной исторіи, мы вскорѣ находимъ, что при примѣненіи резервовъ имѣютъ руководящее значеніе двѣ идеи. Одинъ полководецъ бережетъ ихъ, чтобы отклонить отъ себя гибельныя послѣдствія проиграннаго сраженія; другой рѣшительно вводитъ ихъ въ дѣло, чтобы одержать побѣду. Въ первомъ случаѣ тактическій резервъ до нѣкоторой степени превращается въ стратегическій. Имъ не пользуются для рѣшенія данной тактической обстановки въ свою пользу, а это рѣшеніе какъ бы принимается готовымъ, а резервъ сберегается для того, чтобы использовать новую стратегическую обстановку, созданную выигрышемъ или проигрышемъ сраженія. Поэтому мы знаемъ сраженія, которыя были проиграны безъ ввода въ дѣло налич-

ныхъ резервовъ. Ляоянъ служитъ яркимъ примѣромъ подобнаго взгляда на значеніе резерва, а еще болѣе—Сандепу. Здѣсь въ резервѣ была оставлена главная масса войскъ въ то время какъ сравнительно меньшая часть должна была добиться побѣды. Въ Южно-африканской войнѣ склонность къ накапливанію резервовъ (противъ ихъ воли) обнаруживаетъ генералъ Буллеръ; онъ ни разу не вводитъ ихъ энергично въ бой, даже когда побѣда была уже достигнута, какъ, напр. у Спіонскопа.

Само собою разумѣется, что можно представить себѣ случаи, когда нужно беречь резервы въ сказанномъ смыслѣ. Узнавъ во время боя, что непріятель оцѣненъ совершенно ошибочно, что одержать побѣду невозможно и что потому нужно постараться прекратить бой и вывести изъ него войска по возможности свѣжими, слѣдуетъ сберечь резервы (если они не нужны для того, чтобы оторваться отъ противника), чтобы употребить ихъ затѣмъ согласно вновь созданной обстановкѣ. Если при такомъ способѣ дѣйствій тактическій резервъ и не будетъ использованъ по своему прямому назначенію, то подобное примѣненіе все же оправдывается ихъ сущностью. Если же неупотребленіе резерва происходитъ отъ нерѣшительности или непониманія, то его никогда нельзя оправдать съ военной точки зрѣнія. Вѣдь прежде всего нужно добиться побѣды; это прямая цѣль всякаго веденія войны; и сберегать резервъ дольше, чѣмъ онъ можетъ быть примѣненъ, чтобы выиграть сраженіе, составляетъ ошибку. Прежде всего необходима ясность въ дѣйствіяхъ. Пока мы хотимъ побѣдить, мы должны рѣшительно ввести въ бой резервы. Если же окажется, что побѣда невозможна, тогда нужно съ неменьшей рѣшимостью постараться прервать бой, и мы не имѣемъ права примѣнять резервы для другихъ цѣлей. Поэтому настоящіе полководцы большею частью такъ и поступаютъ и вводятъ въ бой даже послѣдняго человѣка, чтобы вырвать побѣду изъ рукъ противника или сильнѣе разгромить его. Но даже и съ самымъ талантливымъ полководцемъ можетъ случиться, что онъ не всегда сохранитъ душевное равновѣсіе и потому или упускаетъ благопріятный моментъ, чтобы все поставить на карту, или бросаетъ послѣдніе резервы на чашку вѣсовъ безъ всякихъ шансовъ на побѣду.

Наполеонъ, не рѣшившійся подъ Бородинымъ ввести свои послѣдніе резервы, чтобы превратить отступленіе русскихъ въ пораженіе, можетъ быть поплатился за это проигрышемъ всей войны; введя у Бель-Аліанса свой послѣдній резервъ, чтобы добиться наперекоръ всему побѣды, онъ окончательно рѣшилъ свою участь.

Здѣсь мы видимъ чрезмѣрное желаніе побѣдить: вабанкъ человѣка, не могущаго рѣшиться на что либо другое, кромѣ побѣды. Но подобная титаническая воля, несмотря на опасность всякихъ крайностей, все же имѣетъ гораздо больше шансовъ на побѣду, чѣмъ обманчивая мудрость, желающая обезпечить себя на всѣ случаи и считающаяся съ проиграннымъ сраженіемъ, какъ съ опредѣленной данной. Въ этомъ смыслѣ на Куропаткина можно смотрѣть, какъ на противоположность Наполеона.

Если, такимъ образомъ, резервы прежде всего нужны для одержанія побѣды, то примѣненіе ихъ въ каждомъ частномъ случаѣ очень разнообразно и въ значительной мѣрѣ обусловливается характеромъ дѣйствій, т. е. атакой или обороной.

Въ атакѣ, которая ищетъ и должна искать быстраго рѣшенія, нужно вообще вводить въ первую линію столько войскъ, сколько позволяетъ мѣсто. Всѣ же лишнія силы нужно вести возможно ближе за передней боевой линіей, чтобы быстро пополнять потери и вводомъ свѣжихъ войскъ препятствовать всякому ослабленію атаки. Лишь пока можно ожидать контръ-ударовъ противника, нужно для встрѣчи ихъ сохранять резервы. Если же ожидаемая контръ-атака не производится или, повидимому, запаздываетъ, то нужно ввести въ бой все, до послѣдняго человѣка, лишь бы добиться побѣды. Таковъ, по меньшей мѣрѣ, основной принципъ примѣненія резервовъ при атакѣ.

Совершенно иначе складываются условія при оборонѣ. Если предположена пассивная оборона, то нужно наличные резервы примѣнять для питанія боя по всей линіи и поддержанія огневой силы передней линіи. Главный резервъ долженъ быть поставленъ тамъ, гдѣ выясняется главная атака. Въ подобной обстановкѣ нужно прежде всего выиграть время, оттянуть рѣшеніе и противопоставить высшему напряженію противника равносильное упорство сопро-

тивленія. Намѣренія разбить противника не существуетъ, а лишь желаніе мало по малу ослабить его силы настолько, чтобы ихъ не хватило для окончательнаго удара. Какъ бы далеко впередъ не продвинулся противникъ, но разъ онъ остановился противъ линіи обороняющагося, цѣль достигнута. Поэтому въ большинствѣ случаевъ можно рекомендовать постепенное расходованіе резервовъ, но такъ, чтобы къ концу боя все же оставались подъ рукою свѣжія войска. На второстепенныхъ фронтахъ подобная пассивная оборона найдетъ себѣ примѣненіе въ извѣстныхъ обстоятельствахъ и при самой энергичной наступательной войнѣ.

Совершенно иначе должны примѣняться резервы при оборонѣ, ищущей побѣды, вѣнчающейся наступательнымъ ударомъ. Въ подобныхъ случаяхъ для контръ-удара нужно заранѣе выдѣлить главную массу резервовъ и за оборонительнымъ фронтомъ можно держать наготовѣ лишь столько войскъ, сколько нужно для обороны позиціи до наступленія критическаго момента рѣшенія сраженія, осуществляемаго контръ-ударомъ. Большею частью всего выгоднѣе наносить этотъ контръ-ударъ съ одного изъ фланговъ, такъ какъ фронтальная атака сопряжена съ наибольшими тактическими трудностями. Какъ для этого поставить резервы — въ сторонѣ фланга, за нимъ или впереди—зависитъ отъ мѣстности и выяснившихся намѣреній противника; однако отнюдь нельзя превращать контръ-ударъ съ фланга въ шаблонъ. Легко могутъ быть такія условія, при которыхъ нужно будетъ нанести и фронтальный ударъ. Подобная атака можетъ быть вызвана или благопріятной мѣстностью, или же, напр., ослабленіемъ фронта атаки для усиленія одного изъ фланговъ и создавшимися благодаря этому шансами на успѣшный ударъ въ центръ. Въ такихъ случаяхъ можетъ оказаться необходимость въ передвиженіи резервовъ позади фронта.

Отъ тактическихъ резервовъ взглядъ невольно обращается къ стратегическимъ, тѣмъ болѣе, что мы вскользь уже упоминали о нихъ. Тактическій резервъ, не израсходованный въ бою, становится въ извѣстномъ смыслѣ стратегическимъ.

Въ этомъ вопросѣ необходимо разобраться поподробнѣе, такъ какъ мы вступаемъ здѣсь въ спорную область. Можно

быть по этому вопросу весьма различныхъ мнѣній. „Одинъ видитъ въ немъ (въ стратегическомъ резервѣ) залогъ стратегической мудрости и осторожности, а другой отрицаетъ его, а вмѣстѣ съ нимъ и идею какого бы то ни было резерва, т. е. и тактическаго“, писалъ уже Клаузевицъ; мы видимъ, такимъ образомъ, что „путаница идей“ въ этомъ вопросѣ существовала въ его время такъ же, какъ и въ наше. Какъ и теперь, эта путаница была основана на фактическихъ данныхъ. Пруссія въ 1806 г. оставила стратегическій резервъ въ 20000 ч. подъ начальствомъ принца Евгенія Вюртембергскаго на квартирахъ въ Бранденбургѣ, тогда какъ война тяготѣла къ Заалѣ, а дальнѣйшіе 25000 ч. держала въ южной и восточной Пруссіи: ихъ хотѣли мобилизовать позже, въ качествѣ резерва.

Русскіе поступили въ 1877 г. совершенно такъ же. Они объявили войну еще до окончанія мобилизаціи назначенныхъ въ походъ войскъ. Они мобилизовали только для европейскаго театра военныхъ дѣйствій армію въ 300000 чел., но начали походъ на Дунаѣ съ арміей въ 135000 ч. и оставили на побережьи между румынской границей и Крымомъ стратегическій резервъ въ 50000 чел., а остальную часть мобилизованныхъ войскъ даже внутри страны. Послѣдствія подобныхъ распоряженій извѣстны.

При подобной стратегіи, которую надлежало бы признать невозможной уже со временъ Клаузевица, кажется необходимымъ ближе изучить сущность стратегическаго резерва, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время многіе склонны отрицать необходимость его, а съ другой стороны и потому, что современныя массовыя арміи и средства сообщенія, какъ мнѣ кажется, должны нѣкоторымъ образомъ повліять на этотъ вопросъ.

Здѣсь прежде всего слѣдуетъ указать на различную тактическую цѣнность войскъ, выставляемыхъ при мобилизаціи.

Какъ запасныя войска, такъ и сформированныя изъ старшихъ возрастовъ части, непримѣнимы въ полѣ въ началѣ войны. Но при продолжительномъ военномъ положеніи и при надлежащемъ обученіи они могутъ быть вполнѣ пригодны и, такимъ образомъ, сами по себѣ являются стратегическимъ резервомъ, на который можно разсчитывать въ опредѣленное время. Этотъ резервъ тѣмъ скорѣе можетъ быть примѣненъ

и можетъ обладать тѣмъ большею боевою годностью, чѣмъ воинственнѣе создавшая его нація.

Но если отказаться и отъ этихъ формированій, а ограничиться только тѣми войсками, которыя могутъ быть примѣнены немедленно, то можно представить себѣ такую обстановку, когда нельзя ввести въ дѣло всѣ наличныя силы; для этого иногда не хватитъ и мѣста. Тогда придется сосредоточивать армію въ нѣсколько линій, одна за другою, и задняя линія составитъ въ извѣстномъ смыслѣ стратегическій резервъ передней. Иногда даже окажется выгоднѣе сосредоточивать войска не рядомъ, а другъ за другомъ, если при расположеніи рядомъ части арміи окажутся слишкомъ далеко отъ рѣшительнаго театра военныхъ дѣйствій. Если расположенныя другъ за другомъ войска можно двинуть впередъ, въ рѣшающемъ направленіи, быстрѣе, чѣмъ отдаленныя фланговыя части смогутъ оказать вліяніе на бой въ этомъ направленіи, тогда стратегическое развертываніе въ нѣсколько линій очевидно выгоднѣе расположенія на широкомъ фронтѣ. Конечно, въ этомъ случаѣ вторая линія арміи будетъ дѣйствовать скорѣе въ качествѣ тактическаго резерва, чѣмъ стратегическаго.

Если, такимъ образомъ, оставленіе войскъ позади иногда вызывается размѣромъ современныхъ армій, то съ другой стороны ихъ надлежащее примѣненіе и выводъ въ первую линію значительно облегчены современными средствами сообщенія. Прежде подобные резервы были вынуждены передвигаться пѣшимъ порядкомъ и можно было всегда опасаться того, что они запоздаютъ къ тактическому рѣшенію, хотя конечно нужно всегда предвидѣть на обширныхъ театрахъ войны необходимость значительныхъ передвиженій. Въ наше время эта опасность значительно слабѣе, если есть возможность перевести хотя бы часть стратегическаго резерва по желѣзной дорогѣ.

Но и продовольствіе, и питаніе боевыми припасами большихъ массъ на тѣсномъ пространствѣ значительно легче, чѣмъ раньше, благодаря желѣзнымъ дорогамъ и автомобилямъ. Методъ необходимыхъ для этого распоряженій изложенъ въ I томѣ.

Если, благодаря этому, является возможнымъ своевременно ввести въ дѣло стратегическіе резервы, оставшіеся

назади, и если, съ другой стороны, будетъ доказана необходимость подобнаго выдѣленія, то это отнюдь еще не доказываетъ, что они составляютъ неизбѣжную часть стратегической группировки силъ и могутъ быть выгодны, при данныхъ условіяхъ, въ военномъ отношеніи.

„Всѣ силы, предназначенныя и имѣющіяся на-лицо для достиженія стратегической цѣли, должны быть для этого примѣнены одновременно и это примѣненіе будетъ тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ больше будетъ сосредоточено для одного дѣйствія и въ одно и то же время“. Таковъ законъ, установленный и прекрасно доказанный Клаузевицемъ. Отсюда можно подумать, что понятіе стратегическаго резерва совершенно исключено. Но это исключеніе только кажущееся, такъ какъ идеальное требованіе на практикѣ не всегда осуществимо, а попытка исполнить его механически, т. е. заранѣе сосредоточить всѣ наличныя силы въ передней линіи рядомъ другъ съ другомъ можетъ иногда привести къ весьма ошибочнымъ стратегическимъ дѣйствіямъ.

Но именно вслѣдствіе того, что нужно въ рѣшительномъ бою ввести въ дѣло всѣ наличныя силы одновременно, часто придется оставлять стратегическій резервъ. Эта фраза можетъ показаться парадоксомъ, но при ближайшемъ разсмотрѣніи ея убѣждаешься въ ея справедливости.

Это прежде всего ясно обнаруживается при оборонѣ, въ особенности же при оборонѣ длинныхъ рубежей, горъ, рѣкъ и т. под., требующихъ широкихъ фронтовъ. Въ случаѣ атаки какого либо пункта этой линіи, отдаленные участки не могутъ оказать своего содѣйствія при оборонѣ. Если же всѣ войска были уже заранѣе развернуты для боя, то въ рѣшительномъ бою могутъ принять участіе лишь немногія части. Если же, напротивъ, занять передовую линію слабо и зато имѣть стратегическій резервъ, который можетъ быть брошенъ къ угрожаемому пункту, то на рѣшительномъ полѣ сраженія можно будетъ сосредоточить значительно большую часть наличныхъ силъ. Такъ же складываются условія въ арміи, развернувшейся для обороны длинной пограничной линіи.

Если нѣмецкая армія на западной границѣ Германіи прибѣгнетъ къ оборонѣ, то заранѣе нельзя опредѣленно сказать—поведутъ ли французы наступленіе главными силами черезъ Бельгію или же попытаются ворваться въ южную Германію

(можетъ быть и черезъ Швейцарію), или же предпримутъ движеніе на центръ, въ направленіи на Майнцъ. Если распредѣлить всѣ силы, назначенныя для обороны границы, равномѣрно по всему угрожаемому фронту, отъ Венло до Швейцарской границы, то нѣмцы очевидно рискуютъ оказаться слабѣе въ пунктѣ главной атаки. Поэтому въ подобномъ случаѣ слѣдуетъ сохранить стратегическій резервъ, чтобы бросить его туда, куда нужно. Онъ конечно долженъ подоспѣть къ мѣсту дѣйствія раньше, чѣмъ рѣшится столкновеніе въ передовой линіи, такъ какъ иначе дѣло свелось бы къ постепенному вливанію силъ, что увеличиваетъ шансы противника на побѣду. Стратегическій резервъ, который не можетъ быть своевременно доставленъ къ моменту главнаго рѣшающаго боя, совершенно теряетъ свой смыслъ, такъ какъ вѣдь онъ и выдѣляется лишь для того, чтобы доставить побѣду въ рѣшительную минуту; онъ имѣетъ характеръ резерва лишь пока мы не знаемъ, гдѣ противникъ будетъ искать рѣшенія.

Поэтому нужно такъ располагать стратегическій резервъ, чтобы онъ могъ быть доставленъ къ мѣсту назначенія, по возможности, по желѣзной дорогѣ; нужно подать необходимый подвижной составъ и подготовить всю перевозку въ различныхъ вѣроятныхъ направленіяхъ, чтобы произвести ее какъ можно скорѣе. Съ другой стороны, слѣдуетъ указать войскамъ, на которыя возложена оборона на передовой линіи, сначала уклоняться отъ какого бы то ни было рѣшительнаго боя и избѣгать возможнаго пораженія отступленіемъ, смотря по мѣстности, ея силѣ сопротивленія и укрѣпленіямъ.

Стратегическій резервъ необходимъ и тогда, когда нужно перейти отъ обороны къ наступленію. Необходимыя для этого войска нужно конечно приберечь, пока непріятель не введетъ въ бой всѣ свои силы, и тогда неожиданно двинуть ихъ въ рѣшающемъ направленіи. Если дѣйствіе происходитъ въ своей странѣ, то иногда окажется возможнымъ неожиданно бросить этотъ резервъ во флангъ наступающему противнику помощью желѣзной дороги.

Если, съ другой стороны, направленіе главной атаки противника своевременно опредѣлено обороняющимся, если послѣдній заблаговременно и достовѣрно узналъ намѣренія противника, то, вообще говоря, стратегическаго резерва не

понадобится. Въ такихъ случаяхъ можно сгруппировать свои силы сообразно выясненной обстановкѣ.

Совершенно иначе складывается вопросъ при стратегическомъ наступленіи.

Мы только что упоминали о томъ, что въ теоріи задуманное заранѣе наступленіе не нуждается въ резервѣ. Но и въ теоріи это справедливо лишь въ томъ случаѣ, если наступленіе это объединено и въ пространствѣ, и во времени. Въ дѣйствительности же это случится далеко не всегда. Въ массовыхъ арміяхъ современныхъ войнъ нельзя даже всегда достигнуть требуемаго единства дѣйствій. Когда же идетъ рѣчь о цѣлой операціи, то и при наступательномъ образѣ дѣйствій иногда можетъ оказаться выгоднымъ и даже необходимымъ выдѣлить стратегическій резервъ, если заранѣе нельзя опредѣлить—гдѣ нужно добиваться главнаго рѣшенія или гдѣ будетъ добиваться этого противникъ, перейдя въ наступленіе.

Въ началѣ войны можетъ оказаться необходимымъ оставить нѣкоторую часть своихъ силъ на границѣ тѣхъ нейтральныхъ государствъ, политика коихъ не вполнѣ еще опредѣлилась и которыя поэтому могутъ объявить войну, разсчитывая на безнаказанность, такъ какъ вооруженныя силы государства прикованы къ другому фронту. Эти оставленныя силы служатъ стратегическимъ резервомъ, который можетъ быть употребленъ противъ новаго врага или же въ помощь главной арміи въ рѣшающемъ направленіи.

Такова была обстановка въ началѣ Франко-прусской войны. Первоначально пришлось оставить нѣсколько корпусовъ на восточной границѣ для защиты Пруссіи въ случаѣ враждебныхъ дѣйствій Австріи. Они были подвезены къ арміи лишь по выясненіи обстановки и въ дѣйствительности составили стратегическій резервъ. Части I корпуса поспѣли еще къ сраженію при Шпихернѣ, а II корпусъ принялъ участіе вечеромъ 13 августа въ главномъ ударѣ въ сраженіи при Гравелоттѣ.

Если въ этомъ случаѣ нужно было сохранить значительныя силы на востокѣ прежде всего по соображеніямъ политическимъ, то подобная же мѣра можетъ оказаться необходимою и по чисто военнымъ соображеніямъ, когда при открытіи военныхъ дѣйствій обстановка недостаточно выяснена.

Если, напр., Германія будетъ вынуждена вести войну съ Франціей и Англіей, то нѣмецкій главнокомандующій не можетъ заранѣе опредѣлить—присоединится ли англійскій десантъ непосредственно къ французской арміи или же высадится на незащищенныхъ берегахъ Голландіи или попытается вторгнуться въ Ютландію, стараясь этимъ обезпечить себѣ обладаніе входомъ въ Балтійское море. Поэтому слѣдовало бы первоначально имѣть стратегическій резервъ, чтобы воспользоваться имъ сообразно обстановкѣ.

Но и во время самихъ операцій могутъ представиться такіе случаи и, преимущественно, при дѣйствіяхъ по различнымъ операціоннымъ линіямъ, когда нельзя еще точно опредѣлить группировку противника. Подобный случай лучше всего пояснить примѣромъ.

Когда нѣмцы приступили къ осадѣ Парижа и сосредоточили подъ этой крѣпостью значительныя силы, на сѣверѣ и югѣ Франціи формировались новыя арміи. Хотя по общему положенію вещей и можно было ожидать главныхъ усилій съ юга, все же нѣмцы не имѣли опредѣленныхъ свѣдѣній о распредѣленіи силъ противника и потому не имѣли руководящихъ данныхъ для распредѣленія и своихъ войскъ. Поэтому было умѣстно сначала нащупать слабыми силами въ обоихъ направленіяхъ, а остальныя наличныя силы держать наготовѣ до выясненія обстановки. Такъ и случилось. Собранныя подъ Парижемъ и Мецомъ арміи составили до нѣкоторой степени резервы для армій въ провинціяхъ. Когда же затѣмъ опредѣлилось, что центръ тяжести борьбы лежитъ на Луарѣ, противъ которой былъ первоначально выдвинутъ I баварскій корпусъ съ сильной кавалеріей, туда были направлены главныя массы: сначала 22-я, затѣмъ 17-я дивизія, стоявшія подъ Парижемъ, и, наконецъ, значительно большая часть осадной арміи подъ Мецомъ.

Подобная обстановка можетъ случиться при всякомъ эксцентрическомъ отступленіи и концентрическомъ наступленіи противника. Пока группировка его силъ остается неизвѣстной, въ подобной обстановкѣ будетъ всего выгоднѣе сохранить значительную часть своихъ силъ въ качествѣ стратегическаго резерва, чтобы затѣмъ пустить ихъ въ ходъ въ рѣшающемъ направленіи.

Массовыя арміи современныхъ войнъ имѣютъ при этомъ

немаловажное значеніе. Небольшія силы можно легко повернуть назадъ и дать имъ другое направленіе, если окажется, что онѣ получили несоотвѣтствующую задачу. Но съ возрастаніемъ количества войскъ увеличивается въ гораздо большей степени и трудность подобной операціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается и время, необходимое для ея выполненія. Благодаря этому можно потерять всѣ выгоды данной обстановки. Поэтому, чѣмъ больше войсковыя массы, тѣмъ важнѣе, при неизвѣстной обстановкѣ, не двигать ихъ въ такихъ направленіяхъ, которыя современемъ могутъ оказаться невѣрными; тѣмъ важнѣе, казалось бы, иногда сохранить главныя силы въ стратегическомъ резервѣ, пока не выяснится вполнѣ—въ какомъ направленіи нужно нанести главный ударъ.

Но и въ завоевательныхъ войнахъ, т. е. при заранѣе рѣшенномъ стратегическомъ наступленіи, иногда можетъ быть полезнымъ сохранить въ началѣ войны стратегическій резервъ. Это всегда необходимо въ тѣхъ случаяхъ, когда мы не знаемъ и даже не можемъ съ достовѣрностью предполагать расположеніе главныхъ силъ противника и возможныя дѣйствія ихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ когда нельзя опредѣлить и географически направленіе атаки, которое безусловно подчинило бы намъ волю противника и принудило бы его встрѣтить атаку тамъ, гдѣ она производится. Если бы при такой обстановкѣ направить главныя силы на врага сразу, то мы рисковали бы ударить по воздуху и потерпѣть рѣшительное пораженіе въ другомъ мѣстѣ. Поэтому и въ подобномъ случаѣ можетъ быть придется выдѣлить стратегическій резервъ, пока мы не узнаемъ, куда долженъ быть нанесенъ главный ударъ, что иногда можно опредѣлить лишь посредствомъ частичныхъ боевъ.

Въ подобныхъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ двойнымъ стратегическимъ развертываніемъ. Въ первой линіи нужно развернуть главную часть арміи вторженія, которая должна выполнить первоначальныя наступательныя операціи для выясненія обстановки. За нею же нужно развернуть стратегическій резервъ, чтобы онъ могъ быть прямо направленъ для рѣшительнаго удара. Не подлежитъ сомнѣнію, что подобная операція въ большинствѣ случаевъ можетъ быть совершенно неожиданна.

Если противникъ развернулъ въ первой линіи всѣ свои силы сразу, то онъ едва ли успѣетъ принять соотвѣтствующія противомѣры. Передняя стратегическая линія атакующаго должна въ подобныхъ случаяхъ уклоняться отъ рѣшительнаго боя посредствомъ затяжныхъ боевъ или отступленія тамъ, гдѣ она натолкнется на главныя силы противника. Въ этомъ, конечно, кроется опасность, съ которой необходимо считаться, но она не больше, чѣмъ во всякой операціи по внутреннимъ линіямъ.

Итакъ, мы видимъ, что было бы чрезвычайно односторонне въ стратегическихъ предположеніяхъ своихъ принципіально и категорически отказываться отъ стратегическаго резерва. Нужно лишь имѣть въ виду обстоятельство, предусмотрѣнное еще Клаузевицемъ, а именно, что каждый стратегическій резервъ противорѣчитъ своей сущности, если онъ не подведенъ для рѣшительнаго удара или запаздываетъ къ нему. Поэтому примѣнять его нужно съ осторожностью. Съ другой стороны, не слѣдуетъ забывать, что если современныя массовыя арміи и затрудняютъ передвиженіе ихъ, зато современныя средства сообщенія ихъ значительно облегчаютъ, а потому стратегическій резервъ становится факторомъ войны съ гораздо большимъ значеніемъ, чѣмъ прежде; затѣмъ мы должны помнить, что принципы и взгляды, высказанные по вопросу примѣненія стратегическаго резерва, относятся лишь къ тѣмъ вооруженнымъ силамъ, которыя уже изготовлены къ началу войны и могутъ поэтому быть привлечены къ рѣшающему моменту дѣйствій.

Но, кромѣ нихъ, современное государство имѣетъ въ своемъ распоряженіи и другой стратегическій резервъ въ болѣе широкомъ смыслѣ слова, а именно — народныя массы. По свойству своему этотъ резервъ не можетъ быть привлеченъ къ первому рѣшающему сраженію, такъ какъ онъ состоитъ изъ необученныхъ людей; поэтому, примѣнять его нужно иначе, чѣмъ готовые резервы, но это отнюдь не умаляетъ его значенія.

Въ то время, какъ масса обученныхъ нижнихъ чиновъ сосредоточивается на границѣ и борется за первый крупный успѣхъ, все годное къ военной службѣ молодое поколѣніе призывается подъ ружье и обучается. Неопытныя толпы пре-

вращаются въ новые батальоны и батареи и образуютъ вторую армію, которая можетъ не только пополнить убыль въ первой, но и дать новыя полевыя дивизіи. Эта армія предназначается для второго рѣшающаго удара, если войска первой линіи полностью или частью потеряли способность къ операціямъ. Ея боевая цѣнность обусловливается величіемъ и мощью народа, изъ котораго она возникла. При формированіи ея не приходится считаться съ тѣми финансовыми соображеніями, которыя въ мирное время вынуждаютъ освобождать отъ военной службы значительныя массы народа; напротивъ, каждый, у кого въ груди бьется патріотическое сердце, берется за оружіе; въ этихъ толпахъ воплощается духъ всего народа. Конечно, онѣ только очень медленно достигнутъ той же тактической годности, какъ войска мирнаго времени, но, въ общемъ, онѣ и не предназначаются для вторженія въ непріятельскую страну, хотя части этого стратегическаго резерва и могутъ быть назначены для этого.

Главное же назначеніе ихъ — защищать свою территорію и отразить вторженіе побѣдоноснаго врага. Лишь по успѣшномъ выполненіи этой задачи, когда новыя части закалятся въ этихъ бояхъ, можно перейти въ наступленіе, переведя за границу и большой стратегическій народный резервъ.

Наконецъ, при защитѣ государства отъ вторженія непріятеля, и крѣпости составляютъ важный элементъ стратегическаго резерва.

Пока арміи побѣдоносно вторгаются въ непріятельскую страну, крѣпость остается мертвымъ матеріаломъ и напрасными кажутся нагроможденныя тамъ горы земли и бетона и укрытыя стальною бронею дальнобойныя орудія. Но когда врагъ перешелъ границу и грозитъ наводнить страну, тогда онѣ оживаютъ; тогда въ полной мѣрѣ выступаетъ ихъ значеніе, какъ стратегическаго резерва; тогда приковываютъ онѣ къ своимъ стѣнамъ полчища непріятеля и образуютъ прочныя опорные оперативные пункты для отступающей арміи первой линіи и вновь возникающей второй.

Нельзя считать никакую войну проигранной, пока крѣпости еще держатся и стратегическій резервъ второй арміи не разбитъ; пока не сломленъ духъ, принудившій всю націю взяться за оружіе.

7. Значеніе оперативнаго элемента въ современной массовой войнѣ.

Значеніе оперативнаго элемента на войнѣ вообще.—Оперативный элементъ въ войнахъ Фридриха Великаго и Наполеона.—Сущность оперативнаго искуства.—Операція при наступленіи и оборонѣ.—Походъ противъ Чаттанооги въ 1863 г.—Отношеніе между операціей и массой.—Теоретическая оцѣнка массовыхъ операцій.—Потребность въ оперативномъ пространствѣ.—Группировка силъ посредствомъ стратегическаго развертыванія.—Атака крыломъ и прорывъ.—Стратегическій охватъ.—Стратегическій ударъ во флангъ.—Главнѣйшія оперативныя средства въ наступленіи.—Операція въ стратегической оборонѣ.—Значеніе развѣдки въ оборонительной операціи.—Пользованіе техническими средствами сообщенія.—Важность цѣлесообразной отдачи приказаній.

Война есть борьба не только матеріальныхъ и моральныхъ силъ, но и умственныхъ. Не говоря уже о значеніи ума для примѣненія матеріальныхъ средствъ, правильная оцѣнка обстановки и обдуманная предусмотрительность даютъ несомнѣнный перевѣсъ.

Превосходство это выражается двоякимъ образомъ:

Во-первыхъ, въ правильной оцѣнкѣ силъ и намѣреній своихъ и непріятельскихъ, и мѣропріятій, имѣющихъ рѣшающее значеніе для наступленія и обороны, а также характера веденія войны противникомъ, обусловливаемаго значеніемъ политической цѣли, но прежде всего личностью непріятельскаго главнокомандующаго и другими обстоятельствами. Во вторыхъ, въ соотвѣтствующемъ примѣненіи войскъ и другихъ орудій войны, а также въ искусномъ веденіи операцій.

Оперативный элементъ игралъ во всѣ эпохи важную роль въ веденіи войны, но значеніе, ему приписываемое, часто ко-

лебалось. Были времена, когда военное искуство почти совершенно выродилось въ оперативныя хитросплетенія, въ которыхъ сама операція считалась рѣшающимъ элементомъ, а значеніе боевого столкновенія почти не принималось во вниманіе; были, однако, и такія эпохи, когда искуство веденія войны совершенно не признавалось и замѣнялось грубой, необузданной силой. Подобныя понятія совершенно не отвѣчаютъ истинной серьезности войны.

Война рѣшается только боемъ; всѣ операціи имѣютъ только одну цѣль:—дать сраженіе въ выгодныхъ условіяхъ. Но, съ другой стороны, никогда не слѣдуетъ забывать, что можно увеличить или уменьшить шансы на успѣхъ въ зависимости отъ того, какъ начатъ бой и какъ онъ проведенъ; что оперативная подготовка боевъ непосредственно вліяетъ на ихъ исходъ и что смѣлая и искусная операція даетъ даже болѣе слабой арміи возможность одолѣть болѣе сильнаго противника.

Такимъ образомъ искуство веденія операцій составляетъ дѣйствительный элементъ превосходства и военная исторія учитъ, что великіе полководцы обязаны своими побѣдами смѣлости и искуству операцій.

Наиболѣе зрѣлымъ и продуманнымъ, съ этой точки зрѣнія, является полководческое искуство Фридриха Великаго. Его то и нужно прежде всего изучить, если хотимъ вполнѣ уяснить себѣ значеніе оперативнаго элемента на войнѣ, такъ какъ обстановка, при которой ему приходилось вести войны, вынуждала его прибѣгать ко всѣмъ средствамъ военнаго искуства, чтобы уравновѣсить превосходство противника, и только смѣлости операцій онъ обязанъ своими блестящими побѣдами и затяжкѣ рѣшенія въ повидимому безнадежной борьбѣ, которую ему приходилось вести. Конечно, за 150 лѣтъ внѣшнія условія войны совершенно измѣнились и никто не смогъ бы теперь вести войну такъ, какъ велъ ее великій король. Но принципъ, дававшій начало его геніальнымъ операціямъ, сохранилъ силу и въ настоящее время, такъ какъ онъ основанъ на неизмѣнныхъ условіяхъ, коренящихся въ самой сущности войны.

Наполеонъ также умѣлъ оцѣнить значеніе оперативнаго элемента. Въ походѣ 1796 г., положившемъ начало его славѣ, онъ обязанъ въ своихъ побѣдахъ почти исключительно смѣлымъ

и рѣшительнымъ операціямъ. Стратегическій прорывъ непріятельскаго расположенія, которымъ онъ началъ борьбу и выигралъ внутреннюю линію между пьемонтцами и австрійцами, способъ использованія этого преимущества и затѣмъ пораженіе всѣхъ армій, направленныхъ на освобожденіе Мантуи, въ самомъ началѣ его карьеры показали въ немъ мастера оперативныхъ движеній.

Но и въ дальнѣйшихъ войнахъ онъ мастерски пользовался операціями и въ концѣ своей полководческой карьеры еще разъ успѣшно боролся на внутренней линіи съ сильнѣйшимъ врагомъ, пока, наконецъ, не былъ побѣжденъ геніемъ Блюхера и Гнейзенау.

Пытаясь выяснить сущность искуства веденія операцій и то главное, на что слѣдуетъ при этомъ обратить вниманіе, мы увидимъ слѣдующую основную идею: стремленіе двигать войска такъ, чтобы тактическое рѣшеніе произошло при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Эта простая идея лежитъ въ основѣ всѣхъ удачныхъ операцій, даже и тамъ, гдѣ операція не приводитъ непосредственно къ бою, а непріятелю удастся уклониться отъ него. Успѣхъ въ этомъ случаѣ основанъ на томъ, что противникъ боится принять бой въ вынужденной для него, благодаря операціи, формѣ и потому уклоняется отъ него, чтобы создать болѣе выгодную для себя обстановку. Такъ фельдмаршалъ графъ Траунъ въ 1774 г. маневрированіемъ заставилъ Фридриха Великаго уйти изъ Богеміи, такъ какъ король не рѣшался дать сраженіе при тѣхъ условіяхъ, которыя навязывалъ ему австрійскій полководецъ. Представленіе, которое имѣлъ противникъ о вѣроятныхъ результатахъ борьбы, обосновывало успѣхъ движеній австрійской арміи, которыя были дѣйствительны благодаря тому, что создавали для Фридриха Великаго невыгодныя условія для боя.

Эта сущность операцій имѣетъ слѣдствіемъ, что оперативныя передвиженія армій при наступленіи и при оборонѣ совершенно различны.

Стратегическій обороняющійся, какъ чувствующій себя слабѣе, добивается не рѣшительнаго столкновенія, которое хочетъ навязать ему атакующій, а затяжки его и выигрыша времени, пока не создадутся выгодныя для него условія

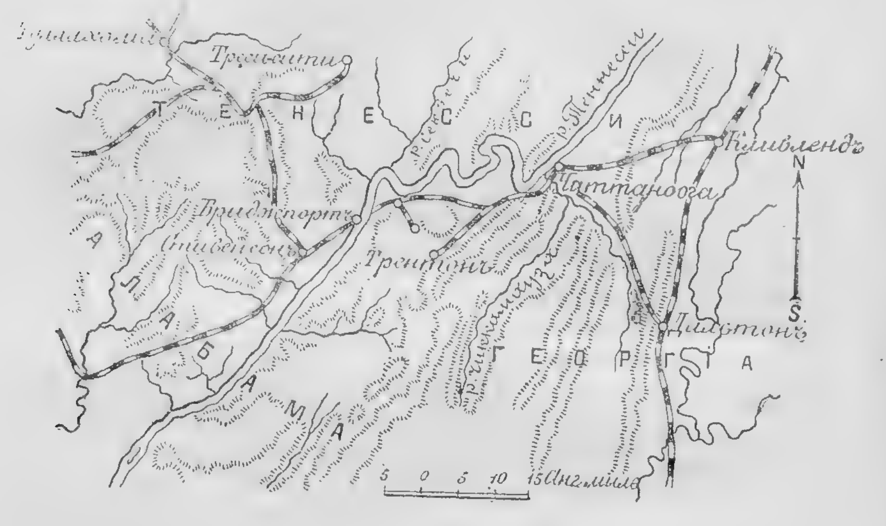
борьбы. Онъ знаетъ, что въ фронтальномъ столкновеніи онъ тактически сильнѣе атакующаго, такъ какъ лучше можетъ использовать выгоды мѣстности и укрѣпленій; поэтому онъ долженъ стараться оперировать такъ, чтобы всегда встрѣчать атаку съ фронта на позиціяхъ, которыя не могутъ быть охвачены и которыя благопріятствуютъ, по свойствамъ мѣстности, тактической оборонѣ. Затѣмъ, его операціи должны быть направлены къ тому, чтобы непріятель ослабѣвалъ по мѣрѣ наступленія, а онъ могъ сосредоточить всѣ свои силы для рѣшительнаго боя. Поэтому ему часто придется прибѣгнуть и къ оперативному отступленію. Но въ наступленіе онъ перейдетъ лишь тогда, когда обстановка сложится въ его пользу, т. е. когда онъ можетъ атаковать противника во флангъ или по частямъ или вообще съ перевѣсомъ въ силахъ.

Съ другой стороны, атакующій добивается быстраго рѣшенія въ такомъ направленіи, которое не только благопріятствуетъ тактической атакѣ, но и даетъ шансы на наибольшія послѣдствія тактической побѣды, сильнѣйшее пораженіе врага и наибольшій выигрышъ пространства. Поэтому онъ долженъ стремиться къ тому, чтобы избѣгнуть фронтальныхъ боевъ, желательныхъ его противнику, а, напротивъ, посредствомъ смѣлой операціи во флангъ и охвата лишить непріятеля преимуществъ фронтальной обороны на выбранной имъ самимъ мѣстности, дѣйствовать вмѣстѣ съ тѣмъ на его пути отступленія и тѣмъ увеличить выгоды возможной побѣды. Часто онъ долженъ стараться оперировать такъ, чтобы съ значительнымъ перевѣсомъ въ силахъ использовать слабыя стороны противника и благодаря этому создать себѣ благопріятныя условія для пораженія главныхъ его силъ.

Обороняющійся снова можетъ пытаться парировать эти предпріятія соотвѣтственными ходами, напр., ставъ наперерѣзъ частямъ непріятельской арміи, пытающимся его охватить, или выйти ему во флангъ, или атакуя противника во время фланговаго марша или уклоняясь отъ угрожающаго ему удара главныхъ силъ въ рѣшающемъ направленіи, чтобы попытаться оказать новое сопротивленіе въ болѣе выгодной оперативной обстановкѣ или перейти въ наступленіе въ другомъ мѣстѣ.

Особенно поучительнымъ примѣромъ значенія оперативнаго элемента на войнѣ и встрѣчной игры наступательныхъ и оборонительныхъ операцій и значенія боя, какъ конечнаго результата операцій, кажется мнѣ походъ на Чаттаноогу въ Американской войнѣ 1863 года.

Мы только что упоминали о стратегическомъ значеніи Чаттаноогскаго прохода, гдѣ р. Тенесси прорывается черезъ Аллеганскія горы и гдѣ проходитъ желѣзная дорога изъ Нашвилля въ Атланту и Ноксвилль. Весною 1863 года генералъ Браггъ стоялъ къ западу отъ прохода у желѣзной дороги и вокругъ г. Туллахома, на укрѣпленной позиціи. Генералъ

Черт. 10.

Розенкранцъ, командовавшій западной арміей, идя съ запада, не атаковалъ его на этой позиціи, а попытался охватить его правый флангъ, угрожая пути сообщенія на Чаттаноогу.

Подъ давленіемъ этого охвата Браггъ съ значительными потерями отступилъ на Чаттаноогу, такъ какъ чувствовалъ себя слишкомъ слабымъ, чтобы атаковать во флангъ болѣе сильную обходную армію, и не могъ найти подходящаго мѣста для встрѣчи ея фронтально. У Чаттаноогн онъ занялъ сильную позицію; правительство, сумѣвшее оцѣнить стратегическое значеніе этого пункта, значительно усилило его, чтобы

онъ могъ удержаться здѣсь, а при случаѣ и разбить противника.

Розенкранцъ, съ своей стороны, не чувствовалъ себя достаточно сильнымъ для фронтальной атаки Чаттанооги и снова рѣшился выбить противника съ его сильной позиціи маневромъ, чтобы получить возможность атаковать его при болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Его планъ заключался въ томъ, чтобы обойти лѣвый флангъ непріятеля и тѣмъ нажать на его путь отступленія, шедшій на Дальтонъ и Атланту. Охватъ удался. Розенкранцъ перешелъ главными силами горы въ направленіи на Дальтонъ и Атланту, въ то время какъ лѣвый флангъ демонстративно наступалъ на Чатанноогу. Браггъ, видя, что эта операція угрожаетъ его важнѣйшей линіи сообщенія, и не будучи въ состояніи ударить во флангъ противнику, отдѣленному отъ него горнымъ хребтомъ, отдалъ Чаттаноогу и отошелъ влѣво, чтобы преградить путь противнику съ фронта и попытаться разбить по отдѣльности его колонны при выходѣ изъ горъ. Движеніе къ лѣвому флангу удалось, но попытка разбить среднюю колонну не удалась по недоразумѣнію и вслѣдствіе недостаточной энергіи частныхъ начальниковъ. Тѣмъ не менѣе, Браггъ оказался въ безопасномъ стратегическомъ положеніи, обезпечилъ свои сообщенія и могъ еще притянуть къ себѣ сильный корпусъ Лонгстрита съ восточнаго театра войны, гдѣ, послѣ неудачнаго сраженія у Геттисбурга, Ли долженъ былъ отступить, и несмотря на это, принялъ смѣлое рѣшеніе отправить къ Чаттоноогу большую часть своихъ ослабленныхъ силъ; предпріятіе, которое могло удасться только потому, что командованіе сѣверной арміей не было на высотѣ своего положенія. То, что вполнѣ естественно послѣ выиграннаго на внутренней линіи сраженія, на то Ли рѣшился, проигравъ его.

Благодаря этой смѣлой и геніальной операціи, заставшей противника совершенно врасплохъ, Браггъ могъ перейти въ наступленіе, тогда какъ Розенкранцъ оказался въ положеніи обороняющагося. Этотъ послѣдній сосредоточилъ свои силы на западномъ берегу р. Чикамауга и пытался приблизиться къ Чаттаноогѣ, въ то время, какъ Розенкранцъ владѣлъ восточнымъ берегомъ, откуда, послѣ подхода Лонгстрита, двинулся для атаки лѣваго крыла противника, чтобы оттѣснить его отъ Чаттаноогы и отбросить въ горы. Онъ выигралъ

сраженіе и несмотря на это потерпѣлъ стратегическое пораженіе. Правый флангъ и центръ сѣверянъ были, въ противность плану сраженія, совершенно разбиты, но лѣвый флангъ былъ непоколебимъ и помогъ разбитой арміи отойти къ Чаттаноогѣ и удержать за собою этотъ важный пунктъ, откуда должно было произойти окончательное пораженіе южанъ. Такимъ образомъ, даже посредствомъ кровопролитнаго и побѣдоноснаго сраженія не удалось уравнять преимущество, пріобрѣтенное противникомъ посредствомъ операціи.

Описанный въ главныхъ чертахъ походъ содержитъ въ себѣ всѣ тѣ основныя идеи, которыя придаютъ на войнѣ столь высокое значеніе операціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ показываетъ, что операція дѣйствительно вполнѣ зависитъ отъ исхода боевого столкновенія, но что, съ другой стороны, геніальная смѣлость чрезвычайно увеличиваетъ ея значеніе и возвышаетъ ее надъ всѣми расчетами времени, пространства и силъ, перенося въ область невѣсомыхъ дѣйствій. Отказываться въ будущей войнѣ отъ этого элемента превосходства, какъ думаетъ теорія механическаго веденія войны, значило бы добровольно оставить неиспользованнымъ средство побѣды, которое именно можетъ оказаться рѣшающимъ въ рукахъ полководца, обладающаго умственнымъ превосходствомъ. Лишь непреодолимыя обстоятельства могутъ недопустить примѣненія такого преимущества.

Но въ отвѣтъ на эти разсужденія можетъ возникнуть вопросъ—возможно ли вообще, съ современными массами, дѣйствовать въ духѣ оперативнаго искуства, которое въ прежнихъ войнахъ такъ часто приводило къ побѣдѣ. Вопросъ этотъ требуетъ обсужденія.

Если мы остановимъ свое вниманіе на новѣйшихъ войнахъ, которыя частью велись съ современнымъ оружіемъ и значительными массами, то найдемъ, что и здѣсь оперативному элементу отводилась значительная доля.

Въ 1866 году концентрическое стратегическое наступленіе приводитъ къ охватывающему сраженію съ угрозой пути отступленія противника, и основная оперативная идея, выраженная въ планѣ войны Мольтке, только потому не привела къ уничтоженію противника, что командующіе арміями не смогли проникнуться духомъ высшаго управленія и во время сраженія не считались съ рѣшающими операціонными линіями

Въ 1870 г. первый періодъ войны даетъ намъ примѣръ фланговой операціи арміи, который можетъ пригодиться намъ и для будущаго.

Такъ какъ крѣпость Мецъ и обороняемая французами по обѣ стороны города линія Мозеля не могли быть атакованы съ фронта, то нѣмцы рѣшили произвести охватывающее фланговое движеніе, а именно, главными силами I и II армій противъ праваго крыла французскаго расположенія. Эта операція тѣмъ особенно интересна, что она считалась не только съ временемъ, пространствомъ и силами противника, но и съ психологическимъ элементомъ, съ опредѣлившимся характеромъ французскаго главнокомандующаго. Если бы Мецская армія была подъ начальствомъ энергичнаго человѣка, она несомнѣнно могла бы превосходными силами напасть на головы нѣмецкихъ колоннъ при переправѣ черезъ Мозель или же, выйдя изъ Меца, наступать во флангъ и тылъ нѣмцевъ, совершавшихъ фланговый маршъ. Въ этомъ заключалась опасность предпринятаго движенія. Она была учтена нѣмцами въ увѣренности, что именно смѣлость этихъ дѣйствій сломитъ энергію французовъ, что въ дѣйствительности и случилось. Если бы ихъ можно было заставить маневромъ отойти назадъ, что первоначально предусматривалось нѣмцами, то они навѣрное попытались бы атаковать ихъ во время отхода во флангъ. Но такъ какъ они остались прикованными къ крѣпости и только перемѣнили фронтъ, то Мольтке атаковалъ ихъ сильную позицію съ совершенно обратнымъ фронтомъ и повторилъ этимъ, въ современномъ видѣ, геніальную операцію Фридриха Великаго противъ Праги въ 1757 году. Правда, условія движенія арміи были въ то время совершенно иныя, чѣмъ въ 1870 г., но въ конечномъ результатѣ обѣ операціи сходятся на полномъ обходѣ расположенія противника и на тактической атакѣ съ обратнымъ фронтомъ. Седанская операція также является фланговой операціей въ крупномъ стилѣ и равнымъ образомъ можно въ этомъ же смыслѣ указать на операціи южной арміи Мантейфеля, благодаря которой послѣдняя армія Франціи была отброшена за границу Швейцаріи.

Въ 1877 г. русскіе произвели стратегическій прорывъ и не проиграли войны только потому, что турки не смогли оперативно использовать обстановку.

Въ Южной Африкѣ оперативное фланговое движеніе лорда Робертса рѣшило участь войны.

Значительную роль играетъ оперативный элементъ и въ Русско-Японской войнѣ.

Если доискиваться тѣхъ мотивовъ, на основаніи которыхъ Куропаткинъ принималъ рѣшенія, то мы увидимъ, что заставляли русскаго кунктатора дробить свои силы и терять энергію большею частью опасенія всевозможныхъ оперативныхъ предпріятій противника и воображаемыя отсюда опасности. Онъ считалъ обойденнымъ то свой правый, то лѣвый флангъ, то ожидалъ движенія японцевъ въ значительныхъ силахъ изъ залива Посьетъ на Харбинъ; то японцы угрожали его сообщеніямъ изъ Монголіи. Самъ же онъ былъ совершенно неспособенъ использовать оперативно тѣ слабыя стороны, которыя обнаруживали японцы и которыя они могли обнаруживать противъ такого противника.

Однако всѣ эти войны могутъ дать намъ лишь основаніе для сужденія о будущемъ и еще совершенно не доказываютъ того, что подобныя операціи возможны и впредь. Поэтому мы вынуждены ограничиться отвлеченными разсужденіями и должны изслѣдовать вопросъ—выполнимы ли и съ современными массовыми арміями различныя оперативныя передвиженія.

То, что, какъ и разсчитываетъ теорія, эти массы въ дѣйствительности очень быстро растаютъ и вѣроятно разобьются на отдѣльныя группы, которыя численностью своей едва ли превзойдутъ самыя большія арміи прежнихъ войнъ, не должно вводить насъ въ заблужденіе, такъ какъ въ началѣ будущей войны все же будутъ мобилизованы такія массы, которыхъ до сихъ поръ еще не примѣнялось; если и не буквально, то все же нужно разсчитывать на армію около 1 милліона.

Задавшись первоначально теоретически вопросомъ—возможны ли оперативныя передвиженія современныхъ армій, на него слѣдуетъ безусловно отвѣтить утвердительно. Для отрицанія его нѣтъ никакихъ основаній. Равнымъ образомъ массы не повліяютъ и на соотношеніе наступательныхъ и оборонительныхъ операцій, такъ какъ тяжеловѣсность войскового механизма окажется одинаковой на обѣихъ сторонахъ. Все-таки измѣнилось отношеніе между продолжительностью

боевъ и операцій; само собою разумѣется, что продолжительность послѣднихъ возрасла въ большей степени, чѣмъ первыхъ. Однако, это измѣненіе совсѣмъ не такъ значительно, чтобы искусный и предусмотрительный начальникъ не смогъ согласовать продолжительность операцій и боевъ.

Затрудненіе, которое придется преодолѣвать въ будущемъ, находится въ иной области. Съ массой передвигаемыхъ войскъ возрастаютъ время и пространство, необходимыя для операціи, и главный вопросъ заключается въ томъ—будутъ ли они всегда на-лицо.

Необходимость имѣть передъ собою пространство для операцій явствуетъ и изъ изслѣдованія генерала ф. Фалькенгаузена о „Фланговыхъ движеніяхъ и массовыхъ арміяхъ". Чтобы сдѣлать операцію возможной, онъ создаетъ себѣ пространство для нея искуственно, посредствомъ предположеній, далеко не безспорныхъ. Но необходимость имѣть передъ собою соотвѣтствующее пространство для выполненія оперативныхъ передвиженій при наступленіи, вполнѣ опредѣленно вытекаетъ изъ его книги. Тамъ, гдѣ его нѣтъ въ достаточномъ количествѣ, никогда не удастся выполнить желаемую перемѣну въ распредѣленіи силъ; въ этомъ случаѣ дѣйствія сведутся къ болѣе или менѣе фронтальной борьбѣ силъ, что считается теоріей механическаго веденія войны неизбѣжнымъ. Поэтому, обезпечить себѣ необходимое пространство составляетъ задачу стратегіи.

Эта задача отчасти облегчается техническими вспомогательными орудіями войны, если театръ военныхъ дѣйствій позволяетъ полностью примѣнить ихъ. Не слѣдуетъ забывать, что хотя массовыя арміи и сдѣлались тяжеловѣснѣе, зато передвиженіе ихъ значительно облегчается современными средствами сообщенія. Если можно для всего подвоза въ полной мѣрѣ использовать желѣзныя дороги и автомобили, то можно на нѣсколько дней значительно увеличить подвижность войскъ и оборудовать тыловыя дороги гораздо скорѣе, чѣмъ если бы мы располагали только колеснымъ обозомъ. Это улучшаетъ соотношеніе между пространствомъ и войсковыми массами, такъ какъ потребность въ пространствѣ при подобныхъ вспомогательныхъ средствахъ увеличивается едва ли пропорціонально массамъ. Можно увеличить пространство для операцій, отнеся болѣе назадъ раіонъ сосредоточенія

войскъ; съ другой стороны можно уменьшить его размѣры, подготовивъ необходимыя операціи соотвѣтственнымъ распредѣленіемъ силъ при сосредоточеніи; наконецъ, при выборѣ оперативныхъ передвиженій придется примириться съ нѣкоторымъ ограниченіемъ ихъ, если нѣтъ достаточнаго пространства. Иногда, какъ и при передвиженіяхъ въ раіонѣ отдѣльныхъ армій, можно попытаться выйти изъ затруднительнаго положенія взаимодѣйствіемъ наступательныхъ и отступательныхъ маршей.

Чтобы еще больше убѣдиться въ осуществимости стратегическихъ операцій, полезно разсмотрѣть въ отдѣльности тѣ формы, къ которымъ должны привести операціи, и обсудить—примѣнимы ли онѣ въ массовыхъ арміяхъ. Это тѣ же немногочисленныя формы, въ которыя выливаются атака и оборона, что разсмотрѣно нами въ другомъ мѣстѣ. [1])

Что касается группировки силъ при стратегическомъ развертываніи, которая, какъ мы видѣли, имѣетъ основное значеніе, то здѣсь необходимо прежде всего руководствоваться географическимъ положеніемъ и характеромъ границы и театра военныхъ дѣйствій, сѣтью дорогъ и наличными своими крѣпостями, а также распредѣленіемъ готовыхъ къ дѣлу собственныхъ войскъ. Это составляетъ возможныя и выполнимыя условія, которыя можно принять во вниманіе при распредѣленіи своихъ силъ. Затѣмъ, для мѣропріятій, принимаемыхъ въ дѣйствительности на основаніи этихъ условій, имѣютъ значеніе положеніе непріятельскихъ крѣпостей, извѣстное или предполагаемое расположеніе противника и вѣроятныя его дѣйствія. Изъ этихъ разнообразныхъ условій создается собственная стратегическая цѣль, способъ, которымъ должно быть исполнено наступленіе или оборона, и, наконецъ, сообразно этой цѣли происходитъ группировка своихъ армій, а затѣмъ направленіе наступленія отдѣльныхъ группъ армій и размѣры ихъ передвиженій.

Всего проще очевидно подготовить оперативно и начать ударъ флангомъ и прорывъ; вмѣстѣ съ тѣмъ въ современныхъ массовыхъ войнахъ они особенно важны, такъ какъ при ширинѣ стратегическаго фронта иногда неосуществимы ни охватъ, ни ударъ во флангъ. Тогда не остается ничего

---

[1]) III, глава 3-я.

ного, какъ атаковать часть непріятельскаго расположенія съ фронта; но такъ какъ фронтальная атака никогда не была сопряжена съ такими трудностями, какъ въ будущемъ, нужно сосредоточить для нея значительно превосходныя силы. Никогда еще сосредоточеніе войскъ къ полю сраженія не было такъ важно, какъ въ наше время, и лица, утверждающія, что это сосредоточеніе потеряло значеніе, по моему мнѣнію, совершенно не понимаютъ условій современной борьбы.

Перевѣсъ въ силахъ въ избранномъ направленіи атаки можетъ быть предусмотрѣнъ уже при стратегическомъ развертываніи, если желѣзнодорожная сѣть позволяетъ сосредоточить на требуемомъ стратегіей мѣстѣ достаточно сильную наступательную армію. Если это не осуществимо, то сосредоточеніе силъ для атаки должно быть исполнено фланговыми передвиженіями вдоль фронта или стягиваніемъ войскъ по мѣрѣ движенія впередъ. Въ обоихъ случаяхъ нужно имѣть нѣкоторое оперативное пространство передъ фронтомъ, чтобы, при наступленіи противника, закончить группировку своихъ силъ до столкновенія съ противникомъ.

Наконецъ, усиленіе фронта можетъ быть осуществлено тыловыми эшелонами армій или стратегическими резервами, если желаемый перевѣсъ въ силахъ не можетъ быть достигнутъ ни самимъ стратегическимъ развертываніемъ, ни оперативными маршами. Этотъ образъ дѣйствій сопряженъ съ значительными затрудненіями и тактическими невыгодами, что только что уже доказано; несмотря на это, не всегда можно будетъ отказаться отъ него, въ особенности если требующій усиленія пунктъ могъ быть опредѣленъ лишь по мѣрѣ развитія операціи. Слѣдуетъ также имѣть въ виду, что сближеніе и расхожденіе колоннъ при наступленіи не всегда легко скрыть отъ противника, а потому имѣющій рѣшающее значеніе моментъ внезапности можетъ быть потерянъ. Часто застигнуть непріятеля врасплохъ удастся лишь введя оставленные позади эшелоны или стратегическіе резервы. Поэтому для успѣха особенно важно помѣшать воздушной развѣдкѣ, чтобы противникъ не могъ опредѣлить подходъ резервовъ. Эти послѣдніе могутъ передвигаться для этого по ночамъ.

Итакъ, ударъ флангомъ и прорывъ выполнимы всегда,

даже въ рамкахъ самыхъ большихъ массовыхъ армій, и они всегда дадутъ тѣ преимущества, которыя были разсмотрѣны нами въ другой главѣ [1])

Затѣмъ, стратегическія соображенія могутъ заставить вести за арміей прорыва, которая должна быть очень сильна и двигаться очень сомкнуто, уступы на флангахъ, для обезпеченія ихъ и для атаки откинутыхъ одна отъ другой частей непріятельской арміи. Русскіе, упустивъ эту предосторожность въ 1877 г., оказались, какъ мы видѣли, въ весьма критическомъ положеніи. Но и при атакѣ флангомъ нужно обезпечить внутренній флангъ уступами.

Несмотря на это, оба случая опасны въ томъ отношеніи, что передняя армія, производящая первую атаку, сама оказывается охваченной и можетъ очутиться въ весьма опасномъ положеніи, если позади идущія арміи отстанутъ. Поэтому она всегда должна наступать на достаточно широкомъ оперативномъ фронтѣ, охраняя свои фланги особыми отрядами; иногда же ей придется перейти къ упорной обоборонѣ, чтобы позади идущія арміи могли принять участіе въ бою. Эти послѣднія тѣмъ скорѣе приведутъ сраженіе къ счастливому исходу, чѣмъ большее число войскъ противника введено противъ передней арміи; тогда они будутъ взяты съ фланговъ и съ тыла.

Если русская армія поведетъ наступленіе изъ Польши на Берлинъ, то она можетъ быть охвачена изъ Вост. Пруссіи, а при дальнѣйшемъ наступленіи—изъ Силезіи. Но если слѣдомъ за нею, въ уступномъ порядкѣ, двинутся черезъ Вост. Пруссію и Галицію другія арміи, то онѣ быстро облегчатъ положеніе главной арміи и, дѣйствуя по внѣшнимъ линіямъ, окажутся въ очевидномъ преимуществѣ, тогда какъ нѣмецкія арміи рискуютъ быть разбросаны въ стороны передней русской арміей и попасть подъ фланговый ударъ уступныхъ армій.

Если хотятъ одновременно съ фронтальной атакой охватить непріятельскую армію съ одного или обоихъ фланговъ, то охватъ долженъ быть предпринятъ заблаговременно и охватывающій фронтъ соотвѣтственно базированъ. Охватывающая армія должна быть достаточно выдвинута впередъ

---

[1]) III, глава 3-я.

по отношенію къ фронтальнымъ арміямъ, чтобы не допустить преждевременнаго рѣшенія на фронтѣ. Поэтому скорости движенія охватывающей и фронтальныхъ армій должны быть согласованы между собою.

Это можно достигнуть замедленіемъ наступленія на фронтѣ и ускореніемъ движенія охватывающей арміи; но можно также во время движенія охватывающей арміи впередъ, отступить на фронтѣ и тѣмъ втянуть противника подъ охватъ. Преимущество подобнаго сочетанія наступленія и отступленія заключается въ томъ, что операція можетъ быть выполнена вдвое быстрѣе. Зато она связана со всѣми сомнѣніями, соединенными съ отступленіемъ. Поэтому, слѣдуетъ избѣгать этого способа въ тѣхъ случаяхъ, когда соприкосновеніе съ противникомъ достаточно тѣсное. Здѣсь выгоднѣе вести на фронтѣ затяжной бой, пока не вступятъ въ дѣло обходящія войска. Во всякомъ случаѣ нужно твердо помнить, что условіями успѣха охвата является внезапность и быстрота движеній, дабы противникъ не могъ принять мѣры противъ него. Если можно завѣсить движеніе кавалеріей, то выполненіе операціи значительно облегчается. Несомнѣнно, что она осуществима и съ современными массовыми арміями; нужно только, чтобы охватывающая армія имѣла передъ собою достаточное оперативное пространство.

Она выходитъ противъ непріятельскаго фланга фланговымъ маршемъ, оканчивающимся захожденіемъ плечомъ. Поэтому, зачастую окажется выгоднымъ вести обходящую армію въ уступномъ порядкѣ. Иногда уже самыя географическія свойства театра войны и сообразованное съ ними стратегическое развертываніе могутъ удачно подготовить охватъ, если оказалось возможнымъ выдвинуть уступы впередъ. Но въ этомъ случаѣ, какъ и при всякомъ охватѣ, придется считаться съ уступными резервными арміями противника.

На примѣрѣ лучше всего пояснить, какъ можно, съ одной стороны, использовать надлежащимъ образомъ данную обстановку и вмѣстѣ съ тѣмъ уступнымъ расположеніемъ не только подготовить охватъ, но и, въ соединеніи съ стратегическими резервами, пріобрѣсти бо́льшую оперативную свободу и разносторонность.

Представимъ себѣ Германію въ наступательной войнѣ съ Россіей. Значительныя непріятельскія силы сосредоточены

въ Польшѣ; уступомъ справа—назадъ сосредоточивается другая русская армія съ лѣвымъ флангомъ южнѣе Ковны, за Нѣманомъ. Намѣренія нѣмцевъ двоякія: сначала какъ можно сильнѣе разбить русскую армію въ Польшѣ, послѣ чего лѣ-

Черт. 11.

вое крыло арміи наступаетъ къ Двинѣ, а фронтальная армія—до Буга. Наступленіе должно быть начато выдвинутымъ уступомъ впередъ лѣвымъ крыломъ, и германскія арміи развертываются слѣдующимъ образомъ: главная армія—на линіи

Хоэнзальца—Острово—Оппельнъ—Леобшюцъ; лѣвое крыло—тремя уступами: первая армія на линіи Ангербургъ—Тильзитъ; вторая—между Нейденбургомъ и Хейльсбергомъ и третья—на линіи Хоэнзальца—Торнъ—Грауденцъ. У Диршау и западнѣе Грауденца сосредоточивается стратегическій резервъ. Какъ только стратегическое развертываніе закончится, начинается наступленіе.

Одного взгляда на карту достаточно, чтобы видѣть, что II и III арміи лѣваго крыла могутъ во всякое время зайти плечомъ для охвата русской арміи въ Польшѣ, тогда какъ I армія должна наступать на Нѣманъ и Вильну. Но II армія можетъ также поддержать и I, если она столкнется съ значительно превосходными силами, а стратегическій резервъ можно во всякое время подвезти по различнымъ желѣзнодорожнымъ линіямъ къ I, II и III арміямъ и даже на югъ, на поддержку главной арміи, въ любомъ пунктѣ.

Вліяніе высшаго командованія выразилось бы, съ одной стороны, въ регулированіи движеній армій по отношенію къ противнику и между собою, а съ другой—въ примѣненіи стратегическаго резерва.

Мы видимъ, что, несмотря на массу бойцовъ, тѣмъ или инымъ способомъ, посредствомъ различной группировки силъ и соразмѣренія ихъ движеній, можно выполнить цѣлый рядъ операцій, и что ударъ во флангъ или охватъ выполнимы при извѣстныхъ условіяхъ даже при ограниченномъ операціонномъ пространствѣ, раздѣляющемъ обѣ враждующія арміи.

Что касается до операціи по внутренней линіи, то мы уже показали въ другомъ мѣстѣ, чѣмъ обусловливается ея осуществленіе и какъ можно ее выполнить съ современными массовыми арміями.

Поэтому намъ остается лишь разсмотрѣть вопросъ—выполнимъ ли съ современными массовыми арміями стратегическій ударъ во флангъ. На этотъ вопросъ я отвѣчу въ извѣстномъ смыслѣ отрицательно. На трудности, которыя при этомъ приходится преодолѣвать, я уже указывалъ при изученіи удара во флангъ какъ вида атаки.

Съ небольшими арміями, подобно тѣмъ, которыя примѣнялись въ прежнихъ войнахъ, стратегическій ударъ во флангъ выполнимъ и въ будущемъ, и даже съ меньшими затрудненіями, благодаря современнымъ средствамъ сообщенія, облегчающимъ всякую операцію.

Но имѣя дѣло со всѣми вооруженными силами великой державы, дѣйствующими какъ одно цѣлое, по общей идеѣ, тогда чисто фланговая операція—охватъ фланга всѣми своими силами, очевидно невозможна. Фронтъ такой арміи и ея глубина при такомъ фланговомъ движеніи слишкомъ велики, чтобы можно было выполнить ею подобное передвиженіе. Несомнѣнно невыполнимыми окажется и сосредоточеніе для этой операціи по желѣзной дорогѣ, а главное—поддержаніе тыловыхъ сообщеній.

Зато очень возможно стратегически осуществить основную идею флангового удара въ формѣ, отвѣчающей современнымъ условіямъ, а именно въ формѣ стратегической атаки съ откинутымъ назадъ крыломъ. Ее можно сравнить съ косымъ боевымъ порядкомъ въ тактикѣ. То, что тамъ достигается въ небольшихъ размѣрахъ, повторяется въ области стратегіи въ самомъ крупномъ масштабѣ. Генералъ ф. Фалькенгаузенъ попытался въ своемъ трудѣ „Фланговыя движенія и массовыя арміи" перенести идею сраженія подъ Лейтеномъ на движенія современной массовой арміи. Но въ своемъ примѣрѣ онъ приходитъ не къ настоящему стратегическому удару во флангъ, а къ атакѣ крыломъ съ двойнымъ охватомъ атакованной части непріятельской арміи. Мнѣ кажется, что можно осуществить стратегическое намѣреніе это еще полнѣе, если наступать на атакующемъ крылѣ не фронтомъ, а уступами, затѣмъ на другомъ крылѣ уклониться отъ непріятельскаго удара, какъ это и дѣлаетъ генералъ Фалькенгаузенъ. Всего легче объяснить это примѣромъ, правда, теоретическимъ.

Отбросивъ всякую политическую обстановку, можно представить себѣ наступательную операцію нѣмцевъ противъ французовъ такъ: сѣверное крыло вооруженныхъ силъ нѣмцевъ наступаетъ арміями, на уступахъ впередъ, черезъ Голландію и Бельгію, крайнимъ правымъ крыломъ вдоль моря, въ то время какъ на югѣ нѣмцы избѣгаютъ столкновенія съ французами, отходятъ черезъ Эльзасъ и Лотарингію въ сѣверовосточномъ направленіи, отдавая непріятелю южную Германію. Уступное наступленіе германскаго атакующаго крыла должно принудить лѣвое крыло французовъ произвести большую перемѣну фронта и тѣмъ оказаться въ неблагопріятномъ положеніи. На югѣ же французы также вынуждены произвести стратегическое захожденіе налѣво и ока-

заться въ невыгодномъ положеніи къ своей базѣ. Такъ можно выиграть стратегически то, чего Фридрихъ Великій достигъ подъ Лейтеномъ тактически своей уступной атакой.

Побѣда нѣмцевъ на сѣверѣ прямо привела бы ихъ къ Парижу и позволила бы надавить на пути сообщенія французской арміи гораздо раньше, чѣмъ она могла бы достигнуть успѣха въ южной Германіи. Въ такомъ случаѣ положеніе армій, вторгнувшихся въ южную Германію оказалось бы чрезвычайно критическимъ, такъ какъ нѣмцы непосредственно съ сѣвера угрожали бы ихъ путямъ отступленія.

При этомъ нѣмецкимъ арміямъ не пришлось бы выполнять особенно сложныхъ и трудныхъ передвиженій. Прежде всего нужно было бы соотвѣтственно распредѣлить свои силы и регулировать степень отхода назадъ лѣваго крыла. Этотъ послѣдній конечно не слѣдуетъ доводить до того момента, чтобы сообщенія праваго нѣмецкаго крыла оказались подъ угрозой удара со стороны французовъ. Нужно также прочно удержать за собою ось движенія, примѣрно, въ сѣверной Лотарингіи и Люксембургѣ. Вотъ почему не разъ уже являлась мысль о необходимости превратить Триръ въ крѣпость-лагерь; на тѣхъ же соображеніяхъ отчасти основано предположеніе укрѣпить Люксембургъ. Какъ бы то ни было, но эти разсужденія подчеркиваютъ значеніе крѣпости Майнцъ. Кромѣ того, было бы необходимо имѣть въ какомъ-либо центральномъ мѣстѣ стратегическій резервъ, чтобы по мѣрѣ надобности поддержать правое или лѣвое крыло.

Наступленіе праваго крыла слѣдуетъ вести отъ Нижн. Рейна арміями уступомъ впередъ съ усиленной головной арміей. Напротивъ того, отступленіе лѣваго крыла должно вылиться въ крупное стратегическое захожденіе плечомъ назадъ, съ значительнымъ переносомъ путей сообщенія, что должно быть подготовлено заблаговременно. Въ качествѣ новой базы особенно подошла бы линія Майна. Затѣмъ сильная армія должна отходить съ Верхн. Рейна прямо на востокъ, чтобы прикрыть наружный флангъ отходящей на сѣверо-востокъ арміи и вмѣстѣ съ тѣмъ облегчить охватъ преслѣдующаго противника. Желѣзнодорожная сѣть значительно облегчитъ подобное эксцентрическое движеніе. Наступленіе праваго крыла также чрезвычайно облегчается богатой голандско-бельгійской желѣзнодорожной сѣтью.

Подводя итогъ всему сказанному нами объ оперативной способности массовыхъ армій при наступательныхъ дѣйствіяхъ, мы видимъ, что волѣ полководца поставлены совсѣмъ не такія узкія рамки, какъ то можетъ показаться съ перваго взгляда. Различная нормировка быстроты движеній, комбинація движеній впередъ и назадъ, выдѣленіе и пользованіе стратегическимъ резервомъ, эшелонированіе арміи—все это средства, благопріятствующія оперативной свободѣ полководца, въ то время какъ каждое измѣненіе въ группировкѣ силъ при наступленіи предполагаетъ наличіе соотвѣтствующаго по размѣрамъ свободнаго оперативнаго пространства; создать его всегда во власти полководца, если онъ умѣетъ приносить жертву высшей цѣли.

Обратившись къ стратегической оборонѣ, мы увидимъ, что и здѣсь эшелонированіе арміи и стратегическіе резервы являются главнѣйшими оперативными средствами полководца.

Уже разсмотрѣніе наступленія русскихъ на Берлинъ показываетъ, какое высокое значеніе при оборонѣ имѣетъ эшелонированіе арміи. Во всѣхъ случаяхъ, когда возможенъ охватъ первой линіи, полезно эшелонировать за угрожаемымъ флангомъ сильные резервы, которые могли бы быть направлены во флангъ непріятельскому охвату по принципамъ тактики. Расположеніе резервовъ уступами за флангомъ выгодно также, если этому послѣднему угрожаетъ стратегическая фланговая атака; полезны также и находящіеся еще дальше назади стратегическіе резервы, чтобы или нанести ими контръ-ударъ, или поддержать уступные резервы. Стратегическій резервъ слѣдуетъ приберечь и при опасеніи прорыва или для отраженія атаки крыла арміи превосходными силами. При оборонѣ придется большею частью прибѣгать къ оперативному перемѣщенію силъ вдоль фронта, сообразно тому, гдѣ и какъ ведется атака, тогда какъ по выполненіи стратегическаго развертыванія едва ли возможны будутъ массовыя передвиженія. Но подобныя частичныя операціи всегда возможны, какъ и въ прежнихъ войнахъ, и даже значительно облегчаются современными средствами сообщенія.

Значеніе оперативнаго элемента въ стратегической оборонѣ увеличивается тѣмъ обстоятельствомъ, что не можетъ быть рѣчи о чисто пассивной оборонѣ, какъ въ тактикѣ. Стратегическій фронтъ никогда не можетъ состоять изъ свя-

заннныхъ между собою тактическихъ оборонительныхъ линій, въ особенности при требуемыхъ для современныхъ войсковыхъ массъ пространствахъ. Эти линіи будутъ прерывчатыя и заключать въ себѣ участки, непригодные для мѣстной обороны. Поэтому, когда мы даже вынуждены прибѣгнуть, въ общемъ, отбиваться, то отнюдь не должны разсчитывать исключительно на тактическую пассивную оборону, а имѣть въ виду соединеніе такой обороны съ наступленіемъ, хотя бы и ограниченнымъ. Подобная необходимость даетъ поводъ именно при стратегической оборонѣ къ многочисленнымъ оперативнымъ движеніямъ. Кромѣ того, обороняющійся окажется чаще, чѣмъ атакующій, вынужденъ дѣйствовать по внутреннимъ линіямъ. Входить въ дальнѣйшія подробности выполненія необходимыхъ для этого операцій здѣсь не мѣсто, такъ какъ условія подобныхъ операцій уже разсмотрѣны выше.

Необходимо лишь указать на то, что, какъ доказано уже въ главѣ о значеніи кавалеріи, обороняющійся можетъ разсчитывать своевременно выполнить свои операціи лишь въ томъ случаѣ, если онъ можетъ производить быстрыя и удачныя развѣдки и будетъ заблаговременно извѣщенъ о предпріятіяхъ противника.

Поэтому, при стратегической оборонѣ всегда нужно дѣйствовать кавалеріей и воздушнымъ флотомъ активно и стараться во что бы то ни стало прорвать непріятельскую завѣсу. Если бы значительно сильнѣйшая по сравненію съ японской русская кавалерія донесла только немного раньше о движеніи портъ-артурской арміи къ Мукдену, то у Куропаткина было бы время подготовить ей, благодаря своему превосходству въ силахъ, жаркую встрѣчу. Отсутствіе необходимой развѣдки имѣло прямымъ послѣдствіемъ проигрышъ Мукденскаго сраженія, хотя здѣсь мы и имѣемъ дѣло съ „позиціей“ для сраженія, за которой сравнительно легко можно было передвигать резервы, а не съ стратегическимъ фронтомъ.

Оборона, не знающая группировки и распредѣленія силъ противника, всегда вынуждена болѣе или менѣе разбрасывать свои резервы и тѣмъ меньше можетъ разсчитывать на своевременный вводъ ихъ въ бой на рѣшающемъ пунктѣ, чѣмъ больше фронтъ, который приходится занять сообразно обстановкѣ и своимъ силамъ.

Но такъ какъ, съ одной стороны, эти затрудненія основаны на самой сущности вещей, а съ другой—такъ какъ даже и при надлежащей и своевременной развѣдкѣ обороняющійся всегда играетъ „во второй рукѣ“ и предоставляетъ врагу нѣкоторый выигрышъ въ пространствѣ и во времени, то особенно важно использовать во-всю современныя средства сообщенія и поравняться съ атакующимъ.

Въ своей странѣ нужно расширять желѣзнодорожную сѣть именно въ этомъ смыслѣ и не только увеличивать число дорогъ, которыя ведутъ къ границѣ, но и заботиться объ обезпеченіи себя поперечными дорогами для боковыхъ перемѣщеній войскъ. Въ такомъ случаѣ нужно размѣстить резервы на этихъ линіяхъ, а, главнымъ образомъ, въ желѣзнодорожныхъ узлахъ, откуда они могли бы быть двинуты въ любомъ направленіи. При слаборазвитой желѣзнодорожной сѣти или въ непріятельской странѣ нужно постараться воспользоваться полевыми желѣзными дорогами и исправить разрушенную сѣть. Слѣдуетъ также устроить въ важныхъ стратегическихъ пунктахъ продовольственные магазины къ услугамъ тѣхъ войскъ, которыя будутъ въ этомъ направленіи передвигаться.

Наконецъ, чрезвычайно важно, въ особенности при крупныхъ и взаимно дѣйствующихъ арміяхъ, установить правильную отдачу приказаній. Мы разсмотрѣли уже въ I томѣ, какъ этотъ вопросъ колеблется между двумя противоположными полюсами, а именно—необходимостью сохранить самостоятельность подчиненнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечить взаимодѣйствіе различныхъ частей, безъ всякихъ треній. Намъ остается лишь указать на то, что здѣсь важно точно разграничить районы развѣдки отдѣльныхъ группъ армейской конницы и отдѣльныхъ армій, а также районы продовольственные и квартирные. Часто придется дать командующимъ арміями директивы для развѣдки или даже объединить подъ одною властью развѣдывательные органы нѣсколькихъ армій. Седанская операція особенно наглядно показываетъ, какъ рѣдко командующіе арміями могутъ, съ своей точки зрѣнія, цѣлесообразно направить развѣдку. Но и сама кавалерія должна быть точно освѣдомлена о широкихъ взглядахъ на положеніе дѣлъ, чтобы принести дѣйствительную пользу. Результаты же развѣдки, которые могутъ быть вполнѣ

оцѣнены только въ центральномъ пунктѣ во взаимной связи и въ ихъ истинномъ значеніи, должны все время сообщаться штабамъ, если мы хотимъ достигнуть сознательнаго взаимодѣйствія отдѣльныхъ частей.

Наконецъ, нужно позаботиться и о томъ, чтобы отдѣльныя арміи имѣли всегда требуемую общимъ положеніемъ дѣлъ степень боевой готовности и оперативной годности. Войска всегда склонны устроиться поудобнѣе и, съ своей точки зрѣнія, часто не могутъ даже и понять того, что требуется съ точки зрѣнія оперативной. Въ послѣднихъ войнахъ Германіи часто случалось, что отдѣльныя колонны армій двигались съ слишкомъ большой глубиною и отдыхали въ то время, когда обстановка требовала развертыванія въ направленіи движенія; въ другихъ пунктахъ арміи держались такъ скученно, что не могли своевременно развернуться и не считались съ возможными дѣйствіями противника. Это обстоятельство необходимо всегда имѣть въ виду. Нужно быть постоянно готовымъ выступить навстрѣчу неожиданному наступленію противника, и даже частичная непріятельская побѣда не должна захватить какую бы то ни было часть арміи неподготовленной къ отраженію нападенія или къ выполненію вызываемой этой побѣдой новой операціи. Поэтому командующіе арміями и войсковые начальники всегда должны знать руководящія общія точки зрѣнія; они всегда должны знать въ чемъ дѣло и какъ отступать, если это придется. Иногда же, въ особенности при операціяхъ крупныхъ массъ, можно рекомендовать назначать отдѣльнымъ арміямъ ежедневныя конечныя цѣли передвиженій, а также глубину, ширину, а иногда и эшелонированіе, необходимое для стратегическаго развертыванія, такъ какъ вѣдь выше всякихъ другихъ требованій стоитъ требованіе—во что бы то ни стало достигнуть цѣли, поставленной себѣ полководцемъ.

Изъ всѣхъ этихъ разсужденій ясно, что при цѣлесообразныхъ и продуманныхъ мѣрахъ возможно съ современными массовыми арміями выполнить тѣ операціи, которыя во всѣ времена предназначались для организаціи столкновенія въ возможно выгоднѣйшихъ условіяхъ и рѣшительнымъ образомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ, что въ лицѣ этихъ массъ мы имѣемъ дѣло съ трудно преодолимымъ инертнымъ элементомъ; справиться съ нимъ по силамъ лишь человѣку съ

твердой волей и яснымъ умомъ, который рѣшается покинуть привычные, исхоженные пути и не боится потребовать необычнаго.

Какъ бы то ни было, но изъ нашихъ разсужденій вытекаетъ одно: если сила сопротивленія фронтальной тактической обороны возрасла; если трудность оперативныхъ передвиженій современныхъ массъ увеличилась, то очевидно, что значительный перевѣсъ будетъ на той сторонѣ, которая обладаетъ большею оперативною подвижностью, и это преимущество скажется тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше и тяжеловѣснѣе войсковыя массы у противника, чѣмъ больше онъ поклоняется принципамъ механическаго пониманія войны.

Въ будущемъ искуство веденія войны во многомъ будетъ заключаться въ томъ, чтобы сознательно осуществить оперативную подвижность войскъ.

---

8. Основы управленія войсками.

Стратегія и тактика.—Высшій принципъ стратегіи.—Сосредоточеніе силъ во времени.—Значеніе внѣшнихъ линій.—Неизвѣстность на войнѣ.—Сохраненіе иниціативы.—Простота и энергія.—Единство военныхъ дѣйствій.—Идея уничтоженія.—Отвага.

Задача стратегіи заключается въ томъ, чтобы подвести войска для боя въ рѣшающемъ направленіи и въ возможно большихъ силахъ и организовать боевое столкновеніе при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ.

Въ противоположность этому опредѣленію, подъ словомъ „тактика" понимаются очень разнообразные предметы, а именно, съ одной стороны—основы веденія боя, а съ другой—всѣ болѣе элементарныя по сравненію съ операціями формы и виды движеній, примѣняемыя войсками во время операцій и въ бою *).

Поэтому, въ общемъ, сосредоточеніе и операція относятся къ области стратегіи, а веденіе боя — къ области тактики. Но въ томъ выраженіи, которымъ я опредѣлилъ задачу стратегіи, вмѣстѣ съ тѣмъ заключается и широкій принципъ

---

*) Попытки точнѣе формулировать понятія тактики и стратегіи дѣлались не разъ. Я считаю это и лишнимъ, и невозможнымъ. Наполеонъ I, какъ извѣстно, различалъ „тактику" и „большую тактику", указывая этимъ, что, по его мнѣнію, существенной разницы между этими обоими понятіями не существуетъ, а есть лишь разница въ степени. Мнѣ кажется, что онъ правъ. То, что мы понимаемъ подъ тактикой и стратегіей, такъ незамѣтно сливается другъ съ другомъ, что провести границу между ними не представляется возможнымъ. Для практики же достаточно, чтобы не было сомнѣній относительно содержанія этихъ двухъ понятій, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ.

практическаго управленія войсками, который, будучи основанъ на сущности войны, долженъ доминировать надъ всѣми военными дѣйствіями.

Вѣдь сама борьба — или представленіе о ея вѣроятномъ исходѣ — на войнѣ единственный и при всякихъ условіяхъ рѣшающій элементъ. Всѣ дѣйствія на войнѣ имѣютъ цѣлью обезпечить побѣду при боевомъ столкновеніи и оправдываются лишь постольку, поскольку они этой цѣли служатъ. Это уже ясно доказано Клаузевицемъ и это я попытался сдѣлать въ своемъ опредѣленіи.

„Привести къ бою при наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ" — такова единственная задача стратегіи. Будемъ ли стараться выполнить ее непосредственно или посредственно — всѣми стратегическими дѣйствіями должно руководить только это требованіе. Гдѣ этому требованію не удовлетворяютъ, тамъ прегрѣшаютъ противъ самой сущности войны, и все же это прегрѣшеніе слишкомъ часто встрѣчается въ военной исторіи. Даже убѣжденные въ справедливости этого принципа не всегда принимаютъ его во вниманіе на практикѣ, и очень часто мы видимъ въ стратегическихъ распоряженіяхъ командующихъ арміями точки зрѣнія, прямо противорѣчащія требованіямъ боя. Конечно, часто это происходитъ потому, что, несмотря на правильное теоретическое пониманіе стремленій стратегіи, обстановка оцѣнивается неправильно; но часто и потому, что среди многочисленныхъ требованій дѣлового и личнаго характера, которыя предъявляются къ полководцу и среди которыхъ ему приходится въ большинствѣ случаевъ работать, онъ не можетъ вполнѣ уяснить себѣ тѣ точки зрѣнія, которыя однѣ и должны были бы влiять на его рѣшенія, или же онъ не въ силахъ или не можетъ преодолѣть противодѣйствующія ему затрудненія.

Представивъ себѣ всю область затрудненій, нерѣдко кажущихся вполнѣ обоснованными и авторитетными, едва ли можно удивляться тому, что полководцы то и дѣло сбиваются съ пути логическихъ дѣйствій и прибѣгаютъ къ половинчатымъ или уродливымъ мѣрамъ. Но послѣднее представляется наиболѣе худшимъ на войнѣ. Въ то время какъ почти во всѣхъ сферахъ практической дѣятельности человѣка совершенныя ошибки могутъ быть исправлены и потери возмѣщены, за ошибки въ военной области, каковъ бы

ни былъ окончательный результатъ, приходится расплачиваться кровью. Богатая и цвѣтущая человѣческая жизнь приносится въ жертву убійственной въ военномъ дѣлѣ безхарактерности и непослѣдовательности.

Поэтому слѣдуетъ безусловно требовать, чтобы всѣ стратегическія мѣропріятія преслѣдовали единственную цѣль—созданіе наиболѣе благопріятныхъ условій для рѣшительнаго столкновенія. Но никогда нельзя поступать наоборотъ, т. е. считать стратегическое развертываніе и планъ войны зависящими отъ особыхъ условій и заботиться лишь о томъ, чтобы созданное такимъ образомъ положеніе могло превратиться въ тактическую побѣду.

Требованіе это, повидимому, просто и естественно; въ дѣйствительности же, при современныхъ условіяхъ необычайно трудно удовлетворить ему въ полной мѣрѣ.

Поэтому то его нужно подчеркнуть еще рѣзче.

Конечно, пока мы располагаемъ численнымъ или какимъ либо другимъ перевѣсомъ, можно часто пойти противъ духа этого требованія, не теряя шансовъ на побѣду. Неправильность дѣйствій кажется въ этихъ случаяхъ безнаказанной, такъ какъ наказаніе выражается лишь уменьшеніемъ успѣха и можетъ быть бо́льшими потерями, и имѣющагося перевѣса въ силахъ достаточно для уравновѣшенія менѣе выгодной обстановки созданнаго операціей тактическаго положенія. Но гдѣ обѣ стороны равноцѣнны или гдѣ слабѣйшему приходится помѣряться силами съ сильнѣйшимъ, проведеніе этого принципа является рѣшающимъ для всей войны. Лавры побѣды принадлежатъ тому, кто логичнѣе и тверже во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ руководится идеей тактическаго столкновенія и умѣетъ подойти къ послѣднему съ бо́льшими шансами на побѣду, чѣмъ противникъ. Стратегія отнюдь не должна быть чѣмъ либо другимъ, какъ послушною слугою тактическаго столкновенія. Мы должны стараться какъ можно лучше постичь — что требуетъ бой и въ какихъ формахъ лучше всего его дать, и затѣмъ, руководясь этой точкой зрѣнія, составить планъ стратегическихъ дѣйствій предшествующихъ бою.

Требованіе—всѣ стратегическія распоряженія сообразовать съ рѣшительнымъ боевымъ столкновеніемъ—приводитъ насъ

къ слѣдующей задачѣ стратегіи: **такъ группировать и передвигать войска, чтобы всѣ части, находящіяся въ первой линіи, могли дѣйствовать одновременно и чтобы при главномъ рѣшающемъ столкновеніи могъ быть введенъ въ дѣло и стратегическій резервъ.** Даже удаленныя отъ поля рѣшительнаго столкновенія части должны быть употреблены такъ, чтобы дѣятельность ихъ могла имѣть непосредственное, хотя и отдаленное вліяніе на бой, который ведется въ важнѣйшемъ направленіи. Силы, бездѣйствующія при рѣшительномъ столкновеніи, во всякомъ случаѣ слѣдуетъ считать ослабленіемъ своихъ силъ, что зачастую по меньшей мѣрѣ вредно отражается на объемѣ побѣды, а иногда ставитъ ее на карту. Непріятель долженъ быть всюду прикованъ; ему нельзя позволить передвигать войска и сосредоточивать ихъ для созданія перевѣса въ силахъ на одномъ участкѣ театра военныхъ дѣйствій. Это справедливо какъ для стратегическаго наступленія, такъ и для обороны. Вмѣстѣ съ тѣмъ надлежитъ признать негодными всѣ тѣ предпріятія, которыя прежде обозначали словомъ „диверсія". Они возможны лишь въ томъ случаѣ, когда перевѣсъ въ силахъ настолько великъ, что на рѣшающемъ театрѣ военныхъ дѣйствій имъ не хватаетъ мѣста.

Если бы, напримѣръ, въ случаѣ войны между Германіей и Франціей, англичане осуществили свою прежнюю угрозу и высадили въ Ютландіи 100,000 армію для дѣйствій противъ Берлина, то это надлежало бы признать за диверсію, которая въ большей степени стѣснила бы наступательную силу противниковъ на рѣшительномъ полѣ сраженія, чѣмъ нѣмцевъ [1]).

Дальнѣйшее требованіе, предъявляемое къ полководцу при разрѣшеніи стратегическихъ и оперативныхъ задачъ, заключается **въ стремленіи удержать за собою внѣшнія линіи**, чтобы тѣснить противника концентрически и не поддаваться опасности быть охваченнымъ и сбитымъ въ кучу.

---

[1]) На угрожающее замѣчаніе англійскаго посланника—что сдѣлали бы нѣмцы, если бы Англія высадила 100.000 въ Ютландіи, Бисмаркъ, какъ извѣстно, отвѣтилъ: „Это не было бы очень опаснымъ; мы бы просто ихъ арестовали". Онъ былъ правъ и съ военной точки зрѣнія.

Если требованіе одновременности дѣйствія всѣхъ силъ вытекаетъ изъ самой сущности войны и имѣетъ потому общее значеніе, то принципъ владѣнія внѣшними линіями основанъ на свойствахъ современной войны.

Въ мелкомъ масштабѣ, превосходство внѣшнихъ линій обусловливается дальнобойностью современнаго огнестрѣльнаго орудія и проистекающею отсюда возможностью сосредоточить на охваченномъ противникѣ перекрестный огонь.

Въ крупномъ же масштабѣ рѣшающимъ моментомъ являются массы. Чѣмъ онѣ больше, тѣмъ больше нужна для нихъ свобода передвиженій и правильно регулированныя сообщенія. Обезпечить это на внѣшнихъ линіяхъ легче, чѣмъ на внутреннихъ. Если массы современныхъ армій съ ихъ обширными и тяжеловѣсными тыловыми сообщеніями будутъ сбиты съ широкаго фронта на ограниченное число дорогъ, то очень быстро прекратится возможность ихъ продовольствовать и передвигать, а тогда катастрофа уже не за горами.

Однако, принципъ обладанія внѣшними линіями нельзя превращать въ шаблонъ. Нужно помнить прежде всего, что стратегически онъ главнымъ образомъ обусловленъ массами, а потому можетъ оказаться непригоднымъ, когда или наличное пространство исключаетъ опасность концентрическаго отступленія, или массы не такъ велики, чтобы въ концентрическомъ положеніи опасаться потери свободы передвиженій. Затѣмъ слѣдуетъ всегда помнить, что всѣ стратегическія дѣйствія подчиняются закону тактическаго столкновенія и что поэтому тамъ, гдѣ есть шансъ на тактическій успѣхъ, всѣ стратегическія соображенія должны умолкнуть. Побѣда мѣняетъ всякую обстановку. Было бы, напр., совершенно ошибочно придти къ заключенію о недопустимости въ наше время попытокъ прорыва только изъ-за того, что тактическій и стратегическій прорывъ приводитъ къ внутреннимъ линіямъ, т. е. связанъ съ опасностью быть охваченнымъ. Побѣдоносный прорывъ, какъ уже доказано выше, приводитъ къ охвату обѣихъ непріятельскихъ группъ и потому на внутреннихъ линіяхъ даетъ всѣ преимущества внѣшнихъ. Напротивъ, побѣжденный долженъ всѣми силами противодѣйствовать тому, чтобы его при отступленіи не сбили концентрически и не отрѣзали отъ путей сообщенія.

Однако, это требованіе—съ одной стороны всегда помнить о превосходствѣ внѣшнихъ линій въ современной войнѣ, а съ другой—въ каждомъ данномъ случаѣ поступать сообразно обстановкѣ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ какъ разъ наоборотъ—ясно показываетъ трудность полководческаго искусства; здѣсь все время приходится имѣть дѣло съ многочисленными неизвѣстными и сомнительными данными; почти никогда нельзя имѣть надежныхъ свѣдѣній о противникѣ; никогда не знаешь, что онъ предприметъ; съ другой стороны можно и своей цѣли достигнуть различными путями. Такимъ образомъ, большею частью полководецъ оказывается между разумомъ и чувствомъ и отыскать математически правильное рѣшеніе никогда не удается. Даже самое точное знаніе обстановки у противника, насколько это возможно, никогда не дастъ безусловно правильнаго рѣшенія. Въ Римъ ведетъ много дорогъ и всегда оказываешься на распутьи.

Имѣется только одно средство для облегченія принятія рѣшенія среди этихъ неопредѣленныхъ элементовъ и для обезпеченія единства дѣйствій; поэтому полководецъ долженъ непрестанно хотѣть пользоваться имъ. Средство это—во всѣхъ случаяхъ, даже при пораженіи и отступленіи, сохранить за собой иниціативу и дѣйствовать по собственному желанію, вмѣсто того, чтобы зависѣть отъ противника. Тотъ, кто для принятія рѣшенія постоянно старается узнать, что хочетъ дѣлать противникъ, всегда подчинится его волѣ. Всегда быть дѣятельнымъ, всегда что любо предпринимать и никогда не пребывать, безъ настоятельной необходимости, въ бездѣятельномъ выжиданіи—таковы требованія, предъявляемыя къ полководцу. Но при современныхъ условіяхъ эти требованія принимаютъ особое значеніе.

Такъ какъ оперативныя передвиженія современныхъ массъ требуютъ очень много времени, а на обширныхъ театрахъ военныхъ дѣйствій приходится обыкновенно проходить большія разстоянія, то гораздо труднѣе, чѣмъ прежде, своевременно осуществить всѣ необходимыя распоряженія, если ждать, для принятія рѣшеній, выясненія намѣреній противника. Значеніе иниціативы противъ прежняго возрасло, на что мы уже указывали раньше. Это обстоятельство возлагаетъ

на полководца особенно серьезную обязанность удержать въ своихъ рукахъ иниціативу, хотя бы и противникъ стремился къ тому же.

Въ этомъ случаѣ перевѣсъ окажется на сторонѣ того, кто проектировалъ болѣе простыя и рѣшительныя операціи и выполняетъ ихъ съ несокрушимой энергіей.

Дѣйствіе, разсчитывающее на взаимодѣйствіе различныхъ факторовъ, всегда заключаетъ въ себѣ нѣкоторый рискъ неудачи. Простота и ясность въ значительной мѣрѣ обезпечиваютъ успѣхъ. „Изъ всѣхъ воинскихъ добродѣтелей, говоритъ Клаузевицъ, энергія болѣе всего содѣйствовала славѣ и побѣдѣ оружія“. Не мудрость, какъ бы она не была велика, а мужество должно прежде всего давать тонъ дѣйствіямъ.

Итакъ, великій военный философъ требуетъ отъ насъ простоты и энергіи. Но мы можемъ добавить къ этому, что мужество и смѣлость должны быть тѣмъ больше, чѣмъ сильнѣе угрожающая намъ опасность, такъ какъ они сами по себѣ являются факторами побѣды.

Окинувъ взоромъ всѣ элементы современной войны въ ихъ совокупности, массы выставляемыхъ войскъ, обширность техническихъ вспомогательныхъ средствъ, необходимыхъ для передвиженій и сообщеній, разнообразіе мѣръ для продовольствія арміи и поддержанія ихъ боевой готовности, значительную трудность свободныхъ оперативныхъ передвиженій, обусловливаемую войсковыми массами, мы невольно останавливаемся передъ вопросомъ—возможно ли выполнить требованія простоты и вмѣстѣ съ тѣмъ энергично вести войну. При ближайшемъ разсмотрѣніи вопроса, сомнѣніе это исчезаетъ.

Клаузевицъ требуетъ простоты идеи, а не средствъ. Онъ не допускаетъ ученыхъ маневровъ, операцій, основанныхъ на искуственномъ взаимодѣйствіи многочисленныхъ колоннъ или старающихся добиться побѣды путемъ стратегическихъ окольныхъ путей — явленія столь частыя въ его время. Онъ требуетъ мѣропріятій, которыя стремятся къ побѣдѣ по кратчайшему, но и рѣшительному пути, и онъ былъ далекъ отъ признанія возможности оправдать невыполненіе простой по идеѣ операціи техническими трудностями.

Въ этомъ смыслѣ и духѣ и мы не смѣемъ останавливаться передъ какими бы то ни было военно-техническими затрудненіями при выполненіи того, что кажется намъ необходимымъ съ военной точки зрѣнія. Мы должны стараться настолько упростить оперативную работу и технику походныхъ движеній и продовольствія, а также пріучить и освоить съ ними войска, чтобы выполненіе различныхъ оперативныхъ движеній не доставляло намъ труда.

Начальникъ и войска должны быть въ полной мѣрѣ освоены съ оперативной дѣятельностью, если мы хотимъ, чтобы простыя передвиженія выполнялись на самомъ дѣлѣ просто. Только при такомъ владѣніи средствами войны, возможна простота дѣйствій, обезпечивающая нѣкоторый перевѣсъ надъ противникомъ. Производство опытовъ въ присутствіи врага всегда опасно, и тамъ, гдѣ недостаетъ пониманія оперативныхъ требованій, начальники не справятся даже съ простѣйшими задачами.

Когда генералъ ф. Штейнмецъ вступилъ въ 1870 г. въ командованіе первой арміей, онъ совершенно не былъ подготовленъ къ этой задачѣ. Онъ жилъ устарѣвшими понятіями и совершенно не отдавалъ себѣ отчета о походномъ движеніи арміи. Докладовъ своего начальника штаба онъ не слушалъ. Результаты не замедлили обнаружиться. Наступленіе къ Шпихерну привело армію въ такой безпорядокъ, такъ сбило ее въ общую кучу, что потребовались цѣлые дни на ея разборку, и въ это время, въ случаѣ всегда возможнаго неожиданнаго наступленія французовъ, она не была въ состояніи развернуться.

Если, такимъ образомъ, простота оперативной идеи, стремящейся къ возможно прямому достиженію цѣли, является безусловнымъ требованіемъ къ начальнику, то съ другой стороны нельзя искать этой простоты въ томъ, чтобы нужно было всегда стремиться къ привычному и наиболѣе близкому. Это въ концѣ концовъ привело бы къ грубому натурализму, къ совершенно безыскуственному дѣйствію, а съ другой стороны, въ большинствѣ случаевъ впало бы въ противорѣчіе съ основнымъ требованіемъ военнаго искуства — всегда стремиться къ высшей цѣли. Если мы желаемъ удовлетворить этому требованію, то часто должны на войнѣ рѣшаться на предпріятія далеко не просто выпол-

нимыя: операціи противъ фланга и тыла противника, прорывъ непріятельскаго расположенія и т. п. Отъ подобныхъ предпріятій конечно нельзя отказываться въ угоду простотѣ; нужно только попытаться выполнить ихъ самымъ простымъ и естественнымъ способомъ, не разсчитывая на точное взаимодѣйствіе частей сложнаго стратегическаго механизма.

Требуемая Клаузевицемъ энергія дѣйствія также возникаетъ лишь на почвѣ полнаго владѣнія техническими средствами и изъ яснаго пониманія возможнаго успѣха. Принципъ крайней энергіи дѣйствій справедливъ не только для одного полководца, но долженъ быть закономъ для каждаго частнаго начальника, если мы всюду хотимъ достигнуть высшихъ результатовъ. Энергія составляетъ необходимое дополненіе требуемой намъ простоты, такъ какъ она же преодолѣваетъ непредвидѣнныя препятствія и тѣмъ самымъ содѣйствуетъ простотѣ дѣйствій. „При всякихъ операціяхъ возникаютъ затрудненія, писали въ 1757 г. Шверинъ и Винтерфельдъ королю Фридриху, но ихъ нужно преодолѣть хорошими распоряженіями и рѣшительными дѣйствіями“. Activité, activité, vitesse—училъ Наполеонъ своихъ начальниковъ; Фридрихъ Великій также постоянно требовалъ отъ своихъ генераловъ энергіи въ дѣйствіяхъ.

Если неустанная энергія составляетъ, рядомъ съ простотою, необходимое свойство начальника, то съ другой стороны она отнюдь не должна вырождаться въ произволъ; напротивъ, нужно требовать, чтобы при проявленіи энергіи всѣми частными начальниками, соблюдалось единство дѣйствій. Никогда нельзя упускать изъ вида, въ угоду энергіи дѣйствій—великую цѣль общихъ дѣйствій.

Когда въ 1757 году генералъ ф. Шверинъ вторгнулся въ Богемію изъ Силезіи, чтобы совмѣстно съ арміей короля нанести врагу рѣшительный ударъ, у него на флангѣ, у Кениггреца, оказался сильный австрійскій корпусъ генерала Сербеллони. Соблазнъ разбить этотъ корпусъ прежде, чѣмъ соединиться съ королемъ, былъ очень великъ и Шверинъ былъ близокъ къ тому, чтобы ему поддаться. Къ тому же нанести Сербеллони рѣшительное пораженіе было не невозможно и давало значительныя преимущества; поэтому было вполнѣ естественно, если бы энергичный генералъ соблазнился бы этимъ. Но этотъ планъ противорѣчилъ главной идеѣ похода

и фельдмаршалъ отказался отъ этой операціи и, слѣдуя смѣлому полету мысли своего короля, оставилъ Сербеллони на своемъ флангѣ и въ тылу и безъ промедленія продолжалъ идти къ мѣсту главнаго рѣшенія.

Въ отношеніи простоты поучителенъ и интересенъ также походъ 1866 года.

Идея Мольтке разгромить Австрію не была осуществлена именно вслѣдствіе отсутствія такого единства. Командующіе арміями совершенно не стремились къ осуществленію идеи Мольтке, а руководствовались собственными взглядами, противорѣчившими Мольтке. Идея уничтожить врага, охватившая всего Мольтке, была совершенно чужда младшимъ начальникамъ. Они считали своей задачей—соединеніе отдѣленныхъ другъ отъ друга армій. По мнѣнію главнокомандующаго, ближайшая цѣль войны заключалась въ томъ, чтобы собрать у Гичина или Милетина въ одну общую массу 250.000 чел.

Мольтке хотѣлъ, широко развернувъ армію, со всѣхъ сторонъ охватить австрійцевъ и уничтожить ихъ. Его же подчиненные полагали, что дѣйствуютъ особенно энергично, если не поддадутся этому стремленію, а сосредоточатъ свои силы на полѣ сраженія. Съ фельдмаршаломъ случилось то же, что съ Фридрихомъ Великимъ, когда онъ хотѣлъ взять въ плѣнъ австрійскую армію въ Прагѣ. Ученые солдаты его времени, съ принцемъ Генрихомъ во главѣ, считали это безуміемъ; они хотѣли разбить врага по опредѣленнымъ правиламъ, какъ и прусскій главнокомандующій въ 1866 г.

Распоряженія командующихъ арміями можно характеризовать такъ: побѣды пруссаковъ до сихъ поръ выигрывались благодаря огню игольчатыхъ ружей и выигрышу фланговъ. „Поэтому теперь слѣдуетъ возможно ограничить посредствомъ массовыхъ глубокихъ порядковъ огонь игольчатыхъ ружей, а сокращеніемъ фронта воспрепятствовать выигрышу фланга“, тогда какъ Мольтке добивался какъ разъ обратнаго. Онъ тщетно боролся съ сепаративными стремленіями командующихъ арміями и корпусныхъ командировъ и съ полнымъ непониманіемъ его идей. Это можно прослѣдить на протяженіи всей войны 1866 г., и это ослабляло результаты побѣдъ и угрожало большими опасностями.

Изъ сказаннаго вытекаетъ безусловная необходимость

того, чтобы всѣ командующіе арміями и старшіе начальники всѣми средствами старались дѣйствовать въ духѣ и смыслѣ главнокомандующаго и выполняли его намѣренія, даже если сами не раздѣляютъ его воззрѣній. Только при этихъ условіяхъ достижимо единство дѣйствій.

Младшій начальникъ можетъ и обязанъ самовольно отступить отъ высшихъ директивъ только въ томъ случаѣ, если обстановка у противника окажется совершенно не такою, какою представлялъ ее себѣ старшій начальникъ, но и въ этомъ случаѣ онъ долженъ стараться обезпечить единство дѣйствій въ духѣ высшаго начальника.

Съ другой стороны, и высшее командованіе обязано идти навстрѣчу стремленію младшихъ начальниковъ къ этому идеалу. Оно должно вполнѣ ясно формулировать свои намѣренія и, не взирая ни на что, заставлять ихъ исполнять, если встрѣтитъ принципіальное противодѣйствіе. Въ 1866 г. это не было исполнено. Мольтке не бытъ понятъ, а воля высшаго командованія не была приведена въ исполненіе наперекоръ стремленіямъ командующихъ арміями.

Но и другимъ полководцамъ приходилось считаться съ недостаткомъ разумѣнія, школы и рѣшимости у частныхъ начальниковъ. Они старались устранить эти недостатки неприкосновенностью своего авторитета и рѣшительностью своихъ приказаній. Мольтке былъ не полководцемъ, а только начальникомъ генеральнаго штаба, не имѣлъ достаточнаго авторитета и не имѣлъ права высказываться съ опредѣленностью полководца. Онъ вынужденъ былъ прибѣгать къ вѣжливымъ совѣтамъ, почтительному поставленію въ извѣстность, директивамъ и т. п. вспомогательнымъ средствамъ; только въ крайнихъ случаяхъ онъ могъ предупреждать грубѣйшія ошибки королевскимъ „повелѣваю". Подобныя же условія имѣли мѣсто и въ 1870—71 г.г. Въ будущемъ ихъ не должно быть.

Высшее командованіе имѣетъ право положиться на безусловное содѣйствіе всѣхъ подчиненныхъ, на полное согласованіе съ духомъ его желаній, а не только на полное повиновеніе; но оно также несомнѣнно несетъ священную обязанность позаботиться о томъ, чтобы его понимали какъ въ мирное время, такъ и на войнѣ, и не колеблясь заставить дѣйствовать согласно и энергично. Только при этомъ усло-

віи онъ можетъ разсчитывать достигнуть той высшей цѣли, къ которой обязанъ стремиться.

Мы уже указывали на то, что теорія не можетъ разъ на всегда опредѣлить ту высшую цѣль, къ которой должно стремиться на войнѣ. Это зависитъ отъ соотношенія силъ противниковъ и особыхъ условій. Но, тѣмъ не менѣе, полное уничтоженіе непріятельскихъ вооруженныхъ силъ составляетъ успѣхъ, которымъ нельзя пренебречь съ военной точки зрѣнія и который слѣдуетъ считать наивысшимъ. Мы и видимъ, что великіе полководцы всѣхъ временъ всегда считали эту цѣль высшимъ трофеемъ побѣды. Особенно ясно эта идея уничтоженія врага сказывается въ планахъ войнъ и сраженій Фридриха Великаго. Политически, многіе полководцы задавались и болѣе высокими цѣлями, чѣмъ этотъ король; но въ военномъ отношеніи никто не задумывалъ болѣе высокаго, никто не стремился къ болѣе рѣшительному и никто такъ не дерзалъ, какъ старый Фрицъ. Мольтке бралъ примѣръ съ него. Передъ глазами обоихъ паритъ идея уничтоженія. Они хотятъ не только побѣдить, но и уничтожить врага, чтобы сдѣлать излишнею всякую дальнѣйшую борьбу. Они ставятъ себѣ высшую возможную цѣль. Полное уничтоженіе врага всегда самое выгодное, такъ какъ освобождаетъ всѣ силы побѣдителя для другихъ задачъ. Благодаря тому, что нѣмцамъ удалось, путемъ овладѣнія Мецомъ и Парижемъ, Седанскаго разгрома и блестящаго южнаго похода Мантейфеля совершенно изъять съ театра военныхъ дѣйствій четыре французскихъ арміи, они пріобрѣли подавляющій перевѣсъ, который совершенно исключилъ возможность дальнѣйшаго сопротивленія и не допустилъ вмѣшательства враждебно настроенныхъ нейтральныхъ государствъ. Война, закончившаяся уничтоженіемъ врага, можетъ имѣть и большое политическое значеніе, освобождая политически силы государства, и Мольтке отлично сознавалъ, что дѣлаетъ, когда уже въ 1866 г. хотѣлъ осуществить идею уничтоженія. Вѣдь уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ на западномъ политическомъ горизонтѣ стояла темная туча. Если бы планъ войны Мольтке былъ осуществленъ, то австро-саксонская армія должна была бы положить оружіе у Быстрицы или была бы уничтожена. Когда затѣмъ вмѣшалась Франція, то главныя силы Пруссаковъ на Рейнѣ ока-

зались бы свободными и можно было бы въ томъ же году продиктовать миръ въ Парижѣ. Но это уничтожающее сраженіе не удалось и значительныя силы пруссаковъ остались прикованными къ австрійскому театру войны, что создало критическое положеніе, которое могло бы сдѣлаться опаснымъ, если бы Франція взялась за оружіе, а Австрія продолжала сопротивляться.

Понятно, что на войнѣ не всегда можно поставить себѣ одинаково высокія цѣли; однако при всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ,—отъ плана войны до нападенія на полевой караулъ, идея уничтоженія должна доминировать. Цѣлью всякаго военнаго дѣйствія должно быть уничтоженіе, т. е. обезвреженіе возможно большаго числа враговъ. Только это придастъ ему характеръ стремленія къ высшей цѣли, что отвѣчаетъ сущности войны. Съ этой именно точки зрѣнія слѣдуетъ провѣрять каждый планъ войны. Онъ долженъ въ особенности служить путеводной звѣздой полководцу будущаго. Конечно, она ведетъ по пути наибольшей опасности и наибольшаго напряженія силъ. Охватъ и окруженіе противника, бои съ обратнымъ фронтомъ, пожертвованіе собственными сообщеніями—таковы тѣ операціи, на которыя она намъ указываетъ въ самыхъ мелкихъ и крупныхъ размѣрахъ. Но эти же дѣйствія даютъ наибольшіе шансы на блестящій успѣхъ. „Смѣлымъ Богъ владѣетъ", пишетъ въ 1757 г. Винтерфельдтъ своему королю.

На войнѣ, при всѣхъ предпріятіяхъ, нужно считаться меньше съ опасностями, чѣмъ съ возможной побѣдой. Это слѣдуетъ принять за неизмѣнное правило. Подобно тому, какъ успѣхъ всегда бываетъ менѣе ожидаемаго, также точно не всегда оправдывается и опасность. Ошибки противника, совершаемыя имъ уже потому, что онъ не знаетъ намѣреній своего врага, многое уравниваютъ и тѣмъ больше, чѣмъ смѣлѣе и неожиданнѣе на него нападаютъ. Правда, что прежде, чѣмъ на что либо рѣшиться, нужно обдумать рѣшеніе, но послѣ этихъ раздумываній нужно рѣшаться и не терять времени. Нѣмецкій уставъ справедливо говоритъ, что „упущеніе составляетъ болѣе тяжелый проступокъ, чѣмъ ошибка въ выборѣ средствъ".

9. Стратегическое развертываніе и война въ этотъ періодъ.

Характеръ войны въ періодъ стратегическаго развертыванія.—Значеніе боевъ въ этомъ періодѣ. — Мобилизація. — Стратегическое развертываніе.—Стратегическія побочныя соображенія.—Оборонительное развертываніе и чистая оборона. — Развертываніе съ цѣлью перехода въ наступленіе.—Развертываніе для стратегическаго наступленія.—Развертываніе линіями.—Дѣйствія на второстепенныхъ фронтахъ.—Сосредоточеніе лучшихъ войскъ для рѣшительнаго столкновенія.—Встрѣчное наступленіе.—Развѣдка и образованіе завѣсы.—Кавалерійскія столкновенія въ періодъ развертыванія. — Борьба съ фортами-заставами. — Сосредоточеніе осадныхъ войскъ.—Оборона береговъ.

Я уже говорилъ, что первый періодъ войны, непосредственно слѣдующій за стратегическимъ развертываніемъ, въ будущемъ приметъ совершенно особый характеръ и очень наглядно уяснитъ сущность массовой войны.

Здѣсь дѣйствія вытекаютъ по составленному въ мирное время плану изъ группировки назначенныхъ для даннаго театра военныхъ дѣйствій силъ, которыя слѣдуетъ, несмотря на раздѣленіе ихъ на различныя арміи, разсматривать какъ единое цѣлое, всѣ части котораго дѣйствуютъ совмѣстно для достиженія общей цѣли. Единству дѣйствій ничто не мѣшаетъ. Въ группировкѣ и въ первыхъ оперативныхъ передвиженіяхъ ясно и опредѣленно обнаруживается идея полководца, пока это единство не нарушено встрѣчей съ врагомъ и исходомъ первыхъ тактическихъ столкновеній. Это до нѣкоторой степени единственное обширное поле сраженія и операцій, которое полководецъ долженъ охватить умственнымъ взоромъ и на которомъ всѣ члены этого могучаго организма двигаются непосредственно по его волѣ и должны дѣйствовать въ духѣ общей его цѣли.

Предполагаемый ходъ этого перваго періода войны можетъ быть нарушенъ лишь въ томъ случаѣ, если одинъ изъ противниковъ быстрѣе закончитъ свою подготовку и перейдетъ въ наступленіе раньше, чѣмъ другой закончитъ свое стратегическое развертываніе. Но и это обстоятельство возможно учесть при составленіи плана, чтобы встрѣтить атаку соотвѣтствующими мѣропріятіями. Можно отнести районъ развертыванія назадъ, отвести назадъ высадившіяся уже и находящіяся на границѣ войска и тѣмъ самымъ уклониться отъ преждевременнаго столкновенія; этими мѣрами можно уравновѣсить пріобрѣтенный противникомъ перевѣсъ во времени. Подобныя дѣйствія едва ли лишатъ первый періодъ войны характера единой массовой борьбы. Еще меньше могутъ это сдѣлать частныя предпріятія на границѣ. Единство дѣйствій будетъ нарушено лишь исходомъ боевыхъ столкновеній на различныхъ частяхъ театра военныхъ дѣйствій. Выигрышъ или проигрышъ частнаго сраженія создаетъ новую общую обстановку, новую группировку силъ, которая уже не была предусмотрѣна планомъ войны, какъ при стратегическомъ развертываніи, а вынуждена извѣстными обстоятельствами. Изъ этого принудительнаго положенія нужно снова пріобрѣсти свободу дѣйствій и сохранить инціативу. Новая идея должна объединить разрозненныя части всей арміи и построить новое основаніе для совмѣстныхъ дѣйствій. Въ періодъ дальнѣйшихъ операцій измѣняются и матеріальныя условія веденія войны и способствуютъ приданію дѣйствіямъ въ этомъ періодѣ совершенно иного характера, чѣмъ предусмотрѣнный въ періодъ стратегическаго развертыванія.

Но эти бои въ періодъ стратегическаго развертыванія занимаютъ особое мѣсто не только благодаря внѣшнимъ условіямъ дѣйствій, но и имѣютъ гораздо большее значеніе, чѣмъ прежде.

Въ настоящее время всѣ большія континентальныя государства Европы стремятся къ тому, чтобы не только увеличить насколько возможно свои вооруженныя силы, но и держать наготовѣ самую лучшую и надежную часть арміи для первыхъ важныхъ столкновеній, т. е. для войны въ періодъ стратегическаго развертыванія. Вслѣдствіе этого, дальнѣйшее увеличеніе силы, если и возможно, то въ ограниченномъ размѣрѣ посредствомъ новыхъ формированій, пріобрѣ-

тающихъ тактическую цѣнность лишь въ теченіе самой войны, а также наскоро обученныхъ запасныхъ. Такимъ образомъ, если первое тактическое столкновеніе превратится въ настоящее пораженіе одной изъ сторонъ и если въ это пораженіе вовлечена большая часть ея вооруженныхъ силъ и ихъ сила сопротивленія надолго сломлена, то прежде всего придется бороться за выигрышъ времени. Если въ этомъ случаѣ инженерная оборона государства недостаточно сильна, чтобы приковать къ себѣ значительныя непріятельскія силы и тѣмъ самымъ, въ соединеніи съ отступающей арміей, выиграть время, или же, если силы народа уже исчерпаны первымъ призывомъ, тогда это столкновеніе принимаетъ рѣшающій характеръ для всей войны; при этомъ ученіе Клаузевица о кульминаціонномъ пунктѣ побѣды можетъ оказаться непригоднымъ и побѣдитель можетъ овладѣть непріятельской страной, не потерявъ и доли своего перевѣса. Иногда, какъ, напр., теперь во Франціи, годные къ службѣ люди будутъ настолько израсходованы для первоначальнаго развертыванія, что народныхъ силъ едва ли хватитъ для возмѣщенія значительныхъ потерь; вѣдь уже въ мирное время ихъ не хватаетъ для поддержанія бюджетной численности арміи.

Отсюда слѣдуетъ, что тактическія столкновенія въ періодъ стратегическаго развертыванія будутъ тѣмъ тяжелѣе по своимъ послѣдствіямъ, чѣмъ больше въ нихъ будетъ введено войскъ, и что поэтому чрезвычайно важно выйти изъ нихъ побѣдителемъ.

Первымъ актомъ этой борьбы можно считать мобилизацію, такъ какъ уже здѣсь борятся за перевѣсъ. Сторона, успѣвшая скорѣе подготовить свои силы, т. е. мобилизовать ихъ, можетъ раньше приступить къ сосредоточенію и операціямъ, что составляетъ несомнѣнное преимущество. Поэтому всѣ военныя государства стремятся къ тому, чтобы ускорить мобилизацію, тщательно ее подготовить и по возможности устранить всѣ тренія.

Однако это стремленіе связано съ опасностью, вслѣдствіе излишней торопливости, слишкомъ сократить время и тѣмъ поставить на карту планомѣрный ходъ мобилизаціи; вслѣдствіе этого можетъ явиться нѣкоторая неготовность, которую придется затѣмъ исправлять.

Поэтому не слѣдуетъ преувеличивать значенія быстроты

мобилизаціи и никогда не оплачивать ее цѣною порядка и надежности, такъ какъ недочеты мобилизаціи трудно устранимы даже въ періодъ операцій. Это достаточно показала война 1870—71 г.г. на сторонѣ французовъ. Несомнѣнно, что превосходство мобилизаціоннаго расписанія дало нѣмцамъ значительныя преимущества какъ въ 1866, такъ и въ 1870 г.г. Но съ тѣхъ поръ условія чрезвычайно измѣнились и всѣ государства работаютъ на тѣхъ же принципахъ. Франція такъ же быстро изготовится къ войнѣ, какъ и Германія, если еще не скорѣе. Россія значительно запоздаетъ по условіямъ географическимъ и желѣзнодорожнымъ. Другія государства малоинтересны для насъ. Поэтому противъ восточнаго сосѣда небольшое замедленіе мобилизаціи не имѣло бы значенія, но противъ Франціи будетъ выгоднѣе отказаться отъ состязанія въ скорости, но зато увеличить надежность мобилизаціи и уравновѣсить небольшое преимущество, которое можетъ оказаться на сторонѣ противника, инымъ путемъ, т. е. системой стратегическаго развертыванія. Вѣдь и Мольтке ни минуты не колебался отнести районъ развертыванія нѣмецкой арміи назадъ, когда онъ считалъ его въ опасности; и, однако, онъ сумѣлъ не выпустить изъ своихъ рукъ иниціативы.

Чѣмъ больше въ мобилизаціонныхъ расчетахъ давать времени на устраненіе неизбѣжныхъ треній, тѣмъ надежнѣе можно разсчитывать на осуществленіе плана; за то съ другой стороны слѣдуетъ озаботиться о возможно скорѣйшемъ выступленіи войскъ, охраняющихъ границу, для отраженія небольшихъ непріятельскихъ партій и крупныхъ кавалерійскихъ частей. Прежде всего должны быть въ постоянной боевой готовности пограничныя крѣпости, чтобы онѣ могли выполнить свое назначеніе, даже если уже въ первые дни мобилизаціи онѣ будутъ отрѣзаны отъ своей страны вслѣдствіе разрушенія желѣзныхъ дорогъ или вторженія непріятеля. Нужно также разсчитывать и на то, что непріятель перейдетъ границу съ немобилизованными войсками, чтобы овладѣть важными пунктами или помѣшать мобилизаціи. Нужно позаботиться о сосредоточеніи въ опасныхъ мѣстахъ границы сильной кавалеріи для развѣдки съ первыхъ же дней; о сильной охранѣ желѣзнодорожныхъ линій и подготовить дѣйствія противъ сильныхъ немобилизованныхъ частей про-

тивника. Слѣдуетъ въ особенности разсчитывать на вторженіе поддержанныхъ пѣхотою большихъ кавалерійскихъ массъ по всей границѣ. Всѣ необходимыя мѣропріятія должны быть подготовлены еще въ мирное время и лишь при этомъ условіи можно разсчитывать на то, что они достигнутъ своей цѣли. Руководящей идеей должно быть: возможное ускореніе всѣхъ мѣропріятій на границѣ, спокойная увѣренность работы и прочный порядокъ во всей массѣ арміи.

Конечно это не исключаетъ необходимости подготовить уже въ мирное время все развертываніе арміи; это значительно ускоряетъ мобилизацію. Къ этимъ мѣропріятіямъ, напр., относятся: заготовка боевыхъ припасовъ въ соотвѣтствующихъ мобилизаціонныхъ центрахъ; сосредоточеніе осадной и тяжелой артиллеріи въ такихъ пограничныхъ крѣпостяхъ, откуда она могла бы быстрѣе всего достигнуть мѣста своего назначенія во время войны; подготовка неприкосновенныхъ запасовъ продовольствія и фуража, необходимыхъ перевозочныхъ и санитарныхъ средствъ и т. под. На гладкій ходъ мобилизаціи можно разсчитывать лишь въ томъ случаѣ, если все необходимое для нея подготовлено и собрано уже въ мирное время, такъ что при объявленіи войны остается лишь призвать людей, собрать лошадей и снарядить ихъ; наполнить необходимые магазины въ раіонѣ развертыванія и собрать потребный подвижной составъ. Входить въ дальнѣйшія подробности мы не можемъ по вполнѣ понятнымъ причинамъ, да это и не входитъ въ планъ настоящей работы. Здѣсь нужно лишь отмѣтить руководящія точки зрѣнія и показать—насколько дальнѣйшій ходъ военныхъ дѣйствій зависитъ отъ мобилизаціоннаго расписанія и насколько оно вліяетъ непосредственно на стратегическое развертываніе.

Само же развертываніе имѣетъ самое рѣшительное значеніе для всего хода и даже исхода войны. Ошибки, совершенныя въ періодъ сосредоточенія войскъ, большею частью уже непоправимы и притомъ тѣмъ меньше, чѣмъ крупнѣе передвигаемыя массы. Поэтому чрезвычайно важно при составленіи плана стратегическаго развертыванія исходить изъ правильныхъ и обоснованныхъ военныхъ точекъ зрѣнія и не поддаваться какимъ либо побочнымъ соображеніямъ.

Прежде всего нужно помнить одно: стратегическое

развертываніе, какъ и всѣ дѣйствія на войнѣ, подчиняется тактическому рѣшенію. Оно должно быть организовано такъ, чтобы выгодно подготовить операціи, имѣющія въ свою очередь цѣлью обставить выгодными условіями тактическое столкновеніе. Поэтому развертываніе непосредственно опредѣляется намѣченными предпріятіями, но отнюдь нельзя эти послѣднія ставить въ зависимость отъ того, что кажется желательнымъ для техническаго выполненія развертыванія или для достиженія второстепенныхъ цѣлей. Общая организація развертыванія должна быть обусловлена стратегической задачей; сообразно ей опредѣляются и руководящія точки зрѣнія.

Однако, отнюдь не легко послѣдовательно выдержать эту точку зрѣнія и соотвѣтственно этому дѣйствовать безошибочно, такъ какъ именно въ началѣ войны слишкомъ великъ соблазнъ поддаться соображеніямъ, кажущимся очень значительными, но на самомъ дѣлѣ второстепеннымъ.

Соблазнъ этотъ вызывается тремя соображеніями: желаніемъ по возможности совершеннѣе прикрыть страну отъ непріятельскаго вторженія; использовать наличную желѣзнодорожную сѣть во всѣхъ направленіяхъ для передвиженія войскъ; наконецъ, стремленіемъ, выдвинувъ дальше впередъ раіонъ стратегическаго развертыванія, выиграть у противника пространство и время.

Конечно, и эти точки зрѣнія до нѣкоторой степени справедливы, но несмотря на это ихъ не слѣдуетъ принимать во вниманіе, если онѣ противорѣчатъ требованіямъ, предъявляемымъ съ чисто военной точки зрѣнія для созданія благопріятныхъ условій тактическаго столкновенія; лишь съ этой точки зрѣнія можно ихъ и оцѣнивать.

Что касается до прикрытія своей страны, то здѣсь большею частью идетъ рѣчь о мѣстныхъ и ограниченныхъ цѣнностяхъ, которыя часто не оправдываютъ значительнаго расхода силъ. Если вслѣдствіе неудачной группировки армій, вызванной желаніемъ охранить родину, армія будетъ разбита, то первонально пріобрѣтенное преимущество совершенно теряется, тогда какъ побѣдоносный бой широко окупаетъ всѣ первоначальныя потери. Поэтому никогда не слѣдуетъ жертвовать военными интересами въ угоду повсемѣстной обороны границы. „Кто хочетъ прикрыть все, тотъ ничего не

прикрываетъ“, говоритъ Фридрихъ Великій, а въ другомъ мѣстѣ—„нужно умѣть кстати и проиграть“.

Есть лица, которыя считаютъ даже временную уступку своей территоріи болѣе важной, чѣмъ достигаемая этимъ выгода; которыя видятъ въ фактѣ перехода противника черезъ границу потерю инціативы и нравственнаго перевѣса. Я не раздѣляю этого взгляда; мнѣ думается, что всѣ подобныя невыгоды больше относятся къ плодамъ воображенія и что даже если бы онѣ оказались дѣйствительны, то и тогда побѣда всегда ихъ уравновѣситъ.

То же слѣдуетъ сказать и о желаніи возможно лучше использовать желѣзнодорожную сѣть. Если это приведетъ къ равномѣрному распредѣленію войскъ вдоль всей границы, то въ подобномъ расположеніи, приводящемъ къ боевому столкновенію безъ центра тяжести, кроется зародышъ пораженія—опасность, которую не уравновѣсятъ выгодныя стороны такого образа дѣйствій.

Конечно, мы не исключаемъ возможности выйти побѣдителемъ и при равномѣрной силѣ стратегическаго фронта, если мы въ какомъ либо направленіи имѣемъ перевѣсъ надъ противникомъ, хотя бы въ вооруженіи, и если и онъ развернулся по тѣмъ же принципамъ, а не сосредоточилъ войска на рѣшительномъ направленіи. Если же мы натолкнемся на настоящаго полководца, умѣющаго воздать должное второстепенному и рѣшительно выдвинуть на первый планъ главное и преодолѣть матеріальное сопротивленіе на пути къ побѣдѣ, тогда обнаружится вся слабость безыдейнаго развертыванія, руководившагося лишь желѣзнодорожной сѣтью и начертаніемъ границы. Конечно, никто не можетъ присвоить себѣ свойства полководца, но тѣмъ не менѣе осмысленная теорія войны и продумываніе необходимыхъ послѣдствій данныхъ условій могутъ создать точки зрѣнія для логическихъ дѣйствій. Идейное содержаніе и практическая осуществимость военнаго искуства можетъ опредѣлить и научная теорія, но претворить въ каждомъ частномъ случаѣ правильную идею въ дѣло можетъ лишь геній. Вѣдь и Фридрихъ Великій, и Наполеонъ не изобрѣли никакой новой теоріи; они лишь умѣли правильно примѣнять выводы этой теоріи.

Стремленіе предупредить противника во времени и про-

странствѣ также имѣетъ свои опасныя стороны. Если обѣ стороны выдвинутъ подальше за границу свои войска, то между ними не окажется достаточно оперативнаго пространства, и сосредоточеніе войскъ для сраженія по оперативнымъ и тактическимъ соображеніямъ окажется невозможнымъ. Тогда войскамъ придется съ пунктовъ высадки идти прямо на поле сраженія и столкновеніе выразится въ видѣ фронтальной борьбы, не дающей ни одной сторонѣ шансовъ на побѣду.

Съ другой стороны, преимущество, котораго предполагаютъ этимъ достигнуть, большею частью кажущееся. Если государство, вслѣдствіе условій пространства, желѣзныхъ дорогъ и населенности, можетъ медленнѣе, чѣмъ противникъ, мобилизовать и сосредоточить свои силы, то оно заранѣе отнесетъ свой раіонъ стратегическаго развертыванія больше назадъ, чтобы спокойно собраться съ силами. Если же оба государства одинаково хорошо подготовлены въ военномъ отношеніи и располагаютъ приблизительно одинаковой желѣзнодорожной сѣтью, то и мобилизація, и сосредоточеніе будутъ выполнены почти съ одинаковой быстротою—и искомое преимущество можетъ превратиться въ невыгоды неблагопріятной группировки силъ.

Несомнѣнно, что и съ военной точки зрѣнія выгодно произвести стратегическое развертываніе возможно дальше впереди и какъ можно скорѣе атаковать противника. Этимъ мы препятствуемъ ему произвести перемѣщеніе войскъ вдоль фронта и использовать свою желѣзнодорожную сѣть для сосредоточенія своихъ войскъ согласно оперативнымъ замысламъ. Кромѣ того, мы имѣемъ шансы атаковать его раньше, чѣмъ онъ закончитъ свои приготовленія къ войнѣ. Но эти преимущества имѣютъ значеніе лишь въ томъ случаѣ, когда мы вполнѣ закончили свою стратегическую группировку. Поэтому, можно выдвинуть впередъ раіонъ развертыванія лишь въ томъ случаѣ, когда можно посредствомъ желѣзныхъ дорогъ выполнить желаемую стратегическую группировку и когда мы не нуждаемся въ оперативномъ пространствѣ для сосредоточенія своихъ силъ.

Поэтому, безусловно неправильно смотрѣть на стратегическое развертываніе, какъ на нѣчто опредѣленное, зависящее отъ условій начертанія границы, пространства и желѣзно-

дорожной сѣти и на этой основѣ строитъ свои операціи. Это было бы равносильно стать рабомъ матеріальныхъ условій въ духѣ механическаго пониманія войны и отказаться отъ идейнаго овладѣнія ими. Слѣдуетъ всегда руководиться обусловливаемой тактическими требованіями стратегической точкой зрѣнія.

Съ точки зрѣнія практическаго выполненія, распоряженія для стратегическаго развертыванія можно подвести подъ три типичныхъ случая: чистая оборона съ намѣреніемъ выиграть время; стратегическая оборона съ намѣреніемъ добиться рѣшительнаго окончанія борьбы, т. е. перейти въ необходимый моментъ въ наступленіе, и, наконецъ, стратегическое наступленіе.

Конечно, въ каждомъ изъ этихъ случаевъ планъ операцій совершенно различенъ. Поэтому и стратегическое развертываніе въ этихъ случаяхъ должно быть организовано совершенно различно.

Общія и особыя условія группировки силъ разсмотрѣны въ особой главѣ. *) Но вкратцѣ мы укажемъ основное различіе этихъ распоряженій.

Ради чистаго выигрыша времени ведутъ борьбу въ томъ случаѣ, когда, подобно Даніи въ 1864 г., есть надежда на вмѣшательство другихъ государствъ; когда противникъ предупредилъ насъ наступленіемъ раньше, чѣмъ мы успѣли собраться съ силами и изготовиться въ войнѣ—какъ дѣйствовали русскіе въ первомъ періодѣ войны съ Японіей; когда въ войнѣ на два фронта мы хотимъ сдержать противника на одной сторонѣ, пока не добьемся рѣшительной побѣды на другой, что можетъ, напр., случиться въ войнѣ Германіи съ Россіей и Франціей; наконецъ, когда хотятъ упорной обороной заставить противника согласиться на миръ или потому, что его политическая цѣль недостаточно важна, чтобы вести изъ-за нея длительную войну, или же потому, что онъ опасается при затяжкѣ войны вмѣшательства другихъ государствъ.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ успѣхъ, въ общемъ, зависитъ отъ упорной обороны на хорошихъ естественныхъ и укрѣпленныхъ позиціяхъ, которыя, по возможности, нельзя обойти,

---

*) IV, глава 7.

и отъ медленнаго отступленія съ одного рубежа на другой.

Соотвѣтственно этому, стратегическое развертываніе должно быть произведено, опираясь на естественныя преграды и крѣпости, на благопріятные для обороны рубежи; за передней оборонительной линіей располагаются центрально сильные резервы, чтобы во-время и достаточно поддержать особенно угрожаемые пункты или отбросить прорвавшагося гдѣ либо непріятеля. Стратегически нужно дѣйствовать по тѣмъ же принципамъ, по которымъ тактически устраивается оборонительная завѣса.

Для повышенія силы сопротивленія пѣхота снабжается большимъ числомъ пулеметныхъ командъ и широко пользуется полевыми укрѣпленіями. Съ другой стороны, не разъ придется прибѣгнуть къ частному переходу въ наступленіе, чтобы не подчиняться волѣ противника, а, напротивъ, энергичными, хотя и ограниченными въ пространствѣ, контръ-ударами разрушить оперативное кольцо противника и поддерживать въ немъ постоянное опасеніе рѣшительнаго перехода въ наступленіе. Даже въ такомъ несчастномъ положеніи, которое создается чистой обороной, нужно стараться удержать за собою иниціативу. Высшее же командованіе обязано позаботиться о томъ, чтобы при отступленіи отдѣльныхъ группъ не обнажались фланги сосѣднихъ частей; оно должно избѣгать концентрическаго отступленія и пользоваться каждымъ случаемъ для наступательныхъ дѣйствій. Именно въ стратегической оборонѣ нужно стремиться къ сохраненію наступательнаго элемента и воинственнаго и увѣреннаго духа въ войскахъ.

Важность быстрой развѣдки противника и вытекающая отсюда необходимость наступательныхъ дѣйствій для развѣдывательныхъ органовъ были уже нами разсмотрѣны въ I томѣ. Поэтому большіе оборонительные фронты должны быть широко снабжены кавалеріей и воздушными кораблями; необходимо также возможно совершеннѣе организовать связь съ развѣдывательными органами и на оборонительныхъ линіяхъ. Иногда можно даже поднять народную войну, чтобы создать для противника лишній элементъ опасностей и препятствій, затруднить ему производство развѣдки и замкнуть промежутки въ оборонительной линіи. Въ соединеніи съ по-

стоянными тактическими организаціями и на благопріятной мѣстности народная война можетъ дать хорошіе результаты. Эта война, напр., сумѣла ослабить значеніе побѣды Наполеона въ Испаніи, англичанъ—въ Южной Африкѣ. Къ чистой стратегической оборонѣ придется прибѣгнуть въ горныхъ странахъ или на гористой границѣ, гдѣ трудно вести наступательныя операціи или когда малочисленность дѣлаетъ побѣду вообще невозможной, и въ такихъ случаяхъ народная война пріобрѣтаетъ особое значеніе.

Иначе, хотя и сходно, должны быть организованы мѣропріятія, если изъ обороны предположено перейти въ рѣшительное наступленіе. Здѣсь уже нѣтъ рѣчи о выигрышѣ времени въ духѣ чистой обороны; здѣсь нужно заставить противника развернуться и понести во время атаки настолько значительныя потери, чтобы уничтожить его численное превосходство. Затѣмъ этими начальными боями его слѣдуетъ втянуть въ невыгодное для него направленіе и опредѣлить группировку его силъ. Соотвѣтственно этой группировкѣ наносится контръ-ударъ, по возможности по слабому мѣсту, но всегда въ направленіи, приводящемъ къ его жизненному нерву.

На основаніи этихъ соображеній организуется стратегическое развертываніе. Нужно выбрать сильный оборонительный фронтъ и занять его настолько сильно, чтобы можно было держаться на немъ продолжительное время. Объ этотъ фронтъ должны разбиваться волны непріятельской атаки, пока нельзя будетъ перейти въ неожиданное и подавляющее наступленіе. Силы для этого контръ-удара должны быть собраны за первой линіей, но не въ качествѣ резервовъ, поддерживающихъ ее, а исключительно имѣя въ виду наступленіе. Въ этомъ случаѣ развѣдка сохраняетъ свое большое значеніе и чрезвычайно важно скрыть отъ противника сосредоточеніе этихъ войскъ. Подобная задача должна быть исполнена энергичнымъ наступленіемъ развѣдывательныхъ органовъ, а въ особенности воздушнаго флота.

Совершенно иначе складываются вещи, если планъ войны разработанъ въ духѣ немедленнаго наступленія; нѣтъ надобности доказывать, что въ этомъ случаѣ всѣ распоряженія зависятъ отъ данной обстановки. Но, какъ бы эта обстановка не была разнообразна, нужно всегда стараться объ-

единить всѣ разнообразные интересы и точки зрѣнія и опредѣлить на основаніи этого направленіе главнаго удара, т. е. мѣсто сосредоточенія главныхъ силъ. Соображенія, руководящія выборомъ направленія атаки, нами уже разсмотрѣны: оно должно привести къ наибольшимъ результатомъ и требуетъ большой смѣлости.

Вообще слѣдуетъ стремиться къ тому, чтобы охватить противника или произвести уступное стратегическое наступленіе, такъ какъ оба эти вида атаки даютъ шансы на самый быстрый и зачастую самый рѣшительный успѣхъ. Гдѣ этого осуществить нельзя, когда, напр., крылья непріятельской арміи примыкаютъ къ границамъ государствъ, нейтралитетъ которыхъ хотятъ уважить, или же когда можно столкнуться съ базирующейся на значительныя природныя препятствія и крѣпости сильной охраной фланга, — тамъ придется прибѣгнуть къ фронтальной атакѣ, чтобы или отбросить одно крыло противника, или прорвать его фронтъ; но ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ начинать бой безъ центра тяжести или руководящихъ стратегическихъ идей.

На основаніи этихъ точекъ зрѣнія организуется стратегическое развертываніе. Если, что всегда возможно при небольшомъ протяженіи границы, нельзя выставить всѣ свои силы въ первую линію, хотя бы и съ различною плотностью, то мѣстами придется сосредоточить войска въ двѣ линіи, или же выдѣлить стратегическіе резервы, чтобы ввести ихъ въ дѣло, по извѣстному выраженію Наполеона: „je m'engage et puis je vois", только тогда, когда будетъ опредѣлено слабое мѣсто противника или же выяснится рѣшающій пунктъ атаки. Если сосредоточеніе исполняется въ двѣ линіи, то большею частью не удастся произвести его одновременно; сосредоточеніе второй линіи закончится позднѣе и иногда придется поэтому замедлить начало операцій. Разъ противникъ рѣшился на стратегическую оборону, то подобное промедленіе не можетъ имѣть особаго значенія, хотя бы онъ благодаря этому и выигралъ время. Если же можно разсчитывать на наступленіе противника, то иногда придется отнести раіонъ общаго стратегическаго развертыванія назадъ.

Отсюда ясно, что во всѣхъ случаяхъ нужно сосредоточить на той части театра военныхъ дѣйствій, гдѣ предположено вести рѣшающее наступленіе, столько силъ, чтобы

можно было съ увѣренностью разсчитывать на побѣду даже при фронтальной атакѣ. Этому соображенію должны быть подчинены всѣ остальныя. Соотвѣтственно этому нужно организовать сосредоточеніе армій и разсчитать необходимыя для того передвиженія.

Связанное съ этимъ способомъ дѣйствій ослабленіе второстепенныхъ фронтовъ является необходимымъ зломъ. Оно обнаруживается тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше общее протяженіе всего стратегическаго фронта или вслѣдствіе географическихъ условій или потому, что предполагаемый охватъ противника требуетъ слишкомъ значительнаго вытягиванія въ сторону; однако это зло нужно умѣрить образомъ дѣйствій войскъ, сражающихся на второстепенныхъ фронтахъ, а также и направленіемъ, и ходомъ рѣшающаго наступленія.

Если непріятель перейдетъ въ наступленіе противъ второстепенныхъ фронтовъ, то эти послѣдніе, опираясь на крѣпости—при дѣйствіяхъ въ своей странѣ, но во всякомъ случаѣ на мѣстность, должны уклоняться отъ рѣшающаго столкновенія и пользоваться всѣми орудіями войны, чтобы задержать противника съ возможно меньшей потерей пространства; если же онъ продолжаетъ на второстепенныхъ фронтахъ обороняться, то эти послѣдніе должны произвести демонстративное наступленіе и постараться обмануть противника относительно своихъ силъ, чтобы онъ не рѣшился въ свою очередь ослабить себя противъ демонстративныхъ фронтовъ и отправить войска на рѣшительный участокъ театра военныхъ дѣйствій.

Мы уже доказали, что подобная демонстративная операція при современныхъ условіяхъ связана съ затрудненіями, почти исключающими возможность тактической демонстраціи. Все же цѣль будетъ всего лучше достигнута, если войти въ соприкосновеніе съ противникомъ на большомъ фронтѣ многими колоннами, но энергично наступать только въ нѣсколькихъ пунктахъ, собравъ туда быстрыми оперативными маршами достаточное количество войскъ.

Однако, выручить второстепенные фронты можетъ только главная атака въ рѣшающемъ направленіи. Она должна быть пущена въ дѣло по времени и пространству такъ, чтобы привести къ рѣшительнымъ результатамъ ранѣе истощенія силы сопротивленія на побочныхъ фронтахъ.

Итакъ, всѣ усилія должны быть направлены къ возможно быстрому достиженію рѣшительнаго успѣха; съ этой точкой зрѣнія необходимо считаться при группировкѣ силъ въ періодъ стратегическаго развертыванія прежде всего. Мы уже указывали на то, что здѣсь важны не только численность, но и тактическая цѣнность войскъ. Нужно всегда сосредоточивать для рѣшительнаго столкновенія лучшія и надежнѣйшія войска, такъ какъ отъ ихъ работы зависитъ общій исходъ войны. Оборона, къ которой все же придется прибѣгать на второстепенныхъ фронтахъ, предъявляетъ къ войскамъ не столь высокія требованія, какъ атака, такъ какъ она должна прежде всего выиграть время, а это даетъ возможность постепенно закалить солдатъ и поднять на высоту ихъ задачи. Но атака въ стратегическомъ наступленіи требуетъ повышенной работы. Предпринимать рѣшающую атаку съ войсками, удовлетворяющими не всѣмъ требованіямъ и частью недавно сформированными, какъ, напр., съ резервными дивизіями, было бы преступленіемъ противъ духа войны, такъ какъ, по словамъ Клаузевица, никогда нельзя „ожидать отъ одного названія „постоянная армія“ того, что въ дѣйствительности можетъ быть достигнуто“. Въ этомъ печально убѣдились русскіе въ Маньчжуріи.

Требованіе сосредоточивать лучшія войска на главномъ фронтѣ атаки, а на второстепенныхъ употреблять болѣе слабыя новыя формированія, приводитъ къ тому, что войска нельзя просто высылать по кратчайшимъ дорогамъ на стратегическій фронтъ, а что придется производить и боковыя перемѣщенія. Это связано не только съ усложненіемъ желѣзнодорожныхъ перевозокъ, но и съ потерей времени, каковую иногда придется уравновѣсить отнесеніемъ района стратегическаго развертыванія назадъ или же усиленіемъ сопротивленія пограничныхъ войскъ. Какъ бы то ни было, но съ этими невыгодами придется считаться.

Всего труднѣе составить планъ стратегическаго наступленія, когда имѣется поводъ ожидать стратегической атаки и со стороны противника и не вполнѣ ясно—въ какомъ направленіи она будетъ произведена. Всего лучше встрѣтить такую атаку, усиливъ смѣлость своей атаки, давъ ей самое рѣшающее направленіе, сосредоточивъ на немъ численный перевѣсъ и такъ разсчитать время и пространство, чтобы удер-

жать за собой иниціативу. Ударъ есть лучшій способъ защиты. Въ подобномъ случаѣ всегда можетъ случиться, что слабый второстепенный фронтъ будетъ атакованъ подавляющими силами. Нужно быть готовымъ и на этотъ случай. Всего лучше для этого выдѣлить стратегическій резервъ, расположивъ его такъ, чтобы онъ могъ поддержать и угрожаемый второстепенный фронтъ, и фронтъ главной атаки.

Излишне было бы доказывать насколько важно для выполненія стратегическаго наступленія своевременно выяснить группировку и мѣропріятія противника и скрыть свои передвиженія. Отъ мѣста непріятельскихъ армейскихъ резервовъ и возможнаго уступного порядка общаго расположенія противника часто зависитъ организація своего наступленія, а отъ группировки противника въ цѣляхъ стратегическаго наступленія—и примѣненіе своего стратегическаго резерва.

Нужно еще въ мирное время составить себѣ картину вѣроятнаго стратегическаго развертыванія войскъ противника посредствомъ развѣдки и непрестаннаго изученія всего, что у него дѣлается, его желѣзнодорожной сѣти и расквартированія его войскъ. Но съ наступленіемъ войны эта картина должна быть подтверждена, дополнена и исправлена развѣдывательными органами арміи. Необходимо также возможно раньше опредѣлить—какія операціи могутъ возникнуть изъ стратегическаго развертыванія. Такъ какъ слѣдуетъ предположить, что и противникъ будетъ одинаково къ этому же стремиться, то отсюда вытекаетъ потребность скрыть свои мѣропріятія и по возможности обмануть его. Поэтому, какъ развѣдка, такъ и образованіе завѣсы должны, быть предприняты какъ можно раньше. Для послѣдней цѣли прежде всего служитъ пограничная оборона, задача которой, кромѣ того, возможно дольше защищать страну отъ непріятельскаго вторженія. Но эта оборонительная завѣса должна быть пополнена наступальными дѣйствіями противъ непріятельскихъ развѣдывательныхъ органовъ и оттѣсненіемъ ихъ назадъ. При разрѣшеніи этой задачи мѣры для образованія завѣсы сливаются съ мѣропріятіями по развѣдкѣ. Эта послѣдняя можетъ быть успѣшна лишь въ томъ случаѣ когда, удастся отбросить развѣдывательныя части противника и прорвать непріятельскую завѣсу.

Для выполненія этой двойной задачи служатъ кавалерія

и воздушный флотъ. Этотъ послѣдній особенно важенъ въ періодъ стратегическаго развертыванія. Онъ можетъ вылетать на развѣдку изъ заранѣе подготовленныхъ эллинговъ и якорныхъ стоянокъ и возвращаться туда же, что придаетъ его работѣ извѣстную техническую надежность. Но прежде всего онъ долженъ напасть на непріятельскій воздушный флотъ и обезвредить его. Лишь побѣда надъ нимъ надежно обезпечиваетъ развѣдку, а въ особенности образованіе удачной завѣсы.

Возлагать въ этотъ періодъ большія надежды на развѣдывательную дѣятельность кавалеріи нельзя. Если ей удастся, сосредоточившись, выбить непріятельскія кавалерійскія дивизія изъ поля и прорвать завѣсу, то она все же почти всюду натолкнется на замкнутые фронты противника и въ лучшемъ случаѣ сможетъ опредѣлить, гдѣ расположенъ противникъ и насколько онъ за день подвигается впередъ. Если удастся захватить плѣнныхъ, то можно косвеннымъ путемъ вывести заключеніе о составѣ и силѣ непріятельскихъ отрядовъ, но большаго врядъ ли удастся достигнуть. Для этого кавалеріи слѣдовало бы прорваться въ промежутки между колоннами и на фланги армій, а это при вѣроятномъ скопленіи противника на границѣ лишь рѣдко окажется возможнымъ. Лишь сосредоточеніе войскъ къ полю сраженія откроетъ кавалеріи пути къ дальнѣйшему заглядыванію вглубь расположенія противника.

Но, если бы результаты развѣдки и должны были бы остаться умѣренными, все же въ этомъ періодѣ чрезвычайно важно выбить непріятельскую кавалерію изъ поля и пріобрѣсти надъ нею безусловный нравственный перевѣсъ; вѣдь только эта побѣда дастъ кавалеріи возможность не только вести успѣшную развѣдку, но и принять участіе въ рѣшеніи сраженія и по меньшей мѣрѣ дѣйствовать въ дальнѣйшій періодъ войны на непріятельскія сообщенія; само собою разумѣется, что это не исключаетъ необходимости и въ періодъ стратегическаго развертыванія стараться дѣйствовать во флангъ и тылъ отдѣльныхъ частей непріятельской арміи. Подобная возможность создается, напр., когда обѣ стороны одновременно, хотя и на разныхъ частяхъ театра военныхъ дѣйствій перешли въ наступленіе, нарушивъ тѣмъ сомкнутость стратегическихъ фронтовъ. Такъ, въ 1870 г. кавалерія

II нѣмецкой арміи могла бы свободно дѣйствовать на тыловыя сообщенія арміи Макъ-Магона—примѣрно, на Пирмазенсъ и Цвейбрюккенъ — еще до исхода сраженія 6-го августа. Тогда Макъ-Магону пришлось бы прикрыть флангъ своей арміи съ сѣвера, для чего оттянуть войска изъ боевой линіи. Нѣмецкая же кавалерія могла бы вписать въ свою исторію хотя бы этотъ одинъ успѣхъ.

Поэтому, весьма вѣроятно, что начало будущей войны будетъ ознаменовано крупными кавалерійскими столкновеніями передъ фронтомъ главныхъ войсковыхъ колоннъ въ тѣхъ случаяхъ, когда у обѣихъ армій будетъ достаточно оперативнаго пространства для движеній кавалеріи. Эти бои начнутся уже въ періодъ стратегическаго развертыванія, такъ какъ мы видѣли уже, что заблаговременная развѣдка для стратегически обороняющагося чуть ли не важнѣе, чѣмъ для атакующаго. Побѣда въ этихъ бояхъ должна быть добыта всѣми средствами, такъ какъ она имѣетъ величайшее значеніе. Поэтому безусловно необходимо собирать конницу въ большія массы, чтобы во всякомъ случаѣ обезпечить за собою побѣду; на второстепенные фронты придется назначить болѣе слабую конницу. Эта послѣдняя должна стараться хитростью, смѣлостью и подвижностью небольшихъ развѣдывательныхъ органовъ возмѣстить численную слабость.

Къ воздушному флоту примѣнимъ тотъ же принципъ. Необходимо сосредоточить значительныя силы въ рѣшающемъ направленіи, чтобы сначала уничтожить непріятельскія развѣдывательныя силы на этомъ важнѣйшемъ пунктѣ, а затѣмъ разбиться по остальнымъ непріятельскимъ фронтамъ, но всегда эскадрами, обезпечивающими перевѣсъ надъ противникомъ въ данномъ мѣстѣ.

Помимо подготовки къ ожесточенному бою съ развѣдческими органами противника на сушѣ и въ воздухѣ, стратегическій атакующій долженъ считаться и съ другими факторами, которые могутъ нарушить стратегическіе расчеты пространства и времени: — съ непріятельскими укрѣпленіями, разбивающими силу его удара и могущими дать атакованному необходимое время для принятія противомѣръ. Этотъ факторъ тѣмъ важнѣе, что въ настоящее время, повидимому, военно-инженерное искуство выше артиллеріи и хорошо возведенныя укрѣпленія трудно, если не невозможно, побороть артиллеріей.

Въ періодъ стратегическаго развертыванія придется по преимуществу имѣть дѣло съ фортами-заставами, подобно возведеннымъ на французской границѣ. Они образуютъ сильное фронтальное препятствіе для армій, расположенныхъ за ними, и хорошую опору для отступающей на нихъ арміи. Тамъ, гдѣ они противопоставляются атакѣ, ихъ нужно тѣмъ или инымъ способомъ обезвредить.

Какъ это сдѣлать—мы уже говорили *). Во всякомъ случаѣ походныя колонны арміи не должны быть остановлены этими фортами. Какъ встарину Бонапартъ, вторгаясь въ 1800 г. въ Италію, прошелъ со всей своей арміей подъ пушками форта Бардъ въ сферѣ самаго дѣйствительнаго огня, не останавливаясь передъ нимъ, такъ и наши войска—если нужно ночью—должны прорвать поясъ непріятельскихъ фортовъ. Но затѣмъ нужно со всей энергіей и быстротою осадить эти укрѣпленія. Конечно, прорваться безъ потерь не удастся и пока пограничные форты не будутъ взяты, поддерживать сообщенія съ тыломъ будетъ очень трудно. Но, введя достаточныя силы, можно очень быстро обезвредить внѣшнюю силу фортовъ и въ скоромъ времени овладѣть ими.

Дѣйствовать такъ же противъ большихъ пограничныхъ крѣпостей, конечно, нельзя. Если онѣ находятся на пути наступленія непосредственно на границѣ **), то за ними нужно установить наблюденія достаточными силами для того, чтобы ограничить раіонъ дѣйствія подвижного резерва раіономъ фортовъ и прикрыть отъ него тыловыя сообщенія вторгнувшейся арміи.

Соотвѣтственно этому нужно организовать и сосредоточеніе осадной артиллеріи. Орудія, необходимыя для борьбы съ пограничными фортами, съ необходимыми запасами снарядовъ, слѣдуетъ держать на границѣ уже въ мирное время и выдвигать въ первую линію въ періодъ стратегическаго развертыванія, чтобы, если возможно, они могли сопровождать армейскіе авангарды. Само собою разумѣется, что въ подобномъ образѣ дѣйствій кроется нѣкоторая доля риска,

---

*) III, глава 5-я.

**) Напр. крѣпость Страсбургъ въ 1870 г. находилась непосредственно на нѣмецкой границѣ. Въ этомъ же смыслѣ пограничными крѣпостями можно считать Мецъ и Диденгофенъ.

но зато онъ дастъ и наиболѣе вѣроятные шансы на успѣхъ. Поэтому необходимо также использовать всѣ техническія средства для быстраго и надежнаго передвиженія тяжелыхъ орудій и массы снарядовъ и, кромѣ того, заранѣе назначить войска для овладѣнія фортами, въ то время какъ прочія силы пройдутъ мимо, когда удастся хотя немного притушить огонь непріятельскихъ укрѣпленій.

Далѣе, въ тылу полевой арміи должны держаться наготовѣ большіе осадные парки, которые впослѣдствіе будутъ примѣнены противъ непріятельскихъ крѣпостей; они сосредоточиваются на желѣзныхъ дорогахъ, позволяющихъ быстро перебросить ихъ въ заранѣе намѣченномъ направленіи. Можно также рекомендовать здѣсь же и заблаговременно, въ видѣ резервовъ, сосредоточить блокадные и осадные корпуса, выдвигаемые при удачномъ движеніи впередъ вслѣдъ за арміей, чтобы освободить послѣднюю отъ необходимости выдѣлять изъ своего состава наблюдательные корпусы и т. под. Эти войска, при случаѣ, могутъ быть употреблены въ качествѣ стратегическихъ резервовъ, если они окажутся не нужны, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, для осадныхъ цѣлей. Какъ бы то ни было, но слѣдуетъ всемѣрно стремиться къ тому, чтобы поддерживать боевую силу передней линіи. Всѣ задачи, возникающія во второй линіи, позади полевой арміи, должны по преимуществу выполняться второочередными войсками.

Особый отдѣлъ войны въ періодъ стратегическаго развертыванія составляетъ оборона морского побережья. Ее нужно организовать въ духѣ наступательной стратегической обороны. Пункты, допускающіе производство крупныхъ десантныхъ операцій, вообще извѣстны и на нихъ слѣдуетъ обратить главное вниманіе. Если возможно, ихъ слѣдуетъ защитить береговыми укрѣпленіями; если же ихъ нѣтъ, то нужно попробовать помѣшать высадкѣ наступательными дѣйствіями.

Прежде всего нужно самымъ надежнымъ образомъ организовать службу наблюденія и связи по всему угрожаемому побережью и занять наиболѣе опасные пункты такими силами, чтобы можно было замедлить непріятельскую высадку и выиграть время, необходимое для доставки главныхъ силъ войскъ береговой обороны.

Эти послѣднія держатся наготовѣ, въ центральныхъ пунктахъ, на желѣзнодорожныхъ узлахъ, чтобы можно было быстро подвезти ихъ куда нужно для атаки высадившагося десанта или по меньшей мѣрѣ для замедленія его наступленія. Опрокинувъ противника, войска должны по возможности остаться внѣ сферы огня судовой артиллеріи, но въ свою очередь разстрѣливать своей артиллеріей оттѣсненныя къ морю войска, а дальнимъ огнемъ прервать ихъ сообщенія съ судами.

Если же десантъ удался, то наступаетъ обстановка, присущая каждому театру войны по окончаніи періода стратегическаго развертыванія.

---

10. Періодъ дальнѣйшихъ операцій.

Развитіе операцій изъ войны въ періодъ стратегическаго развертыванія.— Измѣненный характеръ дальнѣйшихъ операцій.—Положеніе обороняющагося въ своей странѣ. — Преимущества болѣе развитой желѣзнодорожной сѣти.—Усилившееся значеніе и измѣненный характеръ развѣдки на сторонѣ обороняющагося.—Положеніе атакующаго въ непріятельской странѣ. — Превосходство побѣдителя и возстановленіе силъ побѣжденнаго. — Повышеніе силъ побѣдителя. — Овладѣніе непріятельскими крѣпостями. — Ослабленіе атакующимъ оперативной способности противника.—Кульминаціонный пунктъ наступленія.—Переворотъ дѣлъ при истощеніи активной силы атакующаго. — Наступательная оборона въ непріятельской странѣ. — Дѣйствія атакующаго при истощеніи его активной силы. — Дѣйствія стороны, побѣжденной въ періодъ стратегическаго развертыванія. — Пользованіе крѣпостями побѣжденной стороной. — Народная война и рейды кавалеріи. — Сохраненіе иниціативы при отступленіи и переходъ въ наступленіе. — Вліяніе успѣха стратегическаго развертыванія на дальнѣйшій ходъ борьбы. — Практическое и нравственное значеніе дальнѣйшихъ боевъ.

Представивъ себѣ тѣ массы, которыя будутъ выставлены въ современной войнѣ при первоначальномъ развертываніи, и численность вооруженныхъ силъ каждаго государства, мы получаемъ впечатлѣніе, что общее столкновеніе этихъ массъ опредѣлитъ и исходъ всей борьбы. Весьма возможно, что такъ иногда дѣло и розыграется. Если одна изъ сторонъ обладаетъ въ какомъ нибудь направленіи рѣшительнымъ перевѣсомъ въ численности, вооруженіи, боевой годности или командномъ составѣ и смѣло пользуется этимъ превосходствомъ, то уже первыя побѣды на войнѣ могутъ быть настолько значительны, что ими опредѣлится и общій исходъ ея. Но подобный ходъ войны мало вѣроятенъ. При однородности европейскихъ армій по вооруженію, снаря-

женію и подготовкѣ, едва ли возможно предположить, чтобы заранѣе на одной сторонѣ оказался рѣшающій войну перевѣсъ, пока численность почти одинакова. Скорѣе можно и должно предположить, что на отдѣльныхъ участкахъ длиннаго стратегическаго фронта современныхъ театровъ военныхъ дѣйствій, тактическій исходъ столкновеній окажется весьма различнымъ. Благодаря этому, какъ мы говорили раньше, единство операцій, вытекающее изъ стратегическаго развертыванія, будетъ весьма быстро нарушено. Получатся различныя наступающія и отступающія группы, которыя нужно снова объединить. Поэтому весьма вѣроятно, что образуется веденіе войны группами, въ составѣ одной или нѣсколькихъ армій, которыя въ среднемъ, конечно, будутъ сильнѣе, чѣмъ въ прежнихъ войнахъ, но не сильнѣе цѣлыхъ армій, выступавшихъ на войну въ прежнія времена.

Большое значеніе для хода войны имѣетъ степень исхода войны въ періодъ стратегическаго развертыванія. Если съ обѣихъ сторонъ потери и успѣхъ почти одинаковы, то можно будетъ продолжать борьбу за осуществленіе намѣченнаго обѣими сторонами плана войны, пока чаша побѣды постепенно не склонится въ одну сторону. Подобную картину даетъ намъ, напр., Сѣверо-Американская война. На западномъ театрѣ военныхъ дѣйствій первоначально тактически побѣдили Сѣверные штаты, а на восточномъ Южные. Такъ продолжалась борьба долго безъ замѣтнаго рѣшенія. Каждая сторона твердо держалась своихъ стратегическихъ намѣреній и старались ихъ осуществить, пока оба рѣшительныя сраженія у Геттисбурга и Чаттанооги не дали перевѣсъ сѣверянамъ.

Если же подсчетъ прибыли и барышей складывается такъ что явный перевѣсъ склоняется въ одну сторону, то въ большинствѣ случаевъ побѣдителю придется вторгнуться въ непріятельскую страну, а побѣжденному — отступить или по меньшей мѣрѣ перейти къ оборонѣ.

При извѣстныхъ условіяхъ побѣдитель сможетъ сохранить въ силѣ свой первоначальный планъ войны; побѣжденному же во всякомъ случаѣ придется принимать новыя рѣшенія. Онъ долженъ добиваться побѣды инымъ способомъ. Такъ, напр., пруссаки въ 1866 г. могли продолжать

преслѣдовать свои первоначальныя стратегическія намѣренія, несмотря на проигранное при Траутенау сраженіе, такъ какъ ихъ побѣды вполнѣ уравновѣсили эту неудачу; такъ же могли они и въ 1870 г., послѣ побѣды подъ Вертомъ и Шпихерномъ, продолжать проектированное наступленіе на Парижъ, хотя окончательнаго рѣшенія еще не было. Австрійцы же были вынуждены, несмотря на побѣду у Траутенау, отказаться отъ всякихъ попытокъ къ наступленію и перейти къ оборонѣ, тогда какъ послѣ частичнаго пораженія 6 августа французы должны были составить совершенно новый планъ войны. Они должны были попытаться сосредоточить свои силы для соединенныхъ дѣйствій.

Однако дальнѣйшій ходъ борьбы, отнюдь не долженъ походить на 1866 и 1870 г.г. Перевернуть ходъ дѣлъ всегда возможно. Конечно, атакующій попытается продвинуться впередъ своими главными силами въ томъ направленіи, которое онъ считаетъ рѣшающимъ. Но обороняющійся располагаетъ различными способами, чтобы на время избѣгнуть рѣшительнаго столкновенія. Эксцентрическимъ отступленіемъ и опираясь на естественныя преграды и крѣпости, онъ можетъ заставить противника раздѣлить и ослабить свои главныя силы и выиграетъ время для подвоза новыхъ силъ, формированія новыхъ частей, чтобы затѣмъ заставить принять рѣшительный бой въ выгодныхъ для себя условіяхъ.

Но даже и послѣ рѣшительнаго столкновенія, можно еще съ успѣхомъ продолжать борьбу, частью по нравственнымъ основаніямъ, а частью въ ожиданіи помощи извнѣ.

Несмотря на разгромъ подъ Іеной и Ауерштедтомъ, Пруссія продолжала въ 1806 г. войну, такъ какъ ожидала переворота отъ вмѣшательства Россіи. До весны 1865 г. Южане продолжали безнадежную борьбу за свою самостоятельность послѣ рѣшительныхъ сраженій 1863 года. Два года буры боролись за свою независимость уже послѣ того, какъ все ихъ государство было завоевано англичанами.

Нѣтъ нужды доказывать, что вся эта борьба должна носить совершенно иной характеръ, чѣмъ въ періодъ стратегическаго развертыванія въ началѣ войны. Въ будущемъ

эта разница обнаружится еще рѣзче и въ особенности въ томъ случаѣ, когда борьба выражается въ вторженіи одной стороны и оборонительной войнѣ другой. При этомъ существенно мѣняются для обѣихъ сторонъ матеріальныя условія веденія операцій.

Одинъ изъ противниковъ отступаетъ, чтобы на время оторваться отъ врага и получить возможность вновь организовать оборону или подготовить наступленіе. Онъ разрушаетъ желѣзнодорожныя и телеграфныя линіи, попадающія въ руки противника, но сохраняетъ въ своемъ распоряженіи всю желѣзнодорожную и телеграфную сѣть своей страны, поскольку она еще не захвачена противникомъ. При отступленіи онъ находитъ поддержку въ своихъ крѣпостяхъ—если онѣ правильно расположены,—что весьма значительно увеличиваетъ его силу. Изъ второочередныхъ частей и новыхъ формированій возникаютъ новыя силы, увеличивающія его армію. Онъ дѣйствуетъ въ своей странѣ, гдѣ находитъ полное сочувствіе со стороны населенія и можетъ еще увеличить свои силы организаціей народной войны. Ничто такъ не затрудняетъ всѣ дѣйствія на войнѣ какъ упорная и ожесточенная борьба всего населенія, которая всюду является элементомъ сопротивленія и противодѣйствія, ограничивая и затрудняя всѣ движенія вторгнувшагося противника.

Изъ всѣхъ этихъ преимуществъ, наиболѣе важнымъ, рядомъ съ увеличеніемъ численности, надлежитъ признать обладаніе неповрежденной желѣзнодорожной сѣтью, такъ какъ это значительно облегчаетъ продовольствіе армій, повышаетъ тѣмъ самымъ ихъ оперативную способность и даетъ возможность быстро и неожиданно передвигать войска.

Пока обѣ стороны располагаютъ одинаковыми средствами сообщенія, на сторонѣ атакующаго большое преимущество иниціативы, которое онъ можетъ превратить въ выигрышъ пространства и времени, а также увеличить смѣлостью дѣйствій—преимущество, уравновѣсить которое обороняющійся, играющій во второй рукѣ, рѣдко сможетъ. Это отношеніе можетъ измѣниться въ извѣстномъ смыслѣ. Конечно, иниціатива остается на сторонѣ атакующаго до тѣхъ поръ, пока онъ наступаетъ. Но такъ какъ

вообще ему придется двигаться походомъ въ то время какъ обороняющійся пользуется желѣзными дорогами, то этотъ послѣдній сможетъ уровновѣсить преимущество, доставляемое атакующему инціативой, большею оперативною подвижностью. Онъ можетъ быстрѣе перемѣщать и сосредоточивать свои войска и поэтому принимать болѣе цѣлесообразныя мѣры, если своевременно получитъ свѣдѣнія о томъ, что дѣлается у противника.

Итакъ, здѣсь снова выступаетъ рѣшительное значеніе развѣдки.

Хорошая освѣдомленность о противникѣ пріобрѣтаетъ теперь для обороняющагося почти рѣшающее значеніе и для него чрезвычайно выгодно обладать въ такой обстановкѣ побѣдоносными развѣдывательными органами.

Конечно, на дѣлѣ это случится рѣдко. Кавалерія—если она еще не разбита, понесетъ тяжелыя матеріальныя и моральныя потери, а часть воздушныхъ кораблей будетъ уничтожена. Зато на сторонѣ того, кто ведетъ войну въ своей странѣ, оказываются значительныя преимущества и въ области развѣдки. Прежде всего кавалерія повсюду находитъ помощь и поддержку. Поэтому, даже будучи разбита, она можетъ дѣйствовать успѣшно. Теперь на помощь ей являются хитрость и быстрота въ соединеніи съ населеніемъ. Но преимущественно перевѣсъ надъ противникомъ имѣетъ воздушная развѣдка. Она можетъ базироваться на расположенныя далеко въ тылу надежныя якорныя стоянки; въ своей странѣ можно почти всюду спокойно спуститься на землю, иногда даже въ тылу непріятеля. Напротивъ, атакующій долженъ вести свои воздушные корабли и эллинги съ собою; возможность спуска на землю очень ограничена, такъ какъ всюду придется считаться съ враждебностью населенія, а потому производить спускъ только подъ прикрытіемъ своихъ войскъ. Правда, что воздушные корабли мягкой или полужесткой системы приспособлены для складыванія, но все же перевозка ихъ требуетъ сложной организаціи.

Разсматривая условія, въ которыхъ находится атакующій, мы увидимъ, что ему несомнѣнно придется преодолѣть наибольшія матеріальныя затрудненія. Желѣзнодорожное сообщеніе прекращается близъ границы. Весь под-

возъ передается на колесный обозъ, а движенія арміи совершаются пѣшкомъ. Поэтому, по сравненію съ обороняющимся онъ потерялъ въ подвижности.

Затѣмъ поддержаніе связи при помощи телеграфной сѣти прервано и хотя его и можно возстановить довольно быстро, тѣмъ не менѣе трудно охранить провода отъ покушеній со стороны населенія. Вообще атакующій двигается среди враждебнаго населенія, что создаетъ многочисленныя тренія. Онъ долженъ дать военную охрану на тыловыя сообщенія, что вызываетъ значительный расходъ силъ. Онъ наталкивается на большія непріятельскія крѣпости и такъ или иначе долженъ съ ними покончить, тогда какъ его тыловыя сообщенія, быть можетъ, находятся подъ угрозой пограничныхъ фортовъ и крѣпостей. Его воздушная развѣдка затруднена условіями перевозки и спуска на землю, а дѣятельность кавалеріи—враждебностью населенія. Несмотря на все это, онъ вынужденъ продолжать наступленіе, и хотя преимущества атакующаго находятся въ области оперативной, онъ именно въ ней и стѣсненъ по сравненію съ обороняющимся.

Всѣ эти невыгоды, связанныя съ вторженіемъ въ непріятельскую страну, прежде всего уравновѣшиваются громаднымъ превосходствомъ, доставляемымъ побѣдой и потерями и нравственнымъ потрясеніемъ, испытаннымъ противникомъ во время боевъ въ періодъ стратегическаго развертыванія; затѣмъ затрудненіями, выпадающими на долю отступающаго, благодаря тому, что онъ долженъ принимать свои мѣры подъ угнетающимъ давленіемъ побѣдоноснаго, съ трудно опредѣлимыми цѣлями, вторженія, стѣсняющаго его свободу дѣйствій. Все это такія обстоятельства, которыя приводятъ къ различному, въ зависимости отъ размѣровъ понесеннаго пораженія, ослабленію обороняющагося и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма значительному усиленію атакующаго.

Однако всякая тактическая побѣда имѣетъ свои границы въ пространствѣ и во времени. Наступаетъ моментъ, когда побѣжденный справится съ результатами своего пораженія; когда прекращается необходимость отступленія и снова возникаетъ желаніе побѣдить. Чѣмъ больше у обороняющаго приливъ свѣжихъ силъ, тѣмъ раньше случится

этотъ переворотъ. Онъ не долженъ застать атакующаго неподготовленнымъ; послѣдній также долженъ постараться увеличить свои силы и свою оперативную способность такъ, чтобы увѣренно встрѣтить противника, если дѣло дойдетъ до новыхъ тактическихъ разрядовъ.

Прежде всего онъ долженъ пополнить понесенныя имъ потери вновь обученными солдатами и снова довести численный составъ арміи до нормы. Затѣмъ нужно повысить оперативную способность своей арміи и притянуть подкрѣпленія, чтобы можно было разрѣшить всѣ задачи, обнаружившіяся за фронтомъ во время наступленія. Но прежде всего необходимо возстановить разрушенную желѣзнодорожную сѣть, гдѣ только это возможно. Это должно быть подготовлено еще въ мирное время; нужно припасти желѣзнодорожные военные мосты и полевыя дороги и имѣть достаточное количество техническихъ войскъ для постройки желѣзныхъ дорогъ. Нужно подвезти большія массы всевозможныхъ автомобилей для установленія сообщенія между конечными желѣзнодорожными станціями и колеснымъ войсковымъ обозомъ. Тамъ, гдѣ состояніе дорогъ не допускаетъ примѣненія автомобилей или гдѣ желѣзнодорожныя линіи преграждены непріятельскими крѣпостями, нужно подвезти къ войскамъ полевыя желѣзныя дороги и обойти ими замкнутые пункты. Въ подходящемъ случаѣ можно примѣнить и паровые локомобили. На всѣхъ этапныхъ путяхъ устраиваются бензинные склады для автомобилей. Для обезпеченія сообщеній притягиваются въ широкихъ размѣрахъ войска 3-й и 4-й очереди, чтобы избѣгнуть какого бы то ни было ослабленія полевой арміи. Такъ создается цѣлая этапная армія, негодная для активной оперативной службы, но вполнѣ достаточная для мѣстной обороны линій сообщеній и складовъ. Всѣми этими средствами, которыя должны быть осуществлены съ величайшей энергіей и быстротой, нужно стараться повысить оперативную подвижность войсковыхъ массъ.

Въ этомъ отношеніи особенно важно овладѣть непріятельскими крѣпостями, расположенными въ раіонѣ операцій, запирающими пути сообщенія или обладающими особой боевой силой. Но и само по себѣ овладѣніе ими имѣетъ

большое значеніе, такъ какъ онѣ всегда приковываютъ къ себѣ и отрываютъ отъ полевой арміи значительныя силы, а съ другой стороны, въ случаѣ переворота въ боевой обстановкѣ, могутъ оказать существенныя услуги противнику. Поэтому овладѣніе непріятельскими крѣпостями является, наравнѣ съ пораженіемъ непріятельской арміи, важнѣйшей задачей атакующаго. Добиваться этого слѣдуетъ съ величайшей энергіей.

Прежде всего необходимо овладѣть пограничными фортами, на жалѣя на то крови. Артиллерійскій огонь искуство инженеровъ, мужество и работоспособность пѣхоты,— все должно стремиться къ быстрому достиженію результата. Вмѣстѣ съ тѣмъ нужно покончить и съ большими непріятельскими крѣпостями, смотря по ихъ значенію. Сначала нужно прекратить ихъ воздѣйствіе на внѣшнюю обстановку; поэтому, въ зависимости отъ ихъ положенія, ихъ блокируютъ или наблюдаютъ, чтобы онѣ не могли своими подвижными резервами вторгнуться въ оперативную область арміи вторженія и прервать сообщенія. Необходимыя для этого войска должны слѣдовать непосредственно за полевой арміей первой линіи, чтобы немедленно принять на себя въ тылу ея охраненіе противъ этихъ опасныхъ центровъ непріятельскаго сопротивленія. При этомъ необходимо принять во вниманіе не только крѣпости, находящіяся въ раіонѣ операцій, но и по сторонамъ линіи наступленія, выдвинувъ въ ихъ сторону для охраны фланговъ арміи наблюдательные корпуса. Эти крѣпости по преимуществу и являются опорными пунктами для непріятельскихъ летучихъ отрядовъ и для народной войны.

Нужно считаться съ тѣмъ, что непріятель пуститъ въ ходъ всѣ средства, какія только можно придумать, чтобы серьезно прервать сообщенія атакующаго, а главнымъ образомъ разрушить искуственныя желѣзнодорожныя сооруженія. Съ этой же стороны нужно предохранить себя отъ кавалерійскихъ набѣговъ, для которыхъ расположенныя въ сторонѣ крѣпости служатъ выгодными исходными пунктами.

Нужно ли осаждать отдѣльныя непріятельскія крѣпости, зависитъ отъ ихъ положенія, политическаго значенія и вліянія на оперативную область, а также отъ наличныхъ

средствъ и отъ степени вѣроятія овладѣть ими. Не слѣдуетъ однако закрывать глаза на то, что осада современной крѣпости—предпріятіе очень широкое, требующее не только громадной затраты средствъ, но и хорошаго желѣзнодорожнаго сообщенія съ родиной и обезпеченія отъ выручки противника. Снятіе осады или пожертвованіе осаднымъ паркомъ равняются иногда по своимъ оперативнымъ и моральнымъ результатамъ проигранному сраженію. Поэтому слѣдуетъ предпринимать осаду сильныхъ непріятельскихъ крѣпостей, въ особенности если онѣ расположены внутри непріятельской страны, лишь при томъ условіи, если только что одержана рѣшительная побѣда и мы стали твердой ногой въ непріятельской странѣ, такъ чтобы надежно обладать той областью, въ которой расположена крѣпость. Но отнюдь нельзя задерживать наступленіе осадами, въ особенности, если послѣднія имѣютъ исключительной цѣлью обезпеченіе сообщеній. Какъ эти сообщенія и не важны для снабженія армій, ходъ операцій не долженъ ставиться въ зависимость отъ ихъ охраненія; напротивъ, нужно требовать, чтобы подвозъ къ арміи не прекращался, вопреки всѣмъ опасностямъ угрожающимъ со стороны противника. На войнѣ опасно все. Почему же не должно быть опаснымъ и сообщеніе по тыловымъ дорогамъ? Нужно лишь энергично примѣнять всѣ средства для ихъ охраненія; тогда и эта опасность будетъ устранена.

Стремясь, посредствомъ всѣхъ перечисленныхъ выше средствъ, увеличить оперативную способность своей арміи, нужно вмѣстѣ съ тѣмъ стараться нанести ущербъ противнику и тѣмъ уменьшить самое существенное преимущество обороняющагося — вести войну въ своей странѣ.

Эта цѣль можетъ быть достигнута лишь въ томъ случаѣ, если удастся разрушить желѣзныя дороги въ непріятельскомъ раіонѣ операцій, уничтожить магазины, прервать его линіи сообщенія и отбить или уничтожить его автомобили. Нужно попытаться взрывами шлюзовъ и уничтоженіемъ судовъ привести въ негодность водяные пути сообщенія, служащіе для подвоза къ арміи. Всѣ эти предпріятія трудно и рѣдко осуществимы въ періодъ стратегическаго развертыванія вслѣдствіе условій пространства. Теперь

же они часто пріобрѣтаютъ рѣшающее значеніе. Это снова выдвигаетъ на первый планъ цѣнность конницы.

Только кавалерія можетъ, благодаря своей подвижности, проникнуть въ обходъ фланговъ непріятельскихъ армій, въ тылъ ихъ и нарушить правильный подвозъ припасовъ; только она въ состояніи прервать желѣзнодорожное сообщеніе между отдѣльными непріятельскими арміями и помѣшать или хотя бы замедлить передвиженіе войскъ изъ одной боевой группы къ другой. Въ главѣ, спеціально посвященной значенію кавалеріи (II, гл. 5-я), выполненіе подобныхъ предпріятій разсмотрѣно ближе. Если смѣлой, подвижной и боевой кавалеріи удастся ослабить оперативную способность обороняющагося, ведущаго войну въ своей странѣ, то она этимъ поддерживаетъ наступленіе съ самой важной стороны, т. е. со стороны высшихъ оперативныхъ интересовъ.

Удастся ли атакующему, при помощи всѣхъ этихъ средствъ, навсегда удержать за собой перевѣсъ и сломить врага непрерывнымъ вторженіемъ—будетъ зависѣть отъ силы резервовъ, армейскихъ и народныхъ, и отъ размѣровъ достигнутой тактической побѣды. Англичане могли завоевать бурскія республики, не боясь, благодаря своему громадному перевѣсу, истощенія своихъ силъ. Но можно сомнѣваться, чтобы подобное теченіе войны могло имѣть мѣсто между европейскими государствами, въ особенности при современныхъ условіяхъ. Правда, что въ настоящее время съ начала войны призываются всѣ народныя силы которыя такимъ образомъ, при случаѣ, могутъ быть и уничтожены. Но едва ли вѣроятно, чтобы это случалось часто. Предполагаемое при этомъ полное уничтоженіе непріятельскихъ силъ, случается, какъ учитъ военная исторія, лишь въ видѣ исключенія. Вообще же атакующій истощитъ во время наступленія свои силы. Вліяніе перевѣса, доставляемаго тактическими побѣдами, не сможетъ все время уравновѣшивать ослабленіе, вызываемое при движеніи впередъ, повышеніемъ требованій. Наступаетъ кульминаціонный пунктъ наступленія, по мѣткому выраженію Клаузевица. Продолженіе стратегическаго наступленія, завоеваніе становится невозможнымъ; атакующій превращается въ обороняющагося; онъ долженъ постараться удержать за собою

занятыя позиціи и завоеванную страну. Напротивъ, прежній обороняющійся получаетъ возможность перейти въ наступленіе и онъ долженъ это сдѣлать, если хочетъ отобрать хотя бы часть потеряннаго.

Даже при чрезвычайныхъ успѣхахъ атакующаго, при энергичномъ и настойчивомъ врагѣ, это состояніе, при которомъ какъ бы устанавливается нарушенное равновѣсіе, должно наступить. Въ 1870 г. нѣмцы взяли въ плѣнъ двѣ непріятельскихъ арміи, т. е. почти всѣ вооруженныя силы Франціи— побѣда, рѣдко встрѣчающаяся въ исторіи, и тѣмъ не менѣе ихъ наступленіе достигло кульминаціоннаго пункта, когда они дошли до Луары и Соммы, такъ какъ главная масса ихъ арміи оказалась прикованной къ большой центральной и прочимъ небольшимъ крѣпостямъ. Въ теченіе всей зимы нѣмцы находились въ стратегической оборонѣ, а французы въ непрерывномъ наступленіи, чтобы возстановить потерянное, пока наконецъ паденіе Парижа и освобожденіе нѣмецкой арміи обложенія не привело къ окончательному рѣшенію.

И въ Маньчжурской войнѣ наступательная сила японцевъ была почти истощена Мукденскимъ сраженіемъ, не смотря на всѣ предыдущія побѣды, и былъ близокъ моментъ достиженія русскими окончательнаго перевѣса. Если бы они продолжили борьбу, то переворотъ былъ бы не невозможенъ. Дальнѣйшее наступленіе къ Харбину вѣроятно было бы гибельнымъ для японцевъ. Предпріятіе это было бы свыше ихъ силъ и возвратный ударъ вѣроятно былъ бы нанесенъ съ потрясающей силой.

Тотъ, кто не умѣетъ правильно оцѣнить свои силы и ограничить соотвѣтственнымъ образомъ свои дѣйствія, кто излишне натягиваетъ лукъ, мечущій стрѣлу побѣды, тотъ лишается ея именно тамъ, гдѣ онъ больше всего на нее разсчитывалъ. Въ этомъ отношеніи походъ Наполеона на Москву остается грознымъ предостереженіемъ на всѣ времена, а мудрая сдержанность Мольтке во Франціи—поучительнымъ примѣромъ. Мастеръ сказывается прежде всего въ этой умѣренности.

Поэтому стратегическій атакующій всегда долженъ давать себѣ отчетъ въ соотношеніи между своей истинной силой и предстоящими задачами. Онъ долженъ остановить

движеніе впередъ какъ только опредѣлитъ, что его средства окажутся недостаточными при повышенныхъ требованіяхъ.

Съ наступленіемъ этого момента условія веденія войны снова совершенно мѣняются. Всѣ преимущества, присущія операціямъ въ собственной странѣ, съ своими желѣзными дорогами и крѣпостями, благопріятствуютъ наступленію прежняго обороняющагося, а прежній атакующій вынужденъ обороняться, не пользуясь преимуществами, доставляемыми работоспособной желѣзнодорожной сѣтью и благожелательностью населенія. Конечно, будутъ сдѣланы попытки возстановить во время наступленія разрушенныя желѣзныя дороги и движеніе по нимъ; но едва ли удастся довести ихъ до той провозоспособности, которой обладаютъ желѣзныя дороги противника, работающія въ мирной обстановкѣ. Для этого прежде всего вѣроятно не хватитъ личнаго и подвижнаго состава. Какъ тотъ, такъ и другой, увозится противникомъ при отступленіи, а изъ родины его нельзя вполнѣ замѣнить. Массовыя желѣзнодорожныя перевозки войскъ рѣдко будутъ возможны. Поэтому прежній атакующій находится въ вдвойнѣ невыгодномъ положеніи. Напротивъ, оперативная способность противника, дѣйствующаго теперь наступательно, чрезвычайно усилилась вспомогательными средствами своей страны. Атакующій же вынужденъ обороняться и, несмотря на это, его оперативная способность чрезвычайно ограничена условіями нахожденія въ непріятельской странѣ. Каждое перемѣщеніе войскъ сопряжено для него съ величайшими затрудненіями въ то время, какъ въ распоряженіи противника имѣются всѣ средства для неожиданнаго сосредоточенія.

Существуетъ лишь одно средство справиться съ этими затрудненіями: нужно вести стратегическую оборону наступательно, по примѣру нѣмцевъ въ 1870 г. Только сохранивъ иниціативу и подчиняя себѣ волю противника, можно уравновѣсить преимущества, пріобрѣтаемыя имъ благодаря стратегическому наступленію и повышенію оперативной способности. Напротивъ, пассивная позиціонная война должна дать противнику возможность использовать всѣ преимущества наступленія, такъ какъ онъ можетъ базироваться въ любомъ направленіи и предпринимать фланговыя операціи и охваты, не заботясь чрезмѣрно о своихъ

тыловыхъ сообщеніяхъ. Помощь, оказываемая ему своей страной, позволяетъ преодолѣть подобныя затрудненія сравнительно легко.

Тамъ гдѣ противникъ сосредоточивается для рѣшающаго наступленія, его нужно предупредить своимъ наступленіемъ. Однако, наступательные удары эти должны быть ограничены въ пространствѣ. Никогда не слѣдуетъ увлекаться далекими наступательными операціями, переходящими границы, поставленныя собственной силой. Поэтому лучше всего дать противнику подойти, благодаря чему также выигрывается время для сосредоточенія своихъ войскъ. Зато при самой атакѣ нужно наносить ударъ въ самомъ рѣшающемъ направленіи и съ наибольшею силою, чтобы добиться настоящей и окончательной побѣды. Дѣйствія нѣмцевъ на Луарѣ не могутъ служить примѣромъ, такъ какъ при равномъ противникѣ, они едва ли имѣли бы успѣхъ. Правда, руководящая идея Мольтке была вѣрна, но выполненіе ея не всегда отвѣчало требованіямъ военнаго искуства и не всегда одобрялось и Мольтке.

При нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, обусловливаемыхъ подобнымъ способомъ веденія войны, быстрая развѣдка и надежная завѣса пріобрѣтаютъ особое значеніе, въ виду необходимости своевременно опредѣлить сосредоточеніе непріятельскихъ войскъ и скрыть свои мѣропріятія. Мѣстная завѣса образуется кордономъ войскъ вдоль границы захваченной области. Эти мѣропріятія дополняются усиленнымъ надзоромъ за мѣстной печатью, если она вообще дозволена а также телеграфными сообщеніями и передвиженіями населенія. Воздушный флотъ, который къ этому времени подыщетъ себѣ надежные опорные пункты въ завоеванной странѣ въ свою очередь долженъ стремиться затруднить противнику производство воздушной развѣдки и опредѣлять пункты сосредоточенія и направленія армій противника.

При выполненіи этой послѣдней задачи, она должна быть поддержана кавалеріей, на долю которой теперь выпадаетъ развѣдка. Она не должна боязливо ограничивать свою оперативную дѣятельность, такъ какъ можетъ, благодаря своей быстротѣ, издалека поспѣть на поле сраженія въ день рѣшительнаго столкновенія. Это время наиболѣе подходитъ и для дальнихъ набѣговъ, такъ какъ особенно важно нане-

сти ущербъ оперативной способности противника; вмѣстѣ съ тѣмъ набѣги во флангъ и тылъ противника содѣйствуютъ и развѣдкѣ. Искровой телеграфъ даетъ возможность пересылать донесенія и черезъ головы непріятельскихъ армій; съ успѣхомъ можно пользоваться для той же цѣли аэропланами. Кто располагаетъ въ это время такимъ кавалерійскимъ начальникомъ какъ Стюартъ, тотъ будетъ имѣть значительный перевѣсъ.

Если мы до сихъ поръ разбирали стратегическія дѣйствія въ этомъ періодѣ войны преимущественно съ точки зрѣнія атакующаго, то это объясняется самой природой вещей. Съ одной стороны—предписываетъ свою волю атакующій и тѣмъ въ нѣкоторой степени опредѣляетъ и характеръ дѣйствій противника; съ другой—ему несомнѣнно приходится преодолѣвать бóльшія матеріальныя и оперативныя препятствія.

Сторона, вынужденная боями въ періодъ стратегическаго развертыванія къ отступленію, должна прежде всего вернуть свободу дѣйствія и по возможности увеличить матеріальныя препятствія для атакующаго.

Поэтому первая задача заключается въ томъ, чтобы быстрымъ отступленіемъ оторваться отъ врага и, гдѣ возможно, отойти за сильную фронтальную преграду, которую наступающій не можетъ легко преодолѣть. За нею возстанавливается тактическій порядокъ и могутъ быть подведены подкрѣпленія. Если представляется возможнымъ отступить по расходящимся направленіямъ, то подобный образъ дѣйствій иногда доставитъ всѣ оперативныя преимущества эксцентрическаго отступленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ это ослабитъ и энергію преслѣдованія, такъ какъ противникъ сначала не будетъ знать—въ какомъ направленіи отступили главныя силы.

Затѣмъ весьма важно использовать крѣпости. Зачастую онѣ наилучшимъ образомъ обезпечатъ переправу за рѣку. Но никогда не слѣдуетъ опираться на крѣпость такъ, какъ это сдѣлалъ Базенъ подъ Мецомъ. Нужно всегда стараться держаться въ сторонѣ крѣпостей, чтобы онѣ могли быть примѣнены какъ самостоятельные боевые фронты. При этомъ особенно важно усилить ихъ, чтобы принудить противника назначить противъ нихъ значительныя силы. Крѣпость

Вердюнъ совершенно не задержала наступленія нѣмцевъ на Седанъ, такъ какъ вліяніе ея не распространялось за предѣлы ея укрѣпленій. Если бы въ ея распоряженіи въ то время имѣлись значительныя вылазочныя средства, то еще вопросъ—насколько Мольтке удалась бы задуманная имъ операція. Во всякомъ случаѣ, для дѣйствій противъ этой крѣпости пришлось бы выдѣлить значительныя силы.

Если противникъ прорвется за крѣпость, то она должна всѣми средствами тревожить и порвать его тыловыя сообщенія. Въ случаѣ осады, нужно оказать сопротивленіе до послѣдней крайности, не щадя населенія и не заботясь о судьбѣ гарнизона. Никогда нельзя заранѣе знать, какія выгоды получитъ наша армія отъ затянувшейся обороны. Продержись Портъ-Артуръ еще нѣкоторое время, исходъ войны можетъ быть былъ бы совершенно иной.

Долженъ ли обороняющійся разрушать при отступленіи желѣзныя дороги и въ особенности ихъ сооруженія, а также мосты черезъ рѣки, будетъ зависѣть отъ того, насколько обоснованы шансы ближайшаго перехода въ наступленіе, такъ какъ въ этомъ случаѣ оно будетъ затруднено разрушенными путями сообщенія. Какъ бы то ни было, но нужно стараться разрушить ихъ въ тылу непріятельской арміи, чтобы затруднить ея питаніе.

Отступая въ своей странѣ нужно всюду поднять народную войну, конечно закономѣрно, но въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, направляя ея силы на непріятельскія сообщенія. Во всѣхъ пограничныхъ провинціяхъ эта война должна быть подготовлена заблаговременно. Но важнѣе всего примѣнять кавалерійскіе набѣги, оживляющіе и народную войну. Именно въ моменты перелома счастья кавалерія должна дѣйствовать наступательно и съ удвоенной энергіей. Здѣсь она должна брать примѣръ со Стюарта.

Въ ночь на 19 сентября 1862 г. армія генерала Ли, послѣ кровопролитнаго сраженія на ручьѣ Антьетамъ (или у Шарпсбурга), отступила на южный берегъ Потомака подъ прикрытіемъ кавалеріи Стюарта, который переправился послѣднимъ, 20 сентября вечеромъ, но тутъ же перешелъ въ наступленіе.

9 октября Стюартъ съ 1.700 всадниковъ двинулся на тыловыя сообщенія противника, стоявшаго сѣвернѣе Пото

мака. Онъ переправился черезъ рѣку выше праваго крыла противника, обошелъ всю армію, прервалъ ея сообщенія и вернулся 12 октября ниже лѣваго фланга на виду у сильнѣйшаго противника. Ужасъ, распространенный этимъ смѣлымъ кавалерійскимъ начальникомъ, значительно ослабилъ предпріимчивость врага и поднялъ упавшій духъ своей арміи. Это образецъ, достойный подражанія въ такой обстановкѣ.

Для продолженія главныхъ операцій, конечно, нельзя дать совѣтовъ и теоретическихъ указаній, такъ какъ обстановка всегда будетъ разнообразна. Можно лишь установить одинъ руководящій принципъ, вытекающій изъ природы вещей: оперативно никогда не бездѣйствовать или выжидать, а дѣйствовать наступательно и снова и снова захватывать въ свои руки иниціативу. Только наступленіе позволяетъ использовать преимущества, доставляемыя операціями въ собственной странѣ, а именно—повышеніе, по сравненію съ противникомъ, оперативной способности. Лишь повышенной смѣлостью можно уравновѣсить нравственныя потрясенія войны въ періодъ стратегическаго развертыванія. Однако рѣшающее значеніе имѣетъ тотъ моментъ, когда непріятельское наступленіе достигнетъ своего кульминаціоннаго пункта и противникъ перейдетъ къ стратегической оборонѣ. Теперь ему нельзя давать время укрѣпиться и устроиться въ завоеванной области, возстановить желѣзнодорожное сообщеніе и овладѣть крѣпостями. Нужно стремиться именно въ этотъ моментъ перейти въ рѣшающемъ направленіи въ наступленіе. Если бы въ 1870 г. французы могли двинуть 2-ю Луарскую армія на Парижъ до капитуляціи Меца, то она достигла бы рѣшительныхъ результатовъ и могла бы заставить снять блокаду Парижа. Причина окончательнаго пораженія французовъ и заключается въ томъ, что у нихъ во-время не оказалось достаточно боеспособныхъ войскъ.

Вообще, использовать этотъ моментъ съ шансами на успѣхъ можно лишь въ томъ случаѣ, если своевременно удастся напречь всѣ силы государства и создать боеспособныя войска; нельзя ожидать минуты бѣдствія, чтобы прибѣгать къ крайнимъ средствамъ сопротивленія. Нужно съ самого начала предвидѣть это крайнее напряженіе

Лишь при этомъ условіи мы вправѣ разсчитывать, что справимся съ нимъ. При современномъ вооруженіи и способѣ веденія боя многаго съ плохообученными полчищами не сдѣлаешь. Только обученная народная мощь можетъ дать себя почувствовать.

Чѣмъ больше вдумываешься въ эти условія, тѣмъ сильнѣе убѣждаешься въ широкомъ значеніе побѣдъ въ періодъ стратегическаго развертыванія.

Чѣмъ больше и всеобъемлющѣе успѣхъ побѣдителя въ этихъ столкновеніяхъ, чѣмъ сильнѣе потери у противника, чѣмъ большее число войсковыхъ частей потерпѣли тактическую неудачу, тѣмъ значительнѣе будетъ потрясена общая сила противника и тѣмъ сильнѣе онъ будетъ потрясенъ нравственно.

Англичане до конца войны не смогли преодолѣть боязни фронтальнаго огня буровъ, столь губительнаго для нихъ въ первыхъ бояхъ; въ равной степени и русскіе не могли справиться съ впечатлѣніемъ перваго неудачнаго сраженія и главнымъ образомъ Ляоянскаго. Ни начальники, ни подчиненные не могли вернуть себѣ побѣдоноснаго и самоувѣреннаго настроенія. Каждый шагъ ихъ находился подъ давленіемъ боязни японской атаки.

Это вліяніе первыхъ боевъ сказывается не только на побѣжденномъ, но въ обратномъ смыслѣ и на побѣдителѣ. Побѣда увеличиваетъ тактическую годность войскъ и подготовляетъ новый успѣхъ. Чѣмъ больше войскъ участвовало въ побѣдоносномъ эпизодѣ, тѣмъ шире распространяется увѣренность въ своихъ силахъ и жажда побѣды, и ими заражаются и остальныя войска. Чѣмъ крупнѣе общій успѣхъ, тѣмъ ничтожнѣе впечатлѣніе частныхъ потерь и пораженій. Поэтому бои въ періодъ стратегическаго развертыванія имѣютъ и въ матеріальномъ, и въ моральномъ отношеніяхъ широкое вліяніе на весь дальнѣйшій ходъ военныхъ дѣйствій и потому совершенно правильно поступитъ тотъ, кто напряжетъ всѣ силы, чтобы одержать рѣшительную побѣду въ первыхъ сраженіяхъ.

Съ другой стороны приходится признать, что только въ исключительныхъ случаяхъ можно достигнуть полнаго успѣха съ первыхъ же столкновеній и что въ дѣйствительности рѣшающее значеніе будутъ имѣть сраженія по-

слѣдующаго періода и что даже при первоначальныхъ неудачахъ можно добиться окончательной побѣды, если встрѣтить несчастье твердой душою и смѣлыми поступками. Изученіе позднѣйшаго періода войны показало, что именно здѣсь представляются многочисленные шансы на побѣду, и что нужно лишь рѣшительно использовать ихъ. Эти силы оживляются и направляются къ побѣдѣ духомъ полководца. За пораженіемъ при Колинѣ послѣдовали побѣды при Росбахѣ и Лейтенѣ, положившія начало величію Пруссіи.

Наконецъ, необходимо имѣть въ виду, что упорное продолженіе борьбы можетъ быть умѣстнымъ и въ томъ случаѣ, когда повидимому и нѣтъ никакихъ шансовъ на окончательную побѣду. Политическая обстановка можетъ измѣниться и создать новые шансы на побѣду для того, кто умѣетъ упорствовать на своемъ. Затѣмъ, не всегда вѣдь ведется борьба ради военнаго и политическаго успѣха; часто рѣчь идетъ о нравственныхъ и національныхъ цѣнностяхъ.

Поэтому, если войну въ періодъ стратегическаго развертыванія и нужно подготовлять всѣми средствами въ цѣляхъ одержанія побѣды, то не слѣдуетъ забывать, что могутъ обнаружиться условія, дѣлающія необходимымъ продолженіе ея. Государство, готовясь къ войнѣ и организуя свою инженерную оборону, должно предвидѣть и этотъ случай и твердо рѣшиться въ минуту необходимости пожертвовать послѣдними каплями крови даже только ради славы знаменъ и чести націи и государства.

---

11. Свобода военныхъ дѣйствій.

Ограниченіе и свобода военныхъ дѣйствій.—Необходимость надлежащихъ знаній.—Умственная и нравственная свобода полководца.—Планы и дѣйствія.—Постороннія вліянія на полководца.—Свобода оперативныхъ дѣйствій.—Высшія цѣли.—Высшія цѣли въ Южно-африканской войнѣ.

Каждое веденіе войны ограничено въ своихъ задачахъ политической цѣлью, но въ остальномъ подчиняется лишь законамъ, основаннымъ на сущности войны. Поэтому оно изъято изъ области произвольныхъ дѣйствій и движется по путямъ, опредѣляемымъ природой борьбы, взаимоотношеніемъ наступленія и обороны, физическою и духовною работоспособностью человѣка и характеромъ употребленныхъ на войнѣ средствъ.

Однако, подобно тому какъ свобода присуща каждому дѣйствительно крупному, умственно и нравственно, человѣку, такъ и искуство является областью самаго свободнаго творчества, въ закономѣрныхъ границахъ. Поэтому и военное искуство не можетъ существовать безъ свободы. Проявленіемъ этого искуства является веденіе войны, для котораго слѣдовательно жизненно необходима творческая свобода дѣйствій; само собою разумѣется, что свобода—въ духѣ, доступномъ человѣку, ограниченная природою вещей, за предѣлами которой начинается область дерзкаго произвола, который никогда не даетъ продолжительнаго успѣха. Кто не чувствуетъ этихъ границъ, тотъ попадаетъ на ложный путь на равныхъ правахъ съ необладающимъ даромъ свободнаго творчества.

Необходимость сознательной свободы дѣйствій въ опредѣленныхъ границахъ предъявляетъ къ полководцу такія требованія, удовлетворить которымъ могутъ лишь немногіе,

а между тѣмъ отъ выполненія ихъ зависитъ судьба арміи и государства. Общее содержаніе этого требованія распространяется на самыя разнообразныя области и вызываетъ къ работѣ всѣ способности и силы человѣка.

Возьмемъ сначала область практическаго управленія войсками; мы увидимъ, что лишь полное знаніе средствъ, съ которыми ведется война, позволитъ полководцу осуществить свою стратегическую волю. Если онъ не освоился съ матеріальными условіями веденія войны, то онъ рискуетъ оказаться въ ихъ зависимости и слѣдовательно потерять нѣкоторую долю своей свободы. Кто не умѣетъ оцѣнить работоспособности войскъ, ихъ нравственной и физической стойкости, ихъ одушевленія и потребностей; кто не отдаетъ себѣ полнаго отчета въ дѣйствіи различныхъ родовъ войскъ въ разнообразнѣйшихъ условіяхъ и подъ вліяніемъ мѣстности; кто не вполнѣ знакомъ съ системой продовольствія и всѣмъ механизмомъ тыловыхъ сообщеній; кто не можетъ въ любую минуту сказать—какое вліяніе имѣютъ эти условія на операціи; кто не уясняетъ себѣ законы передвиженія большихъ войсковыхъ массъ, движенія впередъ и назадъ, захожденія и развертыванія; кто не можетъ правильно оцѣнить значеніе службы связи и работоспособность техническихъ средствъ сообщенія и не умѣетъ пользоваться ими—тотъ можетъ еще дѣйствовать по вѣрнымъ принципамъ и геніальнымъ идеямъ, но зато рискуетъ быть разбитымъ, такъ какъ его проекты, при осуществленіи, разобьются о неправильную оцѣнку имѣющихся въ распоряженіи средствъ. То произойдетъ задержка въ желѣзнодорожномъ движеніи и остановится продовольствіе, то войска не выполнятъ предписанныхъ переходовъ, то тактическая годность войскъ окажется ниже предположенной. Поучительнымъ примѣромъ къ сказанному служитъ походъ Бурбаки противъ Вердера. Плохо разсчитанная желѣзнодорожная перевозка арміи скоро остановилась, и не вслѣдствіе плохой работы желѣзной дороги, а единственно по винѣ военныхъ властей, предъявившихъ неразумныя требованія. Продовольствіе и подвозъ были организованы такъ, что они не могли удовлетворить потребности войскъ; войсковыя колонны скрещивались; плохо управляемыя, истомленныя и изнервничавшіяся войска, столкнувшись съ непріятелемъ, не могли оказать ему противодѣйствія. Въ концѣ концовъ маршалъ

потерялъ всякую власть надъ обстановкой и прибѣгъ къ пистолету, чтобы выйти изъ своего ужаснаго положенія.

Между тѣмъ въ этихъ вопросахъ практическаго умѣнія рѣчь идетъ о самыхъ простыхъ требованіяхъ отъ полководца, о знаніяхъ и способностяхъ, пріобрѣтаемыхъ непрерывными занятіями, размышленіями и практическими упражненіями. Къ предметамъ совершенно иного порядка относятся требованія, предъявляемыя къ его умственной и нравственной личности.

Полководецъ долженъ приступить къ своей задачѣ свободнымъ отъ предразсудковъ и предубѣжденій, отъ боязни людей и отъ оковъ эгоизма, отъ подчиненія собственнымъ стастямъ и слабостямъ, отъ боязни отвѣтственности и риска; онъ долженъ самоотверженно служить только дѣлу и быть въ состояніи перенести физическія и нравственныя напряженія. Его задача принимаетъ двѣ формы: предположеній и дѣйствій; эти формы конечно взаимно обусловливаютъ и дополняютъ другъ друга, но онѣ предполагаютъ совершенно различные виды работоспособности. При разработкѣ плановъ играетъ роль по преимуществу умственная личность полководца, а при дѣйствіяхъ—нравственная, и тѣмъ не менѣе умственная мощь и нравственная сила должны все время поддерживать и дополнять другъ друга. Сохраненіе полководцемъ душевнаго равновѣсія и яснаго сужденія настолько важно, что его надлежитъ признать необходимѣйшей основой военнаго искуства. Однако, безконечно трудно удовлетворить этимъ требованіямъ среди тысячи затрудненій, ежечасно представляющихся полководцу.

Прежде всего необходимо понять общую политическую обстановку, правильно оцѣнить средства войны свои, и непріятельскія, и совмѣстно съ руководителями государственной политикой намѣтить военную цѣль, необходимую для достиженія цѣли политической. Затѣмъ нужно разработать планъ войны, все время имѣя въ виду тѣ соображенія, которыя были разсмотрѣны нами въ предшествовавшихъ главахъ, и правильно оцѣнить лицъ призванныхъ руководить дѣйствіями, а также и непріятельскихъ начальниковъ, ихъ намѣренія и особенности. Все это работа по преимуществу умственная, но и она требуетъ значительной твердости характера, для отклоненія разнообразныхъ требованій, не пріемлемыхъ съ военной точки зрѣнія.

Эти требованія обнаруживаются уже въ мирное время при подготовкѣ къ войнѣ, которая въ извѣстномъ смыслѣ должна быть отнесена къ области стратегіи. Финансовыя затрудненія, общественное мнѣніе, неправильная оцѣнка политической обстановки, филистерство, матеріалистическое пониманіе жизни, наконецъ враждебныя государству партіи въ самомъ народѣ—все это со всѣхъ сторонъ тѣснитъ организатора войны и старается отвлечь его вниманіе отъ строгихъ требованій военной необходимости. Съ другой стороны—мирныя и парадныя забавы съ серьезнымъ орудіемъ войны, ложные взгляды на инженерную оборону государства и веденіе войны, попустительство и уступки враждебнымъ войнѣ интересамъ слишкомъ часто приводили къ пренебреженію военнымъ дѣломъ, ослабленію боевой годности арміи и вовлеченію государства въ тягчайшую катастрофу.

Не говоря уже о сопротивленіи цѣлесообразной подготовкѣ къ войнѣ, что неоднократно наблюдается и въ Германіи, даже при разработкѣ плана войны и соотвѣтствующаго стратегическаго развертыванія обнаруживаются многочисленныя требованія, несовмѣстимыя съ требованіями военными.

Мы уже видѣли, какія формы принимаютъ они въ періодъ стратегическаго развертыванія *).

Здѣсь взываютъ о помощи провинціи, которыя было бы выгоднѣе въ военномъ отношеніи на время отдать врагу; тамъ нужно использовать желѣзнодорожную сѣть, причемъ кажущіяся выгоды на самомъ дѣлѣ въ области стратегіи и тактики превращаются въ невыгоды; даютъ себя знать политическія и династическія вліянія, личное честолюбіе и зависть старшихъ начальниковъ и всѣ тѣ слабости, которыя присущи человѣку—и все это нерѣдко приводило полководца на путь, совершенно непримиримый съ его военною совѣстью.

Полководцу чрезвычайно трудно отдѣлаться отъ всѣхъ этихъ побочныхъ вліяній, тѣмъ болѣе, что весьма часто они стараются опираться на внѣшній авторитетъ офиціальныхъ лицъ и кажущуюся справедливость. Только твердый характеръ и ясный умъ могутъ провести въ борьбѣ взглядовъ, желаній и требованій чисто военныя идеи, создающія успѣхъ,

---

*) IV, глава 9-я.

который только и сможетъ устранить всѣ препятствія и удовлетворить всѣ желанія.

Тѣ же требованія и препятствія, которыя приходится преодолѣвать при составленіи плана войны, даютъ себя нерѣдко знать и при веденіи ея, хотя по временамъ они какъ будто и отходятъ на второй планъ подъ давленіемъ опасности и приближающагося боевого столкновенія. Зато теперь душу полководца тѣснятъ вліянія иного рода. „Терзающій душу видъ опасностей и страданій легко подчиняетъ разумъ чувству, а при недостаточномъ освѣщеніи всѣхъ явленій, глубокое и ясное проникновеніе въ суть дѣла настолько трудно, что перемѣна убѣжденій становится понятнѣе и простительнѣе. Вѣдь все время приходится работать лишь угадывая истину, а не навѣрняка“. Такъ рисуетъ Клаузевицъ трудность военныхъ дѣйствій, добавляя къ этому, что хотя полководецъ и можетъ дѣйствовать по установленнымъ принципамъ, но что „сохранить въ силѣ эти результаты предварительныхъ размышленій въ потокѣ мнѣній и явленій одинаково трудно“. Но и успѣхъ, и неудача затемняютъ разумъ или направляютъ его по ложному пути. Тактическія пораженія и неблагопріятныя извѣстія дѣйствуютъ угнетающимъ образомъ; частичныя побѣды склоняютъ къ преувеличенію достигнутыхъ результатовъ. Даже Фридрихъ Великій подчинился подъ Кунерсдорфомъ соблазну преувеличить первоначальный успѣхъ и потому потребовалъ отъ войскъ невозможнаго. Неисчислимы, съ другой стороны, въ военной исторіи примѣры того, что только упадокъ духа полководца вырывалъ изъ его рукъ побѣду. Только энергіи младшихъ начальниковъ Южане обязаны были побѣдой у Геттисбурга. Самъ же полководецъ, генералъ Мидъ, уже къ вечеру второго дня рѣшилъ отступить.

Не поддаться всѣмъ этимъ вліяніямъ, ни убійственному пессимизму, ни чрезмѣрному оптимизму, сохранить при всѣхъ обстоятельствахъ спокойное равновѣсіе души, которое только и способствуетъ ясности сужденія и рѣшительности дѣйствій, и тѣмъ не менѣе сохранить силу воли и мышленія, позволяющую добиваться высшихъ результатовъ, проявлять высшую смѣлость и сохранить иниціативу въ побѣдѣ и пораженіи—все это предъявляетъ высшія требованія силѣ духа и нравственной и умственной свободѣ полководца.

Лишь при наличіи этой свободы онъ можетъ остаться на

должной высотѣ и въ счастьи, и въ несчастьи и сохранить разносторонность и измѣнчивость рѣшеній, не позволяющую дѣйствовать по предвзятымъ воззрѣніямъ, а умѣющую въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ примѣнить такія средства, которыя при данныхъ условіяхъ обезпечиваютъ побѣду.

Военное искуство и заключается въ свободномъ примѣненіи принциповъ въ постоянно мѣняющейся обстановкѣ и цѣляхъ дѣйствій. Никогда нельзя возводить принципъ въ правило, въ шаблонъ, убивающій духъ и сковывающій дѣятельность, а въ искуствѣ превращающійся въ манеру, такъ какъ всѣ такъ наз. принципы и принципіальныя мѣры на войнѣ подчиняются высшему общему закону — цѣлесообразности, и могутъ быть признаны истинными принципами лишь въ томъ случаѣ, когда они цѣлесообразны.

Кто захотѣлъ бы всегда атаковать, потому что наступленіе признается сильнѣйшей формой веденія войны, или кто захотѣлъ бы всегда охватывать, такъ какъ охватъ считается наиболѣе цѣлесообразной формой атаки, тотъ поступилъ бы шаблонно и противно идеѣ войны, такъ какъ очевидно, что бываютъ безчисленные случаи, когда мѣстныя и другія преимущества обороны настолько сильны, что они превосходятъ преимущества, доставляемыя наступленіемъ при данныхъ условіяхъ, или когда условія фронтальной атаки выгоднѣе охвата.

Если бы Наполеонъ попытался при Риволи охватить австрійцевъ, то онъ поступилъ бы такъ же неблагоразумно, какъ если бы Леонидъ съ своими 300 спартанцами атаковалъ персовъ впереди Ѳермопилъ. Пока онъ могъ защищать ущелье и персы должны были направить по нему же атаку, нужно было дѣйствовать оборонительно.

Наполеонъ побѣдилъ, но Леонидъ былъ уничтоженъ со всѣми своими солдатами; а потому вполнѣ естественно возникаетъ вопросъ—дѣйствовалъ ли онъ свободно и правильно, когда, узнавъ объ обходѣ, рѣшился отправить назадъ главную часть своей арміи, а со спартанцами и нѣкоторыми союзными племенами продолжать оборону ущелья и даже перейти въ наступленіе за ворота, замыкавшія проходъ, съ несомнѣнной увѣренностью въ полномъ пораженіи.

Мы находимся на границѣ области, не поддающейся на-

учному изслѣдованію и включенію въ теорію военнаго искусства, и несмотря на это имѣющей весьма существенное вліяніе на веденіе войны. Это область высшей цѣлесообразности, обусловливаемой не военными успѣхами, а народно-психологическими, нравственными и всемірно-историческими моментами.

Когда персы въ бою за Ѳермопильское ущелье овладѣли второй дорогой, не бывшей уже тѣсниной, греки могли удержать свою позицію лишь въ томъ случаѣ, если бы наступленіемъ опрокинули обходныя колонны. Такъ какъ, повидимому, они для этого не располагали достаточными силами, то—разсуждая теоретически—всего лучше было бы отступить, такъ какъ это сберегло бы греческую армію, замѣнить которую было уже нечѣмъ. Ввиду этого Леонидъ и отправилъ большую часть своей арміи на Истмійскій перешеекъ, оставивъ здѣсь только спартанцевъ и ненадежныхъ ѳиванцевъ. Съ ними онъ рѣшилъ умереть за отечество. До послѣдняго человѣка пали спартанцы, а остальные были взяты въ плѣнъ. Эта повидимому безцѣльная жертва въ дальнѣйшемъ оказалась правильной въ военномъ отношеніи. Геройство этого пораженія воспламенило грековъ для упорной обороны, окончившейся побѣдой.

Итакъ, здѣсь король поступилъ правильно въ высшемъ смыслѣ: первоначально онъ оборонялся, такъ какъ особыя условія—громаднѣйшее превосходство персовъ и чрезвычайно выгодная оборонительная позиція въ ущельи—дѣлали всякую мысль о наступленіи несоотвѣтствующей; во-вторыхъ, потому, что онъ въ данномъ случаѣ не сдѣлалъ того, что казалось единственно цѣлесообразнымъ, и, пожертвовавъ собою, пробудилъ неподдающіяся измѣренію нравственныя силы.

Въ новѣйшей исторіи примѣръ высшей цѣлесообразности даетъ намъ Южно-африканская война.

Послѣ того, какъ бурамъ не удалось уничтожить англійскіе гарнизоны съ перваго налета и увлечь за собою всю Африку, можно было съ увѣренностью предвидѣть, что они своими силами не совладаютъ съ міровой державой и что при безусловномъ господствѣ Англіи на морѣ ни одно нейтральное государство не взялось бы за оружіе въ ихъ пользу,

Разсматривая объективно обстановку, было очевидно, что при наличныхъ условіяхъ, практически наиболѣе цѣлесообраз-

нымъ было бы постараться войти съ противникомъ въ соглашеніе или же хотя бы прекратить сопротивленіе послѣ того, какъ капитуляція Паардеберга и освобожденіе англичанами Ледисмита сдѣлало сколько-нибудь значущій военный успѣхъ невозможнымъ.

Тѣмъ не менѣе буры поступили правильно и въ высшемъ смыслѣ цѣлесообразно, защищаясь до послѣдней крайности и ставя честь оружія выше побѣды. Лишь героическая борьба могла дать этому народу на будущее время самосознаніе и нравственную силу, необходимыя для охраненія своей особой народности отъ подавляющаго англійскаго господства и сохранить возможность возобновленія въ будущемъ борьбы за свободу. Это они несомнѣнно понимали, быть можетъ, и смутно, и это оправдывало величайшія, хотя, повидимому, и безнадежнѣйшія жертвы.

Здѣсь политическая задача требовала сохраненія національной чести, пылкаго противодѣйствія грубой силѣ, борьбы до послѣдняго—чѣмъ бы она не кончилась. Это придаетъ Южно-африканской войнѣ совершенно своеобразный характеръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣчное, всемірно-историческое значеніе. Сохранить свою политическую и національную самостоятельность можетъ и вправѣ только тотъ народъ, который обладаетъ нравственной силой пожертвовать собою въ интересахъ будущаго и мужественно принять на себя всѣ опасности, которыя требуетъ сохраненіе его чести и будущаго величія.

„Nichtswürdig ist die Nation, die nicht
Ihr alles freudig setzt an ihre Ehre“ *).

Начальники буровъ, ведшіе отчаянную борьбу, правильно оцѣнили обстановку и тѣмъ самымъ не только обнаружили широкій государственный умъ, но и, въ границахъ особыхъ условій и ихъ боевыхъ средствъ, также и способности истинныхъ полководцевъ. Они сохранили свою внутреннюю свободу и тѣмъ, что, несмотря на подавляющую силу несчастья, снова принимали на себя иниціативу и подавляли духъ своего сильнаго врага новыми и новыми побѣдами. Они уже теперь

*) Недостойна та нація, которая не въ состояніи охотно поставить все на карту ради своей чести.

пожинаютъ плоды своей побѣды, такъ какъ они, а не англичане, владѣютъ Южной Африкой.

Какъ политика никогда не должна довольствоваться отраженіемъ и сохраненіемъ, такъ и борьба отнюдь не должна превращаться въ жалкое отбиваніе. Пусть окончательная побѣда невозможна; въ частности же нужно всѣми средствами военнаго искуства добиваться ея. Лишь нанеся противнику какъ можно больше вреда, можно до крайности затруднить ему побѣду и сохранить свою собственную силу. Въ Южной Африкѣ борьба длилась годами, какъ бы издѣваясь надъ всякой военной цѣлесообразностью, и, тѣмъ не менѣе, разсматриваемая съ высшей точки зрѣнія, она должна быть признана чрезвычайно цѣлесообразной и нравственной и народно-исторической необходимостью.

Мы признаемъ, что во всѣхъ дѣйствіяхъ на войнѣ, рѣшающей судьбу народовъ и государствъ, нужно руководиться высшими соображеніями, и что полководецъ можетъ вполнѣ свободно исполнять свои обязанности только въ томъ случаѣ, если поднимется высоко надъ толпой и научится, наравнѣ съ государственнымъ дѣятелемъ, достойнымъ этого имени, смотрѣть на вещи и оцѣнивать ихъ въ національномъ и всемірно-историческомъ освѣщеніи. Лишь при этомъ условіи онъ сможетъ познать истинную сущность войны и вести ее цѣлесообразно въ высшемъ смыслѣ этого слова.

---

12. Веденіе морской войны.

Взаимодѣйствіе сухопутныхъ и морскихъ силъ.—Оборона колоній.—Наступленіе и оборона на морѣ. — Превосходство стратегическаго наступленія.—Принципъ наступленія.—Сосредоточеніе силъ въ пространствѣ и во времени. — Другіе пріемы наступленія.—Борьба за господство въ связи съ береговой обороной.—Блокада.—Атака укрѣпленнаго берега.—Развѣдка.—Рѣшительное столкновеніе.

Изложивъ въ крупныхъ чертахъ руководящія основанія веденія сухопутной войны, намъ остается еще коснуться области, которая, какъ мы видѣли, будетъ играть значительную роль въ каждой большой войнѣ будущаго—морской войны.

Само собою разумѣется, что я далекъ отъ мысли подробно высказаться по спеціальнымъ техническимъ и тактическимъ вопросамъ этой войны. Но такъ какъ морская война имѣетъ для насъ, нѣмцевъ, существенное значеніе въ будущемъ, какъ сама по себѣ, такъ и по вліянію ея на теченіе и исходъ сухопутной войны, то мнѣ кажется необходимымъ вкратцѣ разсмотрѣть хотя бы тѣ общія точки зрѣнія, которыя особенно важны для веденія войны на морѣ и ея отношеній къ сухопутной войнѣ.

Непосредственное взаимодѣйствіе сухопутныхъ и морскихъ силъ возможно лишь въ исключительныхъ случаяхъ: — при попыткахъ десанта или при обратной посадкѣ на суда и при борьбѣ за приморскую крѣпость, какъ, напр., подъ Портъ-Артуромъ, гдѣ морскія силы обѣихъ сторонъ принимали участіе въ атакѣ и оборонѣ крѣпости. Можно также представить себѣ случай обстрѣливанія войскъ на берегу флотомъ, если они вынуждены двигаться или вести бой въ сферѣ дѣйствія судовыхъ орудій, что можетъ, напр., слу-

читься на Ривьерѣ. Зато косвенное вліяніе флота на сухопутныя операціи, какъ въ наступательномъ, такъ и въ оборонительномъ духѣ, очень возможно и зачастую можетъ быть весьма значительнымъ.

Всего рѣзче это обнаруживается у островныхъ государствъ, какъ Англія и Японія, которыя могутъ вести наступательную сухопутную войну только благодаря флоту. Этотъ послѣдній долженъ сначала совершенно вытѣснить изъ моря непріятельскія военныя суда и обезпечить морское сообщеніе своей страны съ непріятельской. Затѣмъ для обезпеченія высадки онъ долженъ сломить сопротивленіе береговыхъ укрѣпленій и уничтожить минныя загражденія. Онъ долженъ прикрыть войсковые транспорты, подготовить и прикрыть десантъ и, наконецъ, обезпечить сообщенія десантнаго корпуса, если они ведутъ черезъ море; затѣмъ, въ крайнемъ случаѣ, сдѣлать возможной и прикрыть обратную посадку на суда и отступленіе. Десантъ и посадка должны быть исполнены подъ прикрытіемъ дальнобойныхъ судовыхъ орудій отъ сухопутныхъ войскъ противника.

Возможность исполнить всѣ эти задачи и предупредить нежелательныя случайности флотъ получитъ лишь въ томъ случаѣ, если разобьетъ непріятельскій, блокируетъ его гавани и обезвредитъ непріятельскіе крейсера.

При оборонительной войнѣ такого островного государства задача флота будетъ заключаться, съ одной стороны, въ воспрепятствованіи непріятельскому десанту, для чего нужно разбить непріятельскій флотъ, а съ другой—въ охраненіи линій подвоза продовольственныхъ и боевыхъ средствъ. Въ Англіи, почти всецѣло продовольствующей свое населеніе путемъ подвоза, эта задача флота особенно важна, такъ какъ при прекращеніи подвоза страна начнетъ голодать. Японія также не производитъ всего потребнаго для нея количества продовольствія, въ особенности риса, а потому и ей можно нанести чувствительный ударъ перерывомъ морского подвоза.

Если, несмотря на всѣ старанія флота, противнику удастся овладѣть господствомъ на морѣ и осуществить десантъ, то задача флота—непрерывно нарушать сообщенія десантнаго корпуса съ родиной, а если возможно, то и совершенно отрѣзать его.

Русско-японская война даетъ для большинства этихъ слу-

чаевъ поучительные примѣры. Только благодаря уничтоженію части русскаго флота ночнымъ нападеніемъ и блокировкѣ остальной его части въ Портъ-Артурѣ, японцамъ удалось перебросить свою армію въ Корею и непрерывно продовольствовать ее подвозомъ изъ родины. Несмотря на очевидное превосходство ихъ на морѣ, русскіе крейсера во Владивостокѣ сохранили нѣкоторую свободу движеній и могли захватить и уничтожить нѣсколько японскихъ транспортовъ.

Подобнымъ рѣшительнымъ образомъ флотъ не можетъ конечно повліять на войну континентальныхъ державъ; все же могутъ быть случаи, когда значеніе морской войны для сухопутныхъ операцій будетъ очень велико. Въ чемъ это выразится—всего лучше показать на нѣсколькихъ примѣрахъ.

Если бы Германіи пришлось когда нибудь вести наступательную войну противъ Россіи, то нѣмцамъ было бы чрезвычайно важно имѣть полное господство въ Балтійскомъ морѣ. Тогда они могли бы совершенно прекратить морское сообщеніе съ русскими берегами и не допустить подвоза боевыхъ средствъ изъ другихъ государствъ, напр., Англіи и Франціи. Они бы принудили русскихъ назначить большія силы для охраненія побережья и защиты Петербурга, которому угрожала бы прямая опасность. Наконецъ, они могли бы вести сухопутныя операціи значительно смѣлѣе, такъ какъ можно было бы частью базироваться на морской берегъ. Если нѣмецкому флоту удастся овладѣть большими русскими портами Балтійскаго моря и высадить тамъ войска и боевые матеріалы, откуда затѣмъ они будутъ подвезены къ сухопутной арміи, то германская армія получила бы возможность наступать вдоль морского берега, охватить съ сѣвера всѣ русскія арміи, дѣйствующія въ западныхъ губерніяхъ государства, частью перервать или угрожать ихъ сообщеніямъ съ Петербургомъ и, наконецъ, отбросить въ южномъ направленіи. Въ подобномъ случаѣ флотъ далъ бы сухопутной арміи возможность повести наступленіе въ самомъ рѣшающемъ направленіи и тѣмъ значительно содѣйствовалъ бы побѣдѣ. Поэтому онъ долженъ какъ можно скорѣе искать рѣшительнаго столкновенія съ русскимъ флотомъ, разбить его, а остатки блокировать; за этимъ должны слѣдовать блокада русскаго побережья Балтійскаго моря и захватъ важнѣйшихъ портовъ.

Сходное съ этимъ значеніе можетъ имѣть флотъ въ случаѣ войны съ Франціей, если бы нѣмцы повели наступленіе через Бельгію. И въ этомъ случаѣ наступленіе нѣмцевъ могло бы быть значительно свободнѣе, если бы французскій флотъ былъ разбитъ, а нѣмецкій пріобрѣлъ такое господство на морѣ, чтобы германская сухопутная армія могла, хотя бы отчасти, базироваться на морской берегъ.

Извѣстно, что Фридрихъ Великій разработалъ планъ войны, основанный на этихъ идеяхъ. Онъ предполагаетъ, соотвѣтственно условіямъ того времени, коалицію Англіи, Австріи, Пруссіи и Голландіи противъ Франціи, которая сосредоточила свою главную армію во Фландріи, а остальную границу охраняетъ отдѣльными корпусами. Противъ подобнаго расположенія Фридрихъ предполагаетъ сосредоточить главную армію союзниковъ на сѣверѣ; наступая отъ Брюсселя, эта армія должна первоначально разбить главную непріятельскую армію во Фландріи, послѣ чего овладѣть Дюнкирхеномъ, Бергомъ и Гравелингеномъ, послѣ чего базироваться на Ньюпортъ, Дюнкирхенъ и англійскій флотъ, обойти съ запада почти всѣ пограничныя крѣпости и двинуться на Парижъ черезъ Аббевиль. Со времени созданія этого проекта условія, конечно, измѣнились, но главныя свойства веденія войны остались тѣ же, и потому идея, положенная въ основу этому плану, могла бы имѣть значеніе и теперь.

Оборона колоній, берега которыхъ недостаточно защищены укрѣпленіями, также могла бы быть осуществлена лишь наступательными дѣйствіями противъ непріятельскаго флота. Напавъ и разбивъ его, чтобы затѣмъ уничтожить транспорты, везущіе предназначенныя для производства десанта войска, можно помѣшать противнику овладѣть заморскими колоніями. Если мы недостаточно сильны для подобныхъ дѣйствій и не имѣемъ въ колоніяхъ достаточно сильныя сухопутныя войска, чтобы защититься отъ нападенія, то придется на время ими пожертвовать, а иногда можно ихъ совершенно потерять. Англичане, конечно, не колеблясь постараются овладѣть нѣмецкими колоніями, если случится съ ними война, и, оставшись побѣдителями, захотятъ сохранить ихъ за собой, подобно тому, какъ однажды Голландія и Франція отняли у нихъ ихъ самыя богатыя колоніи.

При разсмотрѣніи дѣятельности флота и вліянія его на сухопутную войну, нужно имѣть въ виду, что оборонительныя дѣйствія его основаны на совершенно иныхъ началахъ, чѣмъ на сушѣ.

Стратегически можно дѣйствовать на морѣ и наступательно, и оборонительно. Въ первомъ случаѣ нужно разыскать непріятельскій флотъ и напасть на него, блокировать непріятельскіе порты, побороть береговыя укрѣпленія и по возможности нанести ущербъ непріятельской торговлѣ.

Напротивъ, въ другомъ случаѣ, нужно, опираясь на свой берегъ и его вспомогательныя средства, ждать непріятельскую атаку и постараться помѣшать противнику осуществить его наступательныя намѣренія.

Разница заключается только въ оперативномъ образѣ дѣйствій, обусловливаемомъ наступательными или оборонительными намѣреніями. Тактически же, на морѣ нѣтъ никакой разницы между наступленіемъ и обороной, если только это не обусловлено различными типами судовъ, такъ какъ тамъ нѣтъ мѣстности, составляющей главное условіе всякой тактической обороны. На морѣ и атакующій, и обороняющійся пользуются совершенно одинаковыми средствами при одинаковыхъ же условіяхъ. Если бы флотъ вздумалъ встрѣтить атаку стоя на мѣстѣ, онъ заранѣе былъ бы обреченъ на гибель. Конечно, можетъ случиться, что на якорѣ или на ходу онъ подвергнется нападенію миноносцевъ и будетъ обороняться отъ нихъ, но здѣсь разница между атакой и обороной опредѣляется различными типами судовъ. Миноносцы преимущественно могутъ дѣйствовать только наступательно и боевыя суда могутъ отражать ихъ только артиллерійскимъ огнемъ. Это соотношеніе никогда не измѣнится, даже если миноносцы стратегически обороняются, а броненосцы наступаютъ.

Весьма возможно также, что одна сторона дѣйствуетъ болѣе наступательно, чѣмъ другая; что одна нападаетъ, какъ Того при Цусимѣ, а другая принимаетъ бой только по принужденію, какъ русскіе въ томъ же сраженіи. Но это не обусловливаетъ какой-либо разницы въ способѣ веденія боя, а лишь различіе въ стратегическихъ цѣляхъ, а иногда и энергіи дѣйствій, зависящей отъ личныхъ свойствъ. Равнымъ образомъ, болѣе слабый по своимъ дѣйствіямъ флотъ долженъ

будетъ подчиниться волѣ противника и въ тактикѣ и потому дѣйствовать больше оборонительно, чѣмъ наступательно, что можно прослѣдить въ теченіе всего Цусимскаго сраженія. Однако, и въ подобной обстановкѣ различіе въ образѣ дѣйствій обусловлено различной силой судовъ, а не различіемъ между атакой и обороной. Единственныя оборонительныя средства морской войны составляютъ противоминныя сѣти и мины. Ихъ можно сравнить съ искуственными препятствіями и минной системой сухопутныхъ укрѣпленій. Но сами дѣйствія флота отъ нихъ совершенно не зависятъ.

Флотъ и при стратегической оборонѣ можетъ тактически дѣйствовать только наступательно, т. е. долженъ выйти въ море и атаковать непріятельскій флотъ, если вообще хочетъ бороться. Въ морѣ существуетъ только активная оборона, даже и въ томъ случаѣ, если она опирается на минныя загражденія и береговыя укрѣпленія. Вообще флотъ обороняющагося имѣетъ лишь то преимущество, что, когда понадобится, можетъ быстро отступить подъ защиту своихъ сухопутныхъ укрѣпленій, и имѣетъ непосредственно за собою свою базу: доки, мастерскія, склады боевыхъ припасовъ и угля и т. под. При этомъ, конечно, мы предполагаемъ хоть нѣсколько благопріятное положеніе опорныхъ пунктовъ по отношенію къ раіону дѣйствій флота, что конечно случается не всегда, но что въ теоріи совершенно естественно предположить.

Напротивъ, флотъ атакующаго часто находится очень далеко отъ всѣхъ этихъ вспомогательныхъ средствъ и потому вынужденъ имѣть дѣло съ значительно болѣе трудными условіями, чѣмъ обороняющійся.

Несмотря на преимущества, присущія стратегической оборонѣ, какъ и въ сухопутной войнѣ, стратегическое наступленіе на морѣ имѣетъ перевѣсъ. Оно доставляетъ на морѣ тѣ же выгоды, какъ и на сушѣ.

Можно попытаться захватить непріятеля врасплохъ; наступающій дѣйствуетъ по опредѣленному, имъ самимъ составленному плану для достиженія ясно поставленной цѣли, подчиняетъ себѣ волю противника и пользуется, какъ политически, такъ и нравственно, значительнымъ преимуществомъ иниціативы. Можно также попробовать запереть непріятельскія гавани быстрымъ устройствомъ минныхъ загражденій и тѣмъ не только затруднить и поставить въ опасное положе-

ніе непріятельскую торговлю, но и сдѣлать небезопасной для противника его же собственную базу. По сравненію съ такими преимуществами, обороняющійся, т. е. та сторона, которая пока выжидаетъ и хочетъ сообразовать свои дѣйствія съ мѣропріятіями противника, очевидно находится въ невыгодномъ положеніи, такъ какъ должна подготовиться ко всевозможнымъ направленіямъ атаки и потому не можетъ заранѣе сосредоточить свои силы для дѣйствій въ опредѣленномъ направленіи.

Невыгода стратегическаго наступленія заключается лишь въ томъ, что ему часто приходится имѣть дѣло съ очень длинными операціонными линіями и тыловыми линіями сообщенія, а это не только стѣсняетъ поддержаніе боевой готовности флота, но и даетъ противнику рядъ пунктовъ атаки, что въ случаѣ тактическаго пораженія можетъ стать роковымъ. Движеніе русскаго флота адмирала Рождественскаго на вѣрную гибель наглядно рисуетъ эту опасность. Поэтому очевидно, что преимущества стратегическаго наступленія становятся тѣмъ сильнѣе, чѣмъ короче его операціонныя линіи, и что длина этой линіи иногда можетъ заставить избрать стратегическую оборону. Охраненіе сообщеній и подвозъ отнимаютъ очень значительныя силы и могутъ привести къ такому ослабленію флота, что преимущества наступленія сойдутъ на-нѣтъ.

Это соотношеніе стратегическаго наступленія и обороны очевидно служитъ одной изъ причинъ постоянныхъ разговоровъ въ Англіи о ростѣ германскаго флота, объ опасности для Англіи именно его, а не болѣе сильнаго—американскаго. Англичане отлично знаютъ, что съ чисто военной точки зрѣнія нападеніе Америки на ихъ острова весьма трудно осуществимо благодаря разстоянію, и что и они могутъ быть опасными для Америки, въ случаѣ войны съ нею, лишь цѣною большихъ жертвъ. Напротивъ, морская побѣда надъ Германіей, лежащей непосредственно противъ англійскихъ береговъ, осуществима гораздо легче и обѣщаетъ успѣхъ съ значительно меньшей затратой силъ, чѣмъ противъ Америки. Поэтому съ этимъ послѣднимъ соперникомъ на морѣ сговориться можно, а остальныхъ нужно уничтожить.

Впрочемъ, условія войны Англіи съ Америкой нисколько не измѣняютъ соотношенія между атакой и обороной на морѣ. Они представляютъ лишь особый случай, своеобразныя усло-

вія котораго должны быть приняты во вниманіе при примѣненіи основныхъ правилъ. Каждому изъ этихъ государствъ придется, въ случаѣ войны, подумать—уравновѣшиваютъ ли невыгоды длинной операціонной линіи преимущества стратегическаго наступленія. Само же наступленіе, какъ и на сушѣ, составляетъ истинную душу войны, и несомнѣнно, что въ принципѣ нужно наступать, если соотношенія силъ и прочія условія даютъ шансы на побѣду.

Если приходится имѣть дѣло съ болѣе слабымъ или равносильнымъ противникомъ, то рѣшеніе атаковать явится, при прочихъ равныхъ условіяхъ, вообще говоря, само собою. Въ войнѣ Германіи съ Франціей или Россіей, напр., германскому флотоводцу конечно не придетъ и въ голову ждать непріятельской атаки; напротивъ, онъ разыщетъ непріятеля въ его же водахъ, вопреки всѣмъ подводнымъ лодкамъ, которыя обороняютъ французскіе берега.

Напротивъ, если перевѣсъ въ силахъ на сторонѣ противника, то раздѣленіе его силъ зачастую дастъ возможность одержать частичныя побѣды. Нужно съ быстрой рѣшимостью пользоваться такими моментами и въ такихъ случаяхъ нечего бояться неожиданнаго нападенія по примѣру японцевъ. Лишь благодаря смѣлому политическому и стратегическому наступленію имъ удалось напасть на русскія морскія силы, когда онѣ еще были разбросаны, и тѣмъ пріобрѣсти значительный перевѣсъ въ силахъ и надолго лишить русскій флотъ возможности соединиться и энергично дѣйствовать:—яркій примѣръ смѣлости и рѣшимости.

Если раздѣленіе силъ всегда связано съ рискомъ частичнаго пораженія слабыхъ эскадръ, то нужно попытаться избѣгнуть этой опасности, держа флотъ по возможности вмѣстѣ и употребляя его цѣликомъ, чтобы всюду, гдѣ придется вести бой, дѣйствовать всѣми силами, и отнюдь не поддаваться частичнымъ пораженіямъ. О затяжномъ веденіи боя, о постепенномъ вводѣ силъ и сбереженіи резервовъ въ морской войнѣ, въ сущности, не можетъ быть и рѣчи. Начать бой частью силъ и затѣмъ ввести главныя силы въ рѣшительномъ пунктѣ на морѣ невозможно. Численный перевѣсъ вліяетъ здѣсь гораздо рѣшительнѣе, чѣмъ въ сухопутной войнѣ, такъ какъ на водѣ идетъ больше рѣчь о борьбѣ военныхъ машинъ другъ съ другомъ. Если много судовъ сосре-

доточать свой огонь на небольшомъ числѣ ихъ, то при всѣхъ прочихъ одинаковыхъ условіяхъ они имѣютъ наибольшіе шансы къ побѣдѣ. На водѣ нѣтъ всѣхъ тѣхъ элементовъ, которые могли бы помочь слабѣйшему на сушѣ, и прежде всего—мѣстности, закрывающей отъ взоровъ и выстрѣловъ, и дающей возможность обмануть противника относительно направленія атаки и своей силы. Въ открытомъ морѣ кругозоръ у всѣхъ одинъ; ни одно судно не можетъ скрыться и потому, при прочихъ равныхъ условіяхъ, побѣда будетъ на сторонѣ болѣе многочисленнаго врага.

Поэтому, принципъ веденія морской войны есть сосредоточеніе силъ въ пространствѣ и во времени.

Становясь на эту точку зрѣнія, легко понять, почему англичане сосредоточили главную массу своего флота въ Сѣверномъ морѣ. Обширность ихъ колоній и необходимость обезпечить морской путь въ Индію принудили ихъ разбросать свой флотъ, но противъ ближайшаго своего противника—Германіи, они хотятъ избѣгнуть этой разбросанности.

Сосредоточеніе силъ въ пространствѣ и во времени, конечно, нельзя понимать въ смыслѣ отказа отъ какого бы то ни было раздѣленія флота. Напротивъ того, къ ограниченнымъ въ пространствѣ наступательнымъ дѣйствіямъ крейсеровъ и миноносцевъ, конечно, придется прибѣгнуть не разъ, частью для развѣдки, частью для использованія особо благопріятной обстановки. Въ особенности въ началѣ войны, а иногда даже среди полнаго мира — если нѣтъ иныхъ способовъ достигнуть перевѣса,— выгодно напасть на противника миноносцами и подводными лодками и нанести ему нежданныя потери.

Слѣдуетъ также пораньше и по возможности неожиданно поставить торговую войну на основанія, обезпечивающія успѣхъ. Если противникъ изготовился къ ней раньше, то онъ пуститъ въ ходъ свои вспомогательныя крейсера и предохранитъ свой торговый флотъ. Поэтому первый и самый значительный успѣхъ можетъ быть достигнутъ только внезапностью. Самую войну слѣдуетъ вести безъ всякихъ стѣсненій, такъ какъ только при этомъ условіи можно, рядомъ съ матеріальнымъ ущербомъ, навести на торговый флотъ противника панику и тѣмъ нанести ему больше вреда, чѣмъ ежедневнымъ захватываніемъ призовъ. Нужно до нѣкоторой

степени терроризовать море, чтобы мирный торговый флотъ засѣлъ въ безопасныхъ гаваняхъ. Вообще принято отводить призы въ свои ближайшіе порты и уничтожать ихъ только въ крайности; это предусмотрѣно и Лондонской декларацiей. Но сторонѣ, не располагающей въ чужихъ моряхъ большимъ количествомъ опорныхъ пунктовъ, часто придется прибѣгать къ подобной крайности, и всего лучше немедленно уничтожать захваченныя суда; съ везущими контрабанду нейтральными судами нужно быстро расправляться. Слѣдуетъ также уже въ мирное время подготовить минныя загражденія для прекращенія торговли или огражденія своихъ водъ и немедленно ставить ихъ съ открытіемъ военныхъ дѣйствій.

Наступательный флотъ, конечно, долженъ быть снабженъ перевозочными и развѣдывательными органами. Всего важнѣе, особенно при длинныхъ операціонныхъ линіяхъ, правильный подвозъ угля и боевыхъ припасовъ и отвозъ больныхъ и раненыхъ. Все это должно быть организовано такъ, чтобы эскадры могли дѣйствовать совершенно свободно, такъ какъ только ихъ дѣятельность и имѣетъ рѣшающее значеніе. Вѣдь и оборона береговъ не можетъ продолжительное время сопротивляться наступленію противника, если она не находитъ поддержки въ своемъ активномъ флотѣ; она будетъ сломлена и тогда противникъ получитъ возможность высадить войска и начать сухопутную операцію прямо съ моря. Поэтому боевой флотъ долженъ приложить всѣ усилія къ тому, чтобы разбить противника и, если позволяетъ обстановка, найти его для рѣшительнаго столкновенія, въ особенности когда удалось неожиданнымъ нападеніемъ или частичными побѣдами ослабить его въ самомъ началѣ войны.

Однако, могутъ быть условія, дѣлающія подобный образъ дѣйствій боевого флота, т. е. вызовъ на рѣшительное столкновеніе, фактически невозможнымъ, а именно, когда приходится вести борьбу съ подавляющимъ превосходствомъ силъ у противника, который къ тому же заблаговременно и съ извѣстными цѣлями держитъ свой флотъ совокупно и въ боевой готовности. Въ подобномъ случаѣ стратегическое наступленіе, ищущее рѣшительнаго столкновенія, непримѣнимо. Оно привело бы лишь къ гибели своего флота, не нанеся даже сравнительно одинаковыхъ потерь противнику, въ безнадежной борьбѣ съ нимъ. Законъ численности царитъ и

на водѣ и бываютъ такія соотношенія силъ, при которыхъ побѣда становится невозможной.

Однако, великій народъ, требующій и на свою долю часть міровыхъ сообщеній и имѣющій военный флотъ, не долженъ и въ этомъ случаѣ вести войну безъ стремленія къ побѣдѣ. Онъ никогда не долженъ ограничиваться отбиваніемъ ударовъ, а стараться захватить у противника море и удержать его въ своихъ рукахъ.

Когда мореплаватели—карѳагеняне напали на сухопутный городъ Римъ, чтобы задушить восходящую силу, римляне не ограничились отраженіемъ нападенія, а выстроили флотъ, разбили карѳагенскій и перенесли войну въ Африку. Конечно, съ тѣхъ поръ условія стали не тѣ. Теперь во время войны изъ ничего сразу не создать флота, какъ то могли сдѣлать римляне при простотѣ кораблестроительнаго искуства того времени. Создать флотъ—предпріятіе длительное и трудное, и противникъ располагаетъ тѣмъ же количествомъ времени для принятія своихъ мѣръ. Поэтому нельзя разсчитывать на сколько нибудь значительное увеличеніе числа судовъ во время войны, но можно извѣстнымъ способомъ веденія войны постепенно уравнять силы и добиться благопріятныхъ условій для рѣшительнаго столкновенія, котораго въ началѣ войны приходится избѣгать.

По моему мнѣнію, это можетъ быть достигнуто только въ соединеніи съ обороной береговъ. Это обстоятельство придаетъ ей значеніе, выходящее далеко за предѣлы чистыхъ охранительныхъ средствъ. Она становится активнымъ факторомъ морской войны. Противникъ долженъ считаться съ нею, какъ съ дѣйствующими вооруженными силами. Въ его распоряженіи имѣются лишь два средства сломить оборону: блокада и атака.

Поддержаніе блокады предъявляетъ къ блокирующему флоту весьма высокія требованія и служба эта чрезвычайно трудна, если въ оборонѣ береговъ принимаетъ участіе и боевой флотъ, и когда база блокирующаго флота находится далеко позади. Блокирующій флотъ не можетъ все время держаться въ открытомъ морѣ. Онъ обыкновенно будетъ вынужденъ ограничиться наблюденіемъ за берегами посредствомъ нѣкотораго количества судовъ, а главныя свои силы держать въ надежномъ опорномъ пунктѣ за наблюдательной

линіей, чтобы отсюда выступить на встрѣчу непріятельскимъ вылазкамъ. Если такого подходящаго пункта поблизости не имѣется, то онъ долженъ попытаться создать себѣ таковой близъ блокируемаго побережья, у подходящаго острова или на самомъ непріятельскомъ берегу.

Обороняющійся, напротивъ, постарается извлечь изъ этихъ условій нѣкоторыя преимущества. Прежде всего онъ займетъ и, если возможно, то укрѣпитъ или будетъ упорно оборонять тѣ пункты, которыми противникъ могъ бы воспользоваться въ качествѣ опорныхъ; но затѣмъ онъ долженъ стараться постоянными и по возможности неожиданными вылазками, преимущественно ночью, частью подводными лодками и миноносцами, а частью и самимъ боевымъ флотомъ, все время держать блокирующій флотъ въ напряженномъ состояніи, наносить ему какъ можно больше потерь, но немедленно прекращать бой, какъ только противнику удастся стянуть противъ вышедшихъ въ море судовъ превосходныя силы. При удачной развѣдкѣ несомнѣнно удастся неоднократно напасть на непріятеля въ такіе моменты, когда онъ ослабитъ себя въ томъ или другомъ мѣстѣ. Блокада, по сущности своей, требуетъ нѣкотораго раздѣленія силъ, тогда какъ флотъ обороняющагося можетъ быть всегда сосредоточенъ въ безопасныхъ якорныхъ стоянкахъ.

Подобная блокада, очевидно, потребуетъ значительнаго напряженія силъ у атакующаго, разстроитъ его судовую матеріальную часть и поведетъ къ большимъ жертвамъ. Поэтому нельзя допустить, чтобы онъ ограничился ею. Рано или поздно онъ приступитъ къ атакѣ береговыхъ укрѣпленій и минныхъ загражденій, чтобы овладѣть морскими опорными пунктами обороняющагося и уничтожить его флотъ.

Очевидно, что задача эта не изъ легкихъ. Укрытыя гаубичныя батареи обороняющагося недосягаемы для флота, вооруженнаго лишь настильными орудіями, тогда какъ береговыя гаубицы нанесутъ флоту своимъ навѣснымъ огнемъ значительныя потери. Равнымъ образомъ, и минныя и подводныя атаки въ водахъ, извѣстныхъ обороняющемуся, но въ которыхъ атакующій долженъ двигаться съ осторожностью, могутъ сопровождаться рѣшительнымъ успѣхомъ. Кажется несомнѣннымъ, что атакующій понесетъ тяжкія потери въ этой борьбѣ. Если ему удастся поддержать атаку съ моря десант-

нымъ корпусомъ, атакующимъ опорные пункты обороны, то противъ этого послѣдняго направляются войска береговой обороны. Поэтому важно имѣть въ виду возможность нападенія съ суши и хотя бы слегка укрѣпить съ этой стороны морскіе опорные пункты. Вообще же подобныя попытки десанта для поддержки атаки съ моря являются предпріятіями весьма опасными. Если атака флота побѣдоносно отбита и обороняющійся флотъ своевременно нанесетъ контръ-ударъ, то обратная посадка десанта на суда окажется подъ большимъ сомнѣніемъ.

Нѣтъ нужды доказывать, что при подобныхъ условіяхъ развѣдка имѣетъ большое значеніе какъ для атакующаго, такъ и для обороняющагося. Только она можетъ доставить первому свѣдѣнія о расположеніи укрѣпленій, о дѣйствіи своего огня и о передвиженіяхъ непріятельскаго флота, а второму—облегчить выборъ подходящихъ моментовъ атаки. Но этотъ послѣдній не сможетъ добыть всѣ свѣдѣнія исключительно при помощи судовъ; ему часто придется прибѣгать въ широкомъ размѣрѣ къ воздушной развѣдкѣ. Въ этомъ отношеніи, какъ мы уже видѣли *), онъ имѣетъ преимущество передъ атакующимъ. Поэтому онъ долженъ рѣшительно атаковать непріятельскіе воздушные корабли и аэропланы и отбрасывать ихъ спеціальными пушками. Если удастся настолько развить воздухоплаваніе, чтобы можно было пользоваться летательными апаратами для бомбардировки, то обороняющій берега пріобрѣтаетъ новый элементъ превосходства надъ атакующимъ, такъ какъ организовать подобныя же нападенія съ атакующаго флота очень трудно; между тѣмъ съ берега воздушные корабли и аэропланы поднимаются легко и могутъ въ короткое время достигнуть непріятельскаго флота.

Подсчитывая всѣ затрудненія, которыя возникаютъ для атакующаго или блокирующаго хорошо защищаемые и укрѣпленные берега, и взвѣсивъ—настолько благопріятнѣе складываются условія веденія борьбы для обороняющагося, мы можемъ легко себѣ представить, что даже большой перевѣсъ въ числѣ судовъ постепенно растаетъ и наконецъ настанутъ условія, при которыхъ первоначальная разница въ си-

*) Т. I, II, гл. 10.

лахъ сравняется и атакующій обратится въ обороняющагося и побѣжденнаго.

Когда наступитъ этотъ моментъ, боевой флотъ обороняющагося долженъ выйти въ море и дать рѣшительное сраженіе. Если ему удастся въ періодъ утомительной борьбы за побережье пріобрѣсти и сохранить нравственный перевѣсъ надъ атакующимъ, нанести ему тяжелыя матеріальныя потери и сломить его жажду побѣды, тогда онъ побѣдитъ и въ этомъ сраженіи. Если же, напротивъ, атакующій съ непоколебимымъ мужествомъ перенесетъ труды блокады и атаки береговъ и сохранитъ, несмотря на всѣ потери, значительное численное превосходство, что и въ этой послѣдней борьбѣ онъ можетъ одержать побѣду.

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что и въ этой борьбѣ на чашу вѣсовъ побѣды тяжело лягутъ не только матеріальныя средства, но и духъ народовъ, пославшихъ своихъ сыновъ на эту борьбу. Само собою разумѣется, что качества брони и дѣйствительность снарядовъ, а также сила и быстроходность судовъ имѣютъ большое значеніе, но тамъ, гдѣ эти факторы побѣды приблизительно уравновѣшиваютъ чаши вѣсовъ, исходъ столкновенія будетъ рѣшенъ упорнымъ мужествомъ и энергіей атаки, презрѣніемъ къ человѣческой жизни, непреклонной жаждой побѣды и, наконецъ, духомъ и геніальностью начальника.

Будемъ надѣяться, что если когда либо нѣмецкій флотъ будетъ призванъ на борьбу, онъ выступитъ на міровую арену съ тѣмъ же неожиданнымъ и рѣшительнымъ успѣхомъ, какъ нѣкогда въ 1866 году не признанная никѣмъ прусская народная армія.

Итоги и взглядъ въ будущее.

Основная идея моихъ изслѣдованій.—Главнѣйшіе характерные признаки современной войны и ихъ значеніе.—Главнѣйшій элементъ превосходства въ будущей войнѣ.—Превосходство наступленія, усиленное качествомъ и оперативной годностью войскъ.—Наилучшій принципъ дѣйствій.—Подготовка перевѣса въ мирное время.—Вопросъ массъ.—Оперативная годность.—Кавалерія и воздухоплаваніе.—Политическая завязка войны.—Политическая и военная инціатива.

Когда я приступилъ къ собиранію и приведенію въ порядокъ моихъ работъ и идей, все время интересовавшихъ меня при изученіи военныхъ явленій, при исполненіи обязанностей службы и подготовкѣ начальниковъ и войскъ, я старался уяснить себѣ—чѣмъ эта работа закончится, къ какимъ результатамъ она приведетъ; тогда сама собою явилась у меня потребность не только выяснить теоретически сущность современной войны, но и вывести отсюда главный принципъ дѣйствій, а также занять такую точку зрѣнія, откуда можно было бы оцѣнить всѣ частные военные вопросы въ ихъ взаимоотношеніяхъ и тѣмъ самымъ опредѣлить ихъ дѣйствительное значеніе для веденія войны.

Мнѣ казалось, что если бы удалось разрѣшить эту задачу и не только вести на основаніи этого рѣшенія войну, но и подготовить ее, то должно пріобрѣсти перевѣсъ надъ тѣми противниками, которые дѣйствуютъ менѣе раціонально и критически, пребываютъ въ механическомъ пониманіи веденія войнъ массами и ожидаютъ отъ будущей войны окончательного разрѣшенія многихъ важныхъ тактическихъ и стратегическихъ вопросовъ. Мнѣ казалось, что можно и выгодно вести войну по заранѣе опредѣленнымъ и признаннымъ a priori принципамъ и идейно овладѣть тѣми могучими силами, которыя тамъ примѣняются, вмѣсто того, чтобы предоставить ихъ прирожденнымъ импульсамъ, въ противоположность тому италіанскому генералу, который утверждаетъ, что въ будущей войнѣ можно по собственной волѣ опредѣлить лишь первоначальное направленіе массъ и что затѣмъ

„потокъ потечетъ, такъ сказать, автоматически“. Мнѣ казалось, что именно мы, нѣмцы, если намъ придется взяться за оружіе, не имѣемъ права предоставлять наши арміи этому потоку автоматическаго движенія, а слѣдовательно случая, такъ какъ мы будемъ вынуждены вести борьбу съ значительно превосходящимъ по численности врагомъ, а поэтому нуждаемся въ идейномъ превосходствѣ для уравненія численнаго.

Такова была руководящая идея, на которой я, исходя изъ самыхъ бросающихся въ глаза военныхъ явленій новѣйшаго времени, развилъ всѣ послѣдующія разсужденія, и теперь, дойдя до конца изслѣдованія, я ставлю себѣ вопросъ—достигъ ли я поставленной себѣ цѣли; можно ли изъ моихъ разсужденій сдѣлать выводъ, имѣющій руководящее значеніе для веденія войны и могущій, въ качествѣ принципа дѣйствій, доставить намъ извѣстный перевѣсъ надъ противникомъ. Отвѣтъ долженъ до нѣкоторой степени обнаружиться самъ собой и если мнѣ удалось ясно и убѣдительно формулировать мои идеи, то внимательный читатель долженъ самъ придти къ выводамъ, вытекающимъ изъ сущности вещей и къ которымъ я пришелъ самъ. Я попытаюсь изложить эти выводы вкратцѣ.

Оглядываясь на сдѣланное мною изображеніе современныхъ условій войны, мы вскорѣ видимъ, что современной войнѣ придается особый характеръ тремя моментами; массами, улучшеннымъ оружіемъ и новѣйшими средствами сообщенія. Вліяніе этихъ явленій настолько сильно, что на нихъ должно было быть основано все мое изслѣдованіе. Но когда взглянуть на результаты вліянія этихъ факторовъ на войну въ ихъ совокупности, то оказывается, что они съ одной стороны увеличиваютъ силу, а съ другой ограничиваютъ ее и стѣсняютъ свободу рѣшеній. Они являются моментами и силы, и слабости. Чтобы правильно оцѣнить ихъ вліяніе, нужно всегда помнить это.

Массы, мобилизуемыя въ современной войнѣ, даютъ очевидное преимущество въ томъ, что призываются всѣ живыя силы народа и что въ распоряженіе государства оказывается почти неистощимый запасъ людей для веденія войны. За то онѣ опасны и тѣмъ, что тактическая цѣнность войскъ, основываемая на обученіи, дисциплинѣ и прочныхъ отношеніяхъ

между начальниками и подчиненными, въ нихъ расплывается и самая масса становится даже опасной. Величина армій затрудняетъ также оперативную подвижность и вынуждаетъ прибѣгать къ продовольствію изъ магазиновъ.

Улучшенное оружіе очевидно содѣйствуетъ веденію войны своимъ чрезвычайнымъ матеріальнымъ и моральнымъ дѣйствіемъ, но съ другой стороны, оно привело къ размыканію всѣхъ сомкнутыхъ строевъ и къ тому, что бой начинается на гораздо большихъ разстояніяхъ, чѣмъ раньше; поэтому войска вынуждены больше прибѣгать къ закрытіямъ и инымъ защитнымъ средствамъ. Это чрезвычайно затруднило веденіе боя, въ особенности для наступающаго, и создало для него такія формы, которыя противорѣчатъ идеѣ энергичнаго веденія боя. Если же обратить вниманіе на взаимоотношенія между массой и оружіемъ, то оказывается, что съ увеличившейся дѣйствительностью послѣдняго должны бороться, въ среднемъ, менѣе прочно спаянныя войска и что потому, несмотря на всѣ усовершенствованія оружія, слѣдуетъ ожидать меньшей тактической производительности.

Современныя средства сообщенія, желѣзныя дороги и автомобили, облегчаютъ передвиженіе массъ и увеличиваютъ ихъ подвижность, но, съ другой стороны, они приковываютъ эти массы, даже и тамъ, гдѣ дѣлается попытка сопровождать войска полевой желѣзной дорогой, къ постояннымъ желѣзнодорожнымъ линіямъ и искуственнымъ дорогамъ.

Наконецъ, современныя средства связи несомнѣнно облегчаютъ развѣдку и передачу приказаній и донесеній, но зато создали и новыя области борьбы, еще болѣе усложняющія веденіе войны и затрудняющія неожиданность дѣйствій, которая въ прежнія времена такъ часто приводила къ побѣдѣ.

Эти противорѣчивыя отношенія сдѣлали то, что съ одной стороны усилилась фронтальная оборона, а съ другой—заранѣе задуманное оперативное наступленіе; первая—потому, что дѣйствительность оружія и мѣстность болѣе ей благопріятствуютъ; послѣднее—потому, что обширные театры военныхъ дѣйствій массовыхъ армій и обусловливаемыя дѣйствительностью оружія линейныя формы стратегіи и тактики все больше исключаютъ возможность неподготовленныхъ операцій.

Рядомъ съ такимъ измѣненіемъ явленій войны, факторы

побѣды, коренящіеся въ сущности войны, остались прежними. И теперь мужество и смѣлость имѣютъ рѣшающее значеніе; и теперь хорошо подготовленная и управляемая войсковая часть сдѣлаетъ безконечно больше, чѣмъ менѣе спаянная и слабѣе управляемая; и теперь атакующій имѣетъ перевѣсъ надъ обороняющимся, такъ какъ ему принадлежитъ право выбора направленія атаки и возможность внезапнаго сосредоточиванія силъ и такъ какъ онъ можетъ дружнѣе и сильнѣе, чѣмъ обороняющійся напрячь всѣ моральные элементы; и теперь умственныя и моральныя силы выше чисто матеріальныхъ факторовъ—числа и вооруженія.

Желая найти и проложить среди этой массы противорѣчивыхъ элементовъ и дѣйствій, путь къ побѣдѣ, нельзя предоставлять вещи ихъ собственной тяжести, ихъ „автоматическому" развитію. Это приведетъ къ чисто механическому соревнованію, съ отсутствіемъ какого бы то ни было идейнаго центра тяжести; каждый старается превзойти противника массою своихъ вооруженныхъ силъ, качествомъ и количествомъ оружія, усовершенствованіемъ средствъ сообщенія и связи; увеличеніе потребности въ закрытіи ведетъ къ большему и большему расширенію полей сраженія и театровъ военныхъ дѣйствій; всѣ матеріальныя орудія войны растутъ въ необозримомъ размѣрѣ, но въ этихъ массовыхъ ополченіяхъ все болѣе исчезаютъ умственные и нравственные факторы побѣды, тогда какъ въ дѣйствительности, эти матеріальные факторы открываютъ умственному превосходству широкое поле дѣятельности.

Противъ этого, повидимому естественнаго хода вещей, необходима реакція; иначе она приведетъ къ гибели, къ побѣдѣ матеріальныхъ силъ надъ высшими и благороднѣйшими способностями націи. Нужно стремиться прежде всего подчинить себѣ тѣ элементы, которые могутъ усилить энергію веденія войны и по возможности смягчить и уравновѣсить дѣйствіе ослабляющихъ и задерживающихъ условій.

Разсматривая съ этой точки зрѣнія главнѣйшія явленія современной войны въ ихъ взаимоотношеніяхъ, мы, надѣюсь, придемъ къ заключенію, что въ будущей войнѣ наиболѣе рѣшающими и важными будутъ два элемента и именно потому, что они какъ будто противорѣчатъ естественному развитію вещей, а именно: тактическая и моральная

ц ѣ н н о с т ь в о й с к ъ и и х ъ о п е р а т и в н а я г о д н о с т ь.

Главнѣйшая слабая сторона массовыхъ армій заключается въ ихъ меньшей цѣнности какъ войскъ на походѣ и въ бою и въ ихъ меньшей подвижности, въ ихъ оперативной тяжеловѣсности. Поэтому сторона, обладающая лучшими и менѣе тяжеловѣсными въ оперативномъ отношеніи войсками, несомнѣнно пріобрѣтаетъ перевѣсъ надъ противникомъ.

Затѣмъ, если улучшенное оружіе даетъ большее матеріальное и моральное дѣйствіе, чѣмъ худшее оружіе прошлыхъ войнъ, то снова преимущество окажется на сторонѣ того, кто при одинаковомъ вооруженіи вводитъ въ бой лучшія войска, т. е. такія, которыя выдерживаютъ большее количество потерь, обладаютъ большей наступательной силой и менѣе подвержены нравственнымъ потрясеніямъ.

Наконецъ, войска съ большею оперативною годностью, т. е. которыя лучше ходятъ, могутъ выдержать большія утомленія и лишенія и имѣютъ болѣе подвижный обозъ, становятся менѣе зависящими отъ желѣзнодорожной и шоссейной сѣти, а потому могутъ дѣйствовать свободнѣе и пріобрѣтаютъ новое преимущество надъ противникомъ. Кромѣ того, они могутъ лучше использовать результаты развѣдки и имѣютъ больше шансовъ на успѣшность неожиданныхъ ударовъ, чѣмъ менѣе подвижный и стойкій противникъ.

Конечно, на это можно возразить, что эти же факторы превосходства существовали и раньше и доставляли побѣды и въ прежнихъ войнахъ. Противъ этого спорить нельзя. За то я утверждаю и, смѣю думать, доказалъ это, что тактическая и оперативная годность при слабѣе обученныхъ и тяжеловѣсныхъ массахъ современныхъ армій пріобрѣла большее значеніе; она имѣетъ, сравнительно съ прежнимъ, значительно большую цѣнность при опредѣленіи превосходства одной арміи передъ другой и въ этомъ и заключается ея рѣшающее значеніе.

Въ этомъ же смыслѣ выступаетъ и другая чрезвычайно важная точка зрѣнія. Я думаю, что неопровержимо доказалъ, что наступленіе является нетолько сильной формой веденія войны, но что именно въ современной войнѣ и при современныхъ условіяхъ его превосходство возросло еще значительнѣе. Однако, это превосходство преимущественно осно-

вано на оперативныхъ условіяхъ. Благодаря присущей ему иниціативѣ, атакующій выигрываетъ передъ обороняющимся пространство и время и этотъ перевѣсъ не можетъ уже быть уравновѣшенъ даже одинаково подвижнымъ противникомъ. Если же атакующій обладаетъ ко всему этому и большею оперативною способностью и лучшими войсками, то этотъ перевѣсъ возрастаетъ еще болѣе, такъ какъ онъ подвижнѣе и одержитъ побѣду въ бою быстрѣе. Если признать наступательный образъ дѣйствій безспорнымъ принципомъ веденія войны, то намъ тѣмъ легче руководиться имъ, чѣмъ подвижнѣе и боеспособнѣе наши войска.

На этихъ обоихъ свойствахъ арміи основывается свобода дѣйствій, только благодаря которой веденіе войны можетъ быть доведено до искуства и которая питаетъ смѣлость и геройство. Передъ ними численность отходитъ на второй планъ.

Несмотря на это, численность остается существеннымъ факторомъ побѣды. Законъ численности продолжаетъ существовать, и нарушать его безнаказанно нельзя. Нельзя сокращать и число войсковыхъ частей настолько чтобы непріятельскія массы могли вторгнуться въ государство, не встрѣтивъ повсюду упорнаго сопротивленія. Но въ этихъ границахъ безконечно важнѣе и выгоднѣе имѣть лучшія войска, чѣмъ болѣе многочисленныя. Эта истина выступаетъ съ особою очевидностью, если принять во вниманіе значеніе времени и рѣшающаго направленія.

Одержавшій побѣду въ рѣшающемъ направленіи становится оперативно въ такое положеніе, изъ котораго онъ можетъ въ наиболѣе выгодной обстановкѣ разбить второстепенныя арміи противника, безразлично—выигралъ ли онъ флангъ непріятельской арміи или прорвалъ ея фронтъ. Кто сумѣетъ одержать эту побѣду раньше, чѣмъ противникъ достигнетъ успѣха на второстепенныхъ фронтахъ, тотъ пріобрѣтаетъ дальнѣйшее преимущество, заключающееся въ томъ, что онъ можетъ въ дальнѣйшей борьбѣ дѣйствовать совмѣстно съ неразбитыми на остальныхъ стратегическихъ фронтахъ войсками, и большіе шансы на дальнѣйшіе успѣхи. Но и пораженія, понесенныя на лежащихъ въ сторонѣ отъ рѣшающаго направленія частяхъ театра военныхъ дѣйствій, уравновѣшиваются и парализуются побѣдой въ рѣшительномъ столкновеніи. Эта

побѣда господствуетъ надъ всѣмъ театромъ войны. Но быстро добиться ея, въ особенно если приходится вести бой фронтальный, можно лишь воспользовавшись большей оперативной годностью своихъ войскъ для сосредоточенія превосходныхъ по численности силъ въ рѣшающемъ направленіи, и большею работоспособностью ихъ для скорѣйшей тактической побѣды надъ врагомъ, и при умѣніи послѣ побѣды оперативно использовать преимущество создавшейся обстановки.

Принципъ дѣйствій вытекаетъ изъ этого перевѣса самъ собою. Нужно, какъ то обусловлено самой сущностью войны, дѣйствовать наступательно, когда это только возможно; нужно стремиться къ тому, чтобы путемъ внезапнаго оперативнаго сосредоточенія силъ на направленіи, которое признано рѣшающимъ, возможно быстрѣе одержать побѣду въ рѣшительномъ пунктѣ и затѣмъ использовать ее тактически и оперативно съ величайшей энергіей. Нужно всегда стараться создавать операціями благопріятныя условія для боя.

Нѣтъ нужды доказывать, что подобный образъ дѣйствій окажется выше противника и дастъ шансы на побѣду даже численно слабѣйшему, если мы превосходимъ его тактическою цѣнностью и оперативной годностью арміи. Если этого нѣтъ, то противникъ, дѣйствующій по тѣмъ же принципамъ, имѣетъ одинаковые шансы на успѣхъ и исходъ борьбы рѣшается численностью.

Поэтому я считаю себя вправѣ утверждать, что въ будущей войнѣ очевидное преимущество окажется на той сторонѣ, которая наиболѣе послѣдовательно проведетъ эти оба принципа въ организаціи и обученіи арміи, рѣшительно подчинитъ имъ всѣ прочія соображенія и пріобрѣтетъ тѣмъ армію съ недостижимой ни для кого боеспособностью и оперативной годностью.

Но современнымъ Александромъ будетъ не тотъ полководецъ, который разсчитываетъ, сидя въ удобномъ креслѣ, воодушевить свои безчисленныя полчища по телефону, но который поведетъ на врага фалангу, какъ нѣкогда велъ ее Александръ Великій противъ Персидскаго царства или которая слѣдовала за геніемъ Фридриха Великаго противъ всей Европы.

Таковъ результатъ моего изслѣдованія и вмѣстѣ съ тѣмъ мое непоколебимое убѣжденіе.

Но если я не заблуждаюсь; если то, что совершенно мнѣ ясно, одинаково убѣдительно и для другихъ и одержитъ верхъ въ борьбѣ мнѣній, тогда задача высшаго управленія арміи должна заключаться въ подготовкѣ къ войнѣ, руководствуясь этой точкой зрѣнія; оно должно оцѣнивать всѣ частные военные вопросы только съ нея и ничего не предпринимать или одобрять, что не приноситъ пользу или что противорѣчитъ ей. Руководящей идеей всей мирной подготовки къ войнѣ должно служить повышеніе наступательной силы арміи путемъ повышенія работоспособности и оперативной годности войскъ.

Выполнить это требованіе—задача нелегкая. Она предъявляетъ значительныя требованія и къ жертвамъ народа на военныя нужды. Останавливаться подробно на этомъ вопросѣ здѣсь не мѣсто и я ограничусь слѣдующими главными указаніями.

Прежде всего нужно порѣшить вопросъ о массахъ. Очевидно, что достигнуть перевѣса надъ противникомъ путемъ формированія все новыхъ и новыхъ резервныхъ и ландверныхъ частей, подготовкой рекрутскаго запаса и тому подобными способами, и при малочисленной кадровой арміи сравняться или превзойти противника въ численности нельзя. Чѣмъ больше мы будемъ формировать такихъ частей, тѣмъ хуже онѣ будутъ и тѣмъ больше мы ослабляемъ дѣйствующую армію, изъ которой высасываемъ кровь для оживленія новыхъ формированій. Нужно рѣшиться по возможности сократить число этихъ слабыхъ частей, ограничившись лишь безусловно необходимымъ для встрѣчи противника въ затяжныхъ бояхъ на второстепенныхъ стратегическихъ фронтахъ. Но зато нужно увеличить число линейныхъ войскъ и постоянныхъ организацій мирнаго времени, чтобы вести бой на рѣшающемъ полѣ сраженія съ тактическимъ и нравственнымъ перевѣсомъ. Спасеніе будущаго заключается въ концентраціи силы, а не въ разжиженіи ея, въ сознательномъ противодѣйствіи массовой теоріи нашего времени.

Во-вторыхъ нужно придать выступающимъ на войну войскамъ оперативную годность. Пока эта годность зависитъ отъ

способности къ совершенію походныхъ движеній, она обусловливается родомъ войскъ. Линейный полкъ, пополненный недавно уволенными въ запасъ нижними чинами, будетъ ходить безконечно лучше, чѣмъ ландверныя части, сформированныя изъ безпокоящихся за судьбу своихъ семей отцовъ. Но, помимо способности съ походнымъ движеніямъ, оперативная годность непосредственно зависитъ отъ организаціи подвоза.

При организаціи арміи необходимо прежде всего имѣть въ виду, что большія войсковыя соединенія, обыкновенно двигающіяся по одной дорогѣ,—корпуса—не должны превосходить извѣстной численности. Обыкновенная походная колонна корпуса не можетъ быть такъ глубока, чтобы ея нельзя было непрерывно довольствовать съ тыла. Я думаю, что 25 клм. составляютъ наивысшій предѣлъ этой глубины. Поэтому нельзя безъ разбора снабжать корпусъ все новыми и новыми вспомогательными организаціями—артиллеріей, артиллерійскими парками, воздухоплавательными частями и т. под. Кажущееся усиленіе не будетъ таковымъ, если нанесетъ ущербъ походной и оперативной годности войскъ. Выгода встрѣтить каждый непріятельскій корпусъ равнымъ или болѣе сильнымъ корпусомъ обращается въ ничто, если одной изъ армій удастся, благодаря усиленной оперативной годности, сосредоточить на рѣшительное поле сраженія пять или шесть не много слабѣйшихъ, но зато свѣжихъ и хорошо накормленныхъ корпусовъ, въ то время какъ другая можетъ подвести лишь три корпуса, хотя и болѣе сильныхъ, но взятые вмѣстѣ—болѣе слабыхъ и вынужденныхъ непрерывно вести борьбу съ затрудненіями въ продовольствіи.

Поэтому, желая сохранить оперативную годность, нужно умѣть ограничивать глубину походныхъ колоннъ, а слѣдовательно и силу корпусовъ, и не бояться мнимаго ослабленія боевой силы ихъ.

Во-вторыхъ, войсковой обозъ долженъ быть такъ организованъ, чтобы ежедневное продовольствіе войскъ шло безъ треній и непрерывно. Я уже доказалъ, что для этого хорошо было бы раздѣлить корпусныя продовольственныя колонны на корпусныя и дивизіонныя. Важно также поддерживать подвижность войсковыхъ обозовъ, чтобы они могли всюду слѣдовать за оперативными передвиженіями. Корпуса и ди-

визіи, не располагающіе подвижнымъ обозомъ съ военной организаціей, въ современной большой войнѣ почти непримѣнимы, такъ какъ они только стѣсняютъ оперативную годность другихъ войскъ и поэтому въ большинствѣ случаевъ принесутъ не пользу, а вредъ. Части, которыя нельзя снабдить необходимымъ обозомъ, лучше не формировать или же примѣнять на второстепенныхъ фронтахъ для мѣстной обороны, гдѣ бы онѣ могли хотя отчасти довольствоваться на счетъ страны. Само собою понятно, что нѣтъ надобности доказывать необходимость соотвѣтствующихъ колоннъ и для кавалеріи, если мы хотимъ ею воспользоваться; равнымъ образомъ очевидно, что необходимымъ обозомъ должны быть снабжены но только войска, но и этапы, чтобы и они могли слѣдовать за колоннами со своими магазинами.

Желѣзнодорожныя колеи—обыкновенныя или полевыя, должны слѣдовать за войсками по возможности непосредственно или же быть замѣнены автомобильными транспортами, поддерживающими также сообщеніе между войсковыми обозами и конечными желѣзнодорожными пунктами. Наконецъ, слѣдуетъ позаботиться о томъ, чтобы на войнѣ дороги не загромождались лишними обозами. Живо вспоминаются мнѣ длинные ряды повозокъ для ранцевъ, длинныя колонны Краснаго креста на волахъ, безконечный обозъ главной квартиры, повозка съ палатками для кавалерійской дивизіи, безчисленныя взятыя самими войсками отъ населенія повозки съ продовольствіемъ, которыя тянулись за арміей на Седанъ. Въ случаѣ отступленія было бы невозможно поддержать порядокъ и оперативную годность этихъ массъ. Въ будущемъ подобному безобразію долженъ быть положенъ конецъ.

Если всѣми этими средствами удастся поднять какъ можно выше оперативную годность войскъ, то можно будетъ въ полной мѣрѣ использовать это рѣшающее преимущество, своевременно разузнавъ посредствомъ быстрой и надежной развѣдки непріятельскія намѣренія. Поэтому нужно тщательно подготовить всѣ средства развѣдки. Прежде всего, конечно, необходимо позаботиться о многочисленной и работоспособной кавалеріи, которая могла бы завѣсить движенія своей арміи и разбить непріятельскую кавалерію для успѣшной развѣдки. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, слѣдуетъ всѣми средствами развить воздухоплаваніе, а изъ средствъ связи—

тѣ изъ нихъ, которыя работаютъ безъ проводовъ, т. е. свѣтовую сигнализацію и искровой телеграфъ. Если удастся дать имъ такое развитіе, чтобы широко снабдить ими войсками, то этимъ будетъ сдѣланъ большой шагъ впередъ для поднятія оперативной годности войскъ.

Стараясь создать благопріятныя условія для оперативныхъ дѣйствій своихъ войскъ, нужно, съ другой стороны, стремиться къ ограниченію подвижности противника. Подходящимъ для этого средствомъ опять-таки является кавалерія, если она въ состояніи прервать въ тылу непріятельской арміи ея сообщенія и затруднить правильный подвозъ. Поэтому, совершенно противоположно распространенному взгляду, я полагаю, что армія, располагающая многочисленной, работоспособной и сильной кавалеріей и умѣющая распоряжаться ею оперативно, имѣетъ за собою значительное превосходство. Уменьшеніе значенія этого рода войскъ, наблюдаемое въ настоящее время, объясняется только тѣмъ, что мы упорно хотимъ примѣнять кавалерію въ качествѣ оружія атаки на поляхъ сраженій, не умѣемъ пользоваться ею стратегически и даже не организовали ее какъ должно. А между тѣмъ и Сѣверо-американская война и Южно-африканская достаточно доказали, что она съ величайшей выгодой можетъ быть примѣнена и въ этой области и что она можетъ вести энергичный огневой бой, не будучи стѣсняема лошадьми и безъ риска ихъ потерять. Поэтому я полагаю, что высшее военное управленіе, правильно понимающее сущность современной войны, сочтетъ одной изъ главнѣйшихъ своихъ задачъ значительно увеличить численность кавалеріи и озаботиться о комплектованіи ея лошадьми. Ближайшая война подтвердитъ правильность этого взгляда.

Этимъ высшимъ точкамъ зрѣнія, которыя намѣчены мною, должны быть подчинены всѣ частные военные вопросы; они должны быть разрѣшены въ ихъ духѣ, если армія хочетъ быть на высотѣ требованій, предъявляемыхъ къ ней современной войной. Въ духѣ оперативнаго веденія войны должны быть возведены и сухопутныя, и береговыя укрѣпленія, которыя нигдѣ не должны принимать характера простыхъ охранительныхъ мѣръ.

Рѣшеніе ближайшей европейской войны лежитъ въ оперативномъ наступленіи; но послѣднее приведетъ къ благопріятнымъ для государства результатамъ лишь въ томъ случаѣ, если государство сумѣетъ выгодно начать войну политически, чтобы тѣмъ самымъ создать выгодныя условія для самихъ военныхъ дѣйствій. Группировка сосѣднихъ государствъ, создаваемая политикой, и выборъ момента для начала войны, создаютъ условія, при которыхъ нужно начинать борьбу, и могутъ имѣть рѣшающее вліяніе на весь ходъ войны.

Нельзя также все время поддерживать армію на одной и той же высотѣ. Можно сломать всякій лукъ, если натягивать тетиву и во-время не спускать стрѣлу. Такъ точно и въ арміи, которая содержится только для сохраненія мира, а не для веденія войны, умственное напряженіе, а съ нимъ и работоспособность, быстро изсякнутъ, совершенно подобно тому, какъ и народъ, силы котораго не пущены въ дѣло для достиженія высшихъ задачъ и цѣлей, постепенно ослабѣваетъ и засыпаетъ въ удобныхъ мирныхъ привычкахъ въ узкомъ кругу личныхъ интересовъ. Политика должна считаться съ этими факторами и пользоваться высшими моментами развитія народа, если того требуетъ выгодная политическая комбинація, чтобы, пустивъ въ ходъ военную силу создать народу и государству дальнѣйшія условія существованія и обезпечить имъ здоровое развитіе.

Законъ иниціативы царитъ и въ области политической стратегіи; она создаетъ матеріальное и нравственное превосходство, превращающееся въ превосходство военное, если она приводитъ къ войнѣ. „Несомнѣнно, что каждый, кто располагаетъ долей здраваго смысла, не дастъ своимъ врагамъ время спокойно подготовиться для его уничтоженія, а воспользуется захватомъ иниціативы, чтобы занять выгодное положеніе“, пишетъ Фридрихъ Великій 3 іюля 1761 г. Питту; въ другомъ мѣстѣ онъ спрашиваетъ: „Развѣ слово нападающій такъ страшно? Это огородное чучело, которымъ можно внушить страхъ только трусу“. Его уроки, подкрѣпленные дѣяніями, безсмертны и должны и въ наши дни служить руководствомъ для сильныхъ государственныхъ людей.

Конечно, политической иниціативѣ должна соотвѣтствовать и военная. Война дѣйствительно должна быть продол-

женіемъ политики, хотя и иными средствами, но въ томъ же духѣ разумной инніціативы. Но если смѣлая политика заканчивается осторожнымъ оборонительнымъ веденіемъ войны, дающимъ врагу время принять политическія и военныя противо-мѣры, то она едва ли можетъ разсчитывать на успѣхъ.

Когда буры отправили англичанамъ ультиматумъ, они поступили въ духѣ Фридриха Великаго. Но когда за этимъ смѣлымъ политическимъ шагомъ послѣдовало нерѣшительное наступленіе, а стратегическое наступленіе попробовали соединить съ тактической обороной, они впали въ противорѣчіе сами съ собою и военныя послѣдствія не замедлили сказаться. Противоположный образъ дѣйствій мы видимъ у японцевъ. И ихъ политика была пропитана Фридриховскимъ духомъ, когда они бросили вызовъ Россіи; но за политическимъ подвигомъ послѣдовалъ военный. Непрерывнымъ наступленіемъ они старались использовать военныя преимущества, пріобрѣтенныя ихъ политической иниціативой и успѣхъ ихъ показалъ, что они были правы. Ихъ смѣлость ослабила значительно сильнѣйшаго врага и сдѣлала ихъ властителями въ Восточной Азіи. Будемъ надѣяться, что и мы, нѣмцы, также добьемся когда либо господства въ Европѣ и сумѣемъ его сохранить.

Для читателя, убѣжденнаго моими разсужденіями, ясно, что такія мечты осуществимы лишь при томъ условіи, если мы сохранимъ и политическую, и военную иниціативу. Нужно всѣми силами удержать за собою первенствующее военное положеніе и если мы сознаемъ, съ одной стороны, угрожающую намъ со всѣхъ сторонъ опасность, а съ другой—величіе задачъ, рисующихся въ будущемъ намъ, какъ великой державѣ и культурному народу, тогда и въ душѣ народа найдется откликъ для жертвъ въ пользу этого требованія.

Я вѣрю въ германскую націю; я вѣрю, что ей предопредѣлена великая будущность и что она призвана сыграть великую роль въ исторіи человѣчества. Но она тогда лишь окажется на высотѣ этой задачи, когда напряжетъ до высшаго предѣла свою военную мощь и когда ея политика, стремящаяся къ высшимъ цѣлямъ, не убоится самыхъ опасныхъ путей и признаетъ ту истину, что какъ на войнѣ, такъ и въ политическихъ отношеніяхъ государствъ, только желаніе и дѣйствіе даютъ великіе результаты.

